

ISSN 2077-4885

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Исторические и психолого-педагогические науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 21

В четырех частях

Часть 2

Минск
РИВШ
2021

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по историческим и психолого-педагогическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Р е к о м е н д о в а н о

редакционно-издательской комиссией

ГУО «Республиканский институт высшей школы»

(протокол № 6 от 28 декабря 2020 г.)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

пред. редкол., д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсенюк*;
д-р филос. наук проф. *В. Ф. Берков*; д-р ист. наук доц. *Г. Я. Голенченко*;
д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*; д-р филос. наук проф. *В. В. Позняков*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Четет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьев*;
д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Слуга*;
д-р полит. наук, проф. каф. политологии *Л. Е. Земляков*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н. Н. Малишевский

Республиканский институт высшей школы, Минск

М. К. Кузьмич

Европейская академия естественных наук, Ганновер

N. Maliszewski

National Institute for Higher Education, Minsk

M. Kuzmich

Europäische Akademie der Naturwissenschaften, Hannover

УДК 94(476)“1918/1919”

КТО БЫЛ КОМАНДИРОМ ПИНСКО-ВОЛЫНСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО БАТАЛЬОНА

WHO WAS THE COMMANDER OF THE PINSK-VOLYN VOLUNTEER BATALION

В статье рассматривается проблематика, связанная с установлением личности командира Пинско-Волынского добровольческого батальона (Пинского добровольческого батальона) – единственного белогвардейского формирования, созданного и воевавшего в 1918–1919 гг. на белорусской земле. Проведенный авторами анализ позволил устранить пробелы в данном вопросе и выяснить, кто из пятерых уроженцев Пинщины братьев Бохенских был создателем и командиром батальона.

Ключевые слова: Пинско-Волынский добровольческий батальон; Пинский добровольческий батальон; командир Пинско-Волынского добровольческого батальона; капитан Бохенский; белорусские белогвардейцы.

The problems associated with the identification of the commander of the Pinsk-Volyn volunteer battalion (Pinsk volunteer battalion) – the only White Guard formation created and fought in 1918–1919 in the Belarusian land – are discussed. The analysis carried out by the authors made it possible to eliminate the gaps in this issue and to find out which of the five natives of the Pinsk region, the Bohensky brothers, was the creator and commander of the battalion.

Keywords: Pinsk-Volyn volunteer battalion; Pinsk volunteer battalion; commander of the Pinsk-Volyn volunteer battalion; captain Bohensky; Belarusian White Guards.

Пинско-Волынский добровольческий батальон (в польских документах 1919 г. используется также название «Пинский добровольческий батальон») – единственное «полностью белогвардейское» формирование, созданное и воевавшее в 1918–1919 гг. на белорусской земле. Ядром формирования стала белогвардейская офицерская дружина, сформированная на Пинщине из уроженцев белорусского Полесья, противников советской власти.

На пике своей деятельности (май – лето 1919 г.) численность личного состава батальона превышала 1100 человек [1].

Создал и возглавил формирование энергичный офицер, капитан Русской императорской армии Бохенский. Польскоязычные [2, с. 21] источники называют его Иосифом (пол. Józef Bocheński), поляком и жителем Пинска, русско- и белорусскоязычные источники [3] – Антоном, уроженцем Столинщины («столинским помещиком») и владельцем поместья Видибор. И те, и другие ошибаются. Среди уроженцев Пинщины пяти братьев Бохенских не было людей с такими именами. Ближе к истине авторы украинские [4], называющие Бохенского Владимиром. Однако ошибку допускают и они.

Во-первых, потому что путают (приписывая часть биографии относящейся к годам Первой мировой войны) старшего из братьев Бохенских Владимира Георгиевича с его тезкой Владимиром Константиновичем Бохенским [5], выпускником Одесского военного училища, участником Первой мировой войны в чине поручика 30-го и 31-го Сибирских стрелковых полков, награжденным орденами Св. Станислава II и III ст. с мечами и Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», который не имел отношения к Пинско-Волынскому добровольческому батальону.

Во-вторых, потому, что Владимир Георгиевич Бохенский был ветеринарным врачом и, в отличие от его младших братьев, не служил в действующей армии и не имел боевого опыта. Соответственно, он не мог быть командиром батальона, а мог лишь способствовать его появлению и легитимизации как лицо, облаченное в то время достаточными полномочиями, с чиновно-юридической точки зрения.

Чтобы выяснить, кто же был настоящим создателем и командиром отряда, рассмотрим подробнее биографии братьев Бохенских, родившихся под Пинском в безземельной шляхетской семье Георгия Антоновича Бохенского и Софии Клюковской. Глава семьи был поверенным в делах крупного землевладельца Полесья Христофора Щитта и проживал в арендованном фольварке Тересин недалеко от Пинска. Там у его жены появились на свет пятеро мальчиков и одна девочка. Все они были крещены в Пинском костеле – Владимир 15.04.1876 г., Константин 6.11.1877 г., Евгений 13.09.1881 г., Истислав 12.10.1883 г., Генрик 3.09.1884 г., Елена 23.11.1890 г. [6]. Все мальчики обучались в Пинском реальном училище.

После смерти отца ставший главой семьи старший сын Владимир в 1898 г. поступил в Харьковский ветеринарный институт, который окончил 5 ноября 1902 г., после чего вернулся на Полесье в Лунинец. К этому времени он уже женился на Вильгельмине Малащицкой, наследнице большого имения Видибор близ Столина [7], и подал прошение Минскому губернатору А. А. Мусину-Пушкину о работе врачом-ветеринаром по месту жительства в Минской губернии [8].

Однако секретным распоряжением МВД, в состав которого входило ветеринарное управление, в феврале 1903 г. Владимир Бохенский был направлен вместе с молодой женой в Закавказский край, Карскую область [9]. Там он служил ветеринарным врачом Ольтинского округа, сначала в чине титулярного советника, затем коллежского асессора [10]. В 1913 г. супруга Владимира Георгиевича умерла, и он с 4 дочерьми вернулся на Полесье, где стал ветеринарным врачом в Лунинце [11] и активно занялся вопросом вступления в наследство именем Видибор.

К ноябрю 1917 г. он уже полновластный владелец имения, ведет частную ветеринарную практику для жителей Столинского уезда, дети учатся в гимназии Пинска [12], пользуется уважением и авторитетом среди местного населения и состоятельных граждан Столина. Эти качества позволили ему весной 1918 г., в период установления на Пинщине власти Гетманата (так называемой Украинской державы) Скоропадского, занять место Пинского комиссара (украинские исследователи считают, что это произошло 22 апреля 1918 г. [13, с. 44], приводя в подтверждение документ из Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО) за № 114, подписанный на следующий день после того, как комиссар приступил к выполнению своих обязанностей [14]), а впоследствии старосты. Комиссаром Пинщины В. Г. Бохенский работает из Столина, рядом с которым расположен Видибор.

После переподчинения Пинского уезда из-за «трансформации» Волынской губернии в Полесскую [15] с 26 июня 1918 г. Владимира Бохенского заменяют на посту старосты Павлом Душенковским, резиденция которого разместилась в Пинске, оккупированном в те дни немецкими войсками, и ставшим центром Полесского повета, в составе которого находилась вся восточная часть современной Брестской области, т. е. Столинский, Луинецкий и Ивановский районы.

Вероятнее всего, именно в этот временной отрезок, между 22 апреля и 26 июня, благодаря покровительству властей Пинщины в лице В. Г. Бохенского, и было создано и легитимизировано военное добровольческое формирование (офицерская дружина), ставшее ядром Пинско-Волынского батальона.

Однако сам Владимир Георгиевич к его военной составляющей, а тем более к командованию отрядом отношения не имел. Будучи по образованию ветеринаром, В. Г. Бохенский служил хотя и в системе МВД, но исключительно по гражданской линии, имел гражданский чин коллежского асессора, который по Табели о рангах соответствовал армейскому чину майора. Вся «военная» составляющая времен Первой мировой войны, включенная украинскими авторами [4] в биографию Владимира Георгиевича, принадлежит, как уже было сказано выше, другому человеку – Владимиру Константиновичу Бохенскому [5].

В то же время после революции на родную Пинщину возвратился средний из пяти братьев Бохенских – Евгений, который имел богатый боевой опыт, плюс годы работы в должности начальника сыскного отделения. Этот боевой офицер, награжденный за отвагу двумя Георгиевскими крестами, служивший в 9-й Армии на Кавказском фронте, и возглавил Пинско-Волынский добровольческий батальон. В то время как старший брат-ветеринар, ставший крупным по местным меркам крупным чиновником, имел все возможности способствовать его продвижению на должность командира.

Евгений Георгиевич Бохенский родился 13 сентября 1881 г. под Пинском, там же, где его братья и сестра [16]. Окончил реальное училище в Пинске и после назначения старшего брата ветеринарным врачом в Карс, вероятно, по его же протекции, также уехал делать карьеру на Кавказ. В 1904 г. Евгений вместе с самым младшим из братьев Бохенских Генрихом по совету старшего брата Владимира прибыли в Карс, где поступили на службу в полицейское управление. К сожалению, отсутствуют данные о том, как Евгений Георгиевич двигался по службе в последующее десятилетие. Однако известно, что в Памятной книжке по Карской области за 1913 г. он фигурирует уже в должности начальника сыскного отделения полиции г. Карс [17].

Во время Первой мировой войны в 1915 г. Евгений Бохенский ушел добровольцем в действующую армию. Воевал в 7-м Кубанском пластуном батальоне. За боевые отличия 22 января 1916 г. награжден Георгиевским крестом 4-й степени, а 8 марта 1916 г. – Георгиевским крестом 3-й степени [18]. Учитывая боевые заслуги, 15 февраля 1916 г. был направлен в Тифлис в офицерскую школу, которую закончил в сентябре, был произведен в младшие офицеры и вновь ушел на фронт. Сражался на том же Кавказском театре военных действий. Отличился в боях за Сарыкамыш. Очевидно, он продолжал служить до октябрьского переворота и окончательной ликвидации «старой» армии – в пользу этого свидетельствует относящееся к 1917 г. его фото в офицерской форме.

По информации родственников, Евгений по натуре был очень честным, вспыльчивым человеком. Вероятно, он был представлен к следующим званиям и прибыл в 1918 г. на родную Пинщину к старшему брату, местному комиссару-старосте, в чине капитана уже прекратившей существование армии. В этом же звании он и остался в истории и документах того времени как «безымянный» капитан Бохенский – создатель и командир офицерской дружины, выросшей затем в Пинско-Волынский добровольческий батальон, сражавшийся против большевиков совместно с частями Войска Польского.

Во второй половине 1919 г. трения между командиром Пинско-Волынского батальона капитаном Бохенским и командиром 9-й пехотной дивизии Войска Польского (командованию которой должен был формально подчиняться батальон белорусских белогвардейцев) полковником В. Сикор-

ским дошли до того, что Сикорский жаловался на него лично Пилсудскому [19, с. 1], вскоре после чего Бохенского отдали под суд военного трибунала, разжаловали и осудили на полтора года заключения за его политические взгляды – он не желал заниматься присоединением белорусского Полесья к Польше, а хотел бороться с большевиками в рядах Белой гвардии на юге.

Это еще один аргумент в пользу того, что командиром батальона был конфликтовавший с польскими властями Евгений, а не Владимир, который спокойно переоформил имение в новой польской администрации в 1921 г., имел ветеринарную практику в своем имении, избирался в Столине в органы власти Второй Речи Посполитой, имел от поляков разрешение на оружие и был репрессирован только в 1939 г. органами НКВД после прихода Красной Армии в Западную Белоруссию¹.

Таким образом, Пинско-Волинский добровольческий батальон появился благодаря сразу двум из пяти братьев Бохенских. Де-юре его возникновению и легитимации способствовал старший – Владимир, де-факто – средний Евгений, который был непосредственным командиром отряда.

Список использованных источников

1. Рапорт под грифом «Секретно» от 17.VIII.1919 из Пинска командующего 9-й дивизией Войска Польского В. Сикорского командующему Литовско-Белорусским фронтом в Лиде // Архив Института им. Пилсудского в Нью-Йорке (Józef Piłsudski Institute of America). – С. 1. (Перевод Н. Н. Малишевского).
2. *Jaworski, J.* Mało znane sztaendary polskich oddziałów wojskowych w latach 1917–1920 // *J. Jaworski* // *Biuletyn PTW FLAGA*. – 2020. – № 25(49). – Р. 21.
3. Памяць. Пінск: гіст.-дакум. хроніка. – Мінск, 1998. – С. 175; *Шэляхуў, М. У.* Палескае паўстанне / *М. У. Шэляхуў, Ю. С. Юркевіч* // Памяць. Столінскі раён: гіст.-дакум. хроніка. – Мінск, 2003. – С. 101.
4. Бохенський Володимир [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: https://uk.wikipedia.org/wiki/Бохенський_Володимир. – Дата доступа: 02.02.2021; Пинський комісар і його столинська резиденція [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://prosvit.org/пинський-староста-зі-столинської-рез>. – Дата доступа: 02.02.2021.
5. Бохенский Владимир Константинович [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: https://www.ria1914.info/index.php/Бохенский_Владимир_Константинович. – Дата доступа: 02.02.2021.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1781. Оп. 47. 25; Ф. 815. Оп. 1. Д. 31.
7. НИАБ. – Ф. 1781. Оп. 47. Д. 33.

¹ Владимира Бохенского арестовали в сентябре 1939 г., но поскольку он был поветовым ветеринаром, местные жители обратились к новым властям с петицией о его освобождении, которую сразу же удовлетворили. Второй раз он был арестован зимой 1939–1940 гг., переведен в минскую тюрьму, где находился до начала войны. Дальнейшая его судьба неизвестна.

8. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 4. Д. 371.
9. Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). – 1903. – Ф.102. Оп. 101. Д. 53.
10. Памятная книжка Каресской области за 1910 год. – С. 5; Памятная книжка Каресской области за 1912 год. – С. 7.
11. Памятная книжка Минской губернии за 1914 год. – С. 199.
12. НИАБ. – Ф. 729. Оп. 1. Д. 16.
13. *Льїн, О.* Західне Полісся в Українській Державі гетьмана Скоропадського (Історія в документах) / *О. Льїн* // Над Бугом і Нарвою. – 2014. – № 2. – С. 44.
14. Пинський комісар і його столинська резиденція [Електронний ресурс]. – 2021. – Режим доступу: <http://prosvit.org/?s=моренець>. – Дата доступу: 02.02.2021.
15. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО). – Ф. 3766. Оп. Д. 189.
16. НИАБ. – Ф. 815. Оп. 1. Д. 31. Л. 12 об.
17. Памятная книжка Каресской области на 1914 года. – С. 102.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2139. Оп. 2. Д. 4; Ф. 409. П/с. 235–730.
19. Рапорт командующего 9-й дивизией Войска Польского В.Сикорского начальнику государства И. Пилсудскому от 26.XI.1919, Лунинец – Варшава // Архив Института им. Пилсудского в Нью-Йорке (Józef Piłsudski Institute of America). – С. 1 (Перевод Н. Н. Малишевского).

(Дата подачи: 21.02.2021 г.)

И. А. Мамайко

Республиканский институт высшей школы, Минск

I. Mamaiko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94:321(476)“19”

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА СОВЕТСКОЙ ОСНОВЕ

BELARUSIAN STATEHOOD ON A SOVIET BASIS

В статье рассматриваются вопросы становления белорусской государственности на советской основе в период после февральской революции. Представлен обзор и анализ революционных и военных событий, формировавших условия создания ССРБ, основные этапы и формы эволюции белорусской государственности на советской основе.

Ключевые слова: белорусская государственность; независимость; политические партии; Совет народных комиссаров; Социалистическая Советская Республика Белоруссия.

The article examines the issues of the formation of the Belarusian statehood on a Soviet basis in the period after the February revolution. The article provides an overview and analysis of the revolutionary and military events that formed the conditions for the creation of the SSRB, as well as the main stages and forms of the evolution of the Belarusian statehood on a Soviet basis.

Keywords: belarusian statehood; independence; political parties; Council of People's Commissars; Socialist Soviet Republic of Belarus.

Вопрос истории белорусской государственности, к которому со времен получения независимости Беларуси значительно возрос научный интерес, является одной из наиболее актуальных и стержневых проблем в отечественной исторической науке [1, с. 5]. На протяжении своей предыдущей истории, до провозглашения в 1991 г. Республики Беларусь, этнические белорусские земли в том или ином объеме входили в состав разных государственных образований. Но все ли они были белорусскими по своей сути или хотя бы учитывали белорусский составляющий элемент в государстве? Выводы известных белорусских историков можно кратко изложить следующим образом: «Исторические формы государственности на белорусских землях принадлежали не только народу Беларуси, но и иным народам, на территории проживания которых эта форма существовала. Соответственно национальные формы государственности были свойственны XX ст.» [1, с. 8]. «Первоначально белорусские княжества, чтобы отбиться от монголо-татар, вошли в союз с Литвой. Возникло Великое Княжество Литовское, которому тут же пришлось отбиваться от крестоносцев. Потом территориальные претензии и перманентные войны участились в XIV–XVII веках: Великое Княжество Литовское сражалось с Московским царством. Неспособность справиться самостоятельно с внешними угрозами вызвала к жизни Люблинскую унию и возникновение Речи Посполитой. В которой, несмотря на формальное равноправие, доминировала польская культурная традиция и цивилизация, происходила ассимиляция белорусской знати – и в итоге случились три раздела Речи Посполитой, а земли Беларуси оказались в составе Российской империи. Там говорить о каких-либо формах государственности не приходилось» [2].

Принципиально новый этап в развитии белорусского общества начался после февральской революции 1917 г.: главным устремлением носителей белорусской национальной идеи было получение автономии в рамках провозглашенной после революции Российской Республики. Однако даже эти скромные мечты наталкивались на противодействие со стороны Временного правительства. В том же 1917 г., но уже после Октябрьской революции, положение Беларуси обозначается процессом революционных преобразований и политическими событиями, которые имели для белорусского народа судьбоносный характер. Главным результатом этого исторического периода,

как подчеркивают белорусские ученые, было то, что «белорусская государственность получила геополитический вес, реальный социально-экономический базис, который обеспечивал дальнейший прогресс страны» [1, с. 11].

С марта по ноябрь 1917 года на территории Беларуси действовало 26 политических партий, в том числе 14 белорусских национальных партий и организаций консервативного, либерально-демократического и революционно-демократического направления [3, с. 9; 10]. «Февральская революция в 1917 г. создала благоприятные условия для белорусского развития, — пишет в своем исследовании белорусско-польских отношений в 1918–1922 гг. польский историк Кристина Гамулко. Свою деятельность восстановила БСГ (Белорусская социалистическая громада), быстро умножающая свои ряды» [4, с. 26]. В марте 1917 г. в Минске состоялся съезд белорусских политических партий и организаций. Съезд высказался за государственно-территориальную автономию Беларуси в границах этнических белорусских земель (Минской, Гродненской, Могилевской, частей Смоленской и Черниговской губерний) в составе Российской Республики. Высшим органом власти в Беларуси должна была стать Белорусская краевая рада, но до ее избрания съезд объявил себя высшей властью края и избрал свой исполнительный орган — Белорусский национальный комитет (председатель — Р. Скирмунт), который потом повел переговоры с Временным правительством об автономии, а также о введении в «школах края изучения белорусского языка, истории Беларуси и других краеведческих дисциплин» [3, с. 26]. Однако предложение передачи власти Белорусской краевой раде не было поддержано Временным правительством.

Необходимо подчеркнуть, что процесс белорусского национального движения происходил в условиях Первой мировой войны, когда четвертая часть Беларуси, где до войны проживало 2 млн человек, была оккупирована Германией. На оккупированной территории в 1915 г. был образован Белорусский Народный Комитет (руководитель — А. Луцкевич). Комитет старался консолидировать национальные силы на оккупированной территории и сыграл большую роль в создании концепции Конфедерации Великого Княжества Литовского — независимого, совместного белорусско-литовского государства с соймом в Вильно [5, с. 306]. Этот план имел мало сторонников и не был поддержан литовскими национальными кругами и германскими властями.

После Февральской революции на территории Беларуси начала формироваться новая вертикаль органов государственной власти. На уровне губерний — это были комиссары Временного правительства, «как правило кадеты, из депутатов государственных дум или сотрудииков земств, городских дум, разного рода общественных организаций» [6, с. 178]. В городах и местечках Беларуси образовывались также Советы рабочих и солдатских депутатов. В Минске Совет был образован в начале марта 1917 г. Во время пере выбо-

ров, которые произошли в сентябре этого же года, в Минский Совет было избрано 337 депутатов, в том числе большевиков – 184, эсеров, меньшевиков и бундовцев – 105, беспартийных – 48 [7, с. 38]. После Октябрьской революции на территории Беларуси начался процесс закрепления и организации советской власти на местах, первым высшим органом которой стал Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта во главе с большевиком Н. Рагозинским (образован 26 ноября 1917 г.). Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта возглавил большевик К. Ландер.

При рассмотрении национального вопроса отличительной чертой позиции руководства Западной области было его отрицание, через «отрицание исторических, национально-исторических предпосылок» [8, с. 336]. Сторонниками разрешения национального вопроса являлись белорусские национальные организации, которые сплотились вокруг Большой белорусской рады. Данная организация была образована в октябре 1917 г. на совместном заседании Центральной рады белорусских партий и организаций и Центральной белорусской армейской (войсковой) рады (избрана в октябре 1917 г. на съезде белорусов – военнослужащих Западного фронта и представителей белорусских организаций Балтийского флота). Поддержку Большой белорусской раде оказывали и белорусские диаспоры на территории России – в частности, Казани, Оренбурга, Пскова, Таганрога, Одессы, где эта диаспора насчитывала свыше 100 тыс. человек [8, с. 334].

Для решения основного вопроса организации краевой власти и проблемы национального самоопределения 5 декабря 1917 г. в Минске собрался I всебелорусский съезд, созванный Большой белорусской радой вместе с Белорусским областным комитетом, ранее созданным при Всероссийском совете крестьянских депутатов в Петрограде. На съезде присутствовало 1872 делегата [9, с. 92], которые представляли организации комитеты и союзы губернского, уездного и волостного уровня, белорусские воинские формирования, органы самоуправления, комитеты беженцев, исполнительные органы Белорусского областного комитета, Большой белорусской рады, Центральной белорусской армейской (войсковой) рады. Белорусский областной комитет отстаивал идею областной автономии в составе РСФСР, сторонники Большой белорусской рады видели Беларусь равноправной республикой в составе общероссийской федерации. Съезд вызвал негативную реакцию со стороны Областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта, без участия представителей которого он проходил, что ярко свидетельствовало об отношении его участников к этому органу. В результате, по решению Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта съезд в ночь с 17 на 18 декабря 1917 г. был разогнан при помощи военной силы, а его делегаты, в том числе и председатель съезда И. Середа, арестованы. Съезд успел

принять только первый пункт резолюции, которая вообще состояла из 15 пунктов: об образовании из числа своих депутатов временного органа краевой власти – Всебелорусского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

18 февраля 1918 г. развернулось наступление немецких войск на восток. Оно предопределило дальнейшее развитие политической ситуации в Беларуси. В результате германские войска в конце февраля – начале марта 1918 г. заняли новые белорусские территории по линии Россоны – Полоцк – Орша – Жлобин. 19 февраля 1918 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) Западной области вынужден был эвакуироваться в Смоленск, а 21 февраля 1918 года, когда немецкие войска ещё не вошли в Минск, Исполнительный комитет Рады Всебелорусского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, избранный ранее разогнанным СНК Западной области Всебелорусским съездом, обратился к белорусскому народу с Первой Уставной грамотой, в которой объявил себя властью на Беларуси. Временным исполнительно-распорядительным органом стал Народный секретариат (председатель – И. Воронко).

3 марта 1918 г. между Советской Россией и Германией был подписан мирный договор, который фактически реализовывал собственные геополитические интересы этих стран без учета национального белорусского вопроса. Согласно условиям договора, под германской оккупацией оказались 2/3 территории Беларуси, Гомельский, Речицкий, Мозырский и Пинский уезды были присоединены к гетманской Украине [9, с. 64], а белорусская часть Виленщины и Гродненщины – к Литовскому государству [3, с. 71]. На территории Советской России остались шесть белорусских уездов: Климовичский, Мстиславский, Чаусский, Чериковский, Витебский, Городокский и часть Горецкого, Могилевского, Оршанского, Быховского, Гомельского, Рогачевского, Лепельского и Сеннинского уездов Витебской и Могилевской губерний.

В свою очередь находящийся в уже оккупированном немецкими войсками Минске Исполнительный комитет Рады 9 марта 1918 г. во Второй Уставной грамоте провозгласил создание Белорусской народной республики (БНР) в этнографических границах белорусского народа, а затем, 25 марта 1918 г., Третьей Уставной грамотой БНР объявлялась независимым государством.

В результате продвижения Красной Армии на запад значительная территория Беларуси (вместе с Минском) в конце 1918 г. отошла под юрисдикцию советской власти. Приход в это время к власти в Польше новых сил, которые взяли курс на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г., провозглашение и деятельность БНР, настойчивые предложения белорусов большевиков о необходимости решения белорусского национального вопроса подтолкнули правительство Советской России согласиться с необходимо-

стью создания вдоль западной границы РСФСР буферной зоны с формально независимой Белорусской Советской Республикой. Постановление о ее образовании было принято на VI Северо-Западной областной конференции РКП(б), которая состоялась 30–31 декабря 1918 г. в Смоленске. Конференция объявила себя I съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. Вечером 1 января 1919 г. по радио был обнародован манифест Временного советского правительства Белоруссии [1, с. 394; 2, с. 102].

В соответствии с первой Конституцией, которая была принята 3 февраля 1919 г. на I съезде Советов, Беларусь провозглашалась республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и получила официальное название – Социалистическая Советская Республика Белоруссия (ССРБ). Границы ССРБ были заявлены в составе Минской, Смоленской, Могилевской, Витебской и Гродненской губерний, а также части Виленской, Ковенской и Черниговской губерний. 5 января столицей ССРБ стал Минск, куда переехало Временное правительство [10, с. 183].

16 января 1919 г. ЦК РКП(б) без предварительного обсуждения с правительством ССРБ и партийным руководством республики исключает из её состава Могилевскую, Витебскую и Смоленские губернии, которые вошли в состав РСФСР [6, с. 108], и принимает решение об объединении оставшейся части ССРБ с Литовской ССР в Литовско-Белорусскую ССР (ЛитБел). Декларация об объединении была принята на I Всебелорусском съезде Советов, а 2 марта СНК ЛитБел утвердил официальное название республики – Социалистическая Советская Республика Литвы и Белоруссии (ССРЛиБ) [1, с. 404; 2, с. 112].

Одной из главных причин появления этого государственного образования называются внешнеполитические факторы [10, с. 183, 184, 10, с. 405], в частности образование вдоль западной границы РСФСР буферной зоны, поскольку считалось, что две небольшие объединенные республики «могли более эффективно противостоять захватническим стремлениям Польши» [11, с. 405]. Определенную «историческую обоснованность» подобному решению придавала активно продвигаемая ранее Белорусским Народным Комитетом и, как уже отмечалось выше, не поддержанная литовскими национальными кругами концепция Конфедерации Великого Княжества Литовского – независимого, совместного белорусско-литовского государства.

В состав ЛитБел (столица – Вильно) входили Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская губернии и часть Сувалкской губернии. Территория ССРБ была представлена одной Минской губернией, управление которой осуществлял образованный 25 февраля 1919 г. Минский губернский комитет. Необходимо обозначить интересный факт: во время существования ЛитБел, милиция на ее территории официально изменила свое название. В соответствии с постановлением коллегии Комисариата внутренних дел ЛитБел (циркуляр от 22 марта 1919 г. № 80), милиция переименовывалась

в Рабоче-Крестьянскую Охрану, а милиционер – в дружинника. Формально ЛитБел просуществовала до июля 1919 г., через месяц вся ее территория была занята польскими войсками.

17 февраля 1919 года произошли первые польско-советские столкновения, в марте польские войска оккупировали Брест, Волковыск, Слоним, Скидель, Щучин, Пинск, в апреле захвачены Лида и Барановичи [9, с. 74; 7, с. 154]. Продолжая наступление, польские войска оккупировали Минск, Игумен, Ново-Борисов, Бобруйск, Жлобин, Рогачев, Речицу, только к октябрю-ноябрю польско-советский фронт стабилизировался на по линии Западная Двина – Полоцк – Лепель – Борисов [1, с. 419].

На захваченной территории происходил грабеж собственности, террор и расстрелы подозреваемых в коммунистических взглядах, что даже в глазах белорусских политиков пропольской ориентации придавало польскому присутствию черты оккупационного режима [12, с. 155]. Действия польских интервентов вызвали вооруженное сопротивление населения, которое всячески приветствовалось со стороны Советской России. Партизанское движение охватило Минский, Бобруйский, Пинский, Слуцкий и другие уезды [9, с. 75].

Дальнейшее развитие военных и политических событий в 1920 г. привело к советско-польскому перемирию, прекращению 18 октября 1920 г. военных действий и договоренности о предварительных условиях мира, которые были окончательно оговорены и закреплены в Рижском мирном договоре.

В связи с освобождением части белорусских территорий от польской оккупации появилась возможность возобновления белорусской государственности на советской основе. 31 июля 1920 г. Военно-революционный комитет Белоруссии (31 июля 1920 г. Минский губвоенревком был реорганизован в Военревком) издал «Декларацию о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии», произошло второе провозглашение ССРБ. Республика обновлялась только в составе двух неполных губерний – Гродненской и Минской, белорусские районы Витебской, Гомельской и Смоленской губерний оставались в РСФСР [9, с. 111].

Территория ССРБ фактически лежала в руинах, что явилось результатом шестилетних военных действий и нескольких оккупаций, которые поочередно сменялись. Характерными проявлениями социально-экономического положения Беларуси начала 1921 г. стали значительный отток населения (122 тыс. жителей Беларуси в 1918–1920 гг. выехали в Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию, Чехословакию, Турцию, спасаясь от голода, войны и террора), упадок сельского хозяйства (почти на 30 % сократились посевные площади к уровню 1917 г.) [9, с. 133, 138], промышленности (из 750 промышленных предприятий восточных районов 450 были уничтожены, объем промышленного производства с 1913 по 1920 год сократился на 23,3 %), тяжелое экономическое положение ухудшалось массовым политическим и криминальным бандитизмом [13, с. 46].

Таким образом, характеризуя путь, который прошла Беларусь в горниле революционных событий первой четверти XX в., необходимо констатировать, что главным его итогом стало появление на территории Беларуси первых национально-государственных образований – БНР и ССРБ.

ССРБ, являясь государственным образованием на советской основе, став в последующем Белорусской Советской Социалистической Республикой, после трех укрупнений своей территории в марте 1924, сентябре 1926 и ноябре 1939 гг. объединила в своем составе основные белорусские этнические земли.

Список использованных источников

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
2. *Марзалюк, И. А.* Уроки истории / И. А. Марзалюк // Газета «Беларусь сегодня». – 23 июня 2020 г.
3. *Ладыеў, У. Ф.* Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У. Ф. Ладыеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск: БДУ, 2003. – 307 с.
4. *Гамулка, К.* Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918–1922) / К. Гамулка; пер. з пол. мовы. – Вільня: 2008. – 256 с.
5. *Хоміч, С.* Беларускі нацыянальны рух ва ўмовах Першай сусветнай вайны (жнівень 1914 – люты 1917 г.) / С. Хоміч // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – С. 297–312.
6. *Навоша, Д. А.* Органы ўлады на тэрыторыі Беларусі ў сакавіку – красавіку 1917 г. / Д. А. Навоша // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры: материалы Междунар. на-уч.-теорет. конф., Минск, 23 июня 2011 г. / Беларус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: В. В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 177–180.
7. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.]; Ін-т гісторыі АНБ. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
8. *Ладыеў, У.* Спробы самавызначэння Беларусі пасля ўстанаўлення савецкай улады ў краі / У. Ладыеў // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – С. 331–337.
9. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 613 с.
10. *Вішнеўскі, А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск: Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 319 с.

11. Хоміч, С. Літоўска-Беларуская ССР / С. Хоміч // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – С. 405–419.

12. Латышонак, А. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Вільня: Ін-т беларусістыкі; Беласток: Беларус. гіст. т-ва, 2010.

13. История органов внутренних дел Беларуси: курс лекций / А. Ф. Вишневский [и др.]; под ред. А. Ф. Вишневого; М-во внутр. дел. Респ. Беларусь, УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск: Акад. МВД, 2010. – 218 с.

(Дата подачи: 24.02.2021 г.)

Л. І. Масейчук

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

L. Maseichuk

Belarusian State University, Minsk

УДК 378(091)

ВЫКАРЫСТАННЕ ЛЕКЦЫЙНАГА МЕТАДУ ВЫКЛАДАННЯ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ (1920–1930-Я ГГ.).

USE OF THE LECTURE METHOD IN THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY (1920S–1930S)

У артыкуле разглядаецца выкарыстанне лекцыйнага метаду выкладання ў адукацыйным працэсе БДУ ў 1920–1930-я гг. На падставе аналізу дакументаў фонду 205 «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт» Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь паказана, што, нягледзячы на шматлікія педагагічныя пошукі і адукацыйныя эксперыменты першага паслярэвалюцыйнага дзесяцігоддзя, лекцыя была адной з асноўных формаў выкладання вучэбнага матэрыялу ва ўніверсітэце.

Ключавыя словы: лекцыя; адукацыя; універсітэт; педагагічная практыка; навучальны працэс.

This article examines the use of the lecture method of teaching in the educational process of BSU from 1921 to 1939. Based on the analysis of documents of the fund 205 «Belarusian State University» of the National Archives of the Republic of Belarus one of the main forms of teaching teaching material at the university.

Keywords: textbook; education; university; teaching practice; teaching process.

Развіццё вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь звязана ў першую чаргу з дзейнасцю Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (далей – БДУ). Менавіта на яго базе на працягу 1920–1930-х гг. прадметныя камісіі і вяду-

чыя педагогі гэтага часу займаліся распрацоўкай і ўкараненнем інавацыйных метадаў у навучальны працэс універсітэта, імкнучыся адаптаваць іх пад магчымасці студэнтаў і выкладчыкаў. У такой сітуацыі значна павышалася роля педагога: ад яго патрабавалася не толькі добрае валоданне тэарэтычным матэрыялам, але і ўменне стварыць творчую атмасферу ў аўдыторыі.

Зрабіць гэта было няпроста: пасляваеннае разбурэнне, станаўленне новага палітычнага і эканамічнага ладу, нізкі адукацыйны ўзровень пралетарскага студэнцтва, нястача даведачнай, тэматычнай і спецыяльнай навуковай літаратуры ўносілі свае карэктывы ў адукацыйны працэс вышэйшай школы. Перад выкладчыкамі стаяла задача перадаць студэнтам пэўны аб'ём інфармацыі па выкладаемай навуковай дысцыпліне, што можна было ажыццявіць толькі на лекцыйных занятках.

Каб забяспечыць студэнтаў навуковым матэрыялам па пэўнай выкладаемай дысцыпліне, педагогі стараліся зрабіць прачытанную імі лекцыю больш даступнай. Так, прафесар рускай гісторыі Д. А. Жарынаў пры лекцыйным чытанні курса «Гісторыі Расіі ў эпоху прыгоннага права» выбраў некалькі канспектаў, «якія вяліся поўна і прыгожым подчыркам», і здолеў размножыць іх на факсімільна-капіравальным апарате [1, арк. 51]. Такія педагогі, як С. З. Каценбоген, Я. Ю. Лёсік, Д. І. Даўгяля і інш., на аснове прачытаных імі лекцый стварылі шэраг падручнікаў, якія былі даступнымі для студэнтаў і знаходзіліся ў спецыялізаваных метадычных кабінетах і ва ўніверсітэцкай бібліятэцы [2, с. 89].

Аднак, як ужо адзначалася, слабая падрыхтоўка першых студэнтаў універсітэта і неадпаведнасць іх адукацыйнага ўзроўню падрыхтаванай прафесарам лекцыі прыводзіла да сітуацыі, у якой лектар быў вымушаны падчас заняткаў уносіць карэктывы ў свой курс для «падцягвання» аўдыторыі. Так, выкладчык матэматыкі У. К. Дыдырка ў тлумачальнай запісцы да курсу «Элементы вышэйшай матэматыкі» адзначаў, што, перад тым як прачытаць лекцыю, прыйшлося паўтараць некаторыя асновы элементарнай матэматыкі, так як «слухачы не зусім былі знаёмыя з тэорыяй прагрэсіі, лагарыфмамі і рашэннем ураўненняў вышэйшых ступеняў» [3, арк. 9]. Такія выпадкі былі не адзінкавай з'явай.

Негатыўна на класічную лекцыйную сістэму трансляцыі ведаў паўплывалі рэзкія, часам не да канца прадуманыя педагагічныя рэформы 1920-х гг. Асабліва поўна гэта выявілася з увядзеннем у адукацыйны працэс вышэйшай школы актыўных групавых метадаў навучання.

У БДУ брыгадна-лабараторны метады быў уведзены з 1925/1926 навучальнага года як «найбольш адпаведны патрабаванням сучаснай вышэйшай школы» [4, арк. 3]. Меркавалася, што яго шырокае выкарыстанне дазволіць нават слабым студэнтам справіцца з вучэбнай нагрузкай. Пры гэтым гадзіны на лекцыйныя курсы скарачаліся, а на самастойную працу

студэнтаў павялічваліся. У хуткім часе планавалася поўнае «знішчэнне лекцыі як асноўнага сродку перадачы ведаў і захавання за ёй толькі дапаможнага значэння для арыенціроўкі, падвядзення вынікаў і абагульнення ў сістэме працы» [4, арк. 3].

6 студзеня 1925 г. інструкцыяй «Аб праверцы ведаў навучэнцаў ВНУ» лекцыйная сістэма, якая да гэтага выкарыстоўвалася ў якасці асноўнай, была фактычна ліквідавана [16, арк. 3–5]. Лекцыя атрымала другараднае, дапаможнае значэнне. Выключэнне было зроблена толькі для прадметаў, якія «насілі характар агульнаадукацыйных», а таксама для другарадных тэм у межах дысцыплін, што вывучаліся пры дапамозе брыгадна-лабараторнага метаду [16, арк. 5]. Прадметныя камісіі і прэзідумы факультэтаў самі вызначалі пералік такіх прадметаў. У сувязі з гэтым істотна мяняліся і функцыі выкладчыка. Так, дзейнасць прафесара з 1925/1926 навучальнага года абмяжоўвалася чытаннем некалькіх лекцый (уводнай і завяршальнай абагульняючай), правядзеннем заняткаў з адной і больш групамі, абмеркаваннем з прадстаўнікамі груп (брыгадзірамі) вынікаў семінарскіх/практычных заняткаў [5, с. 52].

Нягледзячы на тое, што лекцыя не прызнавалася ў якасці дамінуючага метаду навучання, яна заставалася асноўнай формай трансляцыі ведаў у БДУ. Тлумачылася гэта ў першую чаргу катастрофічным недахопам даведчанай, тэматычнай і спецыяльнай навуковай літаратуры [6, арк. 19], што асабліва востра адчувалася падчас пераводу вышэйшай адукацыі на беларускую мову ў 1925–1927 гг. [2, с. 87].

Перашкаджала поўнай адмове ад лекцый і нізкая самаарганізацыя пралетарскага студэнцтва, звязаная з іх вялікай загрузанасцю. Многія былі вымушаныя працаваць, каб забяспечыць сабе харчаванне, атрымаць па месцы працы пакой у інтэрнаце, карткі на набыццё вопраткі і г. д. У сітуацыі нястачы вольнага часу на самастойную працу па-за аўдыторыямі ўніверсітэта, недахопу вучэбнай літаратуры для большасці студэнтаў лекцыя заставалася адзіным даступным спосабам атрымання новых ведаў [5, с. 53].

У такіх абставінах частка прафесараў БДУ, такіх як дэкан фізіка-матэматычнага факультэта Я. К. Успенскі, загадчык педалагічнай лабараторыі С. М. Васілеўскі, асістэнт кафедры педалогіі, выкладчык псіхалогіі А. А. Гайвароўскі, выкладчык кафедры агульнай тэорыі права М. М. Гуткоўскі, працягвалі шырока ўжываць лекцыйны метады выкладання [6, арк. 18 зв.].

На ліпеньскім пленуме ЦК У КП(б) 1928 г. пры абмеркаванні пытання «Аб паляпшэнні падрыхтоўкі новых спецыялістаў» было прынята рашэнне пра неабходнасць паступовага пераходу ад брыгадна-лабараторнага метаду, які выявіў сваю неэфектыўнасць на практыцы, да лабараторна-лекцыйнага.

Рашэнне пленума не засталася без увагі з боку кіраўніцтва ўніверсітэта. Пачынаючы з 1928/1929 навучальнага года ў раскладзе назіраецца коль-

каснае павелічэнне лекцыйных заняткаў. Агульныя статыстычны лічбы па ўніверсітэце сведчаць, што з 1925/1926 па 1929/1930 навучальны год у два разы павялічылася агульная колькасць лекцыйных заняткаў на медыцынскім факультэце. Для прыкладу: на лекцыйныя заняткі па беларускай мове ў 1925/1926 навучальным годзе выдзялялася дзве гадзіны на тыдзень [8, арк. 9], а ў 1929/1930 – ужо чатыры [9, арк. 9]. Аднаводна павялічылася колькасць лекцый па дыялектычным матэрыялізме – з дзвюх гадзін у 1925/1926 навучальным годзе [8, арк. 11] да чатырох у 1929/1930 [10, арк. 2, 9].

Тым не менш перавага групавых метадаў у адукацыйнай практыцы захоўвалася да восені 1932 г.

Пастанова «Аб навучальных праграмах і рэжыме ў вышэйшых школах і тэхнікумах» ЦВК СССР ад 19 верасня 1932 г. «з усёй рэзкасцю і рашучасцю» асудзіла брыгадна-лабараторны метады і іншыя «перагібы і вычварэнствы» ў арганізацыі навучальнага працэсу. У якасці асноўных задач вышэйшай школы вылучаліся павышэнне ўвагі да тэарэтычнай часткі адукацыі і паляпшэнне якасці ўсяго адукацыйнага працэсу. Дэкрэтам «Аб навучальных праграмах і рэжыме ў вышэйшых школах і тэхнікумах» былі ўведзены цвёрдыя навучальныя планы, адноўлены зімовыя і вясновыя сесіі, абавязковае напісанне і абарона дыпломных работ на апошнім курсе, павялічвалася колькасць гадзін на вывучэнне агульнатэарэтычных дысцыплін, былі вернуты абавязковыя ўступныя экзамены і канчаткова «рэабілітаваны» лекцыі [11].

У інструктыўна-метадычным лісце, атрыманым БДУ у лістападзе 1932 г., падкрэслівалася роля лекцыі як асноўнага метаду выкладання. Рабіўся акцэнт на яе «арганізуючымі плануючым значэнні» пры вывучэнні пэўнага курсу дысцыплін. Для грамадска-палітычных прадметаў дапускалася толькі лекцыйнае праходжанне курса, асабліва пры адсутнасці падручнікаў і навучальных дапаможнікаў. Чытаць такія лекцыйныя курсы рэкамендавалася (па сутнасці даручалася. – *Л. М.*) кіраўнікам кафедры або дасведчаным прафесарам. Лекцыі самых лепшых выкладчыкаў прапаноўвалася стэнаграфавать і выдаваць у якасці дапаможнікаў [12].

Лекцыйны метады навучання канчаткова замацаваўся ва ўніверсітэцкай адукацыі Беларусі пасля прыняцця ўказа СНК СССР «Аб рабоце вышэйшых навучальных устаноў і пра кіраўніцтва вышэйшай школай» ад 23 чэрвеня 1936 г. [13]. Згодна з пастановай паступаць у ВДУ з 1936/1937 навучальнага года маглі асобы, якія скончылі поўны курс сярэдняй школы і паспяхова здалі ўступныя экзамены. Акрамя таго, абітурыентаў, у атэстаце якіх «па асноўных прадметах стаялі адзнакі “выдатна”, а па астатніх прадметах (маляванне, чарчэнне, спевы, музыка, фізкультура) адзнакі не ніжэй за “добра”», прымалі без уступных экзаменаў [13]. Адымянялася ранейшая практыка ўліку паспяховасці студэнтаў, адзіным кры-

тэрыем паспяховасці вызначаўся экзамен па лекцыйных курсах і залік па практычных занятках [13].

Згодна з пастановай мяняліся і патрабаванні да «характару лекцыі». Выкладчыкі павінны былі «падняць яе на вялікую вышыню» [13]. Для гэтага ім неабходна было ліквідаваць «спрашчэнства» разглядаемага матэрыялу, лекцыя павінна была чытацца строгай навуковай мовай, пры гэтым лектар мусіў пазбягаць залішняй дэталізацыі і простых высноў, а таксама «знаёміць студэнтаў з шляхамі мінулага і перспектывамі будучага дадзенай навукі» [13].

Ад педагогаў БДУ, якія чыталі лекцыі, патрабавалі высокага тэарэтычнага ўзроўню выкладання, насычэння лекцый дэманстрацыйным матэрыялам, уключэння ў іх паведамленняў пра найноўшыя дасягненні навукі і тэхнікі, якія не знайшлі яшчэ адлюстравання ў вучэбнай літаратуры.

Да сярэдзіны 30-х гг. XX ст. пытанне аб навуковым узроўні лекцыйнай работы ў БДУ не ўздыхалася, бо кваліфікацыя прафесарскага складу была высокай. Аднак з-за пастаянных «чыстак» і прамых рэпрэсій, разгорнутых на прыканцы 1920-х – пачатку 1930-х гг., універсітэт пазбавіўся шэрагу дасведчаных высокакваліфікаваных выкладчыкаў. Толькі за 1928/1929 навучальны год былі звольнены 32 выкладчыкі [15, с. 308]. У 1930-х гг. рэпрэсаваны такія навукоўцы-педагогі, як Я. І. Барысэўскі, М. М. Гуткоўскі, М. М. Дурнаво, У. К. Дыдырка, Р. Я. Парэчын, М. М. Піятуховіч, А. А. Смоліч, В. К. Шчарбакоў і многія іншыя [15, с. 309].

З прычыны дэфіцыту штатных навуковых супрацоўнікаў кіраўніцтва вышэйшай навучальнай установы вымушана было прыцягваць да чытання лекцый аспірантаў, сумяшчальнікаў і кіруючых партыйных работнікаў, якія не мелі ні дастатковай кваліфікацыі, ні досведу выкладання. Акрамя таго, спецыялісты-сумяшчальнікі былі загружаны на асноўным месцы працы і з-за недахопу часу не маглі належным чынам падрыхтавацца да заняткаў.

Нягледзячы на тое, што лекцыі штатных педагогічных работнікаў, якія працавалі ў БДУ не адзін год, былі «досыць здавальняючымі», агульны ўзровень правядзення лекцыйных заняткаў знізіўся.

Палепшыць якасць лекцый і тым самым павысіць узровень навучання магчыма было толькі пры запрашэнні да чытання лекцый высокакваліфікаваных выкладчыкаў. Рэктару БДУ П. П. Савіцкаму (1938–1946) удалося вырашыць гэтую праблему. Да працы ва ўніверсітэце былі прыцягнуты акадэмікі С. М. Ліпатаў і Я. В. Піятухоў, прафесары Ц. П. Ломцеў, А. І. Лур’е, М. М. Смірноў і інш. З 1938 па 1941 гг. 19 выкладчыкаў БДУ абаранілі дысертацыі на атрыманне ступені кандыдата навук [15, с. 367].

З сярэдзіны 1930-х гг. у шэрагу дакументаў, якія захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, сустракаюцца звесткі аб правядзенні метадычнай працы з мэтай павышэння ўзроўню лекцый. Загадчыкам

кафедраў, дэканам, работнікам вучэбнай часткі рэкамендавалася наведваць лекцыйныя заняткі і правяраць канспекты лекцый у тых выкладчыкаў, на якіх паступалі скаргі з боку студэнтаў аб неналежным выкананні прафесійных абавязкаў [16, арк. 67].

Трэба адзначыць, што акадэмічная ўніверсітэцкая супольнасць заўсёды ўспрымала лекцыйную форму арганізацыі заняткаў у якасці асноўнай. У красавіку 1941 г. прафесар хіміі Ф. Г. Асіпенка, які ў той час займаў пасаду прарэктара па вучэбна-навукавай частцы, выказаў вельмі трапны погляд на праблему: «лекцыя – асноўная форма выкладання» [14, с. 313].

Такім чынам, шматлікія педагагічныя пошукі і адукацыйныя эксперыменты, накіраваныя ў бок арыентацыі адукацыйнага працэсу выключна на правядзенне практычных заняткаў, якія адбываліся ў БДУ ў 1920-я гг., прывялі да амаль поўнай адмовы ад лекцыі як формы выкладання тэарэтычных асноў любой вучэбнай дысцыпліны. Разам з тым з-за недахопу вучэбнай літаратуры лекцыйны матэрыял, занатаваны ў выглядзе канспекту падчас заняткаў, замяняў студэнту падручнік.

Досвед паказаў, што адмова ад лекцый знізіла навуковы ўзровень падрыхтоўкі студэнтаў, парушыла сістэмнасць і раўнамернасць працы на працягу навуковага года, і гэта знайшло сваё адлюстраванне ў шматлікіх адміністрацыйных пастановах. Таму з сярэдзіны 1930-х гг. лекцыя зноў стала адной з асноўных формаў выкладання вучэбнага матэрыялу ва ўніверсітэце.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 205. Воп. 3. Спр. 2807.
2. *Мосейчук, Л. И.* Из истории организации обеспечения студентов БГУ учебной литературой (1921–1939 гг.) / Л. И. Мосейчук // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Сер.: Ист. и психол.-пед. науки / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2020. – Вып. 20, ч. 2. – С. 86–92.
3. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 82.
4. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 166.
5. *Мосейчук, Л. И.* Применение бригадно-лабораторного метода в Белорусском государственном университете / Л. И. Мосейчук // Тр. Белорус. гос. технолог. ун-та. – Сер. VI. История, философия. – Минск: БГТУ, 2018. – № 2(215). – С. 51–53.
6. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 231.
7. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 87.
8. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 987.
9. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1054.
10. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1091.
11. Законы о вузах и техникумах. 1930–1938 гг. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ им. П. А. Столыпина. – Режим доступа: <http://xn--e1aaejmenoqxq.xn--p1ai/node/13995>. – Дата доступа: 30.10.2019.

12. Постановление ЦИК СССР от 19.09.1932 г. «Об учебных программах и режиме в высших школах и техникумах» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=21432#042038051910588514>. – Дата доступа: 09.11.2019.

13. Постановление от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm. – Дата доступа: 13.11.2019.

14. Яноўскі, А. А. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 / А. А. Яноўскі, С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка. – Мінск: БДУ, 2006. – 383 с.

15. Яноўскі, А. А. Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў / А. А. Яноўскі, А. Г. Зельскі. – Мінск: БДУ, 2001. – 320 с.

16. НАРБ. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 482.

(Дата падачы: 22.02.2021 г.)

A. I. Mastyka

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

A. Mastyka

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94:378(476)“1919/1939”

БЕЛАРУСАЗНАЎСТВА ВА УНІВЕРСІТЭЦЕ СТЭФАНА БАТОРЫЯ Ў ВІЛЬНІ (1919–1939)

BELARUSIAN STUDIES AT STEFAN BATORY UNIVERSITY IN VILNIUS (1919–1939)

Артыкул прысвечаны ролі Універсітэта Стэфана Баторыя (УСБ) у развіцці беларусазнаўства ў міжваеннай Польшчы. Прыводзяцца прыклады даследчыцкай і адукацыйнай дзейнасці ў розных напрамках беларусістыкі ва УСБ, праца асобных навукоўцаў у гэтай галіне. Адзначаюцца акадэмічныя асяродкі УСБ, якія займаліся вывучэннем беларускага мовазнаўства, этналогіі і фальклору, гісторыі. Адлюстроўваецца ўдзел у развіцці беларусістыкі ва ўніверсітэце Таварыства прыяцеляў «Беларусаведы» і іншых студэнцкіх навуковых таварыстваў, а таксама этнаграфічнага і археалагічнага музеяў.

Ключавыя словы: Універсітэт Стэфана Баторыя; беларусазнаўства; Таварыства прыяцеляў «Беларусаведы»; Заходняя Беларусь.

The article is about the role of Stefan Batory University (SBU) in the development of Belarusian studies in interwar Poland. Examples of research and educational activities in various fields of Belarusian studies at SBU, the work of individual researchers in this field. The academic centers of the SBU, which studied Belarusian linguistics, ethnology and folklore history, are listed. Participation in the development of Belarusian studies at the University of the Society of Friends of Belarusian Studies and other student researchers societies, ethnographic and archaeological museums is reflected.

Keywords: Stefan Batory University; Belarusian Studies; Society of Friends of Belarusian Studie; Western Belarus.

Звычайна, калі адзначаюцца асяродкі, якія займаліся развіццём беларусазнаўства ў міжваеннай Вільні, то найперш узгадваюць Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры [1], Беларускае навуковае таварыства і пры ім Музей імя І. Луцкевіча [2, с. 195–196]. Аднак беларусы ў Польшчы не мелі ўласнай вышэйшай школы, таму важнай крыніцай папаўнення адукаванымі кадрамі для беларускіх культурна-асветніцкіх арганізацый была студэнцкая моладзь, якая навучалася ва Універсітэце Стэфана Баторыя (УСБ) у Вільні. Наяўнасць універсітэта дазваляла беларускім інтэлектуальным элітам кантактаваць і ўзаемадзейнічаць з польскімі акадэмічнымі коламі з мэтай развіцця навуковага патэнцыялу, а таленавітай беларускай моладзі атрымоўваць вышэйшую адукацыю непасрэдна ў родным краі, а таксама рэалізоўваць кар’еру ў навукова-адукацыйнай сферы.

Апроч таго, УСБ таксама быў пляцоўкай, на якой адбывалася навуковая дзейнасць і асветніцкая праца па пашырэнні ведаў аб Беларусі. Прычынай таму было тое, што УСБ ствараўся ў тым ліку для паглыбленага вывучэння паўночна-ўсходняга рэгіёну ў розных галінах навукі, падрыхтоўкі навуковых кадраў, якія будуць праводзіць даследчую і навучальную дзейнасць у гэтым кірунку. Яшчэ падчас адкрыцця ўніверсітэта разглядаліся ініцыятывы, якія сыходзілі ад прыхільнікаў ідэі «краёвасці», па вывучэнні мясцовых моў і культуры, у тым ліку беларускай, і нават выкладанні на ёй. Аднак перамагла канцэпцыя ўніверсітэта як «аплоту польскасці» ў рэгіёне [3, с. 13–14], што абмяжоўвала прысутнасць і выкарыстанне мовы ва ўніверсітэце.

Нягледзячы на гэта вывучэнне і даследаванне ў галіне беларускай мовы і літаратуры ў межах мовазнаўства адбывалася. Упершыню моўныя курсы былі адкрыты практычна адразу пасля стварэння ўніверсітэта ў 1920/1921 навучальным годзе пад кіраўніцтвам прафесара Мар’яна Масоніуса, але праіснавалі толькі год. Выкладанне было адноўлена амаль праз 10 год. Адной з прычын адсутнасці беларускага мовазнаўства ў УСБ такі працяглы перыяд з’яўляецца недахоп выкладчыкаў належнай кваліфікацыі ў гэтай дысцыпліне [4, с. 91]. Таму паўнаважасны лектарат беларускай мовы быў заснаваны ў 1930/1931 навучальным годзе, калі для правядзення заняткаў і даследаванняў у галіне беларускай філалогіі на УСБ быў прыняты філолаг Ян Станкевіч, які на той момант абараніў доктарскую дысертацыю ў Карлавым універсітэце ў Празе [5]. З прыходам Я. Станкевіча пачынаецца станаўленне беларускай лінгвістыкі ў УСБ. Падчас працы тут Я. Станкевіч таксама падрыхтаваў некалькі прац па беларускім мовазнаўстве, праводзіў палявыя даследаванні беларускіх дыялектаў. З 1938/1939 навучальнага года ён пачынае выкладаць курс па найноўшай

беларускай літаратуры. Супрацоўнічаў з навукова-даследчым інстытутам Усходняй Еўропы пры УСБ, публікаваў артыкулы ў часопісе «Balticoslavica» [6], які з'яўляўся друкаваным выданнем дадзенай інстытуцыі.

Імя Я. Станкевіча таксама цесна звязана са студэнцкім Таварыствам прыяцеляў «Беларусаведы» (ТПБ) у УСБ, якое было заснавана ў пачатку 1931 г., але яго статут быў зацверджаны сенатам УСБ у 1933 г. [7, с. 83]. ТПБ адносілася да так званых «акадэмічных колаў навуковых», якія аб'ядноўвалі студэнтаў паводле навуковых інтарэсаў, і было арыентавана на беларускія даследаванні, прыцягваючы інтэлектуальны патэнцыял студэнцкай моладзі для правядзення навуковых работ, звязаных у асноўным з беларусісткай. Яго мэтай было «пашырэнне ведаў у галіне беларусазнаўства, навуковая дапамога сябрам арганізацыі ў навучанні, паглыбленае азнаямленне з апошнімі дасягненнямі ў беларускай навуцы». Гэтыя мэты павінны былі быць дасягнуты «ў арганізацыі навуковых сходаў, вывучэнні і аналізу вядомых беларускіх твораў, выданні ўласных распрацовак і матэрыялаў па гісторыі, мове, літаратуры і этнаграфіі, у азнаямленні з архівамі, музеямі, бібліятэкамі, з беларускім тэатрам і прэсай, арганізацыі бібліятэкі, у падтрыманні сувязей з беларускімі гурткамі польскіх універсітэтаў» [7, с. 4].

Куратарамі ТПБ былі прафесары УСБ Эрвін Кашэмідэр, пазней Ежы Гопэн. Праф. Э. Кашэмідэр быў кіраўнікоў кафедры славянскай філалогіі, таму як славіст прымаў непасрэдны ўдзел у працы ТПБ. Праца ТПБ праводзілася па секцыях: філалагічная, этнаграфічная, літаратурная, гістарычная і г. д., навуковымі кіраўнікамі былі вядомыя беларускія дзеячы, такія як А. Луцкевіч (літаратура), Я. Станкевіч (мова) [8, с. 36]. У рамках секцый вялася актыўная праца па вызначаных кірунках: арганізаваліся навуковыя сходы, тэматычныя вечарыны, дыскусійныя сустрэчы, чытанні лекцый, абмеркаванне літаратурных твораў [7, с. 70].

Найбольш плённая праца была распачата ў сферы беларускага мовазнаўства. Руплівасцю доктара Я. Станкевіч выходзіў часопіс «Родная мова: месячнік пасвячоны пытанням беларускае (крывіцкае) мовы» [9]. Гэта было акадэмічнае выданне, якое друкавалася нават з падтрымкі Міністэрства веравызнанняў і асветы. Усяго ў 1930 і 1931 гг. было выдадзена шэсць нумароў. Тут публікаваліся даследаванні навукоўцаў па беларускай філалогіі: Я. Станкевіча, Б. Тарашкевіча, С. Станкевіча, таксама друкаваліся і маладыя навукоўцы і студэнты.

Стала праводзілася палявыя даследаванні па этнаграфіі, фальклору і мовазнаўству, удзельнікамі якіх найперш былі студэнты УСБ – сябры навуковага таварыства. У якасці метадычнага дапаможніка для правядзення збору лінгвістычнага матэрыялу было выдадзенае «Нашто і як збіраць геаграфічныя і асабовыя назвы беларускія?» за аўтарствам Я. Станкевіча [10]. Таксама пад яго кіраўніцтвам было арганізавана даследаванне па вывучэнні заходнебеларускіх дыялектаў, маладыя даследчыкі павінны былі

збіраць дыялектычныя асаблівасці рэгіёна. Дзеля гэтых мэт ТПБ быў выданы «Апытальнік для збірання дыялектычных і некаторых агульных асаблівасцей беларускага (крыўцкага) языка» [11].

Выбітным дзеячам і кіраўнікоў ТПБ быў гісторык літаратуры С. Станкевіч – выпускнік польскай філалогіі. Ён абараніў магістарскую дысертцыю на тэму «Беларускі элемент у творах Элізы Ажэшкі». Падчас навучання ў УСБ належаў да Беларускага студэнцкага саюзу, быў яго старшынёй. Аўтар першага кароткага нарыса «Гісторыі Беларускага студэнцкага руху» [12, с. 12–22]. Пасля абароны доктарскай дысертцыі на тэму «Беларускія элементы ў польскай рамантычнай паэзіі. Ч. I да 1830 года» па філалогіі ў 1936 г. С. Станкевіч быў прыняты на кафедру славянскай філалогіі УСБ. Таксама С. Станкевіч пісаў паэтычныя творы і перакладаў польскую літаратуру на беларускую мову. Супрацоўнічаў з газетамі «Przegląd Wileński», «Środy Literackie» (ён папулярываваў тут веды пра беларускую літаратуру) і «Калоссе». Разам з Я. Станкевічам і А. Луцкевічам супрацоўнічаў з часопісам «Baliticoslavica», рэдактарам якога быў ужо згаданы славіст Э. Кашэмідэр [13, с. 179–180].

Важны ўнёсак у развіццё беларусазнаўства рабіў этнаграфічны асяродак УСБ, які спецыялізаваўся на даследаванні польска-літоўска-беларускага пагранічча. У 1924 г. у Вільні было створана аддзяленне этналогіі, ператворанае пасля ў кафедру этналогіі (з 1927 г.). Гэта быў цэнтр этнаграфічных даследаванняў, якія праводзіліся ў асноўным на тэрыторыях былога Вялікага княства Літоўскага. Галоўным арганізатарам і ініцыятарам этнаграфічных даследаванняў была доктар Цэзарыя Эрэнкройц, якая прыехала ў Вільню ў 1923 г., дзе пачала праводзіць лекцыі па этнаграфіі для студэнтаў на гуманітарным факультэце [14, с. 79–80].

Важным вынікам дзейнасці доктара Ц. Эрэнкройц стала арганізацыя Этнаграфічнага музея ў 1925 г. Яна лічыла, што на УСБ трэба «стварыць лабараторыю культуры, у якой слухачы маглі б вывучаць марфалогію твораў і з’яў культуры не толькі на падставе кніжнага матэрыялу. Я імкнуся рэалізаваць гэтую ідэю найперш таму, бо лічу, што адной з прычын банкруцтва і крызісаў сучаснай цывілізацыі з’яўляецца недахоп ведаў і разумення ў стваральнікаў культуры, г. зн. чалавечых грамадстваў, структуры і функцыяў іх уласнага твору – культуры» [15, с. 82]. У параўнанні з астатнімі чатырма акадэмічнымі этнаграфічнымі цэнтрамі тагачаснай Польшчы (у Варшаве, Кракаве, Львове і Познані), Вільня мела найбольшыя дасягненні ў даследаванні і дакументаванні культуры рэгіёна, у атачэнні якога знаходзіўся ўніверсітэт [16, с. 10].

Па прычыне ад’езду Ц. Эрэнкройц з Вільні, у 1934 г. кіраўніком кафедры этналогіі быў прызначаны прафесар Казімір Машынскі – найбуйнейшы аўтарытэт у галіне славянскай этнаграфіі ў Польшчы і Еўропе. К. Машынскі

працягвае далейшае развіццё прафесійных палявых даследаванняў у рэгіёне [16, с. 13].

Студэнцкае навуковае таварыства студэнтаў-этнолагаў (заснаванае ў 1925 г.) таксама адыграла важную ролю ў развіцці беларусістыкі ў УСБ, у дадзеным выпадку этнаграфіі і фальклору. У гэтым асяродку сфарміравалася група маладых даследчыкаў, якія пазней зрабілі свой унёсак у развіццё беларускай навукі і культуры [17, с. 69]. Актыўнымі сябрамі гэтага таварыства былі студэнты Мар’ян Пяцюкевіч, Генадзь Цітовіч, Антон Шукелойц, Уладзімір Галубовіч, Севарын Віслаух. Акрамя навуковых сустрэч, бібліятэчна-бібліяграфічных прац і збору этнаграфічных матэрыялаў шляхам апытання рэспандэнтаў паштовай рассылкай, сябры таварыства ўдзельнічалі ў этнаграфічных экспедыцыях, у выніку якіх былі здабыты экспанаты для музея і фотадакументацыя. Палявыя матэрыялы захоўваліся ў архіве таварыства [14, с. 80–81].

Сябры таварыства бяруць удзел у зборы матэрыялаў для «Атласа народнай культуры ў Польшчы» – першага такога атласа ў Еўропе, распрацоўкай якога займаўся К. Машыньскі ў 1930–1931 гг. Даследаванне праводзілася ў тым ліку ў 25 пунктах на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Сярод маладых беларускіх этнолагаў школы Машыньскага можна вылучыць Антона Шукелойца, які пасля двух гадоў навучання на гуманітарным факультэце пачаў працаваць у Этнаграфічным музеі УСБ. Займаўся зборам этнаграфічных матэрыялаў, звязаных з сельскай гаспадаркай. На падставе этнаграфічных даследаванняў студэнтамі былі прадстаўлены навуковыя працы: Г. Цітовіч «Народная музыка паўночна-ўсходняй Польшчы», А. Шукелойц «Народная гаспадарка ў Ашмянскім павеце», У. Галубовіч «Прымітыўная тэхніка ганчарства на паўночна-ўсходніх тэрыторыях Польшчы» [16, с. 21–22].

Гаворачы аб этнаграфічных даследаваннях, варта вярнуцца да дзейнасці этнаграфічнага аддзела ТПБ. Яго актыўнымі ўдзельнікамі былі ўжо згаданыя М. Пяцюкевіч і А. Шукелойц. У 1938 г. «у зборы этнаграфічных матэрыялаў Таварыства налічвалася 23 прадметы, у лінгвістычным зборы 8 адзінак» [7]. Этнаграфічныя матэрыялы збіраліся на падставе дапаможнікаў, апублікаваных у 1933 г. М. Пяцюкевічам «Увагі дзеля запісвання беларускае народнае творчасці і абрадаў» [18]. Дапаможнікі акрамя анкет утрымліваў старанна распрацаваныя падрабязныя інструкцыі, як праводзіць апытанне на месцах і дакументаваць фальклор.

Другім важным музеем, які функцыянаваў у УСБ, быў Археалагічны музей. З 1933 г. пад кіраўніцтвам Хэлена Цэгак-Галубовіч (асістэнт музея, археолаг) праводзіліся палявыя работы па рэгістрацыі і ахове дагістарычных помнікаў, а таксама раскопкі ў Вільні і ваколіцах. У 1933–1937 гг. даследаванні праводзіліся ў Навагрудскім і Віленскім паветах. У музеі былі аддзелы: дагістарычныя калекцыі, помнікі егіпецкай і грэчаскай археалогіі і помнікі гістарычнай эпохі [14, с. 82]. У 1934 г. па

ініцыятыве Х. Цэгак пры музеі было створана Археалагічнае студэнцкае таварыства. Яго куратарам быў даследчык класічнай філалогіі Ян Ока. У маі 1934 г. у Вільні таварыствам быў арганізаваны Кангрэс дэлегатаў студэнцкіх археалагічных таварыстваў польскіх універсітэтаў [19, с. 186]. Сярод актыўных сяброў таварыства быў У. Галубовіч, адзначаны раней у сувязі з дзейнасцю студэнтаў-этнолагаў. Археалаг і этнограф, у 1932–1937 гг. – супрацоўнік Археалагічнага музея. У 1930-х гг. разам з жонкай Х. Цэгак-Галубовіч праводзіў інтэнсіўныя раскопкі, а таксама этнаграфічныя палявыя даследаванні ў Заходняй Беларусі [20, с. 83].

Асабліва актыўна рэгіянальныя даследаванні праводзіліся ў галіне гуманітарных навук, а ў праграмы навучання ўводзіліся адпаведныя курсы. Дысцыпліны па вывучэнні гісторыі і краязнаўству рэгіёна былі ўведзены ў першыя ж гады працы УСБ, найперш акцэнт рабіўся на вывучэнне гісторыі ВКЛ. З 1919/2020 навучальнага года на гуманітарным факультэце чытаўся курс «Гісторыя Віленскага ўніверсітэта», а таксама «Агляд гісторыі Літвы і Беларусі», на факультэце права і грамадскіх навук абавязковым прадметам была «Гісторыя дзяржавы Польшчы і Літвы» [21]. У наступныя гады курс лекцый па гісторыі дзяржаўнага і прававога ладу ВКЛ у абавязковым парадку чытаўся студэнтам-гісторыкам і юрыстам. У 1933 г. пры факультэце права створана адмысловае аддзяленне «Гісторыя Літоўскага права», якое павінна было займацца вывучэннем гісторыі палітычнага ладу і права ВКЛ у перыяд да падзелу Рэчы Паспалітай. Яго кіраўніком быў прафесар Стэфан Эрэнкройц, а супрацоўнікамі – Севярын Віславух, Генрык Лаўмяньскі, Станіслаў Заянчкоўскі [22, с. 786–788].

У выніку дзейнасці гэтага даследчага цэнтра была створана школа гісторыі ВКЛ пры УСБ, якая спецыялізавалася на вывучэнні Статутаў ВКЛ і сярэднявечнага гарадскога права, гісторыі дзяржаўнасці ВКЛ. Пераймальнікам гэтай школы ў пасляваенны час быў, напрыклад, выдатны гісторык, выпускнік УСБ Юліюш Бардах. Даследаванні па «літоўскім праве», зробленыя ў рамках гэтай гістарычнай школы, у сілу шматэтнічнага характару Вялікага Княства Літоўскага ўзбагачаюць гістарыяграфію ўсіх народаў-спадкаемцаў, у тым ліку зрабілі значны ўплыў на беларускую гістарычную навуку.

Варта таксама адзначыць дзейнасць Навукова-даследчага інстытута Усходняй Еўропы УСБ (заснаваны ў 1930 г.), адным з заснавальнікаў якога быў таксама праф. С. Эрэнкройц. Інстытут праводзіў даследаванні грамадска-палітычнай сітуацыі ва Усходняй Еўропе, галоўным чынам у краінах, якія ўваходзяць у склад СССР, г. зн. асноўнай сферай даследаванняў была саветалогія. Сярод вядучых экспертаў інстытута былі Віктар Сукенніцкі, які займаўся аналізам савецкай ідэалогіі, і Станіслаў Свяневіч, які вывучаў асновы савецкай эканомікі і эканамічную структуру СССР. Супрацоўнікам інстытута быў Севярын Віславух, ён праводзіў даследаванні па прабле-

мах нацыянальных меншасцей, адказваў за т. зв. нацыянальны сектар [23]. Даследаванні С. Віславуха былі канцэнтраваны ў асноўным на вывучэнні беларусаў і іх сацыяльна-эканамічнага становішча ў Польшчы, праблемах палітычных стасункаў улад з беларускай супольнасцю [24]. З інстытутам, як ужо адзначалася, супрацоўнічалі беларускія дзеячы, навукоўцы і студэнты А. Луцкевіч, М. Пяцюкевіч, Я. і С. Станкевічы.

Такім чынам, ва УСБ былі створаныя пэўныя ўмовы для правядзення даследаванняў і выкладання па розных кірунках беларусістыкі. Акадэмічныя свабоды ўніверсітэта значна абмяжоўвалі палітычны уплыў дзяржавы на праграму выкладання, а таксама на самаарганізацыю беларускага студэнцтва, у тым ліку ў кірунку даследаванняў уласнай мовы, гісторыі, культуры. У адрозненне ад большасці беларускіх грамадскіх арганізацый, забароненых польскай уладай да канца 1930-х гг., дзейнасць ТПБ і іншых студэнцкіх таварыстваў працягвалася да канца існавання УСБ, а навуковая скіраванасць УСБ на рэгіянальныя даследаванні спрыяла развіццю вывучэння Заходняй Беларусі ў розных галінах гуманітарных навук.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Разуванавы, К.* Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры ў Заходняй Беларусі (1926–1936 гг.) / К. Разуванавы. – Мінск: Беларус. навука, 2013. – 247 с.
2. *Юркевіч, А.* Беларускае навуковае таварыства ў Вільні: хроніка дзейнасці ў 1918–1944 гг. / А. Юркевіч // АРЧЕН Пачатак. – 2014. – № 7–8. – С. 195–220.
3. *Zamojska, D.* «Ta ludność życzy mieć uniwersytet...» – walka o utworzenie Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie / D. Zamojska // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 2006. – R. 51, № 2. – S. 7–46.
4. *Srebrakowski, A.* Białoruś i Białorusini na Uniwersytecie Stefana Batorego w Wilnie / A. Srebrakowski // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2011. – № 2 (10). – S. 79–94.
5. Літоўскі цэнтральны дзяржаўны архіў (ЛЦДА). – Ф. 175. Воп. 1. Спр. IBb690.
6. *Stankiewicz, J.* Stan badań nad klasyfikacją dialektów języka białoruskiego / J. Stankiewicz // Balticoslavica. – Wilno, 1936. – T. 2. – S. 108–128.
7. ЛЦДА. – Ф. 175. Воп. 15. Спр. 7.
8. *Пазыняк, З.* Гутаркі з Антонам Шукелойцем / З. Пазыняк. – Варшава: Беларус. ведамасці, 2003. – 144 с.
9. Родная мова: месячнік пасвячоны пытанням беларускае (крывіцкае) мовы / рэд.-выд. Я. Станкевіч. – 1930. – № 1. – Г. 1.
10. *Скарыніч, Б.* Нашто і як збіраці географічныя і асабовыя назовы беларускія / Б. Скарыніч. – Вільня: Выд. Беларус. Студэнцкага Саюзу, 1931. – 14 с.
11. Апытальнік да збірання дыялектычных і некаторых агульных асаблівасцей беларускага (крывіцкага) языка. – Вільня: Таварыства прыяцеляў беларусаведы пры Універсітэце Сцяпана Батуры ў Вільні, 1935.

12. Студэнская думка: часопіс беларускага студэнства / рэд.-выд. С. Станкевіч. – Вільня, 1930. – № 3(14). – Г. 6.
13. *Zienkiewicz, T.* Białorusini na Uniwersytecie Stefana Batorego w Wilnie: (rekonensans) / *T. Zienkiewicz // Acta Polono-Ruthenica.* – 2004. – T. 9. – S. 173–183.
14. *Gawrońska-Garstka, M.* Uniwersytet Stefana Batorego w Wilnie. Uczelnia ziem północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej (1919–1939) w świetle źródeł / *M. Gawrońska-Garstka.* – Poznań: Wydawnictwo Rys., 2016. – 370 s.
15. *Baudouin de Courtenay-Ehrenkreutzowa, C.* Zakład etnologii Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie i jego zadania / *C. Baudouin de Courtenay-Ehrenkreutzowa // Balticoslavica.* – Wilno, 1933. – T. 1. – S. 75–98.
16. *Engelking, A.* Z dziejów wileńskiego ośrodka etnograficznego w dwudziestolecu międzywojennym. W stronę profesjonalnych badań terenowych pogranicza polsko-litewsko-białoruskiego / *A. Engelking // W krainie wielu tradycji. Badania etnograficzne na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim w XX i początkach XX wieku.* – Warszawa-Suwałki, 2014. – S. 9–38.
17. *Znamierowska-Prüfferowa, M.* Zakład Etnologii Uniwersytetu Stefana Batorego 1923–1939 / *M. Znamierowska-Prüfferowa // Z dziejów Almae Matris Vilnensis. Księga Pamiątkowa ku czci 400lecia założenia i 75-lecia wskrzeszenia Uniwersytetu Wileńskiego.* – Kraków, 1996. – S. 64–73.
18. *Пецюкевіч, М.* Увагі дзеля запісавання беларускае народнае творчасці і абрадаў / *М. Пецюкевіч.* – Вільня: Таварыства Прыяцеляў Беларусаветы пры УСБ у Вільні, 1933.
19. *Tomaszewski, P.* Uniwersytet Stefana Batorego w Wilnie w latach 1919–1939. Studium z dziejów organizacji i postaw ideowych studentów / *P. Tomaszewski.* – Toruń, 2018. – 186 s.
20. *Srebrakowski, A.* Wileńscy naukowcy we Wrocławiu / *A. Srebrakowski // Nauka w powojennym Wrocławiu 1945–2015: w 70. rocznicę powstania polskiego środowiska naukowego we Wrocławiu.* – Wrocław, 2015. – S. 45–67.
21. Program wykładów i skład uniwersytetu w półroczu zimowym roku akademickiego 1919/20. – Wilno, 1919.
22. *Tarkowski, M.* Główne kierunki pracy badawczej profesorów Wydziału Prawa i Nauk Społecznych Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie / *M. Tarkowski // Przegląd Wschodni.* – 2011. – Z. 4(44). – S. 785–806.
23. *Ilgiewicz, H.* Szkoła Nauk Politycznych przy Instytucie Naukowo-Badawczym Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) / *H. Ilgiewicz // Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy.* – 2014. – T. 13/14. – S. 30–47.
24. *Zackiewicz, G.* Seweryn Wyslouch o problemie kształtowania się białoruskiej świadomości narodowej na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej / *G. Zackiewicz // Rola oświaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim.* – Białystok, 2007. – S. 235–243.

(Дата падачы: 28.02.2021 г.)

Ю. В. Маханько

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Makhanko

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(410):930=811.111 «19/20»

ГРНТИ 03.91 03.01.09

РЕВИЗИОНИСТСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ БРИТАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

REVISIONIST VIEWS ON THE BRITISH INDUSTRIAL REVOLUTION IN THE ENGLISH-SPEAKING HISTORIOGRAPHY

Начиная с 1970-х гг. в англоязычной историографии наблюдалась тенденция к пересмотру понимания процессов, связанных с Британской промышленной революцией. Ободренные результатами первых ревизионистских исследований, отдельные авторы предложили вообще отказаться от данного понятия. В возникшей научной дискуссии с приверженцами традиционных представлений о Британской промышленной революции аргументы ревизионистов не выдержали критики, однако они оказали определенное влияние на развитие современной англоязычной историографии.

Ключевые слова: промышленная революция; история Великобритании; англоязычная историография; экономическая история.

Since the 1970s, there has been a tendency in English-speaking historiography to revise the processes related to the British industrial revolution. Some authors suggested abandoning this concept, encouraged by the results of the first revisionist studies. The revisionist's arguments could not stand criticism during the discussion with advocates of the traditional view on the British industrial revolution; however they had some impact on the development of contemporary English-speaking historiography.

Keywords: industrial revolution; British history; English-speaking historiography; economic history.

В англоязычной историографии Британской промышленной революции начиная с 1970-х гг. наблюдается тенденция к пересмотру традиции представлений о природе и значении данного процесса, начавшей складываться после публикации труда Арнольда Тойнби-ст. «Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии» (1884) [1]. В литературе приверженцы ревизии получили название «новая школа» в исследовании Британской промышленной революции [2, р. 1] или «ревизионистское направление» [3, р. 10]. Традиционно ревизионизм связывается с исследованиями Николаса Крафтса [4–6] и Чарльза Никербокера Харли [5; 7], хотя в действительности к нему

можно отнести и другие труды, ставящие перед собой задачу очищения представлений о Британской промышленной революции от историографических штампов.

С 1960-х гг. в англоязычной экономической истории происходит клиометрическая революция, которая предоставляет новый инструментарий для уточнения статистических показателей. Для эпохи промышленной революции в Великобритании эту работу проводили Ф. Дин и У. Коул [8], Ч. Фенстейн [9] и др. Дополняя и интерпретируя полученные в этих трудах данные, начали свои исследования Н. Крафтс и Н. Харли.

Н. Харли, британский исследователь экономической истории, профессор ряда американских и английских университетов, представил концепцию своих «ревизионистских» исследований в статье «Британская индустриализация до 1841 г.: свидетельства более медленного роста во время промышленной революции» (1981). В отличие от своих предшественников, Н. Харли использовал иные данные для расчета показателей британской экономики эпохи Промышленной революции [7, р. 281], что позволило ему сделать ряд смелых выводов. Во-первых, «промышленное производство XVIII века было как минимум вдвое больше», чем было принято считать ранее [7, р. 285]. Во-вторых, именно рост обработки хлопка и в меньшей степени железа «существенно влияли на общие показатели» [7, р. 271].

Ранние исследования Н. Крафтса, профессора Лондонской школы экономики и кавалера Ордена Британской Империи, в области статистических показателей британской экономики в эпоху промышленной революции были представлены в статье «Британский экономический рост, 1700–1831: обзор свидетельств» (1983). В ней автор приводит и интерпретирует данные, которые подвергают ревизии и уточняют успешную статью классической работы Ф. Дина и У. Коула «Британский экономический рост, 1688–1959: тренды и структура» [8]. Рассматривая промышленный рост, он утверждает, что предшественники «переоценили средний рост промышленности и коммерции на 0,3 % в год», и «новые данные не поддерживают идею общего заметного ускорения роста промышленного производства, начавшегося в 1780-е гг.» [4, р. 186]. Это дополняется тем, что «сельскохозяйственный рост был медленнее после 1760 г., чем подсчитано Дином и Коулом, или одним Коулом, и быстрее до 1760 г.» [4, р. 194], а «уровень жизни ... не сильно изменился между 1760 г. и 1820 г.» [4, р. 199]. В целом выводы Н. Крафтса совпадали с позицией Н. Харли, что обусловило их будущее соавторство.

В 1992 г. они публикуют совместную статью «Рост производства и Британская промышленная революция: подтверждение позиции Крафтса-Харли». В ней авторы ставят перед собой две задачи: уточнить данные, опубликованные в предыдущих работах, а также сформулировать ответ на критику их предыдущих работ. В целом авторы остаются на своей позиции – зна-

чительно более низком влиянии промышленной революции на экономический рост в Великобритании при значительных изменениях в структуре экономики. При этом они признают, что «другие подходы также допустимы и потенциально важны» [5, p. 721].

Крайне важной стала работа «Рост производительности во время Промышленной революции: новая перспектива подсчета роста» Н. Крафтса 2002 г. В ней он рассматривает паровой двигатель как технологию общего назначения, то есть «имеющую широкое поле для улучшения и впоследствии становящуюся широко используемой в различных целях» [6, p. 4]. Исследуя рост общей факторной производительности экономики (ОФП) Великобритании, он делает следующий вывод: «низкий рост ОФП во время Промышленной революции, особенно до 1830 г., может быть в значительной степени объяснен слабостью вклада в производительность наиболее важной технологии общего назначения того времени, парового двигателя» [6, p. 15] и «пар внес значительно более низкий вклад [в рост ОФП и углубление капитала], и на раскрытие его потенциала потребовалось значительно больше времени, если сравнивать с электричеством или информационными технологиями» [6, p. 19].

«Позиция Крафтса-Харли» является частью волны работ, применяющих клиометрические методы к исследованию Британской промышленной революции, а также уточняющих предшествующие. Однако кардинальность выводов, сделанных на основе полученных данных, придали Н. Крафтсу и Н. Харли ореол разрушителей классической историографии промышленной революции в Великобритании, что не входило в их изначальные намерения. Несмотря на проделанную работу по уточнению статистических показателей, к выводам данных авторов следует относиться с большой осторожностью. Во-первых, Н. Крафтс и Н. Харли оценивали показатели экономического роста как низкие, сравнивая их со значительно более высокими показателями второй половины XX в., что является нарушением принципа историзма. Во-вторых, основываясь лишь на статистических показателях экономического роста, они упустили из виду ряд изменений в жизни британского общества эпохи промышленной революции, которые эта статистика не отражает.

Вслед за Н. Крафтсом и Н. Харли ряд исследователей выдвинули свои концепции, которые отличались большей радикальностью, вплоть до отрицания промышленной революции как имевшего место в действительности процесса. Американец Рондо Кэмерон, сотрудник Университета Эмори в Атланте, в статьях «Промышленная революция: неправильное употребление» (1982) [10] и «Новый взгляд на европейскую индустриализацию» (1985) [11] формулирует идею того, что «принятое описание “промышленной революции” в Великобритании, и ее повтор в Континентальной Европе и где-либо еще искажают историческую правду» [11, p. 23]. Автор борет-

ся с традицией употребления слова «революция» применительно к «индустриализации» Великобритании вследствие того, что она «была плавной во время “классического” периода промышленной революции» [11, р. 6], а занятость в промышленном секторе к 1851 г. была значительно ниже, чем в традиционных отраслях [11, р. 6]. При этом не приводятся убедительных аргументов в пользу ревизии того процесса, который подразумевается под успешным за столетие стать общепринятым термином «Промышленная революция». Тезис Р. Кэмерона о значительных различиях между британской и континентальной индустриализациями исходит из очень специфического понимания «британской модели». Она описывается как «главенство среди потребительских товаров хлопкового текстиля; среди товаров производственного назначения — стали и механизмов; и, в первую очередь, среди сырья — угля» [11, р. 9]. При таком подходе в действительности можно говорить про «множество, даже целый спектр, моделей индустриализации» [11, р. 23], однако основные принципы, такие как механизация и применение научного знания в производстве, будут для этих моделей общими, выработанными в Великобритании, а позже заимствованными другими странами.

Значительно большей критике понятие «промышленная революция» подверг Михаэль Форес, сотрудник Берлинского центра социальных наук, в статьях «Миф Британской промышленной революции» (1981) и «Технологические изменения и миф о «технологии» (1982). Он пишет, что «оценки разрыва преемственности в работах о Англо-Британской промышленной революции значительно преувеличены» [13, р. 178], а «конкретные истории хлопковой промышленности, манчестерской коммерции, технологических изменений и действительно поразительные события в одном графстве, Ланкашире, были излишне обобщены» [12, р. 183]. То есть автор в принципе не видит причин выделять такой процесс, как «Британская промышленная революция». Основанием для таких выводов он видит отсутствие качественного скачка в технологическом развитии между XVIII и XIX вв., так как он отрицает появление прикладной науки, а значит, и основанных на ее достижениях инноваций в этот период [13, р. 181]. Несмотря на то, что исследование М. Фореса основано на откровенной спекуляции противоречиями в существовавшей историографии, а не на исторических источниках, резкость его выводов заставила обратить на себя внимание научного сообщества [14–16].

Весьма показательно, что волна критики понятия «промышленная революция» исходила не только от специалистов по экономической истории, но и в целом от исследователей истории Великобритании Нового времени. Так, британец Джонатан Кларк, работавший в Кембриджском, Оксфордском и Канзасском университетах, в своей работе «Революция и восстание: государство и общество в Англии в XVII и XVIII веках» (1986) заявляет следующее: «... неудивительно, что историкам было так сложно прийти к согласию

о причинах Промышленной революции, даже если Промышленная революция и имела место. Английское общество не было революционизировано: и оно не было революционизировано промышленностью» [17, р. 39].

Сознательно подвергали ревизии устоявшиеся взгляды о Британской промышленной революции и представители новой социальной истории, или «истории снизу», т. е. с точки зрения простых людей [18, р. ix]. Результаты исследований представителей этой школы в области промышленной революции были представлены в сборнике «Промышленная революция и труд в Европе XIX в.» (1992) под редакцией Ленарда Берланштейна, профессора университета Вирджинии. В данной статье мы рассмотрим лишь те работы, которые приносят новые акценты в понимание экономической трансформации Великобритании Нового времени, такие как «Механизация и ручной труд в индустриализирующейся Великобритании» Рафаэля Сэмюэля, профессора Университета Восточного Лондона и Колледжа Раскин в Оксфорде. В ней автор исследует зачастую игнорируемые в контексте промышленной революции отрасли британской экономики, которые по различным причинам не были механизированы. Среди этих причин называются: «относительный избыток труда»; «возможность увеличить производительность при ручном труде»; «во многих случаях машины не смогли показать «самодействующее» чудо, как обещалось в патентах»; «паровой двигатель и машины были прибыльны только тогда, когда они применялись в крупном производстве» [19, р. 36–39]. Приводя примеры производств, продолжавших использовать и развивать ручной труд, Р. Сэмюэль показал тернистый путь механизации производства и то, что даже в середине XIX в. промышленное производство не смогло в полной мере вытеснить ремесленное. Вместе с тем его выводы касаются лишь конкретных обстоятельств экономического развития Великобритании в период между серединой XVIII и серединой XIX в. и никоим образом не способны изменить представление о сущности и долгосрочных последствиях промышленной революции.

Чарльз Тилли (1929–2008), американский исторический социолог, в статье «Социальные изменения в Европе нового времени: большая картина» из вышеупомянутого сборника выделяет следующие крупнейшие промышленные инновации: «во-первых, концентрация рабочих в крупных мастерских с централизацией рабочего времени и дисциплины; и, во-вторых, монополизация средств производства капиталистами», что создало «иллюзию «промышленной революции», вызванной технологическими изменениями» [20, р. 56–57]. Автор исходит из замены местами причины и следствия, ведь именно технологические изменения привели к вышеуказанным процессам [21, с. 12], а Ч. Тилли не приводит убедительных доказательств, которые позволяют считать иначе. Во введении к данному сборнику Л. Берланштейн заявляет, что его коллеги (в первую очередь имеется в виду именно Ч. Тилли) «заменяли Промышленную революцию процессом социальной транс-

формации, который был старше, шире, более распространенным и много-векторным» [22, р. xv], что, несомненно, является преувеличением.

Другим направлением ревизии выступает неприятие представлений о доиндустриальной экономике в работах, исследующих промышленную революцию. Со времен Арнольда Тойнби-ст. в англоязычной историографии складывается представление о промышленной революции как о рубеже между консервативной, статичной, традиционной экономикой и инновационной, динамичной, современной. Ярчайшим представителем исследователей экономики Раннего Нового времени, не согласного с такой позицией, является Ян де Фрис, профессор Калифорнийского университета нидерландского происхождения, изложивший свое видение в статье «Промышленная революция и Трудолюбивая революция» (1994). Указывая на огромное количество историографических штампов и сделанных на их основании выводов, он утверждает, что Промышленная революция как определение «начала вести свою собственную жизнь» [23, р. 249]. При этом автор не отрицает значение самого процесса, предлагая «обеспечить ему помощника, понятие-компаньон, который, как мне кажется, поможет уточнить определение Промышленной революции» [23, р. 254]. В стремлении найти истоки спроса на продукцию, который возник в Раннее Новое время, Ян де Фрис делает следующий вывод: «множество домовладений сделали решение увеличить одновременно и предложение на доступные на рынке товары и труд, и спрос на рыночные товары. Комбинация изменений в поведении домохозяйств составила «трудолюбивую революцию» [23, р. 255]. То есть промышленная революция представляется итогом долгой трансформации доиндустриальной и протоиндустриальной экономики, способом удовлетворить возникший в результате трудолюбивой революции спрос.

Вместе с тем большинство исследователей 1970–1990-х гг. не разделяли этот скепсис по отношению к промышленной революции. Но и игнорировать громкие публикации ревизионистов, в первую очередь Н. Крафтса и Н. Харли, они не могли. То, насколько серьезную конкуренцию ревизионистские взгляды составили традиционным, демонстрируют следующие заглавия статей: «Была ли Промышленная революция?» (Рональд Макс Хартуэлл, 1990) [24] и «Реабилитация Промышленной революции» (Максин Берг и Пэт Хадсон, 1992) [25]. С течением времени научное сообщество пришло к консенсусу, что термин «промышленная революция», действительно не самый подходящий, все же стоит оставить как прижившийся и общепринятый. Аргументы же тех, кто отрицал Британскую промышленную революцию как имевший место в действительности процесс, не выдержали критики, и развитие англоязычной историографии данной темы продолжилось, хоть и с некоторой оглядкой на критику ревизионистов. Так, полемика между представителями традиционных и ревизионистских взглядов была одной из предпосылок возникновения энергоцентричного направления [26,

с. 75], а также сильно повлияла на формирование концепции просвещенной экономики Джозефа Мокира [3].

Несмотря на то, что обозначенные выше авторы приходили к необходимости пересмотра основных общепринятых положений англоязычной историографии промышленной революции в Великобритании по разным причинам, их исследования имеют ряд общих черт. Они пришлись на сравнительно небольшой период времени – конец 1970-х – начало 2000-х гг., и вызвали дискуссию о целесообразности использования самого термина «промышленная революция». Авторы объединяет и ряд общих положений: констатация более высокого, чем было принято считать ранее, уровня развития экономики до промышленной революции; заострение внимания на сосуществовании новых и традиционных форм производства и скорее эволюционной форме развития. Выводы ревизионистов справедливо не были однозначно приняты научным сообществом, но они внесли свой вклад в развитие англоязычной историографии промышленной революции в Великобритании.

Список использованных источников

1. *Тойнби, А.* Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии / А. Тойнби; пред. А. И. Чупрова. – М.: Либроком, 2011. – 348 с.
2. *Temin, P.* Two Views of the British Industrial Revolution / P. Temin // *The Journal of Economic History*. – 1997. – Vol. 57. – P. 63–82.
3. *Mokyr, J.* Editor's Introduction: The New Economic History and the Industrial Revolution / J. Mokyr // *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. – Oxford: Westview Press, 1999. – P. 1–131.
4. *Crafts, N. F. R.* Output growth and the British industrial revolution: a restatement of the Crafts-Harley view / N. F. R. Crafts, C. K. Harley // *The Economic History Review*. – 1992. – Vol. 45. – P. 703–730.
5. *Crafts, N. F. R.* Productivity Growth in the Industrial Revolution: A New Growth Accounting Perspective [Electronic resource] / N. F. R. Crafts. – Mode of access: <https://www.firbsf.org/economic-research/files/crafts.pdf>. – Date of access: 25.03.2019.
6. *Crafts, N. F. R.* British Economic Growth, 1700–1831: A Review of the Evidence / N. F. R. Crafts // *The Economic History Review*. – 1983. – Vol. 36. – P. 177–199.
7. *Harley, C. K.* British Industrialization Before 1841: Evidence of slower Growth During the Industrial Revolution / C. K. Harley // *The Journal of Economic History*. – 1982. – Vol. 42. – P. 267–289.
8. *Deane, Ph.* British Economic Growth, 1688–1959: Trends and Structure / Ph. Deane, W. A. Coal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1967. – xx + 350 p.
9. *Feinstein, Ch.* Capital Accumulation and Economic Growth in Great Britain, 1760–1860 / Ch. Feinstein // *Cambridge Economic History of Europe*, vol. VII. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 28–96.

10. *Cameron, R.* The Industrial Revolution: A Misnomer / R. Cameron // The History Teacher. – 1982. – Vol. 15. – P. 377–384.
11. *Cameron, R.* A New View of European Industrialization / R. Cameron // The Economic History Review. – 1985. – Vol. 38. – P. 1–23.
12. *Fores, M.* The Myth of a British Industrial Revolution / M. Fores // History. – 1981. – Vol. 66. – P. 181–198.
13. *Fores, M.* Technical Change and the «Technology» Myth / M. Fores // Scandinavian Economic History Review. – 1982. – Vol. 30. – P. 167–188.
14. *Musson, A. E.* The British Industrial Revolution / A. E. Musson // History. – 1982. – Vol. 67. – P. 252–258.
15. *Riello, G.* Reconstructing the Industrial Revolution: Analyses, Perceptions and Conceptions Of Britain's Precocious Transition to Europe's First Industrial Society [Electronic resource] / G. Riello, P. O'Brien. – Mode of accesse: <http://eprints.lse.ac.uk/22337/1/WP84.pdf>. – Date of access: 12.02.2020.
16. *Lloyd-Jones, R.* Manchester: A Database / R. Lloyd-Jones // Historical Social Research. – 1989. – Vol. 14. – P. 35–41.
17. *Clark, J. C. D.* Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries / J. C. D. Clark. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – x + 182 p.
18. *Cencer, J. R.* Editor's Preface / J. R. Cencer // The Industrial Revolution and Work in Nineteenth-Century Europe. – N. Y.: Routledge, 1992. – P. vii–ix.
19. *Samuel, R.* Mechanization and Hand Labor in Industrializing Britain / R. Samuel // The Industrial Revolution and Work in Nineteenth-Century Europe. – N. Y.: Routledge, 1992. – P. 27–45.
20. *Tilly, Ch.* Social Change in Modern Europe: the Big Picture / Ch. Tilly // The Industrial Revolution and Work in Nineteenth-Century Europe. – N. Y.: Routledge, 1992. – P. 46–64.
21. *Аллен, Р.* Британская промышленная революция в глобальной картине мира / Р. Аллен; пер. с англ. Н. В. Автономовой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. – 448 с.
22. *Berlanstein, L.* General Introduction / L. Berlanstein // The Industrial Revolution and Work in Nineteenth-Century Europe. – N. Y.: Routledge, 1992. – P. x–xv.
23. *De Vries, J.* The Industrial Revolution and the Industrious Revolution / J. De Vries // The Journal of Economic History. – 1994. – Vol. 54. – P. 249–270.
24. *Hartwell, R. M.* Was There an Industrial Revolution? / R. M. Hartwell // Social Science History. – 1990. – Vol. 14. – P. 567–576.
25. *Berg, M.* Rehabilitating the Industrial Revolution / M. Berg, P. Hudson // The Economic History Review. – 1992. – Vol. 45. – P. 24–50.
26. *Маханько, Ю. В.* Энергоцентричное направление в англоязычной историографии Промышленной революции в Великобритании / Ю. В. Маханько // Научные труды РИВШ. Исторические и психолого-педагогические науки: в 3 ч. / редкол.: В. А. Гайсенко [и др.]. – Минск: РИВШ, 2020. – Вып. 20, ч. 2. – С. 73–80.

(Дата подачи: 22.02.2021 г.)

В. Ф. Мелеховец

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск

V. Melekhovets

Belorussian State Pedagogical University named after Maxsim Tank,
Minsk

УДК [94(476):061-056.263]“18/19”

ПРОБЛЕМА ГЛУХИХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

DEAF PROBLEM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

В статье осуществлена попытка реконструкции одного из недостаточно изученных периодов становления общественной организации глухих. Раскрыты предпосылки, которые были созданы в XIX – начале XX в., что значительно раньше, чем предполагали составители некоторых справочных источников. Выявлена проблема глухих Российской империи в данный период, связанная с необходимостью объединения в общественную организацию с целью защиты своих прав и интересов.

Ключевые слова: общественное объединение «БелОГ»; Белорусское общество глухих; единство; реставрация; становление; образование.

The article attempts to reconstruct one of the insufficiently studied periods of the formation of the social organization of the Deaf. The prerequisites for which were created in the 19th – early 20th centuries are revealed, which is much earlier than the compilers of some reference sources suggested. The problem of the Deaf of the Russian Empire in this period is revealed, connected with the need to unite into a public organization in order to protect their rights and interests.

Keywords: public association «BelOG»; Belarusian Society of the Deaf; unity; restoration; becoming; formation.

В предисловии к фонду 1112 в описи 2 Министерства социальной защиты Республики Беларусь, подготовленной научными сотрудниками НАРБ, указывается, что «“Белорусское общество глухонемых” создано на основании Положения НКСО БССР “О «Белорусском объединении глухонемых”» от 3 августа 1931 г. (дата образования не установлена)» [1; 2]. В НИАБ, НАРБ и областных архивах Республики Беларусь полностью отсутствуют архивные документы с 1931 по 1943 г., которые бы позволили исследовать данный период. С заключением ученых-архивистов следует согласиться, что исследование периода основания общественной организации представляет интерес. Официальной датой считается 3 августа 1931 г., когда было принято Положение НКСО БССР «О “Белорусском объединении глухонемых”» [2]. В нем были поставлены следующие задачи: привлече-

ние глухих для работы в промышленности и сельском хозяйстве, проведение массовой политико-просветительной работы, кооперирование глухих, защита их правовых интересов, оказание материальной и другой помощи членам общества и др. [2].

В Российской империи на протяжении долгого времени отсутствовал статистический учет лиц с нарушением слуха. Однако замечено, что в своей книге «Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования, самым свойственным их природе» (1835) В. И. Флёри осуществил первую попытку подсчёта количества глухонемых в Российской империи, которая при численности населения 44 118 000 чел. насчитывала 27 830 глухонемых (на одного глухонемого приходилось 1585 слышащих) [11, с. 293–299]. Как известно, попытки определить количественную структуру глухих среди населения империи предпринял Г. М. Герценштейн. Ссылаясь на материалы губернских по воинским делам присутствий, он установил, что за 1884–1889 гг. из 2 393 460 новобранцев на службу не было привлечены 5192 глухонемых, или 0,2 %. Г. М. Герценштейн полагал, что «этот показатель можно экстраполировать на все население страны» [3, с. 907]. Полученные данные касались исключительно только небольшой возрастной группы мужчин в возрасте двадцати лет. Именно по этой причине М. В. Богданов-Березовский в фундаментальном труде «Положение глухонемых в России» воздержался от статистического анализа Г. М. Герценштейна [3, с. 28].

Более полную картину о глухонемых дают материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г. По данным переписи, глухонемых в Российской империи насчитывалось 124 513 чел. (около 0,1 % от всего населения). Из них большую часть составляли крестьяне – 104 327 чел., или 83,8 % от общего числа глухонемых. На территории пяти белорусских губерний Российской империи число глухонемых составило 10 065 чел., или 0,12 %. Из них к сословию сельских обывателей принадлежало 7735 чел., (77 %). По подсчетам Ильменского, из вышеуказанного числа глухонемых в Российской империи проживало 69 579 мужчин и 54 934 женщины, среди которых в возрасте 10–19 лет оказалось более 34 тыс. чел. [4, с. 14]. Что касается Минской губернии, в ней, по данным Н. С. Моторовой, проживало 2633 глухонемых [5, с. 35]. По статистическим данным переписи населения 1926 г. в БССР насчитывалось 4975 глухонемых всех возрастов [15].

Анализ материалов переписи 1897 г. показал, что большая часть глухонемых являлась представителями крестьянского сословия. В связи с этим необходимо было организовать оказание благотворительной помощи и создать специализированные заведения для обучения глухих детей и их подготовки к трудовой деятельности. Эта помощь была сосредоточена в руках частных лиц, а также Попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых, созданного в 1898 г. Главная задача Попечительства заклю-

чалась в воспитании и призрании глухонемых всех возрастных групп [6]. Глухие Российской империи, как правило были безграмотны и бедны, не могли поддерживать между собой контактов, способствующих поддержке коммуникации, общности интересов и солидарности. Первые школы глухих, находившиеся при Попечительстве императрицы Марии Федоровны, служили зародышем создания и укрепления общественных связей между организациями глухих.

Как пишет М. В. Богданов-Березовский, глухота, по сравнению со слепотой, не являлась серьезным препятствием к полноценной трудовой деятельности во второй половине XIX – начале XX в., что обусловило эпизодический характер помощи глухонемым [7, с. 1–2].

По данным Н. М. Лаговского, в 1806 г. императрица Мария Федоровна встретила во время прогулки в Павловском парке глухонемого мальчика Александра Меллера. Это побудило ее к созданию опытной школы для глухонемых. Уже 3 декабря 1806 г. статский советник князь Дмитрий Волконский подал рапорт Марии Федоровне: «Во исполнение Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления от 14 дня минувшего октября воспоследствовавшего об учреждении в городе Павловске опытного училища глухонемых, оное училище сего декабря 2 дня было открыто» в крепости «Бип» [8, с. 14].

Как меценат и филантроп императрица Мария Федоровна содержала училище на собранные пожертвования. Уже к 1810 г. училище, причисленное к ведомству Опекунского Совета, было переведено в столицу – в здание на Выборгской стороне и получило новый устав и штат. В 1816 г. оно временно размещалось в здании Вдовьего дома, что в Смоленском монастыре. И наконец, с 1820 г. училище, переименованное в «Императорский Воспитательный Дом училища глухонемых», надолго обосновалось в здании на Гороховой улице, 18 – у Красного моста [8, с. 9].

В докторской диссертации А. Д. Григорьев пишет, что «с включением Беларуси в состав Российской империи в благотворительной деятельности в Северо-Западном крае активно подключаются российские филантропы. Так отбирал в белорусских губерниях слепых (вместо “глухих” обозначено “слепых”, где допущена некоторая некорректность) крестьянских детей и направлял их в специальную школу, первоначально образованную в Павловске в 1806 г. императрицей Марией Федоровной, а затем переведенную в Санкт-Петербург, князь А. Н. Голицын...» [9, с. 81]. По данным В. И. Флёри в 1835 г. в Российской империи насчитывалось 948 глухонемых детей десятилетнего возраста. В единственном российском образовательном учреждении – Санкт-Петербургском училище глухонемых – обучался 61 воспитанник и 12 чел. ежегодно принимали на полное содержание. Это был один из низких показателей, если сравнить, что во Франции насчитывалось 798 чел. десятилетнего возраста, которые обучались в 28 заведениях, куда

ежегодно поступало на обучение 159 чел. Количество французов десятилетнего возраста составляло 687 чел. На втором месте по количественным данным стояла Пруссия, в которой насчитывалось 280 глухонемых детей десятилетнего возраста (всего имелось 18 учебных заведений, 314 обучающихся, ежегодно на обучение поступали 62 чел.). В Польше было единственное образовательное учреждение, количество десятилетних глухонемых – 79, обучающихся – 46 и 9 чел. из числа ежегодно принимающихся на обучение [11, с. 293–299]. Следовательно, составная часть глухих детей Российской империи была лишена возможности получить образование. Однако следует заметить, что в статистическом исследовании В. И. Флёри отсутствуют сведения об открывшихся учреждениях в данный период, когда начался процесс становления и развития частных и благотворительных образовательных учреждений.

Попечительство Марии Федоровны о глухонемых было создано в 1898 г. как частное учреждение под покровительством императрицы Марии.

В 1900 г. было принято новое Положение о Попечительстве, изменившее его структуру. Попечительство признавалось состоящим в Ведомстве учреждений императрицы Марии наряду с основанным еще в 1806 г. училищем для глухонемых в крепости «Бип» (замок «Мариенталь»). Управление вверялось особому Комитету из 6 членов, утверждавшихся императрицей Марией Федоровной на три года [6].

Крепость «Бип» (снимок начала XXI в.)

Устав Санкт-Петербургского училища глухонемых устанавливал 6-летний срок обучения и изучение Закона Божьего, русского и французского языков, истории и т. д. Преподавание велось мимическим методом с использованием письменной речи. Мария Федоровна часто присутствовала на уроках и ежегодных экзаменах в училище, посещали его Александр I, Николай I, Александр II [8]. Виленский епископ И. Н. Коссаковский, основатель первого в Беларуси отделения Императорского человеколюбивого общества, направил в Павловск Винцента-Ансельма Зыгмунда (1806 г.), прошедшего стажировку в Венском институте глухонемых, который возглавил

первое училище глухонемых в Российской империи. В 1815 г. в белорусском городе Щучине работал с глухонемыми будущий основатель и директор Варшавского института глухонемых ксендз Яков Фальковский. Институт был открыт в 1817 г. и стал одним из лучших в Европе [9, с. 81]. Знаковым для учебного заведения стал визит Российского императора Александра I в Варшаву в 1822 г. Император посетил организованный Фальковским институт и приказал выделить на нужды заведения 124 тыс. польских злотых. Этот вклад в развитие института глухонемых позволил его основателю начать работу над проектом собственного здания. 26 апреля 1826 г. началось возведение здания, в котором до сих пор расположен Варшавский институт глухих. В XIX в. здание претерпело модернизацию, расширилось [26].

Варшавский институт глухонемых (снимок начала XX в.)

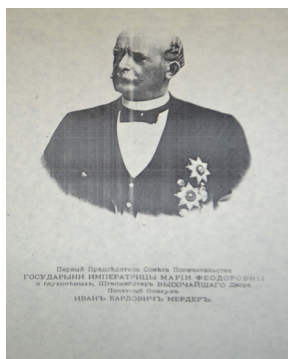
В декабре 1810 г. ректор Виленского университета И. А. Снадецкий в письме министру народного просвещения А. К. Разумовскому заявил о готовности университета участвовать совместно с обществом миссионеров в создании института глухонемых в Вильна. Ознакомившись с проектом плана обучения и воспитания глухонемых, составленным А. Зыгмунтом после его возвращения в Вильна, Совет университета выделил на строительство института 2000 руб. из суммы, предназначенной на строительство школ в Гродненской губернии. Это обстоятельство позволяет предполагать, что кандидатами на обучение в институте глухонемых могли быть и белорусы, тем более что ксендзы-миссионеры обязались бесплатно обучать двух бедных глухонемых мальчиков по рекомендации университета [10, с. 46].

В 1820 г. «кандидат прав» Кароль Молоховец был командирован в Варшаву. Через год директор Варшавского института глухонемых Я. Фальковский охарактеризовал Кароля Молоховца как преданного, примерно и усердно готовящегося к исполнению своих обязанностей человека и, желая пользы Виленскому институту глухонемых, высказал пожелание, чтобы

К. Молоховец посетил ряд заграничных институтов для глухонемых, и прежде всего Берлинский. Ознакомившись с обучением глухонемых в Берлине, Лейпциге, Париже, Баварии, Австрии и Чехии, К. Молоховец в 1822 г. вернулся в Варшаву. Так как Виленский университет не имел еще ни помещения, ни средств на содержание института глухонемых, К. Молоховец с согласия Совета университета остался на год в Варшаве в должности заместителя первого учителя института глухонемых. Лишь в 1823 г. К. Молоховец при поддержке университета открыл у себя на квартире школу для приходящих глухонемых Вильна [10, с. 47]. Учитывая, что в этот учебный округ входили белорусские губернии, можно предположить, что и глухие Беларуси получили доступ в институт при университете.

Императрица Мария Федоровна

Иван Карлович Мёрдер

Все вышеуказанное предопределило создание благотворительных учебных заведений в Вильна, Минске и Витебске в конце XIX – начале XX в. Так, в Минске с 1888 по 1906 г. на улице Набережной (ныне Я. Купалы, 57) в доме госпожи Гатовой действовало училище для глухонемых, организованное С. О. Окунь (в замужестве – С. О. Нисневич) и М. Я. Нисневич. С 1908 г. в Минске была открыта частная школа для неслышащих детей, созданная сурдопедагогом-энтузиастом Р. В. Слиозбергом, который ранее занимался индивидуальным обучением глухих (неслышащих) в Гомеле [10, с. 118–119].

Н. М. Лаговский – член Попечительского совета Марии Федоровны с 1908 г., сурдопедагог, автор уникального исторического очерка «Санкт-Петербургское училище глухонемых (1810–1910)», подводя итог деятельности учреждения, писал, что «...на государственную службу поступило 48 выпускников училища, на частную службу в учреждениях – 22 чел., живописцев и гравёров – 39 чел., многие стали предпринимателями (ор-

ганизаторами различных мастерских, содержателями типографий, фотографов, управляющие поместьями, магазинами, крупные торговцы» [9, с. 14]. Это был высокий показатель уровня образования выпускников одного из лучших в мире учебных учреждений, свидетельствующий об успешной социальной адаптации и подготовке к профессиональной деятельности глухих Российской империи.

Санкт-Петербургское училище глухонемых (снимок начала XX в.)

После окончания училища Александр Меллер, тот мальчик, которого когда-то встретила императрица в Павловском парке, не мог некоторое время найти себе работу, вновь встретился с императрицей Марией Федоровной, и она лично устроила его на службу в собственную Ее Императорского Величества канцелярию переписчиком бумаг. У Меллера был хороший почерк, он прослужил в этой канцелярии почти 40 лет, дослужился до должности помощника старшего чиновника и написал воспоминания о своих встречах с императрицей [28].

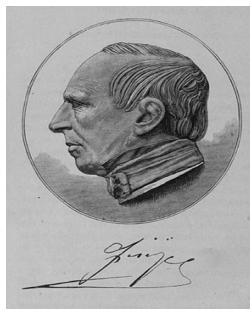
Глухонемые выпускники были основателями учебных заведений для глухонемых в городах России. Так, например, выпускник Петербургского училища Иван Карлович Арнольд, потерявший слух в раннем детстве, основал в 1860 г. на собственные средства училище глухонемых в Москве. Заботы о его материальном обеспечении приняло на себя Попечительное

общество, главным его деятелем и жертвователем которого был П. М. Третьяков (основатель знаменитой Третьяковской картинной галереи). Московское училище глухонемых называлось Арнольдо-Третьяковским [29].

Директор Санкт-Петербургского училища глухонемых В. И. Флэри в своей книге «Глухонемые...» (1835 г.) акцентировал внимание на том, что «глухонемой, говоря откровенно, не хуже и не лучше других людей, он несет в себе одинаковые страсти, владеет одинаковыми возможностями усовершенствования; всю разницу, которая в нем заметна, можно приписать обстоятельствам» [11, с. 24]. В своем научном труде он впервые в мире подробно описал две разновидности жестовых систем как калькирующая жестовая речь и жестовый язык. В. И. Флэри (француз по происхождению) был приглашен в училище по инициативе Ж. Б. Жоффре на должность учителя французского языка. «По предложению аббата Шарля Мишеля де л'Эпе (директор Парижского института глухонемых) должны были приехать в Россию глухой Лоран Клерк и Жоффре, но Александр I посчитал это дорогостоящим удовольствием и предпочел одного педагога Жоффре. Предполагалось, что Лоран Клерк будет ассистентом, то есть интерпретатором Жоффре, так как тот практически плохо знал жестовый язык. Это был период войны с Наполеоном...» [27]. Лоран Клерк по предложению священника Томаса Галлодета в 1817 г. принял участие в открытии первого института глухонемых в Хартфорде (США). Профессор Галлодет, посетивший 37 стран мира, писал: «Нигде в Европе не воспитывают глухонемых так добросовестно и успешно как в Санкт-Петербургском училище». Американский гость отмечал, что «помещение училища весьма приспособлено и хорошо расположено. Здание красиво, и внутреннее устройство превосходит виденное мною в Европе, и лучше того, что я мог заметить в Америке» [30].

Развитие специального образования в Российской империи нашло свое отражение в законодательстве. Сводом законов Российской империи 1833 и 1857 гг. на основании статей 368, 371 и 372 «воспитанникам дворянского происхождения Санкт-Петербургского училища глухонемых позволялось поступать прямо в департаменты и канцелярии министерств и отдельных управлений», они «должны пользоваться на службе преимуществами..., то есть производятся в чин 14 класса (дворяне)» [14, с. 10–11]. В феврале 1910 г. Императорское училище отметило столетие со дня своего основания, которое закончили 2205 чел. Интерес к Санкт-Петербургскому училищу глухонемых прежде всего связан с событиями в деятельности интеллигенции из среды глухих, выросших в стенах уникального учебного заведения, среди которых личности истории глухих Беларуси. Один из них – И. О. Васютович – основатель частной школы глухих в Витебске, официально открывший ее в своей квартире в Ивановском переулке в 1896 г. И. О. Васютович окончил училище в 1872 г. В свидетельстве было особо оговорено, что он «может говорить и слышать довольно хорошо». На основании устава

училища И. О. Васютович имел право вступления в гражданскую службу и пользовался по тогдашнему чиновному производству правами выпускников уездных училищ.

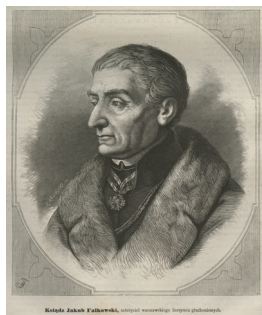
*Виктор Иванович Флëри
(снимок XIX в.)*

*Попечители и воспитанники Императорского
училища глухонемых (снимок XIX в.)*

По свидетельству Витебского городского полицейского управления, в 1892 г. Васютович уже находился в отставке и числился человеком «состояния крайне бедного», который «имущества как движимого, так равно и недвижимого не имел». Видимо, в поисках средств к существованию И. О. Васютович в начале 1893 г. подготовил проекты плана и программы частной одноклассной школы для глухих. В августе 1895 г. попечительский совет Виленского учебного округа наконец разрешил И. О. Васютовичу открыть и содержать в Витебске частную одноклассную школу для глухих. «...Некоторые исследователи склоняются к тому, что его решение открыть школу, отчасти было продиктовано желанием помочь своему глухому племяннику Владимиру». При посещении учреждения И. О. Васютовича Председателем попечительского совета Марии Федоровны И. К. Мёрдером, прибывшим из Санкт-Петербурга (в этот период занимал должность директора училища), было отмечено, что тот «утверждал передовые идеи сурдопедагогики» и «выступал против официально одобренной системы обучения глухонемых». Возможно, и этим объясняется так быстро угасшее «желание» председателя комитета попечительства о глухонемых И. К. Мёрдера «поощрить господина Васютовича» и «забычивость» директора посетившего было школу Васютовича, но не оказавшего обещанной поддержки в снабжении школы пособиями [13]. Пожалуй, создание первого образовательного учреждения как школа-эстернат, просуществовавшего 20 лет за счет благотворительных и собственных сбережений Васютовича, послужило толчком, способствующим формированию белорусской интеллигенции из числа образованной части, представителями которой были В. В. Васютович (Минск), В. К. Гук (Гомель), Е. Е. Потоцкий (Витебск), Е. Н. Рысь

(Гродно) и др. как активисты и основатели БелОГ, в том числе член ВОГ З. И. Равин (Смоленск). «Именно такие училища послужили зародышами возникших впоследствии городских кружков или обществ глухонемых. Ведь их выпускники не рвали дружеские связи и, испытывая дефицит общения, тянулись к друг другу» [13].

Якуб Фальковский (1775–1848) Иван Осипович Васютлович (1853–1918)

Витебск являлся одним из первых центров активной деятельности глухих. В начале XX в. начались процессы оформления «Белорусского общества глухих», необходимость в котором ощущала прогрессивно настроенная часть глухих Беларуси. Она видела главную задачу – сближение и объединение глухих в единую организацию, способную защищать и отстаивать их права и интересы.

В 1908 г. была сделана попытка официально объединить глухих Москвы. Это стало возможным только в 29 октября 1912 г., когда «определением Московского особого Городского по делам об обществах Присутствия... устав Московского товарищества глухонемых имени И. К. Арнольда был утвержден и внесен в реестр за № 93» [14, с. 21]. В правление Московского общества глухонемых вошла образованная часть московской интеллигенции из числа глухих, в основном выпускники Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых, председателем правления был избран А. В. Шлиппе – сын члена Государственного совета, воспитанник Ф. А. Рау. Возможно, что выбор в избрании А. В. Шлиппе (глухой) был не случайным, учитывая, что его брат Ф. В. Шлиппе – председатель губернской земской управы, в свое время он был заместителем председателя Московского отделения Попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых. В правление вошли Д. В. Чанцов, С. И. Соколов. Вокруг сплотились энтузиасты К. С. Квятковский, Е. Ф. Кузнецов, Н. И. Кошеляевский, А. М. Ушаков, А. Д. Васильев, М. Ф. Трофимова и др. В уставе общества было записано: «Сближать глухонемых со слышащими для их взаимопонимания. Поддерживать между глухонемыми товарищеские отношения. Доставлять своим членам воз-

возможность разумных развлечений. Содействовать их умственному и нравственному развитию. Улучшать их материальное положение и защищать их интересы» [14, с. 22]. «Кстати, Московское общество вело переписку с кружками и обществами глухонемых в Витебске...». Это был период, когда «идея объединения глухонемых во Всероссийский союз витала в воздухе» [14, с. 23]. Тем не менее «молодые глухонемые, по выходе из сих учреждений, спустя даже много лет, несмотря даже на жизненные невзгоды и нравственную ломку, не в состоянии изгладить воспоминаний о прошлом, отрешиться от духа товарищества; у них сохраняется потребность к общению с товарищами, людьми одинаковых с ними взглядов...» [14].

1 октября 1916 г. вышел первый номер газеты «Мир глухонемых» (глухой издатель – К. А. Богданович), напечатанный в типографии Императорского училища глухонемых. Газета за свою короткую и насыщенную событиями жизнь (последний № 8 вышел 1 июля 1917 г.) сыграла значительную роль в пробуждении самосознания и формировании общественно-политической активности образованной части интеллигенции глухих Российской империи [14, с. 20], в том числе и белорусской.

В хронике событий «Мира глухонемых» писалось: «...Правлением Петроградского общества был устроен в зале Императорского училища глухонемых кинематографический вечер с благотворительной целью, причём весь чистый сбор (109 руб. 70 коп.) с названного вечера поступил в пользу Красного креста для выдачи воинам, потерявшим слух». Глухие петербуржцы, кроме благотворительности, занимались различной деятельностью, были востребованы как «как агенты для продажи открытых писем и кустарных изделий» [14, с. 24].

Февральская революция 1917 г. дала мощный импульс объединению глухонемых Российской империи. 17 марта 1917 г. в Москве по инициативе Соколова С. И. и Кошеляевского Н. И. был создан митинг, постановивший избрать временный Комитет для подготовки к созыву Всероссийского съезда глухонемых. 19 марта 1917 г. на массовом митинге в Петрограде член Петроградского комитета глухонемых Е. Е. Журомский обратился с призывом: «Граждане глухонемые, объединяйтесь в единый союз!» [14, с. 25]. Вскоре была выпущена брошюра «Всероссийский союз глухонемых» с его речью.

Санкт-Петербург и Москва оказали влияние на процессы перемен в Беларуси, постепенно укреплялись связи между глухими Витебска, Гомеля и Минска. Центр событий становления общественной организации в 20-е гг. XX в. переместился в Минск. С февраля 1924 г. в Москве вышел первый номер многотиражной газеты «Жизнь глухонемых», среди которых 1040 чел. были подписчиками российского издания «Жизнь глухонемых» [16; 31]. С 1925 г. газета издавалась два раза в месяц, часть ее тиража регулярно поступала в Белоруссию. Популярное издание содействовало объединению глухонемых, росту их культурного и политического уровня, в котором публиковались материалы о подготовке к Первому съезду БелОГ [31].

В 1922 г. в Минске в небольшом деревянном домике по улице Советской открылся первый клуб глухонемых (бывшее здание деревянной Привокзальной церкви), предоставленный президиумом Мингорсовета. До этого для глухонемых было выделено помещение в Домпросвета. Первым директором, был Гуфельд, с 1924 г. – С. Малаховский. 1 февраля 1935 г. учреждение возглавил В. В. Васютович (1892–1941 гг.), о чем свидетельствует справка № 3 от 20 января 1939 г., выданная Минским отделом народного просвещения Минского городского совета, в подчинении которого находился Минский клуб глухонемых. Клуб стал своеобразным центром, объединяющим глухонемых. Дочь Яблоковой М.И. Рафолович вспоминала: «В 1933–1934 гг. наша семья переехала из Витебска в Минск. Это был тяжёлый для страны период. В клубе... В. В. Васютович вместе с М. В. Яблоковой (1899–1965 гг.) организовывали учебные занятия и различные мероприятия с глухими, готовили и раздавали бесплатные обеды в те голодные времена... В. В. Васютович был убит 22 июня 1941 г. на крыльце клуба глухонемых при первой бомбёжке Минска в первый день войны» [17; 18].

Рядом с деревянным зданием клуба глухонемых располагался собор Казанской иконы Божьей Матери, построенный в неовизантийском архитектурном стиле, который имел величественный вид. В октябре 1914 г. епископ Минский и Туровский Митрофан освятил храм. Средства на возведение собирали железнодорожные служащие и правление Либаво-Роменской и Московско-Брестской железных дорог. В 1930 г. большевики закрыли каменный Свято-Казанский храм, сняли с него кресты и устроили в нем клуб железнодорожников, а деревянная церковь (находилась справа от храма), в которой был склад, передана клубу глухонемых. С левой стороны располагалась каменная часовня, где начиналась улица Ново-Московская, справа – улица Захарьевская (ныне Советская и Мясникова). Линия конки соединяла Брестский и Виленский вокзалы. Свято-Казанский храм взорвали в 1936 г. Руководство БССР (Гикало, Н. М. Голодод, А. Г. Червяков) наблюдали за уничтожением уникального храма с балкона Дома Правительства. Деревянная церковь осталась нетронутой [18, с. 80; 19; 20].

Стремление глухих активно участвовать в общественно-политической жизни страны, а также их самоорганизованность, то есть самостоятельность, не всегда находили поддержку у правительства БССР. Прежде всего это касалось формального выполнения официальных решений без учета специфики деятельности глухонемых. К тому времени руководители НКСО уже осознали, что ситуация требовала перемен, и предложили сделать упор на кооперацию и создании при центрах кооперации секций глухонемых. 22 декабря 1924 г. было утверждено положение о Секции глухонемых ВИКО (Всероссийское кооперативное объединение инвалидов) при НКСО [14, с. 67]. Тут следует заметить, что история повторяется, когда «...Союз

в 1918 г. заявил о себе Наркомсобесу, сумевшему втянуть глухонемых в свою работу и бросившему первые зачатки трудового устройства глухонемых... в Витебске и др. городах. ...Союз принужден был ликвидироваться» [14, с. 68].

Фото материал Минского клуба глухонемых на ул. Мясникова в 20-е гг. XX в. (на снимке: справа от собора Казанской иконы Божьей Матери деревянное здание церкви) из книги В. Лиходеева «Минск. Путешествие во времени»

Достаточно критическая ситуация в БССР была аналогичной и в РСФСР. Порвана была связь с массами, исчезла взаимная информация, особенно после ухода из Наркомсобеса в 1921 г. представителя глухонемых. Глухонемые практически оказались выброшенными на улицы, безграмотные, лишённые знания ремесел, гонимые из биржи труда, отверженные Собесами, без пенсии, без приюта, без поддержки государства. Спустя четыре года о них вспомнил Наркомсобес. «Приходится возвращаться к старому с новыми вывесками: вместо отвергнутого и закрытого Союза во Всероссийское объединение глухонемых...» [20].

«Поворот к старому красноречиво говорит, что дело глухонемых есть дело их самих, и нужно только всемерно идти им на встречу» [20]. С этого момента особенно активизировалась работа по организации окружных объединений глухонемых на территории нынешней Беларуси, создавались инициативные группы по объединению. Глухие не могли мириться со сложившейся ситуацией и начали осознавать важность создания отдельной общественной организации [20]. «Необходима известная автономность глухонемых во всех делах, до них относящихся. Из этого вытекает следствие, что и центр должен возглавляться только глухонемыми, и притом хорошо знакомыми со всеми вопросами, имеющими отношение к глухонемым» [14,

с. 62]. Глухие активисты тогда жестко раскритиковали Наркомсобес и других наркоматов, как было принято в те времена, подчеркивали «единодушную волю Конференции идти нога в ногу с началами Советской власти. Они понимали, что соглашаться на роль второстепенных в обществе, не отвечало их интересам. После распада Союза как посреднической организации активисты добивались того, чтобы был свой глухой представитель в НКСО, что, к сожалению, глухим не удалось.

Великий сурдопедагог Ф. А. Рау, директор Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых, приехавший из Германии в Россию и принимавший самое активное участие в жизни ВОГ, входил в комиссию по выработке положения о Домах труда и социального обеспечения для глухонемых и слепых в докладной записке от 17 августа 1921 г. Он писал, что «...глухонемых следует рассматривать как национальное меньшинство, которое хотя и обязано подчиняться государственным законам, но пользуется правом жить своей обособленной жизнью» [21, л. 76–76 об.]. Из этого следует вывод: не следует соединять глухих со слышащими ни в государственных и кооперативных мастерских, артелях НКСО, ни в инвалидных домах и т. д. Государство осознало этот факт и тогда начало создавать различные учреждения для глухих. Именно по этой причине одним из первых в 1921 г. был открыт «Дом труда молчаливых» в Витебске по улице Лабазной (ныне улица Чайковского). С целью объединения глухих был открыт Дом труда молчаливых, позже построено одноэтажное здание для их проживания и проведения культмассовых мероприятий [22, с. 5; 23], который имел швейную, столярную, обувную мастерские, общежитие, клуб, столовую и курсы по ликвидации безграмотности, где трудились 50 глухих. Первым директором был К. П. Афанасьев (глухой). В то же время (1923 г.) при НКСО БССР было создано Белорусское кооперативное объединение, насчитывающее 10 промысловых артелей инвалидов, которым предоставлялись определенные льготы, дотации, беспроцентные кредиты, они были освобождены от налогов, где также работали глухие, которые стремились к созданию своих объединений [23].

Следует заметить, что глухие, трудившиеся в кооперативном объединении испытывали дефицит полноценного общения с сотрудниками губернских и низовых отделов соцобеспечения, так как они недопонимали специфики работы с глухими, не владели жестовым языком, поэтому не могли определить их истинные запросы и нужды, не решали в полной мере задачи, которые были определены постановлением Наркоматов соцобеспечения, здравоохранения, просвещения и носили формальный характер. Глухие постоянно это чувствовали и продолжали борьбу за создание «объединения глухонемых». Однако государственные чиновники недопонимали, добиваясь ясности, для чего им нужен «союз глухих», претендующий на те же функции в отношении организации работы с глухими, которые взяло на

себя государство, а защиту их прав осуществляют профсоюзы. Власти отрицательно относились к тому, что глухие были не согласны с формальным отношением к себе и пытались заявить свой протест в полный голос.

21–25 сентября 1926 г. в Москве прошло Всероссийское совещание глухонемых, позже его назвали Первым съездом Всероссийского общества глухих, в котором группа глухонемых БССР не просто присутствовала в качестве гостей, но и имела право совещательного голоса [4, с. 87]. С целью изучения опыта создания ВОГ и сотрудничества с ведущей общественной организацией РСФСР глухие представители БССР Г. Шенкер, У. Берзнер (Минск), Е. Е. Потоцкий (Витебск), Бедрин, Д. П. Хорин (Гомель) присутствовали на созванном 21–25 сентября Всероссийском совещании глухонемых (Первый съезд ВОГ) с правом совещательного голоса [24], что именно содействовало скорейшей организации Белорусского объединения глухонемых (сокращенное название организации на белорусском языке «БАГ») [18].

29 декабря 1926 г. на общем собрании глухонемых приняли решение основать Гомельское объединение глухонемых при ВОГе, тогда же утвердили правление. Возглавил структуру Э. С. Лазаревич, в которую вошло около 100 человек. Устав объединения зарегистрировали в Гомельском окружном административном отделе 3 мая 1927 г. [24]. Уже в 1931 г. в состав БелОГ входило четыре райгортдела (Гомель, Минск, Витебск, Могилев). Аналогичные организации позже открылись в Бобруйске, Орше, Полоцке, Быхове и других городах [18]. Первая организация сыграла значительную роль как предвестник будущего объединения глухих Беларуси республиканского уровня.

Вместе с тем многочисленные группы глухонемых, которых к началу 1930-х гг. становилось все больше, требовали единого органа управления, который стал бы центральным звеном, регулирующим деятельность отдельных объединений. Глухие Беларуси нуждались во всесторонней поддержке. Следует заметить, что И. И. Фалин (1908–1991 гг.), переехавший в Минск из Смоленска, в 1930 г. написал российскому лидеру глухих П. С. Савельеву обращение, призвав ВОГ активно содействовать в организации создания БелОГ. ЦП ВОГ вскоре официально обратился по данному вопросу в СНК БССР [14, с. 478]. В июне 1931 г. Народный комиссариат социального обеспечения БССР сформировал Оргбюро «Белорусского объединения глухонемых» во главе с И. С. Гуфельдом. И. И. Фалин был избран заместителем председателя и ответственным секретарем Оргбюро по организации Белорусского объединения глухонемых [14, с. 478]. Заместителем председателя Оргбюро был назначен П. П. Павлович [24, с. 28]. В состав Оргбюро вошел и В. В. Васютович [18]. Из биографии И.И. Фалина известно, что он был обладателем членского билета ВОГ за № 1, будучи избранным в 1926 г. председателем Смоленского губернского отдела ВОГ [14, с. 478].

Был проведен учет глухонемых по всем областям республики при содействии органов социального обеспечения, состоялись межрайонные и городские конференции, были созданы оргбюро местных организаций, на которых повсеместно были избраны делегаты на Первый съезд БелОГ. Одновременно были отпечатаны 5000 членских билетов БелОГ, подготовлены отчет оргбюро, диаграммы и фотоэкспозиция о труде и жизни глухонемых БССР. К моменту открытия съезда по Белоруссии было учтено около 3500 тыс. глухонемых. Оргбюро провело значительную работу по оказанию им помощи в трудовом и бытовом устройстве, в организации на местах небольших культурчуждений [31]. Помощь в организационной подготовке Оргбюро к предстоящему съезду была оказана Ленинградским областного отделом ВОГ, который направил с этой целью на общественных началах заместителя председателя Б. М. Рашкова [24, с. 29]. Оргбюро подготовило необходимую документацию, и НКСО БССР обратился в СНК БССР с ходатайством о создании объединения глухонемых. 3 августа 1931 г. Совет Народных Комиссаров утвердил Положение Белорусского объединения глухонемых [2]. Эта дата стала официальным днем основания общества. Таким образом, Положение о «Белорусском объединении глухонемых» закрепило своими решениями сложившуюся в стране организацию новой общественной формации, определившую стратегию ее дальнейшего развития.

I Всебелорусский съезд глухонемых БССР, состоявшийся 1–3 июня 1932 г. в Минске, собрал 35 делегатов из 10 организаций глухонемых БССР [15]. Съезд открыл Народный комиссар НКСО БССР Е. К. Марусевич. Присутствовали Е. С. Каган (ЦК ВКП(б)), Н. Ф. Гикало (ЦК КП(б)Б), А. Г. Червяков, Н. М. Голодец (СНК БССР), К. Е. Ворошилов, представители Народных комиссариатов просвещения, здравоохранения и социального обеспечения БССР, корреспонденты газеты «Советская Белоруссия» и др. Среди приглашенных из РСФСР были председатель ЦП ВОГ Б. А. Савельев, председатель Ленинградского областного отдела Э. Л. Тотманин и член президиума Б. М. Рашков, председатель Смоленского областного отдела Б. А. Михайлов. Событие широко освещалось белорусской прессой и радио.

I Всебелорусским съездом был утвержден штат «Белорусского объединения глухонемых», который состоял из председателя, инспектора, переводчика и бухгалтера (на 0,5 ставки). И. И. Фалин был назначен инструктором Центрального правления и общественным заместителем председателя БелОГ [14, с. 478]. В 1932 г. открылись городские отделы в г. Минске, Витебске и Быхове. Первым председателем Оргбюро «Белорусского объединения глухонемых» был избран В. В. Васютович [18].

Как подчеркнул в 1931 г. И. И. Фалин в своей статье «Всебелорусское объединение оформлено» [16], в БССР окончательно создана общественная организация нового формата.

Таким образом, реконструкция одного из недостаточно изученных периодов свидетельствует о том, что первые предпосылки создания Белорусского объединения глухонемых были созданы в XIX – начале XX в., что значительно раньше, чем предполагали составители некоторых справочных источников.

Проблема глухих Российской империи в данный период была обусловлена дефицитом полноценной коммуникации между глухими и с сотрудниками губернских и низовых отделов соцобеспечения, так как они недопонимали специфики работы с глухими, не владели жестовым языком, поэтому не могли определить их истинные запросы и нужды, не решали в полной мере задачи, которые были определены постановлением Наркоматов соцобеспечения, здравоохранения, просвещения и носили формальный характер. Инвалиды по слуху ощущали дискриминацию по отношению к себе со стороны общества и продолжали борьбу за создание «объединения глухонемых», способного защитить их права и интересы. Первые школы глухих, находившиеся при Попечительстве императрицы Марии Федоровны, служили зародышем создания и укрепления общественных связей между организациями глухих. Одним из предвестников перемен в их жизни явилось Санкт-Петербургское училище глухонемых, ставшее одной из первых кузниц подготовки демократически настроенной и образованной интеллигенции из среды своих выпускников, стоявших у истоков становления Белорусского объединения глухонемых. Результатом многолетней борьбы глухих за свои права в 1931 г. стала окончательно оформленная общественная организация нового формата.

Список использованных источников

1. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф.1112, Оп.2.
2. Положение о Белорусском Объединении Глухонемых : утв. постановлением СНК БССР, 3 авг. 1931 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. Правительства Белорус. ССР. Отд. 1. – 1931. – № 36. – Ст. 232.
3. *Герценштейн, Г.* Глухонмота и глухота / Г. М. Герценштейн // Энциклопедический словарь: в 82 т., 4 доп. т. / издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – СПб.: Семенов. типо-лит. (И.А. Ефрона): Тип. Акц. об-ва. Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. – Т. Villa: Германия. – Го, 1893. – С. 905–911.
4. *Ильменский, А.* Статистический очерк о глухонемых в России / А. Ильменский. – СПб., 1906.
5. *Моторова, Н. С.* Социальная политика Российской империи на территории Беларуси (1861–1914): монография / Н. С. Моторова. – Минск: Нац. б-ка Беларуси, 2019. – 350 [1] с.
6. Основные положения состоящего под августейшим покровительством... Попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых. – СПб., 1898; *Векслер, А. Ф.* Попечитель / А. Ф. Векслер // Родина. – 1992. – № 11/12. – С. 123–128.

7. *Богданов-Березовский, М. В.* Положение глухонемых в России. С обзором современного состояния вопроса о восстановлении слуха у глухонемых / М. В. Богданов-Березовский. – СПб.: Поп-во государыни имп. Марии Федоровны о глухонемых, 1901. – XII. 293. [3] с.: 10 ил.
8. *Лаговский, Н. М.* Санкт-Петербургское училище глухонемых (1810–1910) / Н. М. Лаговский. – СПб., 1910. – С. 143–144.
9. *Григорьев, А. Д.* (ученый-истрик; 1949–). Становление и развитие социальной работы на Беларуси (X – XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А. Д. Григорьев; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2000. – Библиогр.: л. 206–408 (705 назв.).
10. История становление и развития специального образования детей с особенностями психофизического развития в Беларуси / И. М. Бобла, И. Ю. Макавичик. – Минск: БГПУ, 2010. – С. 180.
11. *Флэри, В. И.* Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования, самым свойственным их природе / В. И. Флэри. – СПб.: Тип. А. Плюшара, 1835. – XII, 306 с.
12. *Мелеховец, В. Ф.* Кооперация инвалидов по слуху глухих в 20-е гг. XX в. / В. Ф. Мелеховец // Весці БГПУ. Серыя 2. – 2019. – № 4. – С. 51–59.
13. *Бобла, И. М.* Первый глухой сурдопедагог Беларуси / И. М. Бобла // Коммуникация (под ред. В. Ф. Мелеховца). – 1998. – № 1. – С. 10–13.
14. История ВОГ. Т. 1 / сост. В. А. Паленный. – М., 2007. – 688 с.
15. *Фалин, И.* Готовится Первый съезд глухонемых Беларуси / И. Фалин // Жизнь глухонемых. – 1931. – 25 нояб.
16. *Фалин, И.* Глухонемые Белоруссии идут в ногу со всем рабочим классом. Всебелорусское объединение оформлено. Итоги Всебелорусского съезда / И. Фалин // Жизнь глухонемых. – 1932. – 30 июня.
17. *Мелеховец, В. Ф.* Династия Васютовичей: годы, отданные глухим / В. Ф. Мелеховец // Коммуникация. – 1999. – № 3. – С. 5.
18. *Мелеховец, В. Ф.* Организационное становление «Белорусского объединения глухонемых» (1931–1952 гг.) / В. Ф. Мелеховец // Весці БГПУ. Серыя 2. – 2018. – № 4. – С. 79–87.
19. Минск старый и новый. – Режим доступа: <http://minsk-old-new.com/places/ulicy/ploshhad-myasnikova>. – Дата доступа: 15.10.2020.
20. *Мелеховец, В. Ф.* Предпосылки создания Белорусского общества глухих (XIX – начало XX вв.) / В. Ф. Мелеховец // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: III Междунар. студ. науч.-теорет. конф., Минск, 18 апр. 2018 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; В. В. Косович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 51–53.
21. Государственный архив Российской Федерации – Ф. 511. Оп. 1. Д. 5.
22. Жизнь в мире молчаливых: хронология событий / сост. Л. И. Соколовская. – Витебск: Витеб. обл. тип., 2006. – 87 с.
23. *Мелеховец, В. Ф.* Кооперация инвалидов по слуху глухих в 20-е гг. XX в. / В. Ф. Мелеховец // Весці БГПУ. Серыя 2. – 2019. – № 4. – С. 51–59.

24. История Белорусского общества глухих: в 2 ч. / авт.-сост. С. К. Ганеева, ред. В. Ф. Мелеховец, С. П. Сапуто [и др.]. – Минск: ГУ БелИСА, 2016. – Ч. 1.
25. Выйти из узких рамок «своей» организации // Газета «Жизнь глухонемых». – 1934. – С. 6–7.
26. Мелеховец, В. Ф. Яков Забедеуш Фальковский / В. Мелеховец. – Минск, 2015.
27. Мелеховец, В. Ф. Император и императрица / В. Ф. Мелеховец // Коммуникация. – 2000. – № 1. – С. 3–11.
28. Меллер, А. А. Об основании училища глухонемых в Санкт-Петербурге. (Письмо старейшего воспитанника к господину директору училища П. И. Степанову) / А. А. Меллер. – М., 1872.
29. Пятидесятилетие Санкт-Петербургского училища глухонемых. – СПб., 1860.
30. Мелеховец, В. Ф. Санкт-Петербург: Императорское училище глухонемых / В. Ф. Мелеховец. – Минск. – 2001.
31. Мелеховец, В. Ф. История Белорусского общества глухих / В. Ф. Мелеховец. – Минск, 2000.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Д. А. Мигун

Республиканский институт высшей школы, Минск

D. Migun

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 327(476:430)(091)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ЭКСПОРТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 20–30-Х ГГ. И БЕЛАРУСЬ

SOVIET-GERMAN EXPORT RELATIONS IN THE 20–30 S. AND BELARUS

В статье подробно исследуется процесс установления и развития советско-германских экспортных отношений в 20–30-х гг. XX ст. и места Беларуси в них. Автор тщательно исследует содержание экспортно-импортных связей между Германией и большевистской Россией и их значение для Беларуси. На основании тщательного анализа архивных, статистических, программных документов и теоретических концепций автор приходит к выводу, что с подписанием Рапальского договора открывались широкие возможности для установления и развития на новом уровне политических, дипломатических и экономических отношений Беларуси и Германии.

Ключевые слова: Германия; Веймарская республика; Советская Россия; Рапальский договор; внешняя торговля; торговые выставки.

The article examines in detail the process of establishing and developing Soviet-German export relations in the 1920 s and 1930 s. XX century and the place of Belarus in them. The author carefully examines the content of export-import relations between Germany and

Bolshevik Russia and their significance for Belarus. Based on a thorough analysis of archival, statistical, program documents and theoretical concepts, the author comes to the conclusion that with the signing of the Rapallo Treaty, great opportunities opened up for the establishment and development of political, diplomatic and economic relations between Belarus and Germany at a new level.

Keywords: Germany; Weimar Republic; Soviet Russia; Rapallo Treaty; foreign trade; trade exhibitions.

Германия и БССР в 1920–1930-е гг. строили свои экономические и политические взаимоотношения на основе заключенного в 1922 г. Рапалльского договора.

Новый этап в германо-белорусских отношениях начался с открытием в Берлине торгового представительства БССР. Торговое представительство БССР открылось в Берлине только после того, как был подписан так называемый «торговый договор». Сначала в Берлин прибыл уполномоченный Наркомвнешторговли РСФСР в Германии Б. С. Стомоняков [1, с. 38–39], а потом Н. Мороз, который временно выполнял функции официального представителя в Германии.

В марте 1922 г. Наркомвнешторг Беларуси направил в Берлин своего полномочного представителя. Им стал Ю. В. Гольдштейн. Как следует из выписки из распоряжения по торговому представительству РСФСР в Германии № 53 от 23.05.1922 г., «распоряжением СНК ССРБ товарищ Ю. В. Гольдштейн будет представлять НКВТ Беларуси при торговом представительстве РСФСР в Германии» [2, л. 11]. Ему предоставлялось право давать поручения всем отделам торгового представительства в отношении выполнения нарядов и поручений, получаемых им от НКВТ Беларуси. Далее указывалось на то, что все отделы представительства приглашаются оказывать товарищу Гольдштейну всемерное содействие при исполнении им обязанностей представителя НКВТ Беларуси [2, л. 11].

За три года, с 1923 по 1925 г., удельный вес в использовании экспорта Беларуси увеличился в три раза. По мнению профессора В. А. Космача, во второй половине 1920-х гг. на долю Берлина приходилось уже две трети всего экспорта белорусских товаров за рубеж [3, с. 40]. Также В. А. Космач считает, что «и во внутреннем импорте БССР Германия также вышла на первое место по поставкам своих товаров в Беларусь. В импортных закупках республики удельный вес продукции германского происхождения увеличился на 40 %. В 1926–1927 гг. БССР закупила в Германии импортных товаров на 1830,7 тыс. руб., при экспорте туда товарной продукции на 2989,1 тыс. руб. Примерно такое же положение сложилось в советско-германских торгово-экономических связях 20-х – начала 30-х гг. в целом. Веймарская Германия являлась тогда главным стратегическим торговым партнером СССР» [3, с. 40].

Наиболее значительными предметами вывоза в Германию были щетина, пушнина, кожсырье, конский волос, скипидар, смола, деготь, орехи, грибы, мясо птицы, лес [4, с. 229–230]. В свою очередь ассортимент импорта из Германии в Беларусь включал машины, станки, хирургические инструменты, микроскопы, красители, ткани, проволоку, лабораторные принадлежности, сельскохозяйственные машины и оборудование, трубы, плуги, ножи, селитру, медицинские препараты и др. [5, с. 102].

Белгосторг был основан в 1922 г. как Белорусское отделение Госторга РСФСР. В январе 1924 г. он перешел на самостоятельное положение Республиканского Госторга. Правление Белгосторга находилось в Минске. Капитал Белгосторга на 1 октября 1926 г. составлял 2,5 млн руб. [6, с. 48].

Общий торговый оборот Белгосторга составил 11,3 млн. руб. в 1925–1926 г. и около 11, 8 млн руб. в 1926–1927 г. [6, с. 48]. Экспорт Белгосторга на 1926–1927 гг. (представлен в таблице 1)¹.

Таблица 1

Экспорт Белгосторга на 1926–1927 гг.

Наименование товаров	Сумма вывоза в тыс. руб.	% к итогу
1. Льняное семя и жмыхи	438	9,5
2. Пушнина	1345	29
3. Щетина	1329	29
4. Коноволос	234	5
5. Кишки	28	0,5
6. Кожсырье	73	1,5
7. Лен	543	12
8. Пенька	34	1
9. Лекарственное сырье	71	1,5
10. Яйца	200	3,5
11. Продукты сухой перегонки дерева	71	1,5
12. Прочие сельхозтовары	273	6
Всего:	4639	100

В 1925–1926 гг. Белгосторгом было заготовлено экспорттоваров на сумму 6973 тыс. рублей против 5497 тыс. рублей в 1924–1925 гг., что составляет 126,8 % [6, с. 48]. По предметам заготовка распределилась следующим образом (таблица 2)².

¹Таблица составлена автором статьи на основании данных [6, с. 48]

²Таблица составлена автором статьи на основании данных [6, с. 48].

Таблица 2

Экспорттовары, заготовленные Белгосторгом в 1925–1926 гг.

Наименование товаров	% к итогу
1. Кожсырье	21,29
2. Льноволокно	10
3. Щетина	18,8
4. Льняное семя	7,42
5. Яйца	6,58
6. Тряпье	7,49
7. Пушнина	4,14
8. Второстепенные статьи экспорта	24,28
Всего:	100

Второстепенные статьи экспорта включали такие товары, как «мед, жмыхи, грибы, лекарственное сырье, скипидар, смола, раки» [6, с. 48].

Следует отметить, что представители деловых кругов Германии вступали в активные контакты с промышленными предприятиями и торговыми организациями Беларуси. Во второй половине 1920-х гг. Госторгбел закупал крупные партии оборудования и машин у целого ряда германских фирм для различных учреждений и организаций, промышленных предприятий и трестов Беларуси. Профессор В. А. Космач считает, что «в активные прямые контакты в 20–30-х гг. XX в. с промышленными предприятиями и торговыми организациями Белоруссии могли вступать не менее 150–200 германских фирм» [5, с. 109].

Экономическое положение Восточной Пруссии, постепенно превращавшейся в германский оплот на Востоке, чрезвычайно осложняли последствия Версальского договора. Местные предприниматели и бизнесмены посоянно лоббировали в Берлине вопрос о развитии местной экономики. Импульсом в этом процессе послужила организация Кёнигсбергской Восточноевропейской ярмарки. «Ярмарка имела универсальный характер, представляла самые разнообразные товары промышленного и сельскохозяйственного назначения и сопровождалась целым рядом специальных мероприятий, начиная от выставок породистого скота или летательных аппаратов и заканчивая экспонированием произведений изобразительного искусства и народных промыслов» [7, с. 45]. В рамках ярмарки с марта 1923 г. стала регулярно проводиться Лесная выставка. В ярмарке принимали представители прибалтийских и центальноевропейских деловых кругов. Но устроителей также интересовал и Советский Союз.

В 20-х гг. Германия являлась вторым после Англии наиболее крупным потребителем импортного леса в Европе [8, с. 251]. Из таблицы¹ отчетливо видна динамика торговли Германии лесными товарами с СССР (таблица 3).

Таблица 3

**Динамика торговли СССР и Германии лесными товарами
за период с 1929 по 1930 гг.**

	1928 г.		1929 г.		1930 г.	
	Тыс. тонн	%	Тыс. тонн	%	Тыс. тонн	%
Всего тонн	8963,4	100	7044,6	100	5621,9	100
В том числе из СССР	401,5	4,5	991,5	14,1	1302,0	23,2

Свидетельством заинтересованности германских фирм в торговом сотрудничестве с БССР является то, что уже в феврале 1924 г. Советская Беларусь в числе других советских республик Союза ССР была официально приглашена германскими промышленно-торговыми кругами на проведение II Восточноевропейской лесной ярмарки в Кёнигсберге 25–28 марта 1924 г., где известные в то время белорусские торгово-промышленные организации «Лесбел» и «Западлес» демонстрировали свою продукцию [9, л. 35].

В материале для докладчиков, пропагандистов и агитаторов «Увеличить экспорт – наша боевая задача» изданном на основании решений и резолюций принятых в ходе XV съезда ВКП(б) прежде всего отмечалось, что «заграничная торговля в СССР находится полностью в руках пролетарского государства и служит важнейшим орудием, которое содействует укреплению диктатуры пролетариата и обеспечивает развитие социалистических элементов народного хозяйства» [10, л. 397]. Далее там сказано о том, что «БССР также вносит свою долю в общий экспорт Советского Союза и получает импортные товары для своей промышленности, сельского хозяйства и других хозяйственных и культурных потребностей. Так, за 1925–1926 гг. БССР вывезла в общей сложности товаров на 7,5 млн руб., а в 1926–1927 гг. на 8,5 млн руб. По плану на 1927–1928 гг. экспорт составлял 11,6 млн руб» [10, л. 398].

Отмечалось, что «Беларусь прежде всего продает за границу – лес; сосновые и еловые бревна и пиломатериалы, дубовые кряжи, бондарную клепку, фанеру из ольхи, также осину, ясень и др. За 1926–1927 гг. всяким лесоматериалов было вывезено на сумму около 2,75 млн руб. Вторым по важности предметом белорусского экспорта является щетина. В обработанном виде ее в 1926 году было вывезено на сумму в 1,4 мил. руб., а в 1927–1928 гг. вывоз ее должен превысить 2 млн руб.

¹Таблица составлена автором статьи на основании данных [8, с. 253].

Вывоз мехов пушных зверей превысил миллион руб., и лен (по одной Белгостторговле) – 1,5 млн руб., льняных семян и жмыхов – 0,6 млн руб. Из иных товаров наиболее значительные: сырые шкуры (меховые) – 1,5 млн руб., грибы (310 тыс. руб.), конский и иной волос (более 300 тыс. руб.), кишки и телячьи желудки (260 тыс. руб.), сырые шкуры (190 тыс. руб.), яйца (165 тыс. руб.), смолопродукты (125 тыс. руб.), лекарственные травы и сморчки (110 тыс. руб.). В небольшом количестве вывозились: живые гуси, пенька, тряпье, коровья шерсть, раки, яблоки, картошка, брусника, огуречные семена, льняной пух» [10, л. 398].

Примечательно то, что в материале для докладчиков, пропагандистов и агитаторов «Увеличить экспорт – наша боевая задача» указывалось на то, что «кроме лесоматериалов, важнейшую роль в нашем вывозе играют продукты животноводства и вообще животного происхождения (за 1926–1927 гг. было вывезено товаров на сумму около 3,9 млн руб., включая пушные меха) и технические культуры на 1,1 млн руб. Остальной экспорт является довольно пестрым по номенклатуре, не достиг и 0,75 млн руб., при чем основными его частями являются грибы, лекарственное сырье и смолопродукты» [10, л. 398]. В пункте 6 данного материала под названием «Экспорт нам надо увеличить» отмечается, что «с точки зрения общесоюзного экспорта, в экспорте БССР большинство статей принадлежит к числу второстепенных по значению, частично таких, вывоз которых еще только начинается и на которые до этого времени обращалось мало внимания» [10, л. 398–398об]. Потребность индустриального строительства, которое разворачивается, диктует необходимость увеличения экспорта по всей линии, выдвигая эти второстепенные экспортные ресурсы на первый план.

26 июля 1928 г. Наркомторг БССР информировал ряд организаций (Лесбел, Госторгбел, Белщетину, Белсельсоюз, Белкоопсоюз, Белкустпромсоюз, Белсельтрест) о необходимости принять участие в проведении в г. Кёнигсберге международной промышленной ярмарки 11–14.07.28 [10, л. 215]. Как указывалось в этом документе, на данной ярмарке планировалась организация особого белорусского отдела, для которого должны быть выделены из БССР необходимые экспонаты (образцы, сопровождаемые пояснениями, диаграммы и прочее). В примерном перечне товаров для БССР, рекомендуемых Торгпредством СССР в Германии, указываются: «лесоматериалы и фанера, щетина, кишки, лекарственные травы, лен и пенька, смолопродукты, яйца, сыр, мед и др.» [11, л. 215].

Также Беларусь приглашалась на проведение Международной Лейпцигской выставки в августе 1928 г. [11, л. 111].

В соответствии с постановлением Правительства БССР в августе 1930 г. в Минске открылась Первая Всебелорусская выставка сельского хо-

зяйства и промышленности [12, л. 2]. В руководстве БССР считали, что данная выставка будет иметь исключительно важное значение в политической и хозяйственной жизни страны [12, л. 4]. В целях ознакомления с новейшим заграничным оборудованием, приборами и инструментами, могущими найти полезное применение в условиях БССР, планировалось пригласить на выставку соответствующие иностранные фирмы и организации.

На обращение Торгового представительства СССР в Берлине в адрес Главного выставочного комитета Первой Всебелорусской выставки сельского хозяйства и промышленности в Минск поступили многочисленные запросы от германских фирм, предлагавших гораздо более широкий ассортимент оборудования, чем планировали устроители. В письме Торгового представительства СССР в Берлине в адрес Главного выставочного комитета Первой Всебелорусской выставки сельского хозяйства и промышленности от 10.04.1930 г. указывалось, что «4 немецкие фирмы заявили о своем согласии принять участие в проведении выставки. Это: “Зейц-Верке”, “Грушвиц”, “Саториус-Верке”, “Кремат-Верк Гайзинг” [12, л. 137]. Как следует из письма Торгового представительства СССР в Берлине в адрес Главного выставочного комитета Первой Всебелорусской выставки сельского хозяйства и промышленности от 26 апреля 1930 г., «немецкая фирма “Биндер” своим письмом от 23 апреля 1930 г. известила нас, что по причине громоздкости ее экспонатов, она не в состоянии принять участие на выставке. Фирма предлагает представить соответствующие печатные материалы по ее фабрикатам, по получении которых мы не замедлим их переслать» [12, л. 123].

Но некоторые германские фирмы отказались от участия в выставке – это «“Фрембс и Фрейданберг”, “Агра-Машиненфабрик”, “Зименс и Хальске”, “Езеф Фегеле”, “Рудольф Вернике Хейлигенбейль Остпрейсен»» [12, л. 137]. А 12 фирм вообще не ответили ничего [12, л. 137, 137 об].

По мнению профессора В. А. Космача, «сказывался рост антисоветских настроений в Германии, а также недовольство немецкой стороны жесткой таможенной политикой, коррупцией и ростом бюрократических препятствий во внешнеторговых ведомствах и аппарате СССР, включая Белоруссию» [5, с. 114].

Следует отметить, что «БССР за период с 1928 г. по 1933 г. увеличила свой экспорт в 3 раза по сравнению с 1926–1927 гг.» [13, с. 24]. Структуру вывоза БССР за этот период можно охарактеризовать данными, представленными в таблице 4¹.

Как следует из отчета народного комиссариата внешней торговли, по своим основным товарам БССР давала на экспорт (в % ко всему экспорту СССР) лес – 7 %, спички – 46 %, стекло-фарфор – 10 %, лесохимия –

¹Таблица составлена автором статьи на основании данных [13, с. 24].

9 %, лен – 6%, чесаный лен и отчесы – 18 %, крахмалопродукты – 6 % [13, с. 24]. По выполнению планов на экспорт БССР стояла ниже РСФСР и УССР. Только в 1933 г. в БССР намечалось лучшее выполнение планов – на 97 % [13, с. 24].

Таблица 4

Экспорт БССР за период с 1928 по 1933 гг.

Годы	Отгрузка на экспорт (в млн руб)	Удельный вес с.-х	(в %) пром.	Удельный вес в эксп. СССР
1928–1929	20	42	58	2,4
1930	22	27,7	72,3	1
1931	23	34,9	65,1	1,7
1932	25	39,9	60,1	2,3
1933	30	39,4	60,6	2,5

В целом период 1929–1934 гг. в области внешней торговли, совпадает с годами грандиозного строительства во всех отраслях народного хозяйства СССР, с годами первой пятилетки. Данное строительство потребовало колоссальных объемов импорта оборудования, полуфабрикатов и сырья. Соответственно с таким импортом возникла острая потребность в перестройке организационной структуры экспортной работы.

Еще в 1929–1930 гг. НКВТ была проведена обширная реорганизация всей экспортной работы, выразившаяся в создании 20 экспортных объединений, специализировавшихся на определенной товарной номенклатуре. Через эти объединения в основном осуществлялись как мобилизация экспортных ресурсов, так и размещение товаров на внешних рынках. Благодаря расширению экспорта Советскому Союзу удалось успешно реализовывать свои товары на мировых рынках и расширить круг государств для торговых отношений [13, с. 10]. Объем экспорта СССР в ценностном выражении по данным таможенной статистики за 1929–1934 гг. представлен в таблице 5¹.

Таблица 5

Экспорт СССР за период с 1929 по 1934 гг.

1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г. (8 мес.)
923,7	1036,3	811,2	574,9	494,9	266,6

Следует признать, что планомерное наращивание темпов индустриализации в СССР к 1931 г. позволял во все усиливающейся степени заменять импорт машин и оборудования продукцией собственных заводов. Это приводило к постепенному сокращению экспорта. Мировой экономический кризис, последовавший за стабилизацией середины 20-х гг. создавал до-

¹Таблица составлена автором статьи на основании данных [13, с. 10].

полнительные трудности в деле размещения советских товаров на внешних рынках. Этот кризис привел к падению цен и сократил валютную выручку СССР (таблица 6)¹.

Таблица 6

Валютная выручка СССР от экспорта за период с 1929 по 1933 гг.

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Фактическая выручка от экспорта	100	112,2	87,8	62,3	53,7
Фактический объем советского экспорта	100	127,5	123,4	115,2	107,9
Индекс оптовых цен	100	87,6	70,8	53,3	50,2

В результате расширения круга стран, в которые вывозились экспортные товары из СССР, участие европейских стран в экспорте за период 1929–1933 гг. снизилось до 75,2 % от общей его суммы, в то время как в период 1922–1927 гг. оно колебалось между 80–90 %, причем на долю Англии и Германии вместе приходилось более половины всего советского экспорта (таблица 7)².

Таблица 7

Динамика торговли СССР и Германии за период с 1929 по 1934 гг.

1929 г.		1930 г.		1931 г.		1932 г.		1933 г.		1934 г. (8 мес)	
млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
215,1	26,3	205,7	22,1	129,3	18,1	100,5	21,2	85,7	20,4	52,7	24,8

Удельный вес Германии уменьшился с 26,3 % в 1929 г. до 20,4 % в 1933 г.

В 1934 г. был подписан экономический протокол СССР с Германией. Как следует из секретной «Записки заместителя наркома внешней торговли СССР Ш. З. Элиавы Л. М. Кагановичу о подписании советско-германского протокола по увеличению экспорта из СССР в Германию» от 14 августа 1934 г. № 449, «в связи с Вашим запросом в личной беседе со мной 13 августа сообщаю, что подписанный с немцами заключительный протокол, о котором было опубликовано в германских газетах, является результа-

¹Таблица составлена автором статьи на основании данных [13, с. 11–12].

²Таблица составлена автором статьи на основании данных [13, с. 19].

том работ комиссии, созданной немцами на основании соглашения с нами от 20 марта 1934 г. о пролонгации части кредита в 110 млн марок. Этим соглашением предусматривалось обязательство немцев довести реализацию советских товаров в Германии примерно, до 200 млн марок. Для проведения этого обязательства и была создана специальная комиссия, которая обсуждала возможные мероприятия со стороны германского правительства для повышения нашего экспорта в Германию» [14, с. 64].

В плане экспорта БССР в 1933–1934 гг. наблюдался не только количественный, но и качественный рост [15]. Весь экспорт БССР вырос в 1933 г. на 20,5 % против 1932 г. и на 43,6 % против 1931 г. [15] (таблица 8)¹.

Таблица 8

Динамика экспорта БССР за период с 1931 по 1933 гг.

	1933 г. по отношению к 1931 г. в %	Удельный вес БССР в общем экспорте	
		1931 г.	1933 г.
А. С.-х экспорт	132,6	29,2	27
В том числе:			
I гр. Продукция земледелия	118,4	10,4	8,6
II гр. Продукция животнов. и птицевод	120,3	12,5	10,5
III гр. Продукция звероводства и рыболовства	180,4	6,3	7,9
Б. Промэкспорт	148,1	70,8	73
В том числе:			
IV гр. Лесная промышленность	108,8	56,2	42,6
V гр. Пищевая промышленность	167,6	0,8	0,9
VI гр. Прочие отрасли промышленности	306,8	13,8	28,5

Постепенно повышался экспорт промышленной продукции. При этом характерен рост более чем в три раза экспорта товаров, идущих под рубрикой «прочие отрасли промышленности», куда входят спички и стеклоизделия, и повышение этой группы более чем в два раза.

Также необходимо учитывать, что в 1933 г. почти вдвое увеличились на экспорт заготовки пушмехсырья (против 1931 г.), значительно увеличилась сдача на экспорт льноволокна, впервые в экспорте фигурировало коровье масло, что несколько замедлило падение удельного веса всей группы сельскохозяйственного экспорта [15].

Значительную часть в экспорте Белоруссии 1934–1935 гг. занимала продукция лесной промышленности [16]. В 30-х гг. лесная промышленность БССР выполняла на экспорт программу, состоящую из высокообработанно-

¹Таблица составлена автором статьи на основании данных [15].

го ассортимента. Вообще БССР в середине 30-х гг. занимала ведущее место в союзном плане по экспорту фанеры [16]. Вывоз экспортной фанеры из Белоруссии составлял по отношению к союзному плану больше 35 % [16]. Это было связано с тем, что в БССР были сконцентрированы лучшие фанерные заводы СССР. Увеличение выработки и отгрузки экспорта фанеры в 1934 г. шло за счет высших и средних сортов при почти стабильной цифре низших сортов.

В сообщении агентства БЕЛТА на страницах газеты «Рабочий» от 22 ноября 1935 г. указывалось, что «германская печать за последнее время проявляет повышенный интерес к советской экономике и особенно к внешней торговле СССР. Экономическая печать высказывает опасения насчет возможного перенесения значительной части советских заказов из Германии в Англию» [17].

Далее в этом же сообщении говорилось, что берлинские газеты от 20 ноября почти полностью воспроизводят статью председателя «русского комитета германского хозяйства» Фрица Чунке, помещенную в журнале «Оствиртшафт». В своей статье Чунке подробно излагает успешное развитие германо-советских экономических отношений за время существования германо-советского торгового договора заключенного в 1925 году. Автор статьи с сожалением отмечает, что за последнее время значительное количество специальных машин и оборудования Советским Союзом закуплено в конкурирующих с Германией странах [17]. Председатель «русского комитета германского хозяйства» Фриц Чунк высказывает надежду, что Советский Союз «снова вернется к соответствующим идеям германской промышленности. При этом автор признает, что «расширение русского вывоза в Германию при известных предпосылках соответствует также германским интересам» [17]. В заключение автор подчеркивает, что Советский Союз и Германия в одинаковой степени заинтересованы и развитии взаимного торгового оборота и что этот вопрос стоит в тесной связи с размещением русских заказов в Германии на 1936 год [17].

«Берлинер берзецейтунг» помещает статью Чунке и одновременно приводит сообщение агентства «Ост – экспресс» об успешном ходе реализации германо-советского «кредитного соглашения, заключенного в апреле сего года. По данным агентства, до сих пор на основе этого соглашения размещено в Германии светских заказов на сумму 80 млн марок и текущих заказов на 25 млн марок [17].

Список использованных источников

1. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док.: в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2011. – Т. 1: 1920–1926. – 1031 с.
2. Мандат Полномочного представителя Управления Уполнаркомвнешторга СССР при СНК БССР в Германии Ю. В. Гольштейна, удостоверения, выданные частным лицам на право заготовки товаров за пределами БССР // НАРБ. – Ф. 126. Оп. 1. Д. 92.

3. *Космач, В. А.* Палітыка Рапала і беларуска-германскія гаспадарча-эканамічныя, навукова-тэхнічныя і культурныя сувязі ў 1922–1932 гг.: стан, праблемы і вопыт / В. А. Космач // Беларуская-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы: матэрыялы Міжнар. «круглага стала», Мінск, 29–30 крас. 1996 г. / Ададзена культуралогіі і духоўн. сувязей сусед. народаў Міжнар. акад. навук Еўразіі, Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны пры М-ве адукацыі і навукі Рэсп. Беларусь; рэдкал.: Л. Кулажанка [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 39–46.

4. Внешняя торговля СССР за период 1918–1927/28 гг.: стат. обзор / под ред. А. П. Винокура, С. Н. Бакулина. – Л.; М.: Снабкоопгиз, тип. им. Т. Лоханкова, 1931. – 847 с.

5. *Космач, В. А.* Накануне и после Рапалло: Беларусь и Германия в 1920-е – начале 1930-х гг. (страницы истории) / В. А. Космач. – Псков: Логос, 2017. – 354 с.

6. Энциклопедия советского экспорта: в 2 т. / СССР. Торговое представительство в Германии. – Берлин: Торговое представительство СССР в Германии, Центросоюза и Госторга, 1928–1932. – Т. 1: Общая часть. Хлеб. Статистика экспорта СССР / Б. С. Бельский [и др.]. – 1928. – 580 с.

7. *Костяшов, Ю. В.* Кёнигсбергская Восточная ярмарка и СССР (по материалам ГАРФ) / Ю. В. Костяшов // Балтийский регион в международных отношениях XVIII–XX вв.: тезисы Междунар. науч. конф., Калининград, 10–11 окт. 2003 г. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – С. 45–47.

8. *Рейнберг, С. А.* Внешняя торговля лесом / С. А. Рейнберг. – 2 изд., перер. и доп. – Л.; М.: Гос. лесное техн. изд., тип. им. Евг. Соколовой в Лгр., 1933. – 583 с.

9. Циркуляры Наркомвнешторга и Народного комиссариата по иностранным делам (НКИД) СССР, положения о порядке выдачи уполномоченными Наркомвнешторга СССР заграничных служебных паспортов и разрешений на выезд за границу, отделе государственной хлебной инспекции Наркомтруда СССР и его местных органах, проекты должностных инструкций директора-распорядителя Госторгбела, штатное расписание Управления Уполнаркомвнешторга СССР при СНК БССР, утверждено СНК БССР 9 июня 1924 г. Программа 2-й восточно-европейской ярмарки в г. Кёнигсберге (25–28 мая 1924 г.) // НАРБ. – Ф. 126. Оп. 1. Д. 129.

10. Переписка с Наркомторгом СССР, представительствами БССР и торговыми организациями об экспорте и импорте товаров // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 117. Оп. 1. Д. 528.

11. Переписка с торговыми представительствами СССР за границей об экспорте товаров // НАРБ. – Ф. 117. Оп. 1. Д. 538.

12. Список экспонатов, сельхозмашин и инвентаря, переписка с заграничными организациями // НАРБ. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 87.

13. Внешняя торговля к VII съезду Советов СССР: Отчет народного комиссариата внешней торговли. – М.: Внешторгиздат, 1935. – 68 с.

14. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док.: в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2011. – Т. 3: 1933–1941. – 1031 с.

15. *Флиор, И.* Белоруссия в борьбе за экспортный план / И. Флиор // Внешняя торговля. – 1934. – № 5. – С. 10.

16. *Ресин, А.* Лесной экспорт Белоруссии на подъеме / *А. Ресин* // Внешняя торговля. – 1935. – № 9. – С. 17.

17. Германская печать о германо-советских экономических отношениях // Рабочий. – 1935. – 22 нояб. – С. 4.

(Дата подачи: 17.02. 2021 г.)

Л. В. Мікалаева

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі,
Мінск

L. Mikalayeva

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 930(474.5+438)

РАЗГЛЯД СТАСУНКАЎ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА З КАРАЛЕЎСТВАМ ПОЛЬСКИМ У КАНЦЫ XIV – СЯРЭДЗІНЕ XVI СТ. У ПОЛЬСКОЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX – ПАЧАТКУ XXI СТ.

CONSIDERATION OF THE RELATIONS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA WITH THE KINGDOM OF POLAND IN THE END OF THE XIV – THE MID OF THE XVI CENTURY IN POLISH HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

У артыкуле даецца кароткая характарыстыка дзейнасці важнейшых прадстаўнікоў польскіх гістарыяграфічных школ, якія займаліся вывучэннем узаемаадносін паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Каралеўствам Польскім у канцы XIV – сярэдзіне XVI ст. з пасляваеннага перыяду да пачатку XXI ст. Робіцца выснова аб тым, што ў разглядаемы перыяд польскімі гісторыкамі быў зроблены значны ўклад у даследаванне дадзенай тэмы і закладзены падмурак для далейшых навуковых пошукаў.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; знешняя палітыка; Вялікае Княства Літоўскае; Каралеўства Польскае.

The article provides a brief characteristic of the activities of the most important representatives of the Polish historiographic schools who studied the relationship between the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland in the end of the XIV – the mid of the XVI century from the post-war period to the beginning of the XXI century. It is concluded that during the period under review, Polish historians made a significant contribution to the study of this topic and laid the foundation for further scientific research.

Keywords: historiography; foreign policy; the Grand Duchy of Lithuania; the Kingdom of Poland.

Тэма стасункаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім (далей – ВКЛ) і Каралеўствам Польскім адносіцца да ліку ключавых у польскай гістарыяграфіі другой паловы XX – пачатку XXI ст. З улікам немагчымасці даць поўны аналіз разгляду ўсіх аспектаў літвінска-польскіх кантактаў, якія закраналіся ў працах польскіх даследчыкаў, з-за абмежаванага аб’ёму публікацыі паспрабуем каротка ахарактарызаваць творчасць польскіх гісторыкаў, якія займаліся праблемамі літвінска-польскіх узаемаадносін перыяду канца XIV – сярэдзіны XVI ст. з пасляваеннага часу да пачатку XXI ст.

Актывізацыя ў канцы XIX – 30-х гг. XX ст. польскімі навукоўцамі даследаванняў па праблемах літвінска-польскіх дачыненняў заклала добрую базу для іх працягу на наступным этапе вывучэння. Аднак падзеі Другой сусветнай вайны ўнеслі свае карэктывы.

У пасляваенны перыяд выжыўшым і застаўшымся ў краіне польскім даследчыкам даводзілася працаваць у новых умовах, часта змяніўшы тэмы сваіх навуковых зацікаўленняў на больш актуальныя і прымальныя для новай улады. Асаблівасці пасляваеннага міжнароднага становішча Польскай Народнай Рэспублікі і характар адносін з СССР наклалі адбітак на праблематыку даследаванняў польскіх гісторыкаў. У канцы 1940-х гг. працы па гісторыі ВКЛ яшчэ выходзілі, як, напрыклад, даследаванне «*Spółczesność litewska w XV wieku*» Вітальда Камянецкага (1883–1964) [1], у якім былі абагулены вынікі папярэдніх напрацовак аўтара і прадстаўлены некаторыя спрэчныя погляды. Так, напрыклад, В. Камянецкі меркаваў, што ў XV ст. улада вялікіх князёў літоўскіх на этнічна літоўскіх землях мела дэспатычны, нікім неабмежаваны характар. На іншых тэрыторыях ВКЛ яе аб’ём некалькі памяншаўся пад уздзеяннем мясцовых прававых практык і звычаяў, аднак у цэлым па краіне яна, на думку даследчыка, заставалася дастаткова моцнай. Аўтар адзначаў таксама ўзмацненне з часоў кіравання Казіміра Ягелончыка ролі Рады паноў ВКЛ і вызначэнне яе шырокіх кампетэнцый у агульназемскім прывілеі 1492 г. Але, прызнаючы названыя акалічнасці, В. Камянецкі на адмаўляўся ад прызнання наяўнасці ў манархаў ВКЛ фактычнай усеагутнасці, абмежаванне якой ён лічыў нязначным [1, s. 21, 27, 30, 40 i in.].

Між тым ужо ў пачатку 1950-х гг. зварот польскіх даследчыкаў да старонак палітычнай гісторыі ВКЛ стаў негатыўна ўспрымацца ўладамі. Узаемаадносіны Ягелонаў з Маскоўскай дзяржавай заставаліся ў гэты час па-за рамкамі праблематыкі гістарычных прац. Падвергся крытыцы і тэзіс аб гістарычнай «місіі» Польшчы на Усходзе. Сітуацыя змянілася толькі ў другой палове 1950-х – 1960-х гг., калі гісторыя літвінска-польскіх узаемаадносін зноў трапіла ў лік прадметаў даследавання польскіх вучоных.

Адзін з буйнейшых цэнтраў вывучэння гісторыі ВКЛ быў створаны ў Познані, куды пасля Другой сусветнай вайны пераехаў з Вільні Хенрык Лаўмяньскі (1898–1984). У яго пасляваенных працах прысутнічаў як заахвочваемы ўладамі эканамічны аспект, так і іншыя пытанні гісторыі ВКЛ. Да іх ён звяртаўся, аднак амаль заўсёды толькі ў выпадку прац больш шырокага плана – аб пачатковых этапах гісторыі славянскіх і балтыйскіх дзяржаў, культурных баках жыцця іх грамадства. У гэтай сувязі можна адзначыць зборнік прац Х. Лаўмяньскага «*Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego*», у які ўвайшлі даследаванні, створаныя ў розны час (1931–1972 гг.) [2].

Важную ролю ў развіцці польскай гістарыяграфіі адыграў уключаны ў зборнік артыкул «*Uwagi w sprawie podłoża społecznego unii jagiellońskiej*», у якім былі разгледжаны сацыяльныя і эканамічныя перадумовы літвінска-польскай уніі [2, s. 365–454]. Дадзены артыкул садзейнічаў пераадоленню ідэалізацыі значэння ўніі ў развіцці ВКЛ, характэрнай для папярэдняй польскай гістарыяграфіі. Х. Лаўмяньскі выявіў, што, галоўнай прычынай заключэння Крэўскай уніі 1385 г. былі цяжкасці, якія ВКЛ перажывала ў другой палове XIV ст. пасля няўдалых спроб узяць пад свой кантроль паўночна-ўсходнія рускія замлі, а таксама небяспека з боку Тэўтонскага ордэна. Таксама аўтар выявіў ролю баярства ў заключэнні Крэўскай уніі і прыняцці хрысціянства Літвой. Х. Лаўмяньскі адзначаў, што, нягледзячы на моцную ўладу вялікага князя, вярхі грамадства ў асобе Рады паноў ВКЛ выразна ўплывалі на рашэнні манарха. Аднак заканадаўча гэты ўплыў быў зафіксаваны толькі ў 1492 г. [2, s. 371, 381, 385–388]. Даследчык лічыў, што баярства менавіта літоўскага паходжання іграла ў ВКЛ вядучую ролю, і мала ўвагі надаваў баярству ўсходнеславянскага паходжання. Ён лічыў, што захопленыя літоўскімі князямі рускія землі былі пазбаўленыя «моцнага пласта ваеннаслужылых людзей» [2, s. 393], што «рухомы і ваяўнічы літоўскі элемент уліваў у рускае грамадства свежыя сілы» [2, s. 400]. Такім чынам, Х. Лаўмяньскі быў схільны перавялічваць ролю літоўскай эміграцыі на землях Беларусі і Украіны, уплыў Літвы на іх развіццё, недаацэньваў актыўнасць і палітычную ролю мясцовага баярства.

Шэраг прац заснавальніка познанскай гістарыяграфічнай школы, надзвычай важных для вывучэння літвінска-польскіх адносін, быў падрыхтаваны да выдання яго паслядоўнікамі толькі пасля гібелі Х. Лаўмяньскага пад колам трамвая ў 1984 г. Адна з прац, «*Zaludnienie państwa Litewskiego w wieku XVI. Zaludnienie w roku 1528*» [3], утрымлівае аналіз попісаў войска ВКЛ у 1528, 1565 і 1567 гг. як крыніц па гісторыі насельніцтва ВКЛ. Яна адзначае прабелы ў гэтых дакументах, падкрэслівае іх адрозненні, прасочвае рост колькасці насельніцтва ў 1528–1567 гг. Тым самым даецца характарыстыка ваенна-дэмаграфічна патэнцыялу ВКЛ на выпадак вядзення ваенных дзеянняў, вельмі важнага для ацэнак паспяховасці знешнепалітычных акцый.

Яшчэ адна праца, «Polityka Jagiellonów» [4], верагодна, была створана Х. Лаўмяньскім у 1940-я гг. і пазней так і не была дапрацавана аўтарам з улікам новых канкрэтна-гістарычных даследаванняў. У яе структурную аснову быў пакладзены не храналагічны, а праблемны прынцып выкладання матэрыялу. Гісторык паставіў перад сабой задачу ўпісаць палітыку Ягелонаў у шырокі кантэкст еўрапейскай гісторыі. Спецыяльна прыпыніўшыся на сітуацыі 1386 г., ён адзначае яе пераломнае значэнне для польскай гісторыі. Х. Лаўмяньскі надаў асабліваю ўвагу знешнепалітычнай праблематыцы, якая займае большую частку кнігі. Кожны напрамак знешняй палітыкі, кожная значная ваенная падзея былі адзначаны аўтарам. А прасачанне ўзаема сувязі паміж унутранай і знешняй палітыкай надало аналізу падзей дадатковую вартасць. Відавочным недахопам працы з'яўляецца невыкарыстанне аўтарам напрацовак расійскай гістарыяграфіі па праблемах унутрыпалітычнай гісторыі ВКЛ, без уліку якіх аналіз стану вывучэння гісторыі літвінска-польскай уніі з'яўляецца няпоўным. У цэлым яна не адлюстроўвае актуальны стан навуковых гістарычных ведаў па праблеме.

Сярод прац, створаных у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе, вартыя ўвагі даследаванні працаваўшага ў Познані Зыгмунта Вайцяхоўскага (1900–1955) «Państwo polskie w wiekach średnich. Dzieje ustroju» [5], «Zygmunt Stary (1506–1548)» [6] і прадстаўніка кракаўскай школы Уладзіслава Пацехі (1893 – 1958) «Czasy Zygmunta Starego» [7], «Królowa Bona (1494–1557): czasy i ludzie Odrodzenia» [8]. У ліку гэтых прац асабліва вылучалася шматтомная фундаментальная манаграфія У. Пацехі, прысвечаная каралеве Боне, выданне якой спачатку было прыпынена камуністычнымі ўладамі і аднавілася толькі ў 1958 г.

Значны асяродак даследаванняў літвінска-польскіх дачыненняў склаўся ў Варшаве, дзе працавалі аўтар шматлікіх прац па гісторыі ВКЛ Юліуш Бардах (1914–2010) [9–19] і Анна Сухені-Грабовска (1920–2012) [20–23]. У Варшаве, Беластоку і Катовіцах працаваў Анджэй Вычаньскі (1924–2008), які аддаў даніну павягі гісторыі ўзаемаадносін ВКЛ і Польшчы ў XVI ст., а таксама разгледзеў дыпламатычны і ваенныя аспекты знешнепалітычнай гісторыі ВКЛ у часы кіравання Жыгімонта Старога [24–26]. У працы «Polska w Europie XVI stulecia», характарызуючы адносіны ВКЛ і Польшчы сярэзіны XVI ст., А. Вычаньскі адзначыў уніфікацыйны характар тагачасных рэформаў у ВКЛ, а таксама актыўны, рацыянальны і прагматычны характар знешняй палітыкі Каралеўства Польскага [24].

Высокі ўзровень распрацаванасці праблем міжнародных адносін у польскай гістарыяграфіі дазволіў падрыхтаваць шэраг фундаментальных калектыўных прац па гісторыі знешняй палітыкі і дыпламатыі Польшчы. Так, у 1982 г. пад рэдакцыяй Марціна Біскупа выйшаў першы том «Historii dyplomacji Polskiej» [27], дзе ўтрымлівалася інфармацыя, што датычылася і знешняй палітыкі ВКЛ. У даследаванні быў праведзены кампаратыўны

аналіз дыпламатычных служб ВКЛ і Каралеўства Польскага, вызначаны крытэрыі іх адрозненняў, якія, на думку аўтараў, былі абумоўлены гістарычнымі асаблівасцямі развіцця дзвюх краін.

Слынным прадстаўніком познаньскай гістарыяграфічнай школы быў вучань Х. Лаўмянскага Ежы Ахманьскі (1933–1996), аўтар знакавай сінтэтычнай працы па гісторыі Літвы ад старажытнасці да савецкага часу, упершыню апублікаванай у 1967 г. [28]. У ёй знайшлі адлюстраванне новыя падыходы і погляды на пытанні гісторыі ВКЛ, яго міжнароднае становішча і ўзаемаадносіны з Каралеўствам Польскім і іншымі суседзямі. Аўтар адзначаў, што войны ВКЛ з Вялікім Княствам Маскоўскім з канца XV ст. прымусілі ВКЛ шукаць збліжэння з Польшчай. Аднак у праўленне Жыгімонта Старога (1506–1548) і Жыгімонта Аўгуста (1548–1572), нягледзячы на персанальную унію, ВКЛ заставалася суверэннай дзяржавай. Даследаванне Е. Ахманьскага атрымала вельмі добрыя рэцэнзій літоўскай дыяспары за мяжой, некалькі разоў перавыдавалася.

З познаньскага навуковага цэнтра паходзіў Марцэлі Косман, аўтар шэрагу прац па гісторыі ВКЛ і літвінска-польскіх стасункаў [29–33]. Апошнія яго выданні маюць абагульняючы характар.

Вучань Е. Ахманьскага Гжэгаж Блашчык таксама адзначыўся класічнай, вартай увагі сінтэтычнай працай па гісторыі ВКЛ мяжы позняга Сярэднявечча – пачатку Новага часу «Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności: 1492–1569», значная частка якой была прысвечана пытанням знешняй палітыкі і дыпламатыі ВКЛ [34]. Галоўным яго праектам стала манаграфія «Dzieje stosunków polsko-litewskich», прысвечаная ўсяму комплексу літвінска-польскіх узаемаадносін перыяду Сярэднявечча і Новага часу. Першы том працы, прысвечаны этапу да Крэўскай уніі 1385 г., выйшаў у 1998 г. і быў прыхільна сустрэты крытыкай [35]. У 2007 г. пабачыла свет першая частка другога тома даследавання, храналагічна ахапіўшая 1385–1492 гг. [36]. Вызначальны ўжо яе аб’ём, які перавысіў 900 старонак тэксту, насычанага датамі, падзеямі, дробнымі, але істотнымі момантамі, што датычыліся не толькі літвінска-польскіх стасункаў, але і іншых бакоў гісторыі ВКЛ.

Не застаўся ў баку ад праблемы літвінска-польскіх кантактаў і другі вучань Е. Ахманьскага Кшыштаф Пяткевіч. Яго манаграфія «Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellonczyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku», прысвечаная гісторыі ВКЛ перыяду кіравання Аляксандра Ягелончыка, карыстаецца слушнай павагай сярод даследчыкаў-літуаністаў [37]. Цікавыя погляды аўтара прадстаўлены ў ёй і на знешнюю палітыку ВКЛ, праблемы яе ажыццяўлення і кіравання.

Прадстаўніком малодшага пакалення познаньскай школы з’яўляецца Яраслаў Нікодэм, аўтар шэрагу артыкулаў і манаграфій па праблемах літвінска-польскіх адносін перыяду Сярэднявечча [38–44].

Традыцыі кракаўскай гісторыка-юрыдычнай школы ў даследаванні літвінска-польскіх дачыненняў працягнуў Вацлаў Урушчак [45–48]. Таксама ў гэтым рэчышчы працуе кракаўская даследчыца Лідзія Корчак, у вобласць навуковых зацікаўленняў якой побач з пытаннямі структуры ўлады ВКЛ, кшталтавання эліты і пачаткаў парламентарызму, уваходзяць і праблемы грамадска-палітычных падстаў польска-літвінскай уніі і дыпламатычныя стасункі Каралеўства Польскага і ВКЛ, асабліва ў другой палове XV ст. [49–51].

У наш час шырокім спектрам праблем з галіны літвінска-польскіх дачыненняў XV – сярэдзіны XVI ст. займаецца працуючы ў Варшаве Дамінік Шульц [52; 53]. Пытанні літвінска-польскіх адносін сярэдзіны XVI ст. закранаюцца таксама ў працах варшаўскіх гісторыкаў Анджэя Рахубы [54–56], Анджэя Закшэўскага [57–59], Хенрыка Люлевіча (1950–2019) [60], Хенрыка Віснера [61].

Такім чынам, у разглядаемы перыяд польскімі даследчыкамі была напісана вялікая полькасць як вузкасפעцыялізаваных, так і сінтэтычных даследаванняў, прысвечаных літвінска-польскім дачыненням, назапашаны шэраг канцэптуальных падыходаў. Тым самым быў зроблены значны ўнёсак у даследаванне польска-літвінскіх адносін, створаны грунтоўны падмурак для творчасці далейшых пакаленняў гісторыкаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Kamieniecki, W.* Społeczeństwo litewskie w XV wieku / W. Kamieniecki. – Warszawa: Nakładem Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1947. – 125, III s.
2. *Łowmiański, H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego / H. Łowmiański. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1983. – 579 s.
3. *Łowmiański, H.* Zaludnienie państwa Litewskiego w wieku XVI. Zaludnienie w roku 1528 / H. Łowmiański; do druku przygotowali A. Kijas i K. Pietkiewicz. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1998. – 227 s.
4. *Łowmiański, H.* Polityka Jagiellonów / H. Łowmiański; do druku przyg. K. Pietkiewicz. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1999. – 673 s.
5. *Wojciechowski, Z.* Państwo polskie w wiekach średnich. Dzieje ustroju / Z. Wojciechowski. – Wyd. 1. – Poznań: Księgarnia Akademicka, 1945. – 276 s.; Wyd. 2. – Poznań: Księgarnia Akademicka, 1948. – 405 s.
6. *Wojciechowski, Z.* Zygmunt Stary (1506–1548) / Z. Wojciechowski. – Wyd. 1. – Warszawa: S. Arct, 1946. – 394 s.; Wyd. 2. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979. – 434 s.
7. *Pociecha, W.* Czasy Zygmunta Starego / W. Pociecha // Roczniki Historyczne. – 1947. – R. XVI. – S. 184–230.
8. *Pociecha, W.* Królowa Bona (1494–1557): czasy i ludzie Odrodzenia / W. Pociecha. – Poznań: Nakładem Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 1949 – 1958. – T. 1. – 1949. – 324 s.; T. 2. – 1949. – 598 s.; T. 3. – 1958. – 264 s.; T. 4. – 1958. – 548 s.
9. *Bardach, J.* Historia państwa i prawa Polski / J. Bardach, B. Leśnodorski, M. Pietrzak. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. – 654 s.

10. *Bardach, J.* Krewa i Lublin. Z problemów Unii polsko-litewskiej / J. Bardach // *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVI wieku.* – Warszawa: PWN, 1970. – S. 11–67.
11. *Bardach, J.* Litewskość w państwowości i systemie prawa Wielkiego Księstwa w XVI–XVIII stuleciach / J. Bardach // *Tarp istorijos ir butovės: studijos prof. Edvardo Gudavičiaus 70-mečiui*, pod red. A. Bumlauskasa, R. Petrauskasa. – Vilnius: Aidai, 1999. – S. 349–366.
12. *Bardach, J.* O dawniej i niedawniej Litwie / J. Bardach. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1988. – 443 s.
13. *Bardach, J.* O związku Polski z Litwą – kontrowersyjnie / J. Bardach // *Kwartalnik Historyczny.* – 1981. – T. 88. – Z. 4. – S. 1061–1066.
14. *Bardach, J.* Od aktu w Krewie do Zaręczenia Wzajemnego Obojga Narodów (1385–1791) / J. Bardach // *Unia Lubelska i tradycje integracyjne w Europie Środkowo-Wschodniej*, pod red. J. Kłoczowskiego, P. Krasa, H. Łaskiewiczza, B. Koshela, A. L. Sowcy. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1999. – S. 12–44.
15. *Bardach, J.* Statuty Wielkiego Księstwa Litewskiego – pomniki prawa doby Odrodzenia / J. Bardach // *Kwartalnik Historyczny.* – 1974. – T. 81. – Z. 4. – S. 750–780.
16. *Bardach, J.* Unia polsko-litewska – jej treści i dziedzictwo / J. Bardach // *Symbolae historico-iuridicae lodzienses Iulio Bardach dedicate.* – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1997. – S. 17–26.
17. *Bardach J.* Z praktyki kancelarii litewskiej za Zygmunta Starego / J. Bardach // *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVI wieku.* – Warszawa: PWN, 1970. – S. 351–378.
18. *Bardach J.* Związek Polski z Litwą / J. Bardach // *Polska w epoce Odrodzenia. Państwo, społeczeństwo, kultura*, pod red. A. Wyczańskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1986. – 543 s. – S. 108–161.
19. *Бардах, Ю.* Штуды з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага [Тэкст] / Ю. Бардах; пер. з пол. М. Раманоўскага, пер. з фр. А. Істоміна; уклад. Г. Сагановіч. – 2-е выд. – Мінск: Медысонт, 2010. – 456 с.
20. *Sucheni-Grabowska, A.* Monarchia dwu ostatnich Jagiellonów a ruch egzekucyjny / A. Sucheni-Grabowska. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Wydawnictwo PAN, Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1974. – Cz. 1. Geneza egzekucji dóbr. – 302 s.
21. *Sucheni-Grabowska, A.* Obowiązki i prawa królów polskich w opiniach pisarzy Odrodzenia / A. Sucheni-Grabowska // *Między monarchią a demokracją. Studia z dziejów Polski XV–XVIII wieku*, pod red. A. Sucheni-Grabowska i M. Żaryn. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1994. – S. 54–115.
22. *Sucheni-Grabowska, A.* Społeczność szlachecka a państwo / A. Sucheni-Grabowska // *Polska w epoce Odrodzenia. Państwo, społeczeństwo, kultura*, pod red. A. Wyczańskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1986. – S. 13–103.
23. *Sucheni-Grabowska, A.* Spory królów ze szlachtą w złotym wieku / A. Sucheni-Grabowska. – Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1988. – 79 s.
24. *Wyczański, A.* Polska w Europie XVI stulecia / A. Wyczański. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1973. – 252 [4] s.
25. *Wyczański, A.* Zygmunt Stary / A. Wyczański. – Warszawa: Zamek królewski w Warszawie, 1985. – 69 s.

26. *Wyczański, A.* Dogonić Europę czyli Polska w czasach Zygmunta I (1506–1548) / A. Wyczański. – Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. – 80 s.
27. Historia dyplomacji Polskiej (połowa X–XX w.): W 5 t. / Polski Instytut Spraw Międzynarodowych; pod red. G. Łabudy. – Warszawa: PWN, 1982. – T. 1: połowa X w. – 1572 / M. Biskup, K. Gorski, Z. Kaczmarczyk, G. Łabuda, Z. N. Nowak, K. Zelewski; pod red. M. Biskupa. – 875 s.
28. *Ochmański, J.* Historia Litwy / J. Ochmański. – Wyd. 1. – Wrocław etc.: Ossolineum, 1967. – 395 s.; Wyd. 2, rozsz. – Wrocław etc.: Ossolineum, 1981. – 395 s.; Wyd. 3. – Wrocław etc.: Ossolineum, 1982. – 395 s.; Wyd. 3, popr. i uzupeł. – Wrocław etc.: Ossolineum, 1990. – 395 s.
29. *Kosman, M.* Władysław Jagiełło / M. Kosman. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1968. – 290, [9] s.
30. *Kosman, M.* Królowa Bona / M. Kosman. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. – 368, [8] s.
31. *Kosman, M.* Od chrztu do chrystianizacji: Polska, Rus, Litwa / M. Kosman. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1992. – 171 s.
32. *Kosman, M.* O kresach w historii i legendzie: studia i szkice z dziejów polskiej granicy wschodniej / M. Kosman. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe Wydziału Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2011. – Cz. I. – 191 s.
33. *Kosman, M.* Z polsko-litewskiej przeszłości: studia i szkice / M. Kosman. – Warszawa: Wydawnictwo «DiG», 2012. – 271 s.
34. *Błaszczak, G.* Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności: 1492–1569 / G. Błaszczak. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2002. – 336 s.
35. *Błaszczak, G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do społeczności: w 2 t. / G. Błaszczak. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1998–2007. – T. I. Trudne początki. – 1998. – 366 s.
36. *Błaszczak, G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich: w 2 t. / G. Błaszczak. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1998–2007. – T. II. Od Krewa do Lublina. – Cz. I. – 2007. – 936 s.
37. *Pietkiewicz, K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellonczyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1995. – 256 s.
38. *Nikodem, J.* Zbigniew Oleśnicki wobec unii polsko-litewskiej do śmierci Jagiełły / J. Nikodem // Nasza Przeszość. – 1999. – T. 91. – S. 101–151; T. 92. – S. 85–135.
39. *Nikodem, J.* Stosunki Świdrygiełły z Zakonem Krzyżackim w latach 1430–1432/ J. Nikodem // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2000. – № 14. – S. 5–32.
40. *Nikodem, J.* Wyniesienie Świdrygiełły na Wielkie Księstwo Litewskie/ J. Nikodem // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2003. – № 19. – S. 5–32.
41. *Nikodem, J.* Jedynowładztwo czy diarchia? Przyczynek do dziejów ustroju Wielkiego Księstwa Litewskiego do końca XV w. / J. Nikodem // Zapiski Historyczne. – 2003. – T. 68. – № 4. – S. 7–30.
42. *Nikodem, J.* Polska i Litwa wobec husyckich Czech w latach 1420–1433. Studium o polityce dynastycznej Władysława Jagiełły i Witolda Kiejstutowicza/ J. Nikodem. – Poznań: Instytut Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2004. – 442 s.
43. *Nikodem, J.* Jadwiga. Król Polski / J. Nikodem. – Wrocław: Ossolineum, 2009. – 444 s.

44. *Nikodem, J.* Witold. Wielki książę litewski (1354 lub 1355–27 października 1430) / J. Nikodem. – Kraków: Wydawnictwo «Avalon», 2013. – 511 s.
45. *Sobolewski, L.* Artykuły mielnickie z roku 1501 r. / L. Sobolewski, W. Uruszczak // *Czasopismo Prawno-Historyczne.* – 1990. – T. 42. – Z. 1–2. – S. 51–80.
46. *Uruszczak, W.* Sejm walny koronny w latach 1506–1540/ W. Uruszczak. – Warszawa: PWN, 1980. – 273 s.
47. *Uruszczak, W.* Sejm w latach 1506–1540 / W. Uruszczak // *Historia sejm polskiego.* – Warszawa: PWN, 1984. – T. I. Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej, pod red. J. Michalskiego. – S. 63–113.
48. *Uruszczak, W.* Państwo pierwszych Jagiellonów / W. Uruszczak. – Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1999. – 75 s.
49. *Korchak, L.* Litewska rada wielkksiążęca w XV wieku / L. Korchak. – Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1998. – 120 s.
50. *Korchak, L.* Litwa – przechowana tożsamość / L. Korchak. – Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, 1998. – 126 s.
51. *Korchak, L.* Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim / L. Korchak. – Kraków: Towarzystwo wydawnicze «Historia Jagellonica», 2008. – 207 s.
52. *Szulc, D.* Miejsce unii Horodelskiej w polsko-litewskich negocjacjach unijnych w latach 1492–1506 / D. Szulc // *Prace Historyczne. Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego.* – 2014. – № 141. – Z. 2. – S. 339–365.
53. *Szulc, D.* Wymiana dyplomatyczna między Polską i Litwą w sprawach moskiewskich w latach 1492–1569 / D. Szulc // 1514 m. Oršos mūšis: karinė pergale ir jos ženklai. Skiriamai Oršos mūšio 500 metų sukakčiai paminėti. Pranešimų tezės. – Vilnius: LII leidykla, 2014. – S. 23–26.
54. *Rachuba, A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa : Wydawnictwo sejmowe, 2002. – 375 s.
55. *Рахуба, А.* Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569–1763 гг. / А. Рахуба; пер. з пол. мовы М. Раманоўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск: Медысонт, 2008. – 424 с.
56. *Historia Litwy: dwugłos polsko-litewski* / A. Rachuba, J. Kiaupienė, Z. Kiaupa. – Wyd. 2. – Warszawa: Wydawnictwo «DiG», 2009. – 388 s.
57. *Zakrzewski, A. B.* Recepcja ustroju i prawa w Wielkim Księstwie Litewskim, XIV–XVIII wiek / A. B. Zakrzewski // *Studia Iuridica.* – Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2002. – T. 40. – S. 247–261.
58. *Zakrzewski, A. B.* Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. Ustrój i funkcjonowanie – sejmik trocki / A. B. Zakrzewski. – Warszawa: Liber, 2000. – 257 s.
59. *Zakrzewski, A. B.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo-ustrój-społeczeństwo / A. B. Zakrzewski. – Warszawa : Campidoglio, 2013. – 322 s.
60. *Lulewicz, H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588 / H. Lulewicz. – Warszawa: Neriton, Instytut historii PAN, 2002. – 457 s.
61. *Wisner, H.* Litwa. Dzieje państwa i narodu / H. Wisner. – Warszawa: Mada, 1999. – 300 s.

(Дата падачы: 16.02.2021 г.)

Д. В. Морозов

Белорусский государственный университет физической культуры,
Минск

Е. Н. Мох

Национальный институт образования
Министерства образования Республики Беларусь, Минск

D. Marozau

Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

E. Mokh

National Institute of Education Ministry of Education
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 94(496.6)

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ТЕРРИТОРИИ
БЫВШЕГО ЛАГЕРЯ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ШТАЛАГ-352 В ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**PROSPECTS OF INTEGRATION OF THE TERRITORY
OF FORMER CAMP FOR SOVIET POW STALAG-352
INTO TOUR AND EDUCATIONAL PROGRAMS**

В статье рассматривается историография проблемы изучения истории лагеря для советских военнопленных Шталаг-352 в Масыюковщина, дается характеристика текущим процессам сохранения территории бывшего лагеря в качестве места памяти, анализируются возможные пути его включения в образовательные программы и военно-патриотические туристические маршруты.

Ключевые слова: лагерь Шталаг-352; Масыюковщина; советские военнопленные; ВОВ; оккупация; жертвы нацизма; места памяти; Минск; туризм.

The article examines the historiography of the problem of studying the history of the Stalag-352 camp for Soviet prisoners of war in Masyukovshchina, describes the current processes of preserving the territory of the former camp as a place of memory, and analyzes possible ways of its inclusion in educational programs and military-patriotic tourist routes.

Keywords: camp Stalag-352; Masyukovshchina; Soviet prisoners of war; WWII; an occupation; victims of Nazism; places of memory; Minsk; tourism.

В 2020 г. к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне на территории бывшего СССР были открыты либо обновлены мемориалы на местах знаковых событий этого конфликта: Ржевский мемориал, мемориальный

комплекс «Ола» и многие другие. При этом ряд чрезвычайно важных мест памяти остался в стороне от мероприятий по ее сохранению. Аутентичные здания из комплекса бывшего лагеря для советских военнопленных Шта-лаг-352 (нем. *Stalag* или *Stammlager* – лагерь вермахта для военнопленных из рядового и сержантского состава) в Масюковщине находятся в аварийном состоянии и существует риск их утраты в ближайшее время.

Учитывая сложившуюся ситуацию, представляется целесообразным в скорейшие сроки интегрировать данную территорию в туристические военно-патриотические образовательные маршруты по г. Минску, активизировать работу по освещению истории лагеря в средствах массовой информации, а также рассмотреть пути ее использования в образовательных мероприятиях.

В первые недели войны в советском военном городке вблизи деревни Масюковщина немцы организовали лагерь, в котором за годы оккупации были убиты и доведены до мучительной смерти от голода, холода, болезней и издевательств более 80 000 советских граждан [1, с. 16]. В 1943 г. к ним были также добавлены интернированные итальянские военные (нем. *Italienische Militärinternierter*, IMI), которые не пожелали продолжать участие в войне на немецкой стороне. Практически все они погибли в так называемом «Лесном лагере» рядом с деревней Масюковщина [2]. В 1944–1949 гг. на месте Шталага-352 был развернут лагерь НКВД №168, в котором содержались уже немецкие военнопленные [3, с. 17].

Точное количество жертв неизвестно до сих пор. При проведении в районе военного городка строительных работ и исследований 52-го отдельного специализированного поискового батальона Вооруженных Сил Республики Беларусь постоянно обнаруживаются останки узников лагеря. Помимо уже известных мест захоронения военнопленных, по периметру бывшего лагеря имеется еще как минимум два участка, требующих исследования специалистами [5].

История Шталага-352 нашла отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей. Долгое время единственным трудом, который обобщал материалы по данной проблеме, являлась книга Р. А. Черноглазовой «Масюковщина: Шталаг-352, 1941–1944: документы и материалы», изданная в 2005 г. [3].

Разработку темы истории лагеря продолжила Е. Н. Мох-Докунова в работах «За колючей проволокой: дулаги, шталаги, офлаги. Лагерь для советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.)» [6], «Тяжкое бремя плена: военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Беларуси 1939–1951 гг.» [7], «Шталаг-352 “Масюковщина”: историография, источниковая база исследования» [8] и «Лазарет “Городского лагеря” шталага № 352» [9].

Поспособствовала привлечению внимания к проблеме сохранения памяти о лагере в Масюковщине публикация воспоминаний о плене Б. А. Попова «Еще о войне: автобиографический очерк одного из пяти миллионов» в 2015 г. [10]. Автор оказался в Шталаге-352 в самом начале его функционирования летом 1941 г. и смог описать пережитое в своей работе и многочисленных интервью журналистам.

Популяризации сведений о событиях в Шталаге-352 содействует также публикация художественного произведения Н. П. Гаврилова «...И отрет Бог всякую слезу», основанного на материалах, приведенных в работе Р. А. Черноглазовой [11].

В 2019 г. большим тиражом была опубликована работа Н. А. Яцкевич «Масюкоўшчына. Трагедыя савецкіх ваеннапалонных» [1]. Книга не только содержит качественно изложенную информацию об истории Масюковщины, Шталага-352 и других лагерях для военнопленных на территории Беларуси, но также богато иллюстрирована и является ценным элементом «портфеля экскурсовода» при проведении экскурсий по территории бывшего лагеря.

Значительный объем новых сведений введен в научный оборот С. К. Карповым и А. П. Ульянковым в работах «Помнить вечно! Шталаг 352 “Масюковщина”: неизвестные страницы истории» [12] и «Помнить вечно! Лесная и Городская трагедия “Шталаг 352”» [13]. Авторы опираются на документы из немецких и отечественных архивов, воспоминания бывших военнопленных, немецких военнослужащих, а также местных жителей. Приводится ценный иллюстративный материал.

О судьбе советских военнопленных на территории Германии, в том числе тех, кто непосредственно прошел через минский Шталаг-352, пишут немецкие исследователи, сотрудники музейного комплекса на территории бывшего нацистского концентрационного лагеря Маутхаузен (нем. *KZ Mauthausen*) Р. Отто, Р. Келлер в работе «Советские военнопленные в системе концлагерей Германии» [14].

После того, как в 2014 г. территория бывшего лагеря в Масюковщине была передана от МО РБ в собственность гражданским районным властям, на электронных информационных ресурсах стали появляться публикации касательно истории и будущего зданий довоенной постройки. Наиболее последовательно события в бывшем военном городке осветил в своих статьях из серии «Шталаг 352» краевед О. И. Усачев на портале «Минск старый и новый» [15].

В 2018–2020 гг. на фоне активизации работ по сносу части строений на территории бывшей военной части с целью последующей застройки района к Масюковщине стал наблюдаться повышенный интерес со стороны разнообразных СМИ. События в бывшем Шталаге-352 нашли отражение в многочисленных статьях на наиболее известных медиапорталах Беларуси и

России: «SB.BY» [16], «KP.BY» [17], «TUT.BY» [18], «Onliner» [5], «Ку-Ку.org» [19], «CityDog.by» [20], «Новая газета» [21], «Спутник» [22] [4].

Во всех материалах подчеркивается историческая значимость данного места и необходимость его защиты от стремительного разрушения как в ходе строительных работ, так и от очевидной бесхозяйственности. Приводятся результаты исследований поискового отряда «Бацькаўшчына» на месте снесенной в сентябре 2019 г. казармы, на стропилах которой пленные оставляли надписи, давшие возможность установить судьбу некоторых авторов.

В текстовом виде были также опубликованы репортажи международного радио «Беларусь» [23] и телеканала «ОНТ» [24], посвященные проблеме сохранения территории бывшего лагеря в Масюковщине в качестве места памяти.

Для привлечения внимания к проблеме сохранения и музеефикации зданий и территории бывшего Шталага-352 в 2019 г. был создан проект «Сохраним Масюковщину», который объединил общественных активистов, историков, деятелей искусства, представителей туристического бизнеса, небезразличных к судьбе данного места. Благодаря этому проекту подготовлены многочисленные публикации в СМИ, организованы встречи местных жителей с историками и очевидцами событий в лагере, сверстаны и напечатаны информационные брошюры «Stalag 352. Место памяти и скорби».

На 2021 г. при поддержке немецкого фонда «Память, ответственность и будущее» (нем. *Erinnerung, Verantwortung und Zukunft*) и Республиканского Союза Туристической Индустрии запланирована разработка онлайн-истории «Будущее зыбко, память реальна. Виртуальный музей лагеря военнопленных Шталаг-352 в Минске», а также установка информационных щитов рядом с сохранившимися зданиями времен ВОВ. Рациональным выглядит в перспективе размещение данной истории на сайте музея истории Великой Отечественной войны на постоянной основе.

За 2020 г. Д. В. Морозовым и Е. Н. Мох-Докуновой были разработаны контрольный текст и технологическая карта пешеходной экскурсии под названием «Пленная правда: история Шталага-352 в Масюковщине», утвержденная Национальным агентством по туризму в ноябре 2020 г. В декабре 2020 г. состоялись первые аттестации на право проведения экскурсий по данному маршруту.

Маршрут экскурсии пролегает по территории бывшего лагеря, долгое время недоступной для гражданских лиц. Экскурсанты могут увидеть сохранившиеся со времен оккупации постройки, которые сейчас находятся под угрозой сноса: пищеблок, лазарет, гаражи. Сохранилась оригинальная трассировка улиц лагеря, известны места расположения ворот, барачков, мест экзекуций, границы зон и т. д. Дополняют маршрут мемориал на месте братского кладбища узников лагеря, а также построенный вблизи Кресто-

воздвиженский храм, при котором создан «Музей подвига советских военнопленных – узников Шталага-352 в городе Минске», хранящий память о произошедшей здесь катастрофе.

Благодаря удобному расположению территории бывшего Шталага-352 ее удобно включать в туристические программы как для граждан Беларуси, так и для иностранцев. Этот объект может выступать в качестве собирательного образа, раскрывающего суть трагедии всех советских военнопленных, попавших в нацистский плен. Как и мемориалы в Хатыни, Тростенце, Минском гетто, комплекс в Масюковщине является наглядным объектом, который иллюстрирует одну из наиболее трагических страниц истории ВОВ и оккупационного режима на территории Беларуси.

Целевой аудиторией для данной экскурсии являются также и жители микрорайона Масюковщина, многие из которых не знают точное месторасположение лагеря для военнопленных, полагая, что оно совпадает с мемориальным комплексом. Важно для реализации практико-ориентированной направленности обучения, формирования у учащихся навыков самостоятельной работы, воспитания устойчивого интереса к предмету укоренить практику проведения этой экскурсии среди учащихся близлежащих учебных заведений, в частности, СШ № 32, 41, 56, 81, 104, 116, 125, 128, 132, 136, 140, 150, 201 и гимназий № 19 (Фрунзенского района г. Минска), 36 (Центрального района г. Минска), а также Белорусского государственного университета физической культуры.

Стоит отметить, что в СШ № 132 преподавателями истории и учениками уже создан школьный мини-музей, посвященный лагерю в Масюковщине, подготовлены научные исследования по данной теме. Однако стационарная экспозиция не позволяет в полной мере обеспечить взаимосвязь в восприятии учащихся между историческими фактами и конкретным местом, где они имели место быть. Проведение учебных экскурсий помогает решить эту задачу.

Так, по результатам проведения мониторинга уровня обученности учащихся по учебному предмету «История Беларуси» (2018/2019 учебный год), проведенного Национальным институтом образования, учителям истории рекомендовалось активнее вовлекать учащихся в учебно-познавательную деятельность, учитывая при этом индивидуальные возможности учащихся, развивать мыслительную деятельность в процессе обучения истории [25].

Считаем, что проведение экскурсий способствует развитию познавательного интереса к истории (во время проведения урока затрагиваются эмоции и переживания участников), позволяет активно использовать проблемные ситуации (при решении которых учащимся и студентам необходимо самостоятельно выбирать средства достижения цели, применять их на практике и оценивать достигнутые результаты), представляет широкие содержательные и методические возможности преподавателю для постро-

ения занятия на основе компетентностного подхода. Уроки-экскурсии способствуют гражданско-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, укреплению исторической памяти.

В соответствии с типовой учебной программой по обязательному модулю «История» (История Беларуси в контексте европейской цивилизации) для учреждений высшего образования изучается тема «Беларусь в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн» [26].

В учреждениях общего среднего образования в 2020/2021 учебном году в соответствии с учебной программой по истории Беларуси, разработанной с учетом концентрического подхода к построению содержания исторического образования и принципом относительной завершенности содержания образования на II ступени общего среднего образования, данная тема изучается в IX классе [программы] [27].

Проведение экскурсии по территории бывшего Шталага-352 рекомендуется при изучении темы «Германский оккупационный режим на территории Беларуси в 1941–1944 гг.», «Наш край в период становления советского общества и в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн». Изучая тему Великой Отечественной войны, советуем использовать краеведческий принцип исторического образования. Именно при изучении региональной истории в контексте личностно ориентированного образования студенты и учащиеся сформируют у себя разные варианты оценочного отношения к событиям и личностям Великой Отечественной войны, а также понимание причин этого многообразия, приобщатся к участию в охране памятников истории и культуры [28].

С точки зрения повышения включенности территории бывшего Шталага-352 в туристические маршруты в перспективе выглядит рациональной незначительная корректировка текущего маршрута обзорной экскурсии по Минску, утвержденной Национальным агентством по туризму. После осмотра комплекса «Минск-Арены» можно предусмотреть вместо разворота на проспекте Победителей поворот на улицу Нарочанскую, проезд по улице Тимирязева рядом с мемориалом на месте братского кладбища Шталага-352 и Крестовоздвиженской церковью. Вернуться на проспект в таком случае возможно рядом со зданием Национального олимпийского комитета по улице Радужной.

Подобное дополнение не повлечет серьезных структурных изменений текущего маршрута обзорной экскурсии, однако поможет привлечь большее внимание к теме истории ВОВ, жизни на оккупированных территориях, трагедии советских военнопленных, а также проблеме сохранения уникального места памяти на территории Минска.

Уже не осталось живых свидетелей произошедших в Шталаге-352 преступлений, но остались здания, чьи стены их помнят. Сейчас чрезвычайно важно сохранить эти исторические строения и память о тех, кто прошел

через «Лесной лагерь» в Масюковщине и ему подобных. Аналогичных архитектурных комплексов практически не сохранилось на просторах как Беларуси, так и бывшего СССР. Преступлением будет допустить разрушение последних немых свидетелей истории этого трагического места.

Список использованной литературы

1. *Яцкевіч, Н. А.* Масюкоўшчына. Трагедыя савецкіх ваеннапалонных / Н. А. Яцкевіч, М. Г. Нікіцін. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2019. – 128 с.
2. *Мишуровская, О. Е.* Проблема итальянских военнопленных Второй мировой войны в белорусско-итальянских отношениях / О. Е. Мишуровская // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2005. – № 2. – С. 33–36.
3. *Черноглазова, Р. А.* Масюковщина: Шталаг 352. 1941–1944: документы и материалы / авт. сост. Р. А. Черноглазова. – Минск: Четыре четверти, 2005. – 200 с., [4] л. ил.
4. *Томилин, В.* На месте Шталага-352 идут раскопки [Электронный ресурс] / В. Томилин // Sputnik.by 8 мая 2018. – Режим доступа: <https://sputnik.by/pobeda/20200508/104463073/Zakhoronenie-slozhnoe-no-nakhodki-est---na-meste-Shtalaga-352-idut-raskopki.html>. – Дата доступа: 17.01.2021.
5. *Вайницькая, В.* В Масюковщине сносят воинскую часть, где был нацистский лагерь [Электронный ресурс] / В. Вайницкая // Onliner.by 26 февраля 2020. – Режим доступа: <https://realt.onliner.by/2020/02/26/masyukovshhina-4>. – Дата доступа: 03.01.2021.
6. *Докунова, Е. Н.* За колючей проволокой: дулаги, шталаги, офлаги. Лагерь для советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) / Е. Н. Докунова // Беларус. думка. – 2012. – № 2. – С. 94–100.
7. *Мох-Докунова, Е. Н.* Тяжкое бремя плена: военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Беларуси 1939–1951 гг. / Е. Н. Мох-Докунова, А. В. Шарков. – Минск: Звязда, 2015. – 200 с.
8. *Мох, Е. Н.* Шталаг 352 «Масюковщина»: историография, источниковая база исследования / Е. Н. Мох // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2020. – Вып. 20. – Ч. 2: Исторические науки. – С. 92–100.
9. *Мох, Е. Н.* Лазарет «Городского лагеря» шталага № 352 / Е. Н. Мох, А. А. Швед // Беларус. думка. – 2020. – № 6. – С. 88–95.
10. *Попов, Б. А.* Еще о войне: автобиографический очерк одного из пяти миллионов / Б. А. Попов. – Минск: Энциклопедикс, 2015. – 182 с.
11. *Гаврилов, Н. П.* «...И отрет Бог всякую слезу» / Н. П. Гаврилов. – Минск: Медіал, 2018. – 192 с.
12. *Карпов, С. К.* Помнить вечно! Шталаг 352 «Масюковщина»: неизвестные страницы истории / С. К. Карпов, А. П. Ульяненок. – Минск: Четыре четверти, 2019. – 476 с.: ил.
13. *Ульяненок, А. П.* Помнить вечно! Лесная и Городская трагедия «Шталаг 352» / А. П. Ульяненок – Минск: Четыре четверти, 2020. – 424 с.: ил.

14. *Отто, Р.* Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / Р. Отто, Р. Келлер; пер. с нем. Л. В. Ланника, Н. А. Власова; под науч. ред. Е. Л. Киселевой. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2020. – 400 с., ил.
15. *Усачев, О. И.* «Шталаг 352» [Электронный ресурс] / О. И. Усачев. // Минск старый и новый – Режим доступа: http://www.oldmikk.ru/Page3_memory_lag_shtalag_352.html. – Дата доступа: 3.01.2021.
16. *Горбатенко, И.* Шталаг 352: на месте бывшего лагеря военнопленных в Масыюковщине может появиться мемориальный сквер [Электронный ресурс] / И. Горбатенко // Беларусь сегодня 8 мая 2018 – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/v-plenu-vospominaniy.html> – Дата доступа: 03.01.2021.
17. *Трефилов, С.* Трагедия концлагеря в Масыюковщине [Электронный ресурс] / С. Трефилов // Комсомольская Правда. – 24 ноября 2019. – Режим доступа: <https://www.kp.by/daily/27054/4120647/>. – Дата доступа: 03.01.2021.
18. *Инанец, С.* Военнопленный спустя 80 лет побывал в бывшем лагере в Минске, который отдали под застройку [Электронный ресурс] / С. Инанец // Общество. Tut.by. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/674352.html>. – Дата доступа: 29.06.2020.
19. *Мелехина, М.* Прямо в Минске был концлагерь о котором вы не знали [Электронный ресурс] / М. Мелехина // Куку.org 3 июля 2020. – Режим доступа: <https://kyky.org/places/pryamo-v-minske-byi-kontslager-o-kotorom-vy-ne-znali-i-on-sohranilsya-do-sih-por-vot-foto-ekskursiya>. – Дата доступа: 11.11.2020.
20. *Ходинский, П.* «Просто ужас. Вот что стало с немецким концлагерем в Масыюковщине, где зверски убили около 80 000 пленных» [Электронный ресурс] / П. Ходинский // Citydog.by 9 марта 2020. – Режим доступа: <https://citydog.by/post/masiukouscyna/>. – Дата доступа: 03.01.2021.
21. *Халип, И.* Архипелаг шталаг [Электронный ресурс] / И. Халип // Новая газета. – 7 мая 2018. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/05/07/76370-arhipelag-shtalag>. – Дата доступа: 3.01.2021.
22. *Берекчиян, В.* Конвейер смерти в Шталаге-352 [Электронный ресурс] / В. Берекчиян // Sputnik.by. – 8 мая 2018. – Режим доступа: <https://sputnik.by/pobeda/20180508/1035289439/lager-voennoplennyh-shtalag-352-v-masyukovshchine.html>. – Дата доступа: 03.01.2021.
23. *Барысёнак, В.* «Зберажом Масыюкоўшчыну»: што трэба ведаць пра шталаг № 352 [Электронный ресурс] / В. Барысёнак // Белтэлерадыёкампанія. – 12 лiст. 2020. – Режим доступа: <https://radiobelarus.by/be/content/stalag352-11-12?fbclid=IwAR1T2EiWa82e0v6HG9DgB0r1163-PDgJKR7a2ZX8omGcg6pBnf0D3do7gck>. – Дата доступа: 03.01.2021.
24. *Матяс, А.* Бывший лагерь военнопленных в Масыюковщине Stalag 352 стал новым экскурсионным объектом Минска [Электронный ресурс] / А. Матяс // ОНТ. Новости общества. – 3 окт. 2020. – Режим доступа: <https://ont.by/news/byvshij-lager-voennoplennyh-v-masyukovshine-stalag-352-stal-novym-ekskursionnym-obuektom-minska>. – Дата доступа: 03.01.2021.

25. Рекомендации по результатам мониторинга уровня обученности учащихся по учебному предмету «Всемирная история» (2015/2016 учебный год) [Электронный ресурс] / Национальный институт образования. – Режим доступа: <https://adu.by/>. – Дата доступа: 03.02.2021.

26. Типовая учебная программа по обязательному модулю «История» (История Беларуси в контексте европейской цивилизации) [Электронный ресурс] / Республиканский институт высшей школы. – Режим доступа: <http://nihe.bsu.by/index.php/ru/>. – Дата доступа: 08.02.2021.

27. Учебная программа по учебному предмету история Беларуси [Электронный ресурс] / Национальный институт образования. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god>. – Дата доступа: 08.02.2021.

28. Мох, Е. Н. Методические и методологические рекомендации по изучению темы «Беларусь в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн» на основе компетентностного подхода для учреждений образования Республики Беларусь / Е. Н. Мох // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2020. – № 6. – С. 46–49.

(Дата подачи: 09.02.2021 г.)

Е. Н. Мох

Национальный институт образования
Министерства образования Республики Беларусь, Минск

E. Mokh

National institute of education Ministry of Education
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 355.48-054.65(476+074)«1941/1944»:930.2(100)

ЛАГЕРЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944 ГГ.): ЦЕНТРЫ ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

CAMP OF SOVIET POWERS OF WAR IN THE OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS (1941–1944): DOCUMENT STORAGE CENTERS AND SOURCE RESEARCH BASE

В статье представлен краткий обзор ведущих мировых центров хранения источников по истории содержания советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.), представлена характеристика источников по данной теме, определены перспективы дальнейшего исследования этой проблемы.

Ключевые слова: лагерь; советские военнопленные; архив; центры хранения; источники; оккупированная территория Беларуси (1941–1944 гг.).

The article provides a brief overview of the world's leading centers for storing sources on the history of the keeping of Soviet prisoners of war in camps in the occupied territory of Belarus

(1941–1944), provides a description of sources on this topic. Prospects for further research of this problem are determined.

Keywords: camp; Soviet prisoners of war; archive; storage centers; sources; occupied territory of Belarus (1941–1944).

Проблема советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны имеет важное общественно-политическое и международное значение. Исследование архивных источников с целью выяснения судеб погибших дает возможность предоставить родственникам и близким информацию об их гибели и месте захоронения.

Сведения о лагерях сосредоточены в центрах хранения архивных документов и мемориальных комплексов в Республике Беларусь, Украине, Германии, Российской Федерации (РФ), США и Израиля. Остановимся на общих характеристиках таких наиболее значимых центров исследования темы функционирования лагерей для советских военнопленных, в которых сосредоточена основная масса свидетельств и материалов.

Интерес представляет деятельность Центра документации Объединения Саксонские мемориалы. Он осуществляет предоставление справок о находившихся в плену солдатах Красной Армии, а также гражданских лиц, находившихся в лагерях либо захороненных на территории военного округа № 4, что на сегодняшний день соответствует территории Свободного Государства Саксония. На территории современного свободного государства Саксония находится около 250 захоронений, в которых люди из Советского Союза во время Второй мировой войны и в послевоенный период находили свое последнее пристанище в индивидуальных, а также братских могилах. Спустя 75 лет после окончания Второй мировой войны дигитальная карта Центра документации Дрездена дает обзор регионального распределения этих военных захоронений и улучшает доступ к имеющейся информации. Отдельные захоронения перечислены на дигитальной карте на основе доступных геоданных. Можно получить подробные описания каждого места захоронения: более точную информацию о местоположении и местных контактных лицах. Кроме того, теперь есть возможность регистрировать исправления через веб-форму и загружать актуальные фотографии. Кроме того, можно искать имена захороненных. Дигитальная карта, описания мест и именные каталоги доступны как на немецком, так и на русском языках. Также сайт размещает образцы основных типов документов (документы регистрации советских военнопленных в лагерях) бывшего Управления по делам военнопленных вермахта с соответствующими разъяснениями [1].

В последние годы ведется активное сотрудничество между Комитетом госбезопасности Республики Беларусь и германским объединением «Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора» в рамках международного исследовательского проекта «Советские и немец-

кие военнопленные и интернированные», а также немецкой организацией «Контакты» (<https://kontakte-kontakty.de>) и общественным объединением «Взаимопонимание» (<https://moov.by/>) осуществляется проект «Помощь военнопленным» по выяснению судеб погибших, розыску мест их захоронений, оказанию бытовой, социально-психологической и материальной помощи [2, с. 123–155].

Также на территории Германии выяснением судеб советских военнопленных занимаются службы поиска – Международный центр по преследованиям нацистов (Бад Арольсен Германия). Архив в Бад-Арользене – один из крупнейших центров хранения документов по истории нацистских преступлений, в частности истории лагерей для советских военнопленных. В настоящее время на первый план выдвинулась работа по розыску, сбору и систематизации документов, содержащих сведения о пребывании военнопленных в лагерях в период Второй мировой войны, а также выдаче на их основании архивных справок.

Особый интерес представляют «трофейные» материалы – это учетные карточки военнопленных, которые должны были заполняться администрацией лагерей и направляться в справочную службу вермахта о военных потерях и военнопленных (ВАСТ). Часть карточек хранится в Центральном архиве Министерства Обороны РФ, в Федеральном архиве Германии (Bundesarchiv) [2]. В своей структуре имеет несколько подразделений. Так, в Берлине создан филиал Бундесархива, в котором хранятся документы подготовки к Нюрнбергскому процессу, фонды Главного управления имперской безопасности.

Важную информацию для изучения данной темы содержат документы Федерального военного архива в г. Фрайбурге. К наиболее значимым относятся документы отдела пропаганды вермахта, особо важные дела по плану «Барбаросса» отдела L IV штаба оперативного руководства вермахта RW 4/v, документы отдела по делам военнопленных (OKW/AWA/Kgf.) RW 5/v, RW 6/v, фонд R 70 – журналы боевых действий (отчеты группы SD), R 41 – документы командования вермахта о деятельности войск безопасности, RH 49 – управление военнопленными, командующий тыловым районом группы армий «Центр» RH 22/v В данных фондах имеются «преступные приказы по ликвидации отдельных категорий военнопленных», нормативно-правовые документы о порядке обращения с военнопленными, отчеты округового коменданта лагерей. Особый интерес вызывают составленные на основании отчетов айнзацгрупп «Донесения о событиях...» [3].

Наиболее значимым комплексом документов, относящихся к проблеме военного плена в Российской Федерации, располагает РГВА. В обширных фондах этого архива наибольший интерес представляют документы бывшего Особого архива, включенного в состав РГВА в 1999 г. Обзор фондов РГВА по проблеме содержания советских военнопленных представил

В. И. Коротаев [4, с. 308–318.]. Среди немецких документов в данном архиве находятся материалы высших государственных органов и министерств Германии. Документы центральных государственных учреждений, ответственных за порядок на оккупированных территориях, судебных учреждений Германии, управлений тайной полиции и безопасности, концентрационных лагерей и лагерей для военнопленных представлены делами из Министерства по делам оккупированных восточных областей – фонд № 1358 – и документальными материалами концентрационных лагерей и лагерей для военнопленных – фонд № 1367. Среди этих материалов нормативные документы, регламентирующие пребывание советских военнопленных в лагерях, учетные карточки, свидетельства о смерти, сведения о побегах, актах сопротивления узников лагерей. В фонде «Главное управление госбезопасности Германии в Берлине» № 500 к. имеются приказы начальника полиции безопасности и СД от 17.07.1941 № 8 и от 29.10.1941 № 14 об основных направлениях работы команд полиции безопасности и СД в шталагах и дулагах. В фонде № 1367 находятся сведения о советских военнопленных, содержащихся в шталаге № 352. Среди этих документов – списки военнопленных, сведения о медицинском обеспечении, показатели смертности в лагере. Об особом отношении к советским военнопленным свидетельствуют хранящиеся в фонде № 504 к. «Начальник немецкой полиции безопасности и службы безопасности на оккупированной территории Советской Прибалтики» приказ начальника верховного командования Вооруженных сил Германии о порядке обращения с пленными красноармейцами, распоряжения начальника полиции безопасности и СД, в которых предусматривалось введение строжайшего режима в лагерях советских военнопленных [5, л. 36–39]. В архиве хранятся розыскные списки за 1942–1943 гг., изданные начальниками полевой полиции при группах войск «Центр», «Север» на солдат, служащих и пособников, дезертировавших из вермахта, а также бежавших военнопленных. В списках приводятся следующие установочные данные: фамилия, имя, отчество, звание, дата и место рождения, воинская часть, внешние приметы [6].

Одной из распространенных форм сопротивления были побеги военнопленных. Значительные подпольные организации советских военнопленных действовали на территории Германии, в Баварии «Братское сотрудничество военнопленных» (БСВ). В архиве имеются документы: инструкция и программа БСВ.

Важный источниковый комплекс (трофейные документы) имеется и в ГАРФ. В фонде № 7021 «Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» хранятся акты об ущербе, нанесенном советским гражданам, заявления, свидетельские показания очевидцев расправ оккупационных властей над военнопленными и гражданским населением. Особый интерес из дан-

ного фонда представляют опись № 87 (документы по Минской области) и опись № 148 (немецкие трофейные документы). Интерес представляет фонд Международного военного трибунала в Нюрнберге (Р-7445), в документах которого отражены политика нацистской Германии в отношении военнопленных, а также жестокое обращение за любое неповиновение, приводящее к высокой смертности.

Документы, содержащие сведения о советских военнопленных в фонде ЧГК, в соответствии с характером и объемом информации можно условно разделить на три группы:

- акты местных комиссий содействия ЧГК и прилагаемые к ним материалы о фактах злодеяний на той или иной оккупированной территории бывшего СССР;
- акты осмотра территории бывших лагерей военнопленных, в основном за пределами территории СССР, и прилагаемые к ним протоколы допроса свидетелей и бывших заключенных, а также немецких военнопленных, как правило, обеспечивавших охрану лагерей;
- документы лагерей военнопленных, существовавших на территории СССР и за ее пределами.

Акты местных (республиканских, областных, районных) комиссий содействия работе ЧГК самый значительный комплекс документов фонда. В их типовой структуре был предусмотрен раздел «Уничтожение и гибель советских военнопленных», где фиксировались факты создания лагерей военнопленных, количество военнопленных в них находящихся, число погибших и места массового захоронения. Акты местных комиссий составлялись на основе опроса свидетелей – местных жителей и осмотра мест массовой гибели и захоронений [7].

Отчеты командиров партизанских отрядов и руководителей подпольных организаций о проделанной ими работе на территории оккупированной Беларуси имеются в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (фонд № 625 «Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич»). Интерес представляет информация по организации помощи военнопленным со стороны партизан и подпольщиков в осуществлении побегов, оказании помощи евреям-военнопленным и политкомиссарам [8, л. 55].

В Военно-медицинском музее Министерства обороны РФ хранятся немецкие документы, воспоминания врачей о медицинском обслуживании советских военнопленных [9].

Особую ценность представляет сайт «Обобщенный банк данных «Мемориал» (ОБД «Мемориал»)» – работа Минобороны России и корпорации «Электронный Архив» (ЭЛАР). На сайте представлены цифровые копии документов о безвозвратных потерях и именные записи о потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне. Основной массив обрабатывае-

мых документов в ОБД – это донесения о потерях личного состава РККА, справки о погибших и пропавших без вести, а также описания и списки захоронений советских солдат и офицеров. В ОБД «Мемориал» представлены многочисленные больничные листы военнопленных, истории болезней, персональные учетные карточки. Сегодня банк данных содержит более 20 млн записей. Работа по его пополнению продолжается. Ведется также работа по объединению записей [10, 11, с. 126–127].

Документы по данной проблеме хранятся и в архивах Украины, так как согласно военно-административному разделу оккупированной территории Беларуси южные районы Брестской, Гомельской, Пинской и Полесской областей входили в рейхскомиссариат «Украина». Так, в фонде Р-2 «Луцкий окружной комиссариат» находятся приказы, распоряжения генерального комиссара Волынии – Подолии, окружного комиссара по обращению с военнопленными [12, л. 60].

Музей Холокоста в Вашингтоне и Мемориальный комплекс истории Холокоста «Яд Вашем» в Иерусалиме обеспечивает доступ к материалам, касающимся темы уничтожения евреев, в том числе и евреев-военнопленных в лагерях [13].

Источниковую базу исследования истории лагерей на оккупированной территории Беларуси составляют архивные документы Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственных архивов Витебской, Минской, Брестской, Могилевской, Гомельской, Гродненской областей. Среди материалов – организационно-распорядительные документы (приказы, распоряжения, директивы, инструкции, положения) высших и местных органов оккупационной администрации, регламентирующие пребывание советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси. Эти документы дают представление о социальном, политическом, экономическом, военном положении советских военнопленных, об особенностях функционирования органов управления лагерями.

Значительное количество ценных сведений по исследуемой проблеме содержится в фонде № 370 «Генеральный комиссариат Белоруссии, г. Минск». Здесь представлены распоряжения, приказы, инструкции, памятки руководящих оккупационных структур, характеризующие функционирование лагерей, охрану и режим содержания, нормы питания, медико-санитарные условия, трудовое использование военнопленных. В фонде № 655 «Штаб группы армий «Центр» находятся приказы командования вооруженными силами Германии по организации явки в лагеря отбывшихся солдат, борьбе с партизанами, которые оказывали помощь военнопленным.

В рамках исследуемой проблемы интерес представляют и материалы местных органов оккупационной администрации. Фонды № 391 «Борисовский окружной комиссариат», № 393 «Минский окружной комиссариат»,

№ 4232 «Вилейский окружной комиссариат» содержат распоряжения, инструкции генеральных и окружных комиссаров, волостных властей по вопросам содержания советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси. В данных фондах находятся отчеты, донесения, переписка с комиссариатами по проблеме социального обеспечения военнопленных в лагерях, лагерной дисциплины, об использовании труда, розыске сбежавших военнопленных, обмундировании. Имеются также бланки месячных отчетов о работе военнопленных.

В архивных фондах городских, районных управ находятся распоряжения, постановления местных оккупационных органов о регистрации военнопленных в городах и волостях, представлены списки военнопленных, памятки об охране советских военнопленных в лагерях, отчеты бургомистров о количестве военнопленных, работающих в волостях, видах выполняемой ими работы, образцы удостоверений о назначении военнопленных на сельскохозяйственные работы, сведения об отправке трудоспособных военнопленных на работы в Германию, отпускные свидетельства для советских военнопленных.

Важным источником информации о принудительном использовании труда советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси являются материалы фонда № 378 «Главная железнодорожная дирекция «Центр, г. Минск» и № 379 «Организация ТОДТ». Документы дают представление о видах работ, выполняемых военнопленными, продовольственном и медицинском обеспечении, формах наказания и поощрения, способах борьбы. Имеющийся в распоряжении исследователей корпус документов позволяет судить о приоритетных для немецких властей видах работы.

Интерес для исследователей представляет дневник бывшего военнопленного Л. А. Атанасяна «Правда о немцах» [14]. Как свидетельствуют воспоминания военврача Л. А. Атанасяна, работавшего в лазаретах лагерей для военнопленных, положение инвалидов в лагерях было безнадежным.

Так, помимо опубликованных источников этой группы, особо следует выделить неопубликованные воспоминания бывших советских военнопленных, которые находились в лагерях на оккупированной территории Беларуси. Эти воспоминания хранятся в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Воспоминания бывших советских военнопленных, архивные документы, рукописная газета С. П. Злобина «Пленная правда», блокнот А. И. Мягкова с записями песен в фашистском плену, протоколы допросов свидетелей об уничтожении советских военнопленных, медицинская документация шталага № 352, планы, схемы Шталага № 352, фотодокументы [15].

Рассекречивание и открытие неизвестных ранее архивных источников, их доступность для исследователей и общественности дает возможность для всестороннего изучения проблемы функционирования лагерей совет-

ских военнопленных, выяснения их судеб, вопросы учета и содержания, медицинского обслуживания, использования труда военнопленных, сопротивления и др. Объективное изучение положения советских военнопленных в лагерях в годы Великой Отечественной войны возможно на основе критического сопоставления документов отечественного и немецкого происхождения. Для получения достоверных данных при исследовании проблемы необходимо комплексное изучение и сопоставление сведений, содержащихся в различных архивах.

Список использованных источников

1. Сайт «Центр документации Объединения Саксонские мемориалы». – Режим доступа: <https://ru.stsg.de/cms/dokstelle/content/o-tsentre/tsentr-dokumentatsii>. – Дата доступа: 02.06.2020.
2. Казакова, Е. В. Электронная база данных «Советские военнопленные»: новые возможности исследования / Е. В. Казакова // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны: сб. / Ком. по арх. и делопроизводству при Совете Министров Респ. Беларусь; сост.: В. Селемев [и др.]. – Дрезден, 2004. – С. 123–155.
3. Сайт «Федеральный архив Германии». – Режим доступа: <https://www.bundesarchiv.de/>. – Дата доступа: 02.06.2020.
4. Коротаяев, В. И. Советские военнопленные в немецких лагерях (по трофейным фондам РГВА) / В. И. Коротаяев // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945): материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 21–22 апр. 2005 г. / сост. Т. М. Булавкина, М. В. Стеганцев; Федер. служба безопасности Рос. Федерации [и др.]; отв. ред. А. А. Чернобаев. – М., 2007. – С. 308–318.
5. Инструкция военного командования вооруженных сил Германии от 21.05.1942 «Обращение с военнопленными различных национальностей» // РГВА. – Ф. 504 к. Оп. 2. Д. 5. Л. 36–39.
6. Розыскные списки за 1942–1943 гг., изданные начальников полевой полиции при группах войск «Митте» и «Норд» на солдат, служащих и пособников, дезертировавших из вермахта, а также на партизан и бежавших военнопленных // РГВА. – Ф. 1323 к. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.
7. Киселева, Е. Сотрудники ГА РФ устанавливают судьбы советских военнопленных в немецких концлагерях (документы о гибели советских военнопленных в фонде «чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...») / Е. Киселева. – Сайт «ГАРФ». – Режим доступа: <http://statearchive.ru/1240>. – Дата доступа: 21.01.2021.
8. Отчет К. Ю. Мэттэ – руководителя подполья в г. Могилеве // РГАСПИ. – Ф. 625. Оп. 1. Д. 24. Л. 55.
9. Сайт «Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации». – Режим доступа: <https://milmed.spb.ru/>. – Дата доступа: 02.06.2020.
10. Сайт «Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа: <https://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=84314950&page=81>. – Дата доступа: 02.06.2020;

11. *Назарова, М. В.* Представители ЭЛАРа награждены за создание ОБД «Мемориал» / М. В. Назарова // Отечественные архивы. – 2008. – № 6. – С. 126–127.
12. Распоряжение генерального комиссара Волыни – Подолии от 10.12.1941 // Государственный архив Волынской области. – Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 8 (б). Л. 60.
13. Сайт «Музей Холокоста» в Вашингтоне. – Режим доступа: <https://www.ushmm.org/>; Сайт «Мемориальный комплекс Холокоста». – Режим доступа: yadvashem.org/yv/ru/index.asp. – Дата доступа: 02.06.2020.
14. Дневник бывшего военнопленного Л. А. Атанасяна «Правда о немцах» // НАРБ. – Ф. 750. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–43.
15. Сайт «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны». – Режим доступа: <http://www.warmuseum.by/>. – Дата доступа: 02.06.2020.

(Дата подачи: 05.02.2021 г.)

В. И. Настусевич

Белорусский государственный университет, Минск

V. Nastusevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(46):322

КАТОЛИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ В ИСПАНИИ: ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ

CATHOLIC ACTION IN SPAIN: GENERATION AND FORMATION

В статье рассматриваются процессы зарождения и становления религиозно-политического движения Католическое Действие в Испании в период «первого франкизма» (1939–1957). Автор рассматривает предпосылки зарождения движения, его внутреннюю структуру и эволюцию взаимоотношений Католического Действия с франкистским режимом.

Ключевые слова: Католическая Церковь; Католическое Действие; общественные движения; миряне; Франсиско Франко; франкизм; национал-католицизм.

The article examines the processes of generation and formation of the religious and political movement Catholic Action in Spain during the «first Francoism» (1939–1957). The author examines the prerequisites for the emergence of the movement, its internal structure and the evolution of the relationship between Catholic Action with the Franco regime.

Keywords: Catholic Church; Catholic Action; social movements; laity; Francisco Franco; Francoism; National Catholicism.

Стараясь приспособиться к условиям современного общества, Католическая Церковь создавала и продолжает создавать новые организации религиозного, социального и политического характера. Пожалуй, самыми

важными из них являются организации Католического Действия (КД). Их главная задача состоит в распространении христианских идей и принципов в обществе посредством социальной, культурной и политической деятельности.

Существует множество определений термина «Католическое Действие». Классическим принято считать определение Папы Пия XI (1922–1939), назвавшим его «участием мирян в апостолате церковной иерархии» [1, с. 7; 2, р. 276]. На деле Католическое Действие представляет собой общее название светских католических организаций, осуществляющих деятельность социального и политического характера (апостольское служение), под руководством Ватикана и духовенства в своей стране. Каждая из организаций КД, как пишет испанский историк Х. Висенс, специализируется на объединении верующих той или иной социальной группы: рабочих, молодежи, женщин и др. [3, с. 58].

По поводу времени появления КД в Испании существуют различные мнения. Так, сама идея апостольства мирян зародилась еще во второй половине XIX в. Основной целью этой деятельности была защита Церкви от секуляризационных реформ, проводившихся в ходе буржуазных революций и ограничивающих ее права. Первые католические организации в этом направлении возникли во Франции, Германии, Бельгии и Италии. В 1870 г. в Испании была основана Ассоциация католиков (*Asociación de católicos*) [3, с. 58].

Поддержку организациям КД в свое время оказывали Папы Пий IX (1846–1878) и Лев XIII (1878–1903). Однако сам термин «Католическое Действие» впервые был употреблен Папой Пием X (1903–1914), подчеркнувшим важность данного движения в нескольких документах, а также наметившим его богословскую и организационную основу в энциклике *Placet prout* (*«С твердым намерением»*, 1905) [4, с. 942]. Концепция развития организаций КД была сформулирована Папой Пием XI в различных документах и выступлениях, начиная с энциклики *Ubi arcano Dei consilio* («Непостижимые замыслы Божии», 1922). Пия XI даже назвали «Папой Католического Действия» [4, с. 942]. В качестве целей КД он определил участие мирян в апостольстве и продвижение религиозных традиций в семье и обществе. Деятельность мирян рассматривалась в то время, как продолжение и расширение миссии духовенства.

Наиболее полно идеи Пия XI были реализованы на практике в Италии, где в 1922 г. была создана единая сеть КД, под общим руководством Ватикана. По образцу Италии сеть КД создавалась и в других странах. Как пишет испанский исследователь П. Эскартин, в Испании КД зародилось в 1926 г., однако его официальное утверждение произошло в 1931 г. [5, р. 4]. Общепринятым считается, что испанская организация была создана 29 апреля 1931 г. под названием «Национальное действие» [6, с. 99]. Через год ее пере-

именовали в «Народное действие» [7, с. 89; 8, с. 184]. Главой центрального совета испанского КД был назначен Анхель Эррера, редактор газеты «El Debate» [9, р. 453]. Лидером Народного действия стал профессор университета Саламанки Хиль Роблес [8, с. 184]. Целью организации было возвращение Церкви в Испании ее былого влияния. Согласно доктрине КД, сложилась необходимость в создании социально активного католицизма, нацеленного на преобразование социальной среды, центральной задачей которой было «формирование общественного сознания», а также воздействие на общественную жизнь страны [10, с. 94–95]. Основные постулаты испанского Народного действия были сформулированы в девизе «Религия, нация, семья, порядок, труд и собственность» [6, с. 100]. Все члены КД делились по половозрастному признаку на 4 группы: мужчины, женщины, юноши и девушки. В 1930-х гг. влияние Народного действия стремительно росло. В 1931 г. количество членов испанского КД составляло около 10 000 человек [5, р. 4]. К 1934 г. количество членов организации увеличилось до 273 000 человек. Кроме того, КД принадлежала сеть школ, более 200 просветительских центров для рабочих и имела собственную прессу [6, с. 100]. Несмотря на то, что КД формально являлось светским движением, во главе его стояло духовенство. Руководило КД центральное (национальное) управление, которому подчинялись епархиальные и приходские управления. Первичные организации формировались в приходах и возглавлялись приходскими священниками. Они в свою очередь подчинялись управлениям при епархиях, где их контролировали епископы. Центральное управление подчинялось комиссии епископов и кардиналу-примасу страны [1, с. 58].

Несмотря на религиозный характер КД, в Испании движение оказывало активную поддержку политическим партиям, созданным по конфессиональному принципу. Главным образом, Католическая Церковь в Испании нуждалась в отмене антицерковных законов, принятых руководством Второй Испанской республики. Для лоббирования церковных интересов члены КД стремились проникнуть на высокие посты в правительство и в другие политические институты [7, с. 89]. Антиклерикальная политика, проводимая правительством Республики в 1931–1936 гг., лишила католицизм практически всех его привилегий и, как следствие, уменьшила влияние Церкви на общество [11, с. 108]. По словам Мануэля Асанья, «Испания перестала быть католической» [12, с. 557]. Под этим высказыванием он имел в виду то, что после принятия новой Конституции 1931 г. католицизм потерял статус официальной религии. В результате в годы гражданской войны (1936–1939) значительная часть испанских католиков поддержала Ф. Франко. Крупнейшее религиозное движение того времени Католическое Действие провозгласило лозунг «За церковь и Родину» [12, с. 558]. Его члены массово шли служить в воинские соединения, воевавшие под руководством каудильо. Из официальной статистики франкистского режима известно, что в ходе гражданской войны погибло около 7000 членов испанского КД [6, с. 129–130].

В ходе гражданского противостояния 1930-х гг. зародился национал-католицизм, сочетавший в себе религиозные традиции наравне с патриотическими и националистическими идеями и ставший официальной идеологией франкистского режима в Испании [13, с. 107]. КД тех лет было одним из основных инструментов национал-католического проекта, который рассматривал гражданскую войну как этап очищения, а послевоенный период – как время рехристианизации Испании [14, р. 142].

По словам испанского историка Х. Чао Рего, этап франкистской политики 1940-х гг. вошел в историю как «католический» [15, с. 55]. В 1941 г. по Соглашению с Ватиканом вновь вступил в силу прежний Конкордат 1851 г. Вместе с ним вернулся статус католицизма как единственной и официальной религии государства. Согласно достигнутым договоренностям, Ф. Франко получил широкие полномочия в церковном управлении. Так, ему было даровано право назначать и низлагать испанских епископов. Таким образом, в руках каудильо оказался мощный инструмент контроля над религиозными настроениями в стране. Совместными усилиями Церкви и государства Испания должна была не только стать вновь христианской, но и явить миру высший образец церковно-государственных отношений [11, с. 110].

Режим Франко постарался опереться на представителей католических организаций, в частности выходцев из Католического Действия, которые заняли видные посты в правительстве. К концу 1940-х – началу 1950-х гг. члены КД постепенно потеснили в правительстве фалангистов. Так, например, в 1945 г. директор центрального совета КД Мартин Артахо был назначен министром иностранных дел Испании. Одного из видных деятелей КД Х. Руис-Хименеса в 1948 г. назначили послом Испании в Ватикане, а в 1951 г. – министром просвещения [15, с. 56]. Таким образом, члены КД своим личным участием в работе высших государственных учреждений непосредственно влияли на политику страны.

В 1946–1948 гг. с согласия кардинала Энрике Пла-и-Даниеля внутри КД была создана сеть светских католических организаций трудящихся [15, с. 56]. В 1946 г. было создано «Рабочее братство Католического Действия» (*Hermanidad Obrera de Acción Católica*), в 1947 г. «Христианская рабочая молодежь» (*Juventud Obrera Católica*) [5, р. 9]. Эти организации были призваны оказывать социальную поддержку основной массе мирян [15, с. 57]. Большинство организаций КД специализировались на работе с людьми определенных профессий и занимались конкретными проблемами. Среди организаций профессионального характера были объединения студентов, рабочих, учителей, журналистов и т. д. [1, с. 60].

Курс Ф. Франко на укрепление и расширение государственных контактов с Церковью был рассчитан на достижение внутривластной стабилизации режима с помощью повышения политического веса Церкви в государстве [15, с. 56]. В августе 1953 г. между Ватиканом и Испанией

был заключен Конкордат, который подтверждал преобладающую роль Католической Церкви в испанском государстве. Согласно договоренностям, Церковь получила следующие привилегии: государственные субсидии (жалование священникам, выделение средств на строительство храмов и т. д.); освобождение от налогов принадлежащего церкви имущества; освобождение студентов-богословов от воинской повинности; введение религиозной службы в казармах и тюрьмах и т. д. [16, с. 52]. Также закреплялся обязательный характер преподавания католического учения на всех ступенях образования – от начального до высшего. Это предписание касалось не только светских учебных заведений, принадлежащих Церкви, но и государственных [16, с. 49–50]. Помимо этого, договоренности с Ватиканом подтверждали право организаций испанского КД вести их дальнейшую апостольскую деятельность [17, р. 19]. В итоге в большинстве своих положений Конкордат лишь утверждал сложившийся при Ф. Франко характер взаимоотношений между Церковью и государством.

Однако уже в 1950-е гг. часть католических деятелей стали считать Конкордат опасным для самой Церкви, поскольку он слишком сближал ее с государством, ослабляя ее суверенитет. Они высказывались против идеологии и практики франкизма, а также использования Церкви государством, в качестве инструмента для решения социальных вопросов [16, с. 53]. Видные церковные иерархи, такие как кардинал Пла-и-Даниэль и епископ Малаги А. Эррера, в 1951–1953 гг. неоднократно публично выступали в защиту католических ассоциаций и христианско-демократических течений. В одном из пастырских посланий отмечалось, что профсоюзная система в Испании не соответствует предписаниям социальной доктрины Католической Церкви. В 1955 г. официальный орган КД журнал «Ecclesia» выступил с критикой отдельных аспектов внутривластного курса режима. На его страницах авторы осудили закон о печати, ограничивающий свободу высказываний в прессе. Некоторые церковные деятели начали вести осторожную критику социально-экономического курса Ф. Франко [15, с. 58]. По словам испанского историка М. Туньон де Лара, вся критика до середины 1950-х гг. не носила «институционального» характера [15, с. 58]. На данном этапе Церковь стремилась добиться «уверенной свободы» лишь для самой себя, но при этом впоследствии намеревалась создать самостоятельное, сильное политическое движение, способное в будущем предъявить права на руководящую роль в испанском обществе после краха франкизма. После Второго Ватиканского Собора (1962–1965) испанское движение за отмену Конкордата 1953 г. было поддержано Ватиканом. Было признано, что Конкордат не только лишает испанскую Церковь свободы принятия решений, но и снижает ее авторитет среди рядовых священников и мирян. Кроме того, Ватикан опасался, что в будущем его будут связывать с решениями и действиями Ф. Франко, который за годы своей диктатуры настроил против себя

даже ту часть духовенства, которая в 1936 г. поддержала его в «крестовом походе» против Республики [16, с. 69]. В 1965 г. Ватикан предложил каудильо отказаться от привилегии назначать епископов. Однако это предложение не было принято политическим руководством Испании [16, с. 69–70].

На протяжении 1950-х гг. Католическое Действие в Испании усиливало свое влияние на общество. Об этом красноречиво свидетельствует численный состав организаций данного движения: в 1955 г. общее количество членов испанского КД достигло 600 000, количество центров выросло до 18 000. [5, р. 12]. Наиболее многочисленными были женские организации КД. Их особенностью было то, что они использовали «специфические» формы работы: занятие домоводством, различные курсы и сеть школ для девушек [1, с. 62]. По данным на 1955 г., женщин в организациях было 172 290, девушек – 156 733, мужчин – 44 739, юношей – 52 240 человек. Подготовка руководителей «Рабочих братств КД» осуществлялась в кружках «апостольского воспитания», которых к концу 1950-х гг. насчитывалось более 75 [16, с. 73]. С целью определения лучших способов влияния на общество организации КД проводили социологические исследования на основе анкет, опросов и отчетов своих членов. Для усиления своих позиций в Испании КД использовало различные СМИ: печать, радио, телевидение и кино [1, с. 84–85]. Кроме того, организации проводили конференции, ежегодные кампании, социальные недели, национальные дни, посвященные проблеме контактов верующих с современным миром (Конституция и католики, семья и католики, школа и католики, социальное обеспечение и т. д.). Все мероприятия, включая конгрессы и конференции, сопровождалось молитвами и размышлениями на религиозные темы. Средства на мероприятия собирались среди членов. Помимо регулярных членских взносов продавались и так называемые «билеты солидарности» на мероприятия, которые распространяли католические печатные издания. Также члены КД собирали пожертвования. При этом немаловажное значение в финансировании движения имела доля Католической Церкви [1, с. 82–83].

Таким образом, оформление предпосылок для зарождения испанского Католического Действия произошло в конце XIX в. Однако официально организация появилась лишь в 1931 г. Процесс развития и становления КД пришелся на период «первого франкизма» (1939–1957). На протяжении этого времени взаимоотношения КД с испанским государством постепенно менялись. В период гражданской войны (1936–1939 гг.) члены КД, как и испанская Католическая Церковь, поддержали Национальное движение Ф. Франко, что можно объяснить антиклерикальной политикой правительства Республики. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. члены КД заняли высокое положение в государстве, потеснив в правительстве фалангистов. Однако постепенно ослабление церковного суверенитета во взаимоотношениях с государством, вызванное договоренностями Ф. Франко с Ватиканом, по-

служило причиной и отправной точкой критики и охлаждения отношений КД с режимом.

Список использованных источников

1. *Поташинская, Н. Н.* Католический клерикализм и народные массы: система организаций Католического Действия / Н. Н. Поташинская. – М.: Наука, 1971. – 164 с.
2. Catholic Action // New Catholic Encyclopedia. – Washington, D. C.: Catholic University of America Press (COR). – 2002. – Vol. 3: Can-Col. – P. 275–278.
3. *Филатов, Г. А.* Эволюция официальной идеологии франкизма: 1939–1975 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Г. А. Филатов. – М., 2016. – 230 л.
4. Католическое Действие // Католическая энциклопедия: в 5 т. / ред.-изд. совет: о. Г. Церох (председатель) [и др.]. – М.: Научная книга: Изд-во францисканцев. – 2002–2013. – Т. 2: И–Л / С. С. Аверинцев [и др.]. – 2005. – С. 941–944.
5. *Escartín, P.* De aquella a esta Acción Católica General / P. Escartín // Acción Católica general [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: <http://www.accioncatolicageneral.es>. – Fecha de acceso: 08.02.2021.
6. *Пономарева, Л. В.* Испанский католицизм XX века / Л. В. Пономарева; отв. ред. Л. Ю. Слезкин. – М.: Наука, 1989. – 284 с.
7. *Мэнхэттэн, А.* Ватикан. Католическая церковь – оплот мировой реакции / А. Мэнхэттэн; пер. с англ. И. Боронос, Н. Лосевой. – М.: Изд. и тип. Гос. изд. иностр. лит-ры, 1948. – 396 с.
8. *Гарсиа, Х.* Испания XX века / Х. Гарсиа. – М.: Мысль, 1967. – 486 с.
9. *Tapia, M.* La Juventud de Acción Católica Española. La revista «La Flecha» (1932–1936) / M. Tapia // Universidad de Navarra [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: <https://revistas.unav.edu/index.php/anuario-de-historia-iglesia/article/view/10126/19751>. – Fecha de acceso: 08.02.2021.
10. *Висенс, Х.* Записки по истории франкистского режима / Х. Висенс // Проблемы испанской истории: сб. ст. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1979. – С. 79–103.
11. *Настусевич, В. И.* Церковь и государство в Испании в период «первого франкизма» (1939–1957 гг.) / В. И. Настусевич // Научные труды РИВШ. – Минск, 2020. – Ч. 2. – С. 107–113.
12. *Коваль, Т. Б.* Церковь и государство: испанский опыт / Т. Б. Коваль // Вопросы религии и религиоведения. Кн. 1 (II) – исследования. Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в., 2011. С. 551–586.
13. *Настусевич, В. И.* Испанский национал-католицизм: краткий обзор идеологии / В. И. Настусевич // Религия и общество – 14: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 106–108.
14. *Montero, F.* Origen y evolución de la Acción Católica española / F. Montero // Biblioteca Digital Universidad de Alcalá [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: <https://ebuah.uah.es/dspace/handle/10017/8832>. – Fecha de acceso: 08.02.2021.
15. *Бунина, З. Б.* Из истории сотрудничества коммунистов и католиков Испании (40-е – первая половина 70-х годов) / З. Б. Бунина // Проблемы испанской истории: сб. ст. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1984. – С. 55–77.

16. Бунина, З. Б. Католическая церковь современной Испании (60-е – первая половина 70-х годов) / З. Б. Бунина // Проблемы испанской истории: сб. ст. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1979. – С. 48–77.

17. Hernández, D. Historia de la Acción Católica en la Diócesis de San Cristóbal de La Laguna (1939–1963) / D. Hernández // RIULL Repositorio institucional Universidad de La Laguna [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: [https://riull.ull.es/xmlui/bitstream/handle/915/15501/Historia+de+la+Accion+Catolica+en+la+Diocesis+de+San+Cristobal+de+La+Laguna+\(1939-1963\).pdf;jsessionid=DDEC1BB35FA886C8D729B3B4CA1689A6?sequence=1](https://riull.ull.es/xmlui/bitstream/handle/915/15501/Historia+de+la+Accion+Catolica+en+la+Diocesis+de+San+Cristobal+de+La+Laguna+(1939-1963).pdf;jsessionid=DDEC1BB35FA886C8D729B3B4CA1689A6?sequence=1). – Fecha de acceso: 08.02.2021.

(Дата подачи: 16.02.2021 г.)

C. B. Настусевич

Белорусский государственный университет, Минск

S. Nastusevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 929:930.1

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИКИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПОНЯТИЯ, ФОРМЫ, СОДЕРЖАНИЕ

THE CONCEPTUALIZATION BIOGRAPHY STUDIES IN RUSSIAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY: CONCEPTS, FORMS, CONTENT

В статье рассматривается концептуализация специальной социально-гуманитарной дисциплины, разрабатывающей философские, художественно-эстетические, теоретико-методологические, историографические основания биографических исследований. Автор статьи исследует историю возникновения данной дисциплины, выявляет ее основные направления, анализирует используемый понятийный аппарат, а также оценивает место биографических исследований в системе социально-гуманитарных наук.

Ключевые слова: биографика; теория биографии; биографические исследования; антропологически ориентированная история.

The article deals with the conceptualization of a special socio-humanitarian discipline that develops philosophical, artistic, aesthetic, theoretical, methodological, and historiographical foundations of biographical research. The author of the article explore the history of the emergence of this discipline, identifies its main directions, analyses the conceptual apparatus used, and assesses the place of biographical research in the system of social and humanitarian sciences.

Keywords: biography studies; theory of biography; biographical research; anthropologically focused history.

Понятие «биографика» впервые появилось в русскоязычной историографии в начале XX в. Как указывает И. Л. Беленький, данный термин был введен в научный оборот Н. А. Рыбниковым (1880–1961) [1, с. 234], выдвинувшим в 1919 г. проект создания Биографического института – междисциплинарного научного центра, который бы занимался сбором биографической документации, теоретическим осмыслением и практической реализацией основных положений биографической истории [2, с. 419]. Дисциплинарные границы для данного направления были обрисованы ростовским историком И. Т. Филиповым (1888–1927) в работе «К вопросу о науке биографии» (1926) [3, с. 307]. Автор предложил на границе общественных и естественных наук создать специальную дисциплину, предметом которой стало бы исследование типологических форм проявления личностной индивидуальности в истории [4, с. 40], назвав ее антропографией [3, с. 308]. Как утверждают И. Л. Беленький [4, с. 40] и А. В. Кореневский [3, с. 309], идеи И. Т. Филипова во многом оказались созвучны современной трактовке предмета исторической антропологии и пониманию исследовательского поля исторической биографики.

В советский период понятие «биографика» практически не использовалось. Теоретико-методологические проблемы биографических исследований не вписывались в рамки марксистской методологии, акцентировавшей свое внимание на социально-классовых аспектах. Однако биография как жанр научно-популярной и художественной литературы продолжала оставаться востребованной, что отразилось на количестве изданных книг в таких сериях, как «Жизнь замечательных людей», «Научно-биографическая серия» (с 1991 г. – «Научно-биографическая литература»), «Мыслители прошлого» и т. п. Отсутствие общепризнанного дисциплинарного статуса биографических исследований, а также единой теоретико-методологической рефлексии породило в среде биографов идейный и понятийный хаос. В советский период исследователями в одном ряду употреблялись такие понятия, как «биография», «биографическая литература», «биографические жанры», «историческая биография», «научная биография», «художественная биография», «литературная биография», «биографические исследования» и пр. [4, с. 42]. Очень часто эти понятия были взаимозаменяемыми и семантически неотделимыми друг от друга. В среде профессионального исторического сообщества сложилось мнение, что биография является способом жизнеописания, не требующим строгого соблюдения методологии исторической науки и вместе с тем не претендующим на получение нового исторического знания. Биография носила прикладной, научно-популярный, просветительский характер.

В 1970-х гг. произошел возврат интереса к теоретико-методологическим проблемам биографических исследований. В это время под «биографикой» чаще всего понималась совокупность научных, научно-популярных и ху-

дожественных произведений, выполненных в биографическом жанре. Для обозначения теории биографии использовалось понятие «биографистика», в первую очередь включающее в себя исследования по философии биографии как жанра литературы. Данный интерес отчасти связан с возрастающей критикой использования биографического метода в литературоведении, а также с общей тенденцией к обособлению личности автора и его произведения [4, с. 46]. В связи с этим активизировались дискуссии о месте и роли биографии в современном гуманитарном знании. В целом к концу XX в. обострилась проблема использования биографических исследований в истории философии и науки, социологии, политологии, культурологии, искусствознании, литературоведении, психологии и т. д. Тем не менее ни в одной из названных дисциплин биография не смогла выйти за рамки биографического метода, носящего прикладной характер.

Самостоятельный дисциплинарный статус биографические исследования в русскоязычной историографии получили лишь на рубеже XX–XXI вв. В первую очередь это связано с развитием антропологически ориентированной истории на протяжении всего XX в. Кризис классического позитивизма конца XIX в., связанный с исключением из исследовательского поля социальных наук личности как субъекта исторического развития, привел к переосмыслению эпистемологии гуманитарного знания. Философские поиски конца XIX – начала XX в. поспособствовали формированию в исторической науке новой теоретико-методологической парадигмы, ставящей в центр изучения человека, представленного в качестве творца истории, чьи действия обуславливают исторический процесс. На этих позициях зародились неокантианская эпистемология, учение М. Вебера, эпистемологическая концепция А. С. Лаппо-Данилевского, легшая в основу феноменологической концепции современного источниковедения, и т. д. В середине XX в. антропологически ориентированная история главным образом была представлена историей ментальностей, институционализированной французской школой «Анналов». С конца 1970 – начала 1980-х гг. произошло дисциплинарное дробление антропологически-ориентированной истории. В результате зародились такие направления, как история повседневности, новая культурная история, микроистория, гендерная история, история чувств и т. д., объединенные под общим наименованием «историческая антропология». 1990-е гг. охарактеризовались для антропологически ориентированной истории появлением «прагматического подхода», сторонники которого отказались от признания решающей роли социальных, экономических, культурных, ментальных структур в определении смысла социальных отношений, в пользу установки на изучение постоянно меняющихся ситуаций конкретной жизненной практики [5, с. 15–16]. В то же самое время выход из изоляции русскоязычной исторической науки, произошедший в последней четверти XX в., стимулировал рецепцию западных подходов, концепций

и понятийного аппарата. На страницах альманаха «Одиссей» развернулась дискуссия об «индивидуальности» и «личности» в истории, актуализировавшая теоретические разработки в данном направлении [6, с. 6–89]. Рост популярности микроисторических исследований, пришедший на конец 1990-х гг., повлек за собой пересмотр теоретических оснований биографической истории. Первопроходцем в исследовании данных процессов стала Л. П. Репина, сформулировавшая в ряде своих статей основные положения концепции «новой биографической истории» [7, с. 118]. Практическая реализация некоторых положений указанной концепции произошла в рамках «интеллектуальной биографии» — направления биографической истории, сформировавшегося в российской историографии лишь в начале XXI в. [8, с. 155–158]. Благодаря осуществлению исследовательского проекта «Человек второго плана», основанного в 2003 г. на базе Ростовского регионального отделения Российского Общества интеллектуальной истории, произошла артикуляция границ предметного поля нового типа биографических исследований [9, с. 6]. В ходе реализации проекта авторы убедительно доказали значимость и познавательную ценность жизнеописания индивида любого «калибра».

Актуализация биографических исследований в исторической науке, отмеченная Л. П. Репиной [10, с. 307] и Т. Н. Поповой [11, с. 266; 12, с. 540] как «биографический поворот», привела к институционализации биографии в качестве специальной социально-гуманитарной дисциплины. Практика широкого применения биографического метода среди дисциплин социально-гуманитарного цикла существенно усложнила постановку вопроса о предметном поле биографии. Ее междисциплинарность обусловлена неотделимостью человека от его деятельности (и науки как ее части). Фактически «жизнеописание» возможно во всех сферах, где присутствует человек. Именно он является системообразующим элементом любого вида деятельности. Поэтому, смещая свой взгляд со своего предмета на условия и причины его появления, дисциплины социально-гуманитарного цикла встречаются с биографией, играющей роль метода с определенным научно-исследовательским потенциалом. Однако, поскольку человек как феномен охватывает собой всю сферу своей деятельности, постольку и биография не вмещается в пределы одного метода, а скорее граничит со всеми социально-гуманитарными дисциплинами, окружая и объединяя их собой. В этом плане биография проявляет себя как историческая наука, которая, согласно схеме французского философа М. Фуко, возникнув раньше других гуманитарных наук, образует «среду» или эпистемологическое пространство, в которых они развиваются [13, с. 385–391]. Как видим, зародившись на заре историописания, биография в первую очередь является формой исторического исследования.

Тем не менее сложность и многогранность предмета биографического исследования и неотделимая от биографии междисциплинарность заставляют при определении предметного поля биографики обращаться ко всем дисциплинам социально-гуманитарного цикла. В результате у исследователей возникают трудности в интерпретации самого понятия «биографика». Так, согласно И. Л. Беленькому, биографика – это «специальная дисциплина и область знания, разрабатывающая теоретические, историографические, методические, источниковедческие проблемы биографий». Она «тесно связана со вспомогательными и специальными историческими дисциплинами (генеалогией, геральдикой, палеографией и др.), филологией, краеведением, словарно-энциклопедическим делом, библиографией и др.» [1, с. 233]. В то же время в другой его работе под биографикой понимается «совокупность (а позднее – система) философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции» [4, с. 38]. Согласно А. Л. Валевскому, «понятие биографики как дисциплины гуманитарного цикла служит для обозначения теоретических и методологических особенностей практики биографического письма» [14, с. 32]. По мнению С. Н. Иконниковой, «биографика как отрасль исторического знания исследует основные модели, понятия, структуру жизнеописания, степень достоверности фактов, соотношение документальных источников и художественного вымысла» [15, с. 7]. В качестве специальной (вспомогательной) исторической дисциплины в центре исследования которой находится человеческая личность, рассматривают биографику И. Ф. Петровская [16, с. 12], О. Б. Вахромеева [17, с. 10], Н. В. Некрасова [18, с. 31]. Как указывает Т. Н. Попова, схожее понимание сложилось и в украинской историографии. Однако там для обозначения научной дисциплины, изучающей «теорию, методологию, методику, историографию, практику и терминологический аппарат историко-биографических исследований, источниковедческие проблемы биографий и разнообразные виды биографической продукции», используется понятие «биографистика», а термин «биографика» «употребляется в широком смысле для обозначения литературно-биографического жанра, искусства описания жизни» [19, с. 9]. При этом автор различает философскую и историческую биографистику. Под последней Т. Н. Попова подразумевает «рефлексивную дисциплину исторического профиля, объект которой – историческая биография как социокультурный феномен и тип исторического знания, предмет – история, теория и методология историко-биографических исследований/познания» [19, с. 10]. В целом понятийный аппарат данного направления в украинской историографии практически не изменился с советских времен, где под биографистикой также подразумевалась рефлексивная дисциплина [18, с. 33].

Современная российская историография, напротив, вернулась к своим истокам 1920 гг. Однако, несмотря на семантические различия понятий «биографика» и «биографистика» в российской и украинской историографиях, фактически они обе ведут речь об одной и той же дисциплине.

Упорядочив вышесказанное, в современной биографике можно выделить несколько направлений:

1) философское направление, которое занимается осмыслением феномена человека, а также выявлением философских оснований и особенностей его жизнеописания;

2) художественное направление, изучающее биографию в качестве произведения искусства, относящегося к определенному литературному жанру, и рассматривающее его художественную и эстетическую составляющие;

3) теоретико-методологическое направление, которое изучает теоретические концепции, подходы, методы и методики историко-биографической реконструкции;

4) историографическое направление, рассматривающее историю становления биографической реконструкции, конкретные образцы исторических биографий, а также использование во время их написания теоретических подходов и методов. Таким образом, понятие «биографика» объединяет философскую, художественную и историческую биографику. Последняя, в свою очередь, состоит из теоретико-методологического и историографического направлений.

Список использованных источников

1. *Беленький, И. Л.* Биографика / И. Л. Беленький // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия: в 5 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 23–234.
2. *Эткинд, А. М.* Биографический институт: Неосуществленный замысел Н. А. Рыбникова / А. М. Эткинд // Лица: Биограф. альманах. – М.; СПб, 1996. – № 7. – С. 419–426.
3. *Кореневский, А. В.* История и антропография: к анализу взглядов И. Т. Филлипова / А. В. Кореневский // Cogito. Альманах истории идей. – Ростов-н/Д., 2009. – Вып. 4. – С. 301–310.
4. История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. – 2-е изд. – М.: Квадрига, 2010. – 720 с.
5. *Бессмертный, Ю. Л.* Что за «Казус»? / Ю. Л. Бессмертный // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1997. – Т. 1. – С. 7–24.
6. *Одиссей: Человек в истории: Исследования по соц. истории и истории культуры / АН СССР, Ин-т всеоб. истории; редкол.: А. Я. Гуревич (отв. ред.) [и др.].* – М.: Наука, 1990. – 222 с.
7. *Настусевич, С. В.* Концепция «новой биографической истории» в работах Л. П. Репиной: поиск формы и содержания / С. В. Настусевич // Научные труды РИВШ. – Минск, 2020. – Ч. 2. – С. 113–120.

8. *Настусевич, С. В.* Развитие «интеллектуальной биографии» в современной российской историографии / С. В. Настусевич // Гуманітарна-еканамічний вестник. – 2019. – № 3–4. – С. 154–158.

9. Человек второго плана в истории. Выпуск 2: сб. науч. ст. / Ист. фак. Рост. гос. ун-та, Ростов. регион. отд. Об-ва интеллект. истории; редкол.: Н. А. Мининков (отв. ред.) [и др.]. – Ростов-н/Д: DSM, 2005. – 328 с.

10. *Репина, Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

11. *Попова, Т. Н.* Историография в человеческом измерении / Т. Н. Попова // Историографічні дослідження в Україні. – 2012. – Вип. 22. – С. 265–292.

12. *Попова, Т. Н.* Персональная история VS интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия / Т. Н. Попова // Человек в истории и культуре: мемор. сб. материалов и исслед. в память лауреата Гос. премии Украины, академ. РАЕН, проф. Владимира Никифоровича Станко. – Одесса, 2012. – С. 540–563.

13. *Фуко, М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; вступ. ст. Н. С. Автономовой; пер. с фр. В. П. Визгина. – СПб.: «А-сад» АОЗТ «Талисман», 1994. – 408 с.

14. *Валевский, А. Л.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла / А. Л. Валевский // Лица: Биограф. альманах. – М.; СПб, 1995. – № 6. – С. 32–68.

15. *Иконникова, С. Н.* Биографика как часть исторической культурологии / С. Н. Иконникова // Вестник Санкт-Петербургского государственного Университета культуры и искусств. – СПб., 2012. – № 2 (11). – С. 6–10.

16. *Петровская, И. Ф.* Биографика: введение в науку и обзор источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов / И. Ф. Петровская. – 2-е изд., исправл. и доп. – СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2010. – 384 с.

17. *Вахромеева, О. Б.* Биографика. Методика написания биографий: учебник / О. Б. Вахромеева. – СПб.: ЛЕМА. – 2013. – 180 с.

18. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Ин-т всеобщ. истории РАН; редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.

19. *Попова, Т. Н.* Биографистика: к проблеме дисциплинарного статуса / Т. Н. Попова // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева): материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 30 апр. 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда». – 2019. – С. 8–11.

(Дата подачи: 05.02.2021 г.)

Ф. А. Некрашевич

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

P. Nekrashevich

Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 947“1772/1856”

РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ КАК НАКАЗАНИЕ В БОРЬБЕ С БРОДЯЖНИЧЕСТВОМ НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1856 ГГ.)

RECRUITMENT AS A PUNISHMENT AGAINST VAGRANCY ON THE EXAMPLE OF THE BELARUSIAN GOVERNORATES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1772–1856)

Служба в армии Российской империи нередко использовалась в качестве меры наказания за некоторые преступления. Одним из таких преступлений являлось бродяжничество. Армия должна была перевоспитать бродяг в законопослушных подданных. Кроме того, российское правительство привлекало бродяг на службу для уменьшения некомплекта в войсках.

Ключевые слова: бродяги; Российская империя; вооруженные силы; рекрутская повинность; перевоспитание.

Military service often used as a punishment for some crimes in the army of the Russian empire. One of those crimes was vagrancy. Army had to reeducate vagrants into law-abiding patriots. Moreover, Russian government used vagrants to solve the problem of shortage of soldiers in the army.

Keywords: vagrants, Russian Empire, armed forces, recruitment, reeducation

Борьба с бродяжничеством всегда являлась одной из важных задач социальной политики государства. Методы борьбы с бродяжничеством различались в разных странах и в разные времена. Для Российской империи XVIII–XIX стст. была характерна классификация бродяжничества как уголовного преступления, поэтому и методы борьбы с этим явлением имели репрессивный характер. Можно выделить три основные формы занятий, к которым государство пыталось приобщить бродяг: работа на промышленных предприятиях, освоение слабозаселенных территорий, а также служба в армии. Учитывая ту роль, которую вооруженные силы играли среди российских государственных институтов, власти были крайне заинтересованы в этом варианте социализации.

Цель данной статьи – раскрыть механизм привлечения бродяг на службу в российскую армию. Хронологические рамки исследования определяются распространением на белорусские губернии рекрутской повинности в 1794 г. и окончанием Крымской войны в 1856 г., после которой в Россий-

ской империи стали проводиться реформы по изменению системы комплектования вооруженных сил.

В Российском законодательстве под определением «бродяги» понимали как жительствовавших, так и переходящих или переезжающих с места на место лиц, не только без ведома надлежащих полицейских начальств и без установленных на то видов, но и без всяких средств доказать свое состояние или звание, или же упорного от этого отказывающиеся [2, т. 20, № 19283]. Если полиция доказывала, что человек являлся бродягой, то одной из возможных мер наказания за это преступление являлась отдача в рекруты.

Механизм поступления бродяг на военную службу был следующим. Если в процессе разбирательства удавалось определить происхождение человека, полиция должна была направить его в общество (городское или сельское), к которому он был официально приписан. Общество должно было решить, принимать ли человека или же сдать в рекруты. При этом потенциальный новобранец должен был соответствовать требованиям, предъявляемым к рекрутам. Согласно «Генеральному о наборе рекрут учреждению» 1766 г. в рекруты принимали здоровых и крепких новобранцев в возрасте от 17 до 35 лет, ростом 160 см [1, т. 17, № 12748]. Рекрутский Устав 1831 г. устанавливал возраст новобранцев в 20–35 лет [2, т. 6, № 4677]. Если же полиции не удавалось установить происхождение бродяги, он принудительно направлялся в подчинение государственных ведомств. Имевшие проблемы со здоровьем направлялись на государственные предприятия. Подростки распределялись в учебные заведения военных кантонистов. Годные к армейской службе поступали в военное ведомство.

Податные слои населения Российской империи были заинтересованы в отправке бродяг на службу в армию. Рекрутский набор был связан с конфликтами внутри обществ по поводу составления рекрутских списков, а также экономическими трудностями в связи с утратой рабочей силы. Поэтому общества были заинтересованы в поиске рекрута на стороне, чтобы сохранить мужчин из своей общины. Государство предоставляло такие возможности. Согласно § 324 Устава Рекрутского 1831 г. общества мещан и крестьян имели право отправлять бродяг на военную службу в зачет будущего набора. Это позволяло уменьшить уровень социальной напряженности в обществе в период проведения рекрутских наборов [2, т. 6, № 4677].

Военное руководство также не возражало привлекать бродяг на военную службу. Причиной этого являлся хронический некомплект вооруженных сил Российской империи. Например, в период 1832–1854 гг. некомплект войск каждый год колебался от 7000 до 104 000 чел. [3, с. 174]. В связи с этим правительство стремилось найти возможность привлечь как можно больше рекрут для уменьшения некомплекта, в том числе и за счет социальных низов общества. Как видим, идея принудительного использования бродяг в качестве военнслужащих в глазах российского правительства позво-

ляла решить сразу несколько важных государственных проблем: улучшить криминогенную обстановку, облегчить выполнение рекрутской повинности для податных слоев населения, а также уменьшить некомплект российской армии.

Со временем идея использования рекрутчины в качестве наказания за бродяжничество претерпела изменения. На наш взгляд, в период 1794–1856 гг. можно выделить несколько этапов применения рекрутской повинности как наказания в отношении бродяг. На протяжении первого этапа (1794–1823 гг.) российское правительство активно стремилось привлечь бродяг на военную службу. На втором этапе (1823–1833 гг.) из-за жалоб из военного ведомства от политики привлечения бродяг на военную службу было решено отказаться. Наконец, на протяжении третьего этапа (1833–1856 гг.) российское правительство вновь вернулось к привлечению бродяг на военную службу, но с использованием системы их специальной подготовки.

Итак, в 1794 г., когда белорусские губернии впервые были привлечены к несению рекрутской повинности, пойманные полицией бродяги стали активно привлекаться на военную службу. Возможность направлять бродяг в рекруты была позитивно встречена населением. Особую заинтересованность проявили местные помещики. Они не хотели отдавать в рекруты физически здоровых крестьян, так как это ударило бы по прибыли помещичьих хозяйств. Поэтому помещики стремились направить на военную службу как можно больше бродяг ради сохранения собственной прибыли. Нередко они намеренно пытались сдать в рекруты даже тех бродяг, которые не соответствовали предъявляемым требованиям. Например, все направленные в 1798 г. из Витебского нижнего земского суда для отдачи в рекруты бродяги оказались негодными к военной службе. При этом российские чиновники намеревались направлять в армию даже таких новобранцев. Дело в том, что в военном министерстве всерьез рассматривали возможность снижения требований при поступлении в рекруты бродяг из-за значительного некомплекта в вооруженных силах. Тем не менее чиновники рассудили, что в случае принятия подобного решения помещики начали бы намеренно направлять для отдачи в рекруты лиц, имевших серьезные физические недостатки [1, т. 25, № 18364]. Поэтому в январе 1799 г. гражданская администрация в белорусских губерниях получила указание строго проверять готовность бродяг к несению военной службы [1, т. 27, № 20459].

Несмотря на очевидное желание властей направить в рекруты как можно большее число бродяг, вскоре представители военного командования стали высказывать на это свое недовольство. Далеко не все бродяги стремились добросовестно служить в армии. Многие из них, едва получив обмундирование, тут же дезертировали и стремились вернуться к прежнему асоциальному образу жизни.

Военное командование пыталось решить эту проблему путем особого распределения бродяг при поступлении на военную службу. Так, в 1808 г. были созданы рекрутские депо – специальные учебные подразделения для подготовке к службе молодого пополнения. Новобранцы сперва должны были пройти обучение в рекрутских депо, а затем поступить на службу в подразделения армии. Практика показала, что обучение бродяг в рекрутских депо не приносило должного результата. В связи с этим в декабре 1810 г. военное руководство приняло решения не направлять бродяг в рекрутские депо, а сразу распределять их на военную службу в местные гарнизонные батальоны [1, т. 31, № 24452]. Эти батальоны предназначались для несения внутренней службы в городах и крепостях. Иными словами, бродяг направляли на службу в менее значимые боевые подразделения.

Вскоре военное ведомство было вынуждено пересмотреть это решение. Новобранцы из числа бродяг продолжали массово убежать и из расположения гарнизонных батальонов. В связи с этим в 1817 г. было принято решение распределять бродяг на службу в отдаленные воинские части [1, т. 34, № 27091]. Например, в 1818 г. уроженцев Витебской и Могилевской губ. направляли в 13-ю пехотную дивизию (г. Каменец-Подольский Подольской губ.), Виленской и Гродненской губ. – в 22-ю пехотную дивизию (г. Херсон, Херсонская губ.), Минской губ. – в 9-ю пехотную дивизию (г. Симферополь, Таврическая губ.), Белостокской области – в 18-ю пехотную дивизию (м. Махновка, Киевская губ.) [1, т. 35, № 27258]. По мнению командования, служба вдалеке от родных мест должна была отбить у бродяг желание дезертировать.

Подобное решение имело скорее обратный эффект. В 1823 г. командующие двух крупнейших соединений российской армии генералы от инфантерии П. Х. Витгенштейн (2-я армия) и Ф. В. Остен-Сакен (1-я армия) пожаловались в военное министерство на возросшее число дезертиров. Большую часть беглецов составляли бродяги и преступники, направленные на военную службу по решению суда [1, т. 38, № 29328]. Ситуация была настолько плохой, что в крепостях уже не хватало камер для содержания пойманных дезертиров.

Доклад генералов означал признание провала плана российского правительства по социализации бродяг посредством рекрутской повинности. Такие новобранцы не только не усиливали боеспособность российской армии, но и создавали серьезную внутреннюю угрозу для общественной безопасности. Если раньше бродяги совершали преступления, связанные в основном с мелким воровством, то теперь среди них благодаря службе в армии появились еще и обученные владению холодным и огнестрельным оружием преступники, способные на совершение тяжких преступлений.

В 1823 г. правительство приняло решение отказаться от использования бродяг на военной службе. Вместо этого в качестве наказания бродяги на-

правлялись на поселение в Сибирь [1, т. 38, № 29328]. Тем самым правительство перешло к политике принудительного переселения асоциальных элементов из густонаселенных регионов Российской империи на ее пустынные окраины. Бродяги, дезертировавшие из армии и вновь пойманные полицией, уже не возвращались в свою воинскую часть, а отправлялись в Сибирь [1, т. 38, № 29251].

Политика «оздоровления» системы комплектования российской армии продолжалась недолго. Уже в конце 1820-х гг. военное командование вновь возвращается к идее привлечения бродяг на военную службу. Это было связано с нехваткой людских ресурсов в рамках существовавшей в то время системы рекрутских наборов. Правительство не решалось на введение всеобщей воинской повинности. Вместо этого был выбран путь распространения рекрутской повинности на новые социальные группы: евреев, граждан и однодворцев западных губерний, духовенство и т. д. [3, с. 172]. Кроме того, рекрутчина стала вновь широко использоваться в качестве наказания за преступления.

В 1828 г. пойманные полицией бродяги с разрешения их обществ и помещиков вновь стали направляться на военную службу [2, т. 4, № 3236]. Затем правительство пошло еще дальше и 21 января 1834 г. был издан указ, согласно которому все годные к службе в армии бродяги западных губерний без производства разбирательства об их происхождении направлялись к отдале в рекруты [2, т. 9, № 6733].

Российские власти помнили причины отказа от использования бродяг для военной службы в 1823 г. и пытались учесть ошибки прошлого. Согласно указу от 16 октября 1829 г., бродяг следовало направлять в первую очередь в Кавказское линейное казачье войско, а также в военно-рабочие арестантские роты [2, т. 4, № 3236]. Кавказские казачьи подразделения отличались жесткой дисциплиной, кроме того, перманентные боевые действия в этом регионе затрудняли возможность дезертировать. Военно-рабочие арестантские роты являлись исправительными подразделениями российской армии и выполняли строительные работы в интересах военного ведомства [4, с. 33–39]. Военное руководство пытались воздействовать на бродяг не только путем создания максимально жестких условий прохождения службы, но и посредством проведения воспитательной работы. 25 марта 1836 г. при штабе инспектора резервной пехоты была учреждена должность священника. В его обязанности входили «увещания и наставления в религии бродяг и преступников» [2, т. 11, № 9029].

Для создания условий массового использования бродяг в полках регулярной армии 17 апреля 1837 г. в российской армии были созданы специальные подразделения – исправительные батальоны. В задачи этих батальонов входило «перевоспитание» бродяг и преступников, а также обучение их всем необходимым для будущей военной службы. После прохождения

подготовки в исправительном батальоне бродяг и преступников поступали на службу в регулярную армию. Уроженцы белорусских губерний направлялись в исправительный батальон, учрежденный при резервной дивизии 1-го пехотного корпуса в г. Новгороде [2, т. 12, № 10155].

Через несколько лет военное ведомство признало нецелесообразным содержать специализированные исправительные батальоны. Согласно указу 18 марта 1840 г. они заменялись особыми отделениями при внутренних гарнизонных батальонах. При каждом гарнизонном батальоне создавалось исправительное отделение для бродяг и преступников. Задачи этих отделений соответствовали задачам, стоявшим перед исправительными батальонами.

Система распределения бродяг в исправительные отделения имела свои особенности. Новобранцев отправляли в воинские части, расположенные в близлежащих губерниях. Согласно расписанию 1840 г., уроженцев Могилевской губ. отправляли в гродненский гарнизонный батальон, Витебской губ. – в калужский батальон, Виленской губ. – в псковский батальон, Гродненской губ. – в могилевский батальон, Минской губ. – в смоленский батальон, Белостокской обл. – в рижский батальон. В исправительные отделения гарнизонных батальонов, расквартированных на территории белорусских губерний, также поступали рекруты из соседних российских регионов. В минский гарнизонный батальон поступали бродяги из Смоленской губ., в виленский батальон – из Псковской губ., в витебский батальон – из Калужской губ. [2, т. 15, № 13267].

Период обучения в исправительных отделениях не был строго определен. По истечении каждой трети года командование гарнизонного батальона делало отчет в инспекторский департамент, в котором все состоящие в отделении новобранцы делились на три категории: исправившиеся в поведении, подающие надежду на исправление, а также не подающие надежду на исправление [2, т. 15, № 13267]. Исправление в поведении бродяги означало его готовность к отправке на службу в армию. Если рекрут подавал надежду на исправление, то это говорило о том, что он останется в исправительном отделении еще как минимум на одну треть года. Отсутствие надежды на исправление означало отправку бродяги в арестантские роты. Эта система претерпела некоторые изменения в 1853 г. Исправившиеся рекруты должны были в течение года отслужить в том же батальоне, где они проходили подготовку в дисциплинарном отделении. После этого командование лучших из них направляло на службу в армейские подразделения, остальные должны были продолжать службу в батальоне. Исключение касалось бродяг-евреев. После прохождения подготовки в дисциплинарном отделении они отправлялись на службу в армейские части, расположенные в Финляндии, Кавказе и Сибири [2, т. 28, № 27530].

Для российских властей исправительные отделения оказались достаточно эффективным инструментом отбора бродяг для их рационального

распределения в армейские подразделения. Достойные кандидаты отправлялись на службу в боевые подразделения, а недисциплинированные пополняли ряды арестантских рот и помогали экономить значительные средства за счет массового использования принудительного труда.

На основе многолетнего опыта военное командование пришло к выводу, что большинство новобранцев из числа бродяг годны для службы в арестантских ротах, нежели в боевых подразделениях. 28 февраля 1841 г. вышли изменения в Рекрутский устав 1831 г., касающиеся освидетельствования бродяг при поступлении на военную службу. Согласно этому документу для поступления в арестантские роты перечень заболеваний и физических недостатков, подтверждавших негодность новобранца к военной службе, был значительно сокращен [2, т. 16, № 14155]. Затем были изменены возрастные требования, предъявляемые к рекрутам из числа бродяг. Согласно указу 9 января 1845 г., бродяги в возрасте 17–25 лет направлялись в исправительные отделения при гарнизонных батальонах. Лица старше 25 лет назначались к службе в арестантских ротах [2, т. 23, № 22092].

Таким образом, привлечение бродяг к военной службе являлось важной частью социальной политики российских властей. На протяжении 1794–1856 гг. происходила постепенная адаптация этой системы под требования военного ведомства. Идея о том, что армия способна перевоспитать бродяг в профессиональных солдат, в целом потерпела неудачу. Власти постепенно приходят к пониманию того, что бродяги могут служить источником дешевой рабочей силы для вооруженных сил, но не полноценных военнослужащих. Формально существовавшее к 1850-м гг. наказание в виде рекрутчины на практике в основном означала отправку бродяг в арестантские роты, условия содержания в которых были ближе к тюремным, нежели к военным.

Список использованных источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: с 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
3. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 2, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В. В. Шепетильников. – 1907. – 330 с.
4. Курабцева, А. П. Создание арестантских рот военного и военно-морского ведомства в Российской империи / А. П. Курабцева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2015. – Т. 1(67), № 4. – С. 33–49.

(Дата подачи: 17.02.2021 г.)

И. С. Нечипуренко

Белорусский государственный университет, Минск

I. Nechypurenko

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1920/1930”

БЕЗРАБОТИЦА В БССР В ГОДЫ НЭПА

UNEMPLOYMENT IN THE BSSR DURING THE NEP

В статье рассматриваются причины, процессы появления и существования безработицы. Анализируется и дается характеристика причинам появления безработицы, методам учета и мерам борьбы с ней государственных органов БССР. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению безработицы в БССР и мерах по борьбе с ней. В результате дается оценка успешности определенных действий советского руководства по борьбе с безработицей, несмотря на наличие определенных недостатков в учете безработицы и мерах по поддержке безработных.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие БССР; безработица; НЭП; биржа труда; трудовые коллективы.

The article examines the causes, processes of the genesis and existence of unemployment. The author analyzes and characterizes the reasons for the appearance of unemployment, accounting methods and measures to opposing it by state bodies of the BSSR. The scientific novelty of the work lies in an integrated approach to the study of unemployment in the BSSR and measures to oppose it. As a result, an assessment is made of the success of certain actions of the Soviet leadership to combat unemployment, despite the presence of certain shortcomings in accounting for unemployment and measures to support the unemployed.

Keywords: socio-economic development of the BSSR; unemployment; NEP; labor exchange; labor collectives.

В начале 1920-х гг. социально-экономическое положение Советской Беларуси было крайне сложным. Производство, привычный хозяйственный уклад, экономические связи были разрушены в результате войн и революционных событий. В 1919 – начале 1921 г. во время проведения политики военного коммунизма и директивного распределения рабочей силы спрос на труд превышал предложение, что вызывало необходимость принудительного привлечения рабочей силы путем трудовых мобилизаций, а к осени 1921 г. в результате начала реализации новой экономической политики предложение труда стало превышать спрос, что привело к появлению безработицы в стране.

Безработица – одно из наиболее негативных социальных явлений, которое, в свою очередь, приводит к падению качества жизни населения, росту преступности, повышению численности асоциальных и маргинализиро-

ванных элементов. При исследовании проблематики безработицы первоочередное внимание уделялось макроэкономическим и политическим вопросам. В то же время проблематика положения безработных, деятельности бирж труда, помощь, оказываемая безработным, фактически не изучалась.

Хронологически статья охватывает период с 1921 по 1928 г. Нижняя граница обусловлена началом осуществления НЭПа, верхняя – ее окончанием и переходом к индустриализации. Территориально работа охватывает границы БССР в изучаемый период.

Отдельные аспекты темы нашли свое отражение в следующих работах. В «Очерке демографии, социологии и быта рабочего класса Советской Белоруссии (1917–1941 гг.)» В. М. Иванов дал обобщенную характеристику проблематики безработицы, однако отмечал, что она не была широко распространена и не могла сыграть значимой отрицательной роли в экономическом и социальном развитии БССР [6, с. 13].

М. П. Савинская и Т. М. Василец рассмотрели вопросы, связанные с образованием безработицы, действиями властей по ее ликвидации, проводившиеся на примере г. Гомеля и его региона. [19, с. 116]. В статье Н. Опимаха и И. Заславского приводятся значительный массив статистической информации, воспоминания безработных. Авторы критически оценивали мероприятия советского правительства по борьбе с безработицей [22]. К вопросам безработицы в СССР и в общем контексте в БССР обратился в своей монографии российский исследователь А. К. Соколов [20, с. 8].

Уже в середине 1921 г. на территории БССР насчитывалось примерно 8 тыс. безработных. При общей численности населения в 1,544 млн человек (из которых трудоспособными было около 800 тыс.) численность безработных не превышала 1 %. Начиная с осени 1921 г. безработица стала резко расти из-за изменения экономической модели, социальной миграции населения. В апреле 1924 г. безработных насчитывалось более 25 тысяч человек (около 30 % от общего числа, работающих по найму). В период с 1922 по 1926 г. количество безработных увеличилось почти вдвое и составило 34 743 человек [7, с. 49–50]. В наибольшей степени безработица проявила себя среди специалистов швейной промышленности, металлостов, пищевиков, чиновников, низкоквалифицированных работников.

На VII Всебелорусском съезде Советов (1925 г.) отмечали высокий уровень безработицы среди молодежи: «Мы имеем большое количество подростков-безработных, около 2000 человек» [21, с. 163]. По данным Наркомата труда БССР, в 1924–1925 гг. биржами труда были зарегистрированы 2566 подростков – 9,9 % к общему количеству безработных.

В Гомельской губернии за 1921–1922 гг. уровень безработицы вырос в четыре раза. По данным губернского экономического совещания, на 1 ноября 1921 г. численность безработных достигала примерно 10,5 тыс. человек.

Работы не хватало, на каждых 5 безработных на бирже труда имелось лишь 1 предложение. Особо остро проблема безработицы вставала в конце осени и зимой.

Массовая безработица в городах превратилась в острую социальную проблему. Она охватила почти все группы населения. Ее основными причинами в начале периода НЭПа были переход к более свободному найму работников, сложным положением в сельском хозяйстве, в связи с чем деревня периодически лишалась значительной части крестьян, которые направлялись в город. Число безработных увеличивалось в результате проведения демобилизационных мероприятий Красной Армии. Постоянным резервом пополнения безработных являлась подрастающее поколение.

Повышение доходов трудящихся в промышленности в течение второй половины 1921 – начала 1922 г. способствовало повышению привлекательности городского рынка труда для рабочих. К окончанию 1921 г. и началу 1922 г. началось снижение потребности предприятий в рабочей силе. В результате в БССР в 1922 г. была зарегистрирована 21 тыс. безработных [5, с. 5]. Рост безработицы продолжался и дальше: в СССР в 1923–1927 гг. число реальных безработных составляло 10–13 % от общей численности населения [2, с. 15–16] и около 25–30 % от численности трудоспособного населения. При общей численности трудоспособного населения около 800 тыс. человек удельный вес безработных в БССР был на порядок ниже, чем в среднем по СССР, однако по состоянию на 1924 г. он увеличился более чем в три раза относительно 1920 г.

Несмотря на рост безработицы в БССР остро ощущался недостаток квалифицированных работников в промышленности. Из общего числа безработных в БССР индустриальные рабочие составляли 31,1 %, неиндустриальные – 12,3 %, интеллигенция – 25,2 %, низкоквалифицированные рабочие – 31,4 % [5, с. 6]. Для квалифицированных рабочих угроза безработицы не стояла.

Эти данные подтверждает журналист издания «Заря Запада», который был подписан «С. П.»: из общего числа безработных служащие составляли – 32 %, чернорабочие – 10 %, швейная промышленность – 10 %, домашние служащие – 9 %, медико-санитарные рабочие – 8 %, культурно-просветительские работники – 5 % и другие (26 %) [17, с. 5]. То есть основное количество безработных составляли советские служащие и неквалифицированные рабочие. В этой связи одним из способов борьбы с безработицей предполагалось сделать переобучение безработных и повышение их квалификации по тем специальностям, в которых была наибольшая потребность. Тем не менее росту безработицы способствовал целый ряд причин и факторов: сокращение управленческого аппарата, после укрупнения уездов и губерний, включенных в состав БССР, концентрация производства, кадровые оптимизации, отбор квалифицированных работников и выход на свободный

рынок неквалифицированных, повышение налоговой нагрузки, прибытие свободной рабочей силы из деревень, продолжавшаяся демобилизация [9, л. 3]. Острой проблемой становилось все большее число безработной молодежи, не имеющей какой-либо специальности. На всем протяжении периода НЭПа численность безработных возрастала и если в 1922 г. их насчитывалось около 21 тыс., то к 1926 г. безработных было около 35 тыс., а к 1928 г. – около 50 тыс. [22]. С января по ноябрь 1923 г. в одном только Могилевском уезде было 2014 безработных, из которых 1014 мужчин и 990 женщин [7, с. 148].

Для борьбы с безработицей местные органы власти и профсоюзы искали пути снижения ее уровня. На начальном этапе немаловажное значение имела организация общественных работ. Безработные, которые привлекались на общественные работы, занимались в основном благоустройством города, а также постройкой дорог и подъездных путей, укреплением берегов рек, помогали сельским труженикам в период сева и уборочной кампании. Но постепенно общественные работы начали терять свое значение.

Наиболее эффективной формой организации труда безработных стало вовлечение их в т.н. «трудовые коллективы» – объединения бывших безработных, сформированных для работы на каком-либо производственном либо торговом предприятии. «Трудовые коллективы» образовывались и действовали при поддержке бирж труда. Зачастую им предоставлялись различные налоговые льготы, помощь в сбыте или производстве продукции. В 20-е гг. количество трудовых коллективов постоянно возрастало, втягивая в свою деятельность преимущественно квалифицированных безработных. Ряд коллективов постепенно превращался в крупные предприятия, другие из-за нехватки средств не смогли расширить сферу деятельности [7, с. 117].

В рамках деятельности «трудовых коллективов» осуществлялось не только производство товаров и оказание услуг, но и повышение квалификации работников, в том числе женщин и подростков. Коллективы получали льготы в налогообложении, а также финансовую помощь со стороны бирж труда и фондов помощи безработным. Окрепшие в хозяйственном отношении коллективы переводились в разряд предприятий и передавались в управление соответствующим отраслевым наркоматам. Эта мера не только способствовала сокращению числа безработных, но и восстановлению народного хозяйства [2, с. 21]. Первые трудовые коллективы стали возникать в конце 1922 г., и уже к концу 1924 г. в БССР их числилось 136 с общим числом занятых в них рабочих 2158. В Витебске в данный период было зарегистрировано 10 трудовых коллективов с 287 рабочими, в то время как общее число безработных составляло 2807 человек [11, л. 4]. Первоначально организовывались производственные трудовые коллективы, с июля 1924 г. начали организовываться торгово-посреднические. Штат всех трудовых коллективов постоянно увеличивался.

В 1924 г. из 950 работников трудовых коллективов, организованных биржей труда по г. Минску, мужчины составляли 68 %, женщины – 25 %, подростки – 7 %, члены профсоюзов – 82 %, члены компартии – 4 %, члены комсомола – 9 % [10, л. 3]. Помощь безработным оказывалась в порядке инициативы и «самодетельности» органов профсоюзов в виде материальной помощи членам своего союза страховыми кассами. Так, в БССР около 40% всех безработных получали 50 тыс. руб. в месяц [2, с. 5]. Норма пособия устанавливалась Центральным управлением соцстрахования и определялась в размере половины и 1/3 месячного набора Госплана в зависимости от принадлежности к соответствующей категории по безработице.

Для появления дополнительных рабочих мест предлагалось объявить освобождение от налогов кустарей за подростков – учеников, нанятых по особым договорам с профсоюзами [9, л. 9]. Кроме того, одной из предполагаемых мер было уменьшение, а желательно и прекращение сверхурочных работ там, где работу могли выполнять безработные с биржи труда. В качестве одной из мер борьбы с безработицей предлагалось информационное оповещение сельских жителей, что в городе нет работы [20, с. 234].

В печати появлялись различные предложения от граждан о том, как решить проблему безработицы. Так, житель г. Витебска предлагал «ввиду острой безработицы снять с работы тех, у кого в семье работает несколько и заменить их безработными. Где это видано, чтобы муж и жена имели работу в то время, когда имеются безработные, находящиеся в течение долгих месяцев без работы» [14, с. 26]. Средняя длительность безработицы по стране составляла в 1923 г. 4,6 месяца, а в 1926 г. – 9,1 месяца [4, с. 179]. Для поддержки безработных в г. Витебске при участии общественных организаций и учреждений с августа 1922 г. был открыт «Дом безработного», содержавшийся за счет профсоюзов и страхкасс. Дом с ночлегом был рассчитан на 45 безработных, однако фактический его оборот был больше вследствие большой нужды. Так, на 25 апреля 1924 г. в нем содержалось 48 ночлежников, из них 20 демобилизованных красноармейцев и 8 женщин. Безработные ночлежки получали кофе с сахарным песком, 1 фунт хлеба в день, мыло для бани и стирки белья, пользовались бесплатно баней, услугами парикмахера (5 коп. за стрижку). В «Доме безработного» проводились лекции и была библиотека [11, л. 7].

На бирже труда учитывались и временно безработные. Таковыми признавались те, кто по травме или болезни не мог выйти на работу, а также по рождению ребенка, свадьбе и погребению родственников. Временным безработным также компенсировалось время «простоя». По Минску и области на июнь 1925 г. таковых насчитывалось около 4000 человек, главным образом из-за состояния здоровья, рождения детей, и лишь 51 человек на погребение родственников [10, л. 47]. Временное выбытие по таким причинам также учитывалось в статистическом учете биржами труда.

Биржи поддерживали временно нетрудоспособных, например, по состоянию здоровья, воспитанию детей, погребению родственников. Однако при этом следует учитывать, что биржа учитывала далеко не всех безработных, также высоко было количество людей, которых за какие-либо дисциплинарные проступки либо отказ выйти на «общественные» работы просто исключали с учета и лишали данного пособия.

Несмотря на то, что дважды (в 1923 и в октябре 1924 г.) биржей работы проводились «чистки» безработных (в виде снятия с учета с биржи безработных), высокий официальный уровень безработицы наблюдался до середины 1920-х гг.

Официальная цель «чисток» в архивных документах не раскрывается. Однако можно предположить, что это были акции по выявлению и снятию с учета граждан, которые имели дополнительный заработок, т. н. «мертвых душ», т. е. лиц, которые нашли себе работу, но вовремя не зарегистрировали это, а также выехавших за пределы губернии. Также статуса безработного могли лишить за невыход на плановые работы.

Начиная с конца 1925 г. по статистическим данным наблюдается постепенное снижение уровня безработицы. Это объясняется рядом причин. Уменьшению числа безработных в губернии способствовали восстановление и реконструкция старых, ввод в действие новых предприятий, стабилизация положения в сельском хозяйстве. Возможно и то, что данные статистики не отражали точное положение с безработицей. Многие безработные потеряли веру в возможность получения работы и не появлялись для перерегистрации на биржу труда. Кроме того, в некоторых городах (Речица, Стародуб и др.) из-за отсутствия органов учета статистика безработицы не велась. Никто не учитывал безработных в поселках и небольших городках, таких как Лоев, Ветка. Если в сентябре 1926 г. было зарегистрировано 7,5 тыс. безработных, то в декабре – около 6 тыс. Число занятых на производстве по отношению к численности безработных составляло 26,7 % [16].

По данным статистики, с января по май 1927 г. количество безработных в Гомельской области колебалось от 6 до 6,7 тыс. В июне количество зарегистрированных безработных сократилось до 4,7 тыс. Это объяснялось тем, что в соответствии с постановлением СНК СССР от 28 марта 1927 г. «О мерах по урегулированию рынка труда» с учета Гомельской бирже были сняты «нерабочие элементы» – торговцы и кустари. На учете осталось 69 % от зарегистрированных ранее безработных. Но уже к августу 1927 г. количество безработных увеличилось до 5,8 тыс., а в начале 1928 г. – до 7,8 тысяч. Данные за 1928–1929 гг. по Гомельскому округу не позволяют проследить, как менялось количество безработных. В июне 1929 г. в округе было зарегистрировано 6,1 тыс. безработных. С 1930 г. в БССР было объявлено о ликвидации безработицы. Начиная с этого времени данные в архивах по этому социальному и экономическому явлению отсутствуют [22].

Таким образом, в 1920-е гг. в БССР крайне остро стояла проблема безработицы, особенно среди неквалифицированных рабочих, постоянным источником пополнения которых был поток приезжих из деревни, переход к иным принципам управления трудовыми ресурсами в рамках реализации новой экономической политики, административные преобразования различного рода. Реальное число безработных фактически всегда было выше числа лиц, зарегистрированных на бирже труда, в силу периодического исключения за отказ от участия в обязательных работах, а также отсутствия учета таковых в небольших населенных пунктах. Для борьбы с данным негативным явлением общественной, политической и социальной жизни государство использовало различные средства для регулирования данного вопроса, однако это было невозможно осуществить в условиях реализации существующей модели НЭПа. Приток безработных был интенсивнее роста советской экономики, показателем чего являлся некоторый рост числа безработных в городе. Эффективно проявили себя такие меры, как организация общественных работ, деятельность трудовых коллективов и бирж труда, агитация сельского населения против переезда в города. Их комплексное использование привело к значительному снижению как масштабов безработицы, так и негативных социальных последствий для самих безработных.

Список использованных источников

1. Безработица в Москве летом 1925 г. // Правда. – 1925. – № 41. – С. 1.
2. Беларусь: Народ. Государство. Время / Нац. Акад. наук Беларуси; Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 879 с.
3. Белорусская ССР в цифрах. К 10-летию существования БССР 1919–1929. – Минск, 1929. – 367 с.
4. Белорусская ССР за 50 лет: Стат. сб. / Центр. стат. упр. при Совете Министров БССР (ЦСУ БССР); К. И. Бердников, А. А. Ишечкин, В.С. Умыль [и др.]. – Минск: Беларусь, 1968. – 562 с.
5. Бухаренкова, О. Ю. Государственная политика по ликвидации безработицы в годы нэпа: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. Ю. Бухаренкова. – М., 2008. – 26 с. // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ejournal.spa.msu.ru/images/File/avtorefBuharenkova.pdf>. – Дата доступа: 27.09.2018.
6. Иванов, В. М. Очерк демографии, социологии и быта рабочего класса Советской Белоруссии (1917–1941 гг.) / В. М. Иванов. – Минск, 1975. – 160 с.
7. История государства и права Белорусской ССР: в 2 т. / редкол.: С. П. Маргунский [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1970. – Т. 1: 1917–1936. – 608 с.
8. Мусина, Н. Е. Государственная молодежная политика в БССР в 1920-е годы: монография / Н. Е. Мусина. – Витебск: ВГМУ, 2015. – 147 с.
9. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 101. Оп. 1. Д. 2379.
10. НАРБ. – Ф. 44. Оп. 1. Д. 105.

11. НАРБ. – Ф. 101. Оп. 1. Д. 2139.
12. *Овсянников, В.* Как живет рабочий в СССР / В. Овсянников. – М., 1928. – 75 с.
13. *Осокина, Е.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. Осокина. – М.: РОССПЭН, 1999. – 312 с.
14. *Панкратова, А. М.* Проблема изучения истории пролетариата / А. М. Панкратова // История пролетариата СССР. – 1930. – № 1. – С. 22–28.
15. *Парсонс, Т.* О социальных системах / Т. Парсонс; под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – М.: Акад. проект, 2002. – 832 с.
16. Перепись населения Беларуси: при царе, при большевиках и без них [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2009/10/18/ic_articles_116_165012. – Дата доступа: 16.04.2017.
17. Рабочая жизнь // Заря Запада. – 1925. – № 146. – С. 5–6.
18. *Рашин, А.* Заработная плата в период экономического восстановления в СССР с 1922 по 1927 г. / А. Рашин. – М., 1928. – 325 с.
19. *Савінская, М. П.* Ліквідацыя беспрацоўя на Гомельшчыне (1919–1930 гг.) / М. П. Савінская, Т. М. Васілец // Гомельшчына: Старонкі мінулага: Нарысы. – Гомель, 1996. – Вып. II. – С. 116–120.
20. *Соколов, А. К.* Проблемы трудовых отношений на советских предприятиях в годы нэпа / А. К. Соколов // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006. – 544 с.
21. Стенографический отчет VII Всебелорусского съезда Советов, 1925. – Минск: ЦИК БССР, 1925. – 304 с.
22. Труд, занятость, безработица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.tut.by/news537696.html>. – Дата доступа: 26.09.2018.
23. *Эбэрхардт, П.* Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі. 1897–1989 / П. Эбэрхардт. – Мінск, 1997.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

А. А. Огородников

Полоцкий государственный университет, Новополоцк

A. Ogorodnikov

Polotsk State University, Nowopolotsk

УДК 94(476)«1944/1954»

ПОЛОЦК В 1944–1954 ГОДАХ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА

POLOTSK IN 1944–1955: RESTORING THE CITY INDUSTRY AND SOCIAL INFRASTRUCTURE

Анализируется процесс восстановления и последующего развития социально-экономической инфраструктуры Полоцка в первое послевоенное десятилетие (1944–1954 гг.). Отмечается, что огромную роль в данном процессе сыграли фактор образования Полоцкой области, а также поэтапная реализация Генерального плана реконструкции и восстановления города, которая исходила из областного статуса Полоцка.

Ключевые слова: Полоцк; Полоцкая область; восстановление; промышленность; пятилетка; Генеральный план реконструкции и восстановления.

Analyzes the process of recovery and subsequent development of the socio-economic infrastructure of Polotsk in the first postwar decade (1944–1954 years). It is noted that a huge role in this process played a factor in the formation of the Polotsk region, as well as the phased implementation of the General Plan for the reconstruction and rehabilitation of the city, which was based on the regional status of Polotsk.

Keywords: Polotsk; Polotsk region; restoration; industry; five-year plan; General plan of reconstruction and restoration.

Восстановление Полоцка в первое послевоенное десятилетие зависело от множества факторов (деятельность партийно-советских органов, помощь союзных республик, энтузиазм горожан и другое). Однако стратегическое значение для скорейшего возрождения города имело образование Полоцкой области. Первоначально область предполагалось создать за счет разукрупнения Калининской области РСФСР, Витебской и Вилейской областей БССР, но данное предложение реализовано так и не было.

Проект Полоцкой области [1, с. 127] сочетал в себе мотивы как внутриполитические, так и геополитические [2, с. 339]. К числу первых стоит отнести экономическую целесообразность, по мнению партийного руководства, объединение части районов Витебской области БССР и Калининской области РСФСР в Полоцкую область в составе РСФСР вокруг стратегически важной железной дороги по направлению в Ленинград. Но в свете советско-польского соглашения о передаче Польше большинства районов

довоенной Белостокской области БССР подобное решение представлялось И. В. Сталину политически невыгодным. В сентябре 1944 г. ЦК КП(б)Б направил в ЦК ВКП(б) проект образования в составе БССР трех новых областей – Бобруйской, Гродненской и Полоцкой [3, с. 140]. И. В. Сталин пошел навстречу желаниям партийного руководства БССР создать Полоцкую область в составе республики [4, с. 192]. Полоцкая область как административно-территориальная единица в составе БССР существовала с 20 сентября 1944 г. и по 8 января 1954 г. [5, с. 530].

С обретением Полоцком статуса областного центра существенно повысилось внимание партийных и советских органов к вопросам восстановления и развития города [6, с. 226]. Первым председателем Полоцкого облисполкома стал В. Е. Лобанок, первым секретарем Полоцкого обкома КП(б)Б – Я. А. Жилинин [7, л. 203]. На посту В. Е. Лобанка сменил С. П. Шупеня (1946–1954 гг.). Первыми секретарями Полоцкого обкома КП(б)Б после Я. А. Жилинина работали А. Е. Клещев (1946–1948 гг.), И. П. Ганенко (1948–1951 гг.), Д. В. Тябут (1951–1954 гг.) [8, с. 828].

18 декабря 1944 г. бюро Полоцкого обкома КП(б)Б приняло решение о создании Полоцкого городского комитета КП(б)Б, его секретарем стал Н. А. Новиков, работавший до этого первым секретарем Полоцкого райкома КП(б)Б [9, л. 87]. С воссозданием партийно-советских структур власти в Полоцке, процесс восстановления промышленной и социальной инфраструктуры города набрал темпы.

Нормативную базу восстановления социально-экономической инфраструктуры Полоцка и Полоцкой области составили постановления союзных партийно-советских органов власти. Первоочередные задачи и пути возрождения народного хозяйства были определены постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». 27 декабря 1943 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление об оказании помощи освобожденным районам Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей БССР [10, с. 331]. 21 августа 1945 г. СНК БССР принял постановление «О мерах помощи по восстановительным работам Полоцка». В соответствии с ним Полоцкому горисполкому направлялись крупные денежные средства, кадры рабочих и служащих, строительные материалы, промышленное оборудование, автомобили, трактора, топливо [8, с. 694].

Конкретными мероприятиями руководили исполнительные органы власти. 29 июля 1944 г. исполком Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся принял решение № 1 «О первоначальных мероприятиях по восстановлению коммунальных объектов – капитального ремонта бани и водопровода» [11, л. 1]. Решением № 2 Полоцкого горисполкома от 8 августа 1944 г. была объявлена мобилизация рабочей силы в городе на

дальнейшее восстановление разрушенного коммунального хозяйства [11, л. 7]. 21 августа 1944 г. Полоцким горисполкомом были приняты решения: «О ходе ремонта школ и подготовки к новому учебному 1944–1945 году», «Об открытии педтехникума», «О развертывании торговой сети и организации общественного питания в Полоцке» [11, л. 11; 12; 15]. То есть решения были направлены на восстановление первичной инфраструктуры города и налаживание его мирной жизни.

Ценность принимавшихся решений была в их конкретности. Большое значение для решения проблем послевоенного восстановления имело заседание Полоцкого облисполкома от 27 декабря 1944 г., где был рассмотрен ход работ и развитие местной промышленности. Для создания в Полоцке промышленности стройматериалов запланировали создать в 1945 г. кирпично-черепичный и лесопильный заводы, начать строительство на базе сельхозмастерских ремонтно-механического завода [12, с. 9].

Фактором влияния на социально-экономическое развитие Полоцка в первое послевоенное десятилетие было изменение государственных границ. Если довоенный Полоцк был приграничным городом (вследствие чего городскую промышленность составляли преимущественно предприятия местной промышленности и предприятия промкооперации), то перенос государственной границы далеко на запад и образование Полоцкой области создали благоприятные возможности для ускорения промышленного развития города. Этому способствовало также то, что область имела широкую сеть железных и автомобильных дорог, и активно развивала, начиная с 1946 г., малотоннажный речной флот [13, л. 3]. Часть оборудования для восстановления промышленной инфраструктуры города Полоцкий облисполком рассчитывал получить за счет репарационных поставок из Германии [14, л. 120]. Во многом эти ожидания оправдались.

Мероприятия по возрождению Полоцка контролировались парторганами. 18 октября 1944 г. сессия городского Совета депутатов трудящихся рассмотрела вопрос «О восстановлении города Полоцка». Было решено, что все трудоспособное население города должно быть привлечено к участию в работах по разборке разрушенных зданий, не подлежащих восстановлению. Усилия горожан применялись в работах по строительству жилых домов и общественных зданий, по приведению в порядок тротуаров, дорожно-го покрытия, разведения зеленых насаждений [15, с. 214].

В целях скорейшего восстановления в Полоцке были установлены обязательные нормы рабочего времени: 30 часов в месяц для рабочих и служащих с 8-часовым рабочим днем, 15 часов – для студентов и учащихся, 60 часов – для граждан, не работающих на предприятиях, в организациях и учреждениях. Участие горожан в восстановлении предусматривалось в их нерабочее и неучебное время [11, л. 39].

Процесс возрождения постепенно нарастал, уже к концу 1945 г. в Полоцке работали 12 крупных промышленных предприятий. В их числе были: мясокомбинат, хлебокомбинат, известковый завод, лесопильный завод, литейно-механический завод (первая очередь), электростанция, пуск которой состоялся на трофейном оборудовании [16, л. 12; 17, л. 7]. Общее число предприятий в Полоцке в 1945 г., по сравнению с 1944 г., увеличилось более чем в 3,5 раза – с 15 до 53 (рост составил 353 %) [18, л. 23].

При возрождении город сталкивался с трудностями различного плана. Серьезной проблемой являлся дефицит трудовых ресурсов. По состоянию на 1 августа 1944 г. в Полоцке проживало 2364 человека, на 1 августа 1945 г. уже насчитывалось 15 490 горожан [19, с. 193; 20, л. 20]. На 13 февраля 1947 г. численность городского населения приблизилась к довоенному показателю и составила 27 967 человек [21, л. 13]. Численность горожан росла за счет прибывавших из эвакуации рабочих и служащих, учителей, врачей, демобилизованных воинов, сельских жителей из разоренных войной деревень, а также за счет возврата в город семей партизан и беженцев, скрывавшихся в лесах или окрестных деревнях [17, л. 33; 6, с. 225]. Все возвратившиеся граждане в той или иной мере включались в процессы перехода к мирной жизни.

Особое место в процессе послевоенного восстановления Полоцка занял труд военнопленных и заключенных [22, с. 72]. В конце 1945 г. в Спасском военном городке органы НКВД создали исправительно-трудовую колонию с целью использования труда заключенных для возрождения города [7, л. 201]. Объемы восстановительных работ были столь масштабны, что Полоцкий облисполком и Полоцкий обком КП(б)Б направили письмо председателю СНК БССР П. К. Пономаренко, в котором просили выделить для строительно-восстановительных работ 2500 военнопленных и 500 осужденных [23, л. 15]. Подневольный труд военнопленных и осужденных в деле восстановления Полоцка составлял до двух третьих от общего объема восстановительных работ [24, л. 39].

В первые послевоенные годы трудовые ресурсы Полоцка пополнялись также за счет граждан, прибывших из-за границы. По состоянию на 31 октября 1946 г. в Полоцкую область из Польши переселилось 146 семей (463 человека) [25, л. 7; 26, с. 367]. Несмотря на острую нехватку жилищного фонда, репатриантов, пребывавших в город, расселяли в коммунальных домах [27, л. 27]. Однако среди репатрируемых оказалось множество больных инфекционными заболеваниями (брюшной и сыпной тиф) [28, л. 129]. Это стало дополнительной проблемой для городских властей, препятствовавшей раскрытию трудового потенциала репатриантов.

В целом вследствие организационно-практических мероприятий партийно-советских органов за послевоенное десятилетие удалось осуществить как прирост трудовых ресурсов Полоцка, так и восстановить все довоен-

ные промышленные предприятия (кирпичный завод, лесозавод, паровозное депо, мясокомбинат, рыбозавод, птицекомбинат, хлебозавод, маслодельный завод, плодovinзавод, предприятия промышленной кооперации, городская электростанция) [29, л. 22]. Кроме того, начали производственную деятельность вновь созданные предприятия: литейно-механический завод, химлес-промхоз, автотранспортная колонна, фабрика индивидуального пошива.

На каждом предприятии стремились достичь значимого роста производства и соответствовать плановым показателям. В 1946 г. в Полоцке в результате реконструкции бывших сельскохозяйственных мастерских был основан литейно-механический завод, начал давать продукцию кузнечно-слесарный цех, были переоборудованы литейный и электросварочный цехи, механическая кузница и цех термической обработки металлов [16, л. 11; 6, с. 227]. Полоцкий литейно-механический завод в первое послевоенное десятилетие вышел на значительные производственные показатели, однако номенклатура выпускаемой продукции (кровати, чугунки, топоры), детерминированная имеющимися технологией и оборудованием, не соответствовала задачам модернизации и технического прогресса.

Соответственно развитию промышленности была налажена система государственной торговли. Уже в 1948 г. в городе насчитывалось 109 магазинов и ларьков. В 1950 г. торговая сеть Полоцка по сравнению с 1948 г. увеличилась на 30 торговых точек [30, с. 169; 31, с. 83]. В то же время насытить их товарами народного потребления оказалось сложной задачей.

Для успешного социально-экономического развития Полоцка в послевоенный период требовались реальные основания. Их стремились достичь, и тенденция роста промышленного производства в Полоцке наблюдалась на всем протяжении четвертой пятилетки (1946–1950 гг.). Динамику по годам дают цифры из отчетных докладов городских партийных конференций 1946–1950 гг. Если в 1946 г. промышленные предприятия города выполнили план на 114 %, то в 1947 г. – на 119,1 % (превысив выпуск продукции за предыдущий год на 3,44 млн руб.) [32, л. 19; 33, л. 7]. В 1948 г. промышленность Полоцка выполнила план по валовой продукции на 101 %, дав на 3,39 млн руб. больше, чем в 1947 г. В 1949 г. выпуск валовой продукции в сравнении с 1948 г. увеличился на 52 % [34, л. 6; 35, л. 6].

В целом четвертый пятилетний план был выполнен на 114 %, а сверхплановой продукции получено на сумму свыше 30 млн руб. Объем валовой продукции за годы четвертой пятилетки в стоимостном выражении составил 245 млн руб. [36, л. 7]. В среднем промышленные предприятия города производили в каждый год четвертой пятилетки валовой продукции на сумму 45 млн руб. Для сравнения: в 1939 г. промышленность Полоцка произвела вдвое меньше продукции – на сумму 20,7 млн руб. [37, с. 39].

Рост промышленного производства в Полоцке, обозначившийся в годы четвертой пятилетки, был закреплён в период пятой (1951–1955 гг.). В со-

ответствии с директивами, утвержденными Верховным Советом БССР, в городе намечалось наращивание энергетической базы, развитие новых производств, строительство завода стекловолокна. Одновременно должен был идти процесс расширения действующих промышленных предприятий, оснащение их новой техникой. В соответствии с партийными установками на предприятиях города развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана пятой пятилетки.

Динамика роста промышленного производства в городе по годам, как и ранее, прослеживалась по отчетным докладом городских партийных конференций 1952–1955 гг. В итоге пятилетний план был выполнен на 103,3 % [6, с. 230]. При этом общая стоимость валовой продукции промышленных предприятия за годы пятой пятилетки составила 575,76 млн руб. Стоимость среднего ежегодного выпуска промышленной продукции в Полоцке в 1951–1955 гг. равнялась 115,15 млн руб. [38, л. 8]. Все это свидетельствовало о наличии в Полоцке динамичного производственного процесса и достижениях заявленных показателей.

В период пятой пятилетки на более высокие производственные показатели вышли трудовые коллективы мясокомбината, хлебозавода, типографии, промартелей «Правда» и «Красная вышивальщица», литейно-механического завода, молокозавода, электростанции. Они выполнили задания пятилетки досрочно, в октябре 1955 года. Многие предприятия провели модернизацию производства, усовершенствовали техпроцессы и добились повышения производительности труда [39, с. 3]. Данная продукция была востребована и производством, и населением.

Возрождение и развитие промышленной инфраструктуры Полоцка невозможно было без восстановления путей сообщения. В максимально короткие сроки (в период с 27 декабря 1944 по 31 марта 1945 г.) был восстановлен транспортный мост через р. Зап. Двина, разрушенный в годы войны [17, л. 21 об.]. Большое значение для возрождения промышленности имело возобновление в сентябре 1944 г. деятельности паровозного депо и движения паровозов [40, л. 1]. 28 ноября 1943 г. решением Полоцкого райисполкома возобновил свою деятельность дорожный отдел исполкома (Полоцкий РДО) [41, л. 1]. С образованием Полоцкой области в составе Полоцкого облисполкома 6 декабря 1944 г. был образован Полоцкий областной дорожный отдел (Полоцкий ОДО) [42, л. 3].

Характерной чертой послевоенного периода был рост транспорта. В период четвертой пятилетки произошло возрождение автотранспортного хозяйства Полоцка и Полоцкой области. Создание автохозяйства в Полоцке началось сразу же после освобождения города от оккупации. В 1945 г. была создана АТК, которая обслуживала предприятия и организации Полоцка и области, населения как внутри города, так и на районе [43, л. 1]. На 1 января 1947 г. в составе автопарка АТК было 17 машин и 1 автобус [44,

л. 3, 4]. По состоянию на 1 января 1953 г. АТК представляла собой серьезную единицу: парк насчитывал 39 грузовых машин, 12 прицепов, 18 автобусов и 12 такси [45, л. 70; 72].

В течение первого послевоенного десятилетия в Полоцке шел интенсивный процесс восстановления и развития жилищного фонда, так как в годы войны и оккупации было разрушено полностью 42,35 % и частично 1,88 % городских жилых строений. Большую часть потерь составлял частный фонд, уничтоженный почти на три четверти [46, л. 5]. В связи с этим под жилые помещения были приспособлены практически все сохранившиеся здания, в том числе и закрытые культовые сооружения. В 1945 г. Полоцкий горсовет использовал под жилье Софийский и Свято-Николаевский соборы, лютеранскую кирху, монастырские строения [47, с. 44; 48, с. 45]. По причине колоссальной нехваткой жилой площади в Полоцке, горожанам приходилось использовать под жилье даже землянки [17, л. 29], которые были оставлены воинскими частями.

Проблему нехватки капитальных строений для размещения служб испытывали и государственные учреждения Полоцка и Полоцкой области, большинство из которых разместились в здании бывшего кадетского корпуса после того, как строение очистили от мусора, оснастили отопительными приборами и частично остеклили [49, л. 28]. В 1947 г. в здании бывшего кадетского корпуса, принадлежавшего Министерству обороны, разместились гарнизонный госпиталь и военные части [50, л. 268]. На первое время данные проблемы решались.

В восстановлении города особо важными были первые шаги. Так, в августе 1944 г. был создан Полоцкий стройтрест, которому предстояло возрождать городскую инфраструктуру. При этом стройтрест столкнулся с проблемой нехватки стройматериалов (кровли, стекла, гвоздей, цемента) и рабочих рук [7, л. 197]. В свою очередь облисполком поставил задачу стройтресту по возможности восстанавливать коробки разрушенных зданий, делая это в кратчайшие сроки [16, л. 44]. Одними из первых очередников на улучшение жилищных условий в городе были демобилизованные военнослужащие и их семьи [16, л. 58].

Невзирая на все трудности, восстановительные работы в Полоцке быстро набирали темп. Организационно-практические меры партийно-советских органов и самоотверженный труд горожан позволили в течение первых пяти послевоенных лет в основном осуществить восстановление города [51]. За это время все дома и здания, которые можно было отремонтировать, были восстановлены. Кроме того, в городе было построено свыше 2 тыс. новых домов [6, с. 234].

Однако жилищное строительство в Полоцке не успевало за темпами роста городского населения. На одного горожанина к концу четвертой пятилетки приходилось только 3,8 кв. м жилой площади против 5,9 кв. м в пред-

военный период [8, с. 696]. Так, по причине нехватки жилой и служебной площади, в первой половине 1950-х гг. продолжалось активное жилищное строительство [52], в том числе и индивидуальное. В период 1948–1955 гг. населением индивидуальным методом возводилось в среднем 100 домов в год [53, с. 8].

Большое значение для послевоенного развития города имел Генеральный план реконструкции и восстановления Полоцка, утвержденный 30 августа 1948 г. Советом Министров БССР [54, л. 48]. Первым шагом по разработке плана была детальная фотосъемка в начале 1947 г. важнейших магистралей города: правой и левой сторон набережной р. Зап. Двина, улиц К. Маркса, Коммунистической, Фрунзе, площади Свободы, Свято-Николаевского и Софийского соборов, объектов Верхнего Замка [50, л. 27]. Партийно-советские власти города в процессе реализации Генерального плана реконструкции и восстановления исходили из того, что все городские организации и население будут активно включены в восстановление и благоустройство [54, л. 53]. План был рассчитан на 20 лет. В соответствии с ним Полоцк должен был развиваться как областной промышленный и культурный центр БССР.

В процессе восстановления города нельзя было обойти вниманием и системы жизнеобеспечения горожан. Поэтому одной из первоочередных задач послевоенного восстановления стало возобновление деятельности городского водопровода. Уже в 1946 г. в город для нужд предприятий, учреждений и горожан начала поставляться вода по частично восстановленному водопроводу [29, л. 21; 55, л. 30]. Тем не менее проблема водоснабжения города продолжала оставаться острой. В марте 1948 г. Полоцкий облисполком отмечал, что водопроводная сеть восстанавливалась крайне медленно [56, л. 11]. В этой связи облисполком обязал Полоцкий горсовет завершить ремонт центрального водопровода к 15 апреля 1948 г. [56, л. 11 об.]. В скором времени предпринятые меры дали положительные результаты и к 1950 г. город получал воду по восстановленному водопроводу [57, л. 40].

Решавшихся социальных проблем было множество. В июне 1945 г. в Полоцке возникли трудности со снабжением населения хлебом и крупой [16, л. 27]. Подобная ситуация повторилась и в декабре 1945 г. В связи с этим партийные органы вынуждены были принять экстренные меры. 20 декабря 1945 г. бюро Полоцкого обкома КП(б)Б рассмотрело вопрос «О перебоях в снабжении хлебом населения города Полоцка и области» [58, л. 462]. К концу 1940-х гг. проблема с продовольственным обеспечением города была в основном решена.

Необходимым элементом восстановления системы жизнеобеспечения Полоцка стала работа по обеспечению надлежащего санитарного состояния города [59, л. 183]. В 1947 г. Полоцким горкомом КП(б)Б и Полоцким горсоветом были предприняты срочные меры по благоустройству и улучшению эпидемиологического состояния города (вакцинация населения от

желудочно-кишечных инфекций, санитарная обработка общежитий, хлорирование колодцев, уборка мусорных ям, очищены территории пищевых и коммунальных объектов города) [50, л. 143].

Огромный импульс промышленному и социальному восстановлению и последующему развитию города в послевоенное десятилетие придало образование Полоцкой области (существовала с 20 сентября 1944 г. по 26 апреля 1954 г.). В течение 1944–1954 гг. в Полоцке была восстановлена деятельность кирпичного завода, лесозавода, паровозного депо, городская электростанция, мясокомбинат, рыбозавода, птицекомбинат, хлебозавода, маслодельного завода, плодovinзавода, предприятий промышленной кооперации. Начали производственную деятельность вновь созданные предприятия: литейно-механический завод, автотранспортная колонна, химлеспромхоз, фабрика индивидуального пошива. Также в данный период существенную роль в деле восстановления Полоцка сыграл труд военнопленных и осужденных, который в середине четвертой пятилетки составлял до двух третьих от общего объема восстановительных работ.

В первое послевоенное десятилетие в Полоцке были восстановлены и получили дальнейшее развитие важные элементы системы жизнеобеспечения города: жилищный фонд, водопровод, энергоснабжение, продовольственное и топливное обеспечение. Возрождение и развитие промышленной инфраструктуры и системы жизнеобеспечения Полоцка в 1944–1954 г. происходило в условиях преодоления разрухи, порожденной войной и оккупацией, перманентной нехватки материальных и финансовых ресурсов, квалифицированных кадров рабочих и инженерно-технических служащих. Промышленность и социальная инфраструктура Полоцка были не только восстановлены в исторически минимальные сроки, но и получили импульс к дальнейшему совершенствованию в последующие годы.

Список использованных источников

1. *Борисёнок, Ю. А.* «Этот город называется Полоцк ...»: проблема границы между БССР и РСФСР в первые десятилетия советской власти / Ю. А. Борисенко // Родина. – 2012. – № 1. – С. 122–130.
2. *Борисёнок, Ю. А.* Образование Полоцкой области в 1944 г. в свете рассекреченных документов из Архива Президента Российской Федерации / Ю. А. Борисёнок // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полац. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. М. В. Ляўко. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – С. 336–342.
3. *Елизаров, С. А.* Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.) / С. А. Елизаров. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 222 с.
4. *Борисёнок, Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века / Ю. А. Борисёнок. – М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. – 352 с.

5. Полацкая вобласць // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 5. – С. 530.
6. Полоцк: ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории; редкол.: П. Т. Петриков [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Наука и техника, 1987. – 320 с.
7. Полоцкий историко-археологический заповедник (ПИАЗ). – Ф. КП. Оп. 5-2774.
8. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2002. – 912 с.
9. ГАВО. – Ф. 10060п. Оп. 1. Д. 3.
10. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.]; Ін-т гісторыі АНБ. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
11. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). – Ф. 658. Оп. 1. Д. 2.
12. *Третьяк, И. Д.* Из руин и пепла / И. Д. Третьяк // Полацкі веснік. – 2010. – 31 жніўня. – С. 9.
13. ЗГАП. – Ф. 795. Оп. 1. Д. 4.
14. ЗГАП. – Ф. 687. Оп. 1. Д. 1.
15. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 – декабрь 1945: док. и материалы. – Витебск: Витеб. обл. тип., 2009. – 584 с.
16. ЗГАП. – Ф. 795. Оп. 1. Д. 1.
17. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 17.
18. ЗГАП. – Ф. 1161. Оп. 1. Д. 11.
19. Освобожденная Беларусь. Документы и материалы: в 2 кн. / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Мінск: НАРБ, 2004. – Кн. 2: Сентябрь 1943 – декабрь 1944. – 398 с.
20. ЗГАП. – Ф. 666. Оп. 1. Д. 9.
21. ЗГАП. – Ф. 666. Оп. 1. Д. 40.
22. *Шаркоў, А.* Выкарыстанне працы ваеннапалонных і інтэрніраваных у аднаўленні народнай гаспадаркі Беларусі / А. Шаркоў, У. Паўлаў // Беларус. гіст. час. – 1998. – № 2. – С. 71–79.
23. ГАВО. – Ф. 10060п. Оп. 1. Д. 67.
24. ГАВО. – Ф. 10060п. Оп. 1. Д. 941.
25. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 7.
26. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. док. / сост.: Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. – М.: Объед. ред. МВД России, 2008. – 640 с.
27. ЗГАП. – Ф. 705. Оп. 1. Д. 12.
28. ЗГАП. – Ф. 705. Оп. 1. Д. 4.
29. ЗГАП. – Ф. 1161. Оп. 1. Д. 26.
30. *Корсак, А. И.* Жизнеобеспечение населения Полоцка в первые послевоенные годы / А. И. Корсак, Е. В. Сумко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. Ист. науки. – 2015. – № 9. – С. 168–173.
31. *Сумко, Е. В.* Формирование Полоцкой уездной рабоче-крестьянской милиции (1918–1921) / Е. В. Сумко // Беларуская Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых

і міждисциплінарних дослідженняў: зб. навук. арт. II Міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 крас. 2014 г.: у 2 ч. / Полац. дзярж. ун-т; пад агул. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, С. А. Шыдлоўскага. – Наваполацк: ПДУ, 2014. – С. 136–141.

32. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 3717. Оп. 1. Д. 5.

33. ГАВО. – Ф. 3717. Оп. 1. Д. 31.

34. ГАВО. – Ф. 3717. Оп. 1. Д. 47.

35. ГАВО. – Ф. 3717. Оп. 1. Д. 65.

36. ГАВО. – Ф. 3717. Оп. 1. Д. 87.

37. Витебская область: эконом.-стат. справ. – Витебск: Витеб. обл. учрежд. народнохозяйственного учета, 1940. – 264 с.

38. ГАВО. – Ф. 3717. Оп. 11. Д. 64.

39. Папцоў, П. Няўхільны ўздам / П. Папцоў // Віцеб. рабочы. – 1954. – 10 лют. – С. 3.

40. Полоцкий историко-культурный заповедник (ПИКЗ). – Ф. КП. Оп. 13-8485.

41. ЗГАП. – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 1.

42. ЗГАП. – Ф. 1044. Оп. 1. Д. 2.

43. ЗГАП. – Ф. 828. Оп. 3. Д. 6.

44. ЗГАП. – Ф. 828. Оп. 3. Д. 1.

45. ЗГАП. – Ф. 828. Оп. 3. Д. 15.

46. ЗГАП. – Ф. 666. Оп. 1. Д. 10.

47. Гаўрылава, С. В. Аднаўленне жыллёвага фонду Полацка ў пасляваенны перыяд (1944–1948) / С. В. Гаўрылава // Полац. музейны штогоднік: зб. навук. арт. за 2010 г. / уклад.: Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч, Т. Р. Смірнова. – Полацк: НППКМЗ, 2011. – С. 37–54.

48. Лабоха, Г. М. Храмы прападобнай Еўфрасінні ў Полацкай епархіі: параўнаўчы аналіз умоў існавання і развіцця / Г. М. Лабоха // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. Ист. науки и археология. – 2010. – № 7. – С. 42–48.

49. ЗГАП. – Ф. 686. Оп. 1. Д. 28.

50. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 46.

51. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (НПИКМЗ). – Ф. КП. Оп. 003042-06.

52. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов (БГАКФФД). – Оп. 0-06735.

53. Систематизация экономических показателей по всем отраслям народного хозяйства города Полоцка за период с 1946 г. по 1960 г. – Архив отдела статистики Полоцкого райисполкома. – 26 с.

54. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 51.

55. ЗГАП. – Ф. 1161. Оп. 1. Д. 48.

56. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 49.

57. ЗГАП. – Ф. 1161. Оп. 1. Д. 120.

58. ГАВО. – Ф. 10060п. Оп. 1. Д. 19.

59. ГАВО. – Ф. 10060п. Оп. 1. Д. 18.

(Дата подачи: 27.01.2021 г.)

В. В. Олейник

Военная академия Республики Беларусь, Минск

V. Oleinik

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 355.929

ОСМЫСЛЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ГЕНЕРАЛА П. О. БОБРОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

CONCEPTING THE HERITAGE OF GENERAL P. O. BOBROVSKY IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF BELARUS

В статье анализируются достижения генерала П. О. Бобровского на поприще науки и его связь с белорусскими губерниями Российской империи. Предметом изучения выступают сведения о жизненном пути и творческих исканиях П. О. Бобровского и его дяди М. К. Бобровского. При этом обращается внимание на их биографические данные и значение последнего для формирования мировоззрения племянника – яркого представителя военной элиты своего времени. Делается вывод о том, что судьба П. О. Бобровского может служить положительным примером самореализации уроженца белорусских земель середины – второй половины XIX в., выбравшего карьеру военнослужащего Русской императорской армии.

Ключевые слова: П. О. Бобровский; М. К. Бобровский; белорусские губернии; Российская империя; генерал; научные исследования; военное право; военное образование.

The article analyzes the achievements of General P. O. Bobrovsky in the field of science and his relationship with the Belarusian provinces of the Russian Empire. The subject of study is information about his life and creative searches of P. O. Bobrovsky and his uncle M. K. Bobrovsky. At the same time, much attention is paid to the significance of the life of M. K. Bobrovsky in shaping the worldview of his nephew – a prominent representative of the military elite of his time. It is concluded that the fate of P. O. Bobrovsky is a positive example of self-realization of a native of the Belarusian lands of the middle – second half of the 19th century, who chose a career as a serviceman of the Russian Imperial Army.

Keywords: P. O. Bobrovsky; M. K. Bobrovsky; Belarusian provinces; Russian Empire; general; scientific research; military law; military education.

Личность Павла Осиповича Бобровского (21 марта 1832 г. – 3 февраля 1905 г.) хорошо известна в настоящее время в Российской Федерации как ученым, так и любителям истории. Однако, на наш взгляд, она не достаточно знакома широкой общественности на его родине, в пределах современной Беларуси. Несмотря на то, что П. О. Бобровский был одним из самых успешных выпускников Полоцкого кадетского корпуса (закончил обучение в 1849 г.), какие-либо упоминания о нем, к примеру, в изданном к 175-летию

этого военно-учебного заведения выпуске серии «Наследие Полоцкой земли», к сожалению, отсутствуют.

Вместе с тем фигура генерала от инфантерии П. О. Бобровского, безусловно, ярко выделяется среди его современников из числа земляков, и не только в силу достигнутых им чинов и званий. Достижения этого высокообразованного представителя имперской военной элиты в различных отраслях науки ставят его в один ряд с такими прославленными российскими военными учеными той эпохи, как, например, генерал Н. М. Пржевальский, который также принадлежал к шляхетскому роду выходцев из белорусских земель и известен у нас гораздо больше.

Биографические сведения о П. О. Бобровском свидетельствуют о том, что родился он в дворянском имении в Гродненской губернии, в семье профессора Виленского университета, доктора философии и магистра права Осипа Кирилловича Бобровского (до 1784–1843 гг.). Еще одним человеком, оказавшим впоследствии огромное влияние на формирование мировоззрения П. О. Бобровского и воспитавшим его после смерти отца, был родной дядя – Михаил Кириллович Бобровский (8 ноября 1784 г. – 21 сентября 1848 г.), младший из двух выживших среди пяти сыновей Кирилла Ивановича Бобровского (1740 – 7 июля 1824 г.), униатского священника, происходящего из древнего дворянского рода Гродненской губернии.

Именно М. К. Бобровский, по нашему мнению, смог привить племяннику П. О. Бобровскому чувство истинного патриотизма, послужившего основой его плодотворной деятельности по кропотливому собиранию материалов и изданию научных работ о родных для него западно-белорусских землях. Ряд своих публикаций П. О. Бобровский также посвятил доктору теологии и профессору Виленского университета М. К. Бобровскому, заново открыв его для исторической науки не только как крупного религиозного деятеля греко-униатской церкви своего времени, но и как одаренного ученого, одного из первопроходцев в области славистики – «ученейшего западнорусского слависта, пользовавшегося большою популярностью между русскими униатами в двадцатых и тридцатых годах» [1, с. IV]. Во многом благодаря своему дяде, который фактически направил его по пути блестящей военной карьеры, он получил возможность обучаться в вышеупомянутом Полоцком кадетском корпусе, открытом 25 июня 1835 г. и входившем в Западный военно-учебный округ [2, с. 11].

Также П. О. Бобровский получил образование в Столичном дворянском полку [3, с. 347], который позже был преобразован в Константиновское военное училище, и в Николаевской академии Генерального штаба, которую он окончил в 1857 г. по 1-му разряду [4, с. 90]. Что касается названной академии, то она «давала офицерам сухопутных войск высшее военное образование, и готовила офицеров Генерального штаба. <...> Офицеры, окончившие

академию по 1 разряду в качестве особого вознаграждения получали орден или денежную премию в размере годового содержания и командировались в распоряжение штабов своих военных округов» [5, с. 140].

Кроме того, будучи назначенным на должность начальника Военно-юридической академии и занимая ее более 20 лет (с 25 декабря 1875 г. по 1 января 1897 г.), П. О. Бобровский в течение трех лет прослушал курс военно-юридических наук, получив, таким образом, вдобавок к полному военному образованию еще и квалификацию военного юриста. В этом он некоторым образом повторил и даже превзошел достижения своих отца и дяди, последний из которых после окончания главной духовной семинарии при Виленском университете в 1812 г., уже будучи магистром философии, словесности и богословия, в течение двух лет слушал лекции по правоведению [6, с. 136]. Все это позволяет говорить о П. О. Бобровском как об одном из самых образованных генералов своей эпохи, к тому же имеющем боевой опыт (в обер-офицерском чине он участвовал в Крымской войне 1853–1854 гг. на Дунайском театре военных действий, описав этот период своей жизни и полученный опыт в опубликованном позднее дневнике [7]).

Современный российский историк Ю. В. Рязанцева отмечает в отношении П. О. Бобровского, что «возглавив академию в период ее реорганизации он, по сути, стал организатором построения надежного фундамента военно-юридического образования в России» [8, с. 128]. Занявшись научной работой, П. О. Бобровский добавил к своей сфере научных интересов развитие российского военного законодательства и написал фундаментальный труд «Военное право в России при Петре Великом» (1887 год) и другие работы по военному праву. Как указывал дореволюционный ученый В. Кузьмин-Караваев, говоря о результатах 25-летней деятельности Военно-юридической академии в области научного обоснования и развития военного права, «с этой точки зрения историко-юридические исследования начальника академии П. О. Бобровского... имеют несомненную цену» [9, с. 89]. После окончания службы в названной академии, генерал от инфантерии П. О. Бобровский, оставшись ее почетным членом, стал сенатором и официальным историографом ряда гвардейских полков [10, с. 578].

Понимая значение образования дворянской молодежи из разных концов огромной страны для ускорения процесса имперской унификации, П. О. Бобровский еще в период своей службы в Главном управлении военно-учебных заведений (1863–1875) принял непосредственное участие в совершенствовании системы подготовки офицерских кадров для Русской императорской армии. Под руководством военного министра Д. А. Милютина, будучи главным инспектором юнкерских училищ, он непосредственно реализовывал реформу военного образования и многое сделал для повышения его качества. Можно сказать, что П. О. Бобровский «стоял у истоков создания юнкерских училищ, которые подняли на новую высоту

образовательный уровень русского офицерского корпуса, расширили его социальную базу, что являлось насущной необходимостью в условиях введения в то время всеобщей воинской обязанности» [11]. Опыт своей работы в данной области был обобщен П. О. Бобровским в его фундаментальном труде «Юнкерские училища», причем он имел непосредственное отношение к открытию такого училища на своей родине в 1864 г., когда был командирован в г. Вильно «с целью разъяснения различных недоразумений, могущих встретиться на месте при применении к устройству Виленского юнкерского училища Высочайше утвержденного положения, и во избежание излишней переписки по вопросам, которые естественно могли возникнуть в новом деле» [12, с. 11].

Любопытно, что выпускник Виленского пехотного юнкерского училища А. В. Жиркевич, произведенный в 1880 г. в первый офицерский чин, окончил также и Военно-юридическую академию в 1888 г., когда ее начальником был его земляк П. О. Бобровский. В свою очередь отец А. В. Жиркевича – В. И. Жиркевич был выпускником Полоцкого кадетского корпуса, куда был отдан своим отцом И. С. Жиркевичем, исполнявшим в 1836–1838 гг. должность военного губернатора Витебской губернии [2, с. 21–22]. Несомненно, в период обучения в академии П. О. Бобровский и его жизненный путь оказали немалое влияние на становление личности военного юриста А. В. Жиркевича, впоследствии генерала, ставшего известным поэтом, прозаиком, публицистом, коллекционером и общественным деятелем.

В целом, по данным В. Кузьмина-Караваева, только за период с 1876 по 1891 г. в Военно-юридической академии прошли обучение 14 выпускников Полоцкой военной гимназии (так назывался в этот период Полоцкий кадетский корпус) и 2 выпускника Виленского пехотного юнкерского училища [9, с. 42–110 прил.], в том числе вышеупомянутый А. В. Жиркевич, который оставил после себя весомое литературное наследие, был знаком лично и по переписке со многими выдающимися людьми своей эпохи, занимался археологией и изысканиями по истории культуры, особенно Северо-Западного края империи.

Павел Осипович повышенное внимание уделял изучению будущими офицерами общеобразовательных дисциплин, в частности такому учебному предмету, как история, в отношении которой он придерживался мнения, что она «развивала патриотические чувства, но без извращения истины, и не должна поднимать чувства кичливости, не должна поднимать ни ненависти к иноземному, ни чувства веронетерпимости к другим исповеданиям» [13]. Он считал закономерной популяризацию истории для развития национального самосознания и ссылался на опыт европейских стран, где этот метод являлся важным средством укрепления внутривластного положения [14, с. 310].

Интерес к историческим наукам, как считает белорусский историк Е. И. Мелешко, сформировался у П. О. Бобровского еще в детстве под влиянием дяди М. К. Бобровского, крестного отца И. Ярошевича (тоже профессора Виленского университета) и друзей семьи, относившихся к представителям униатского духовенства или выходцам из него, игравшим в западно-белорусских губерниях «роль интеллектуальной и духовной элиты» [15, с. 74]. Причем собственные работы П. О. Бобровского по истории отличаются удивительным многообразием: он писал и об истории униатства (прежде всего, конечно, в память о своем родном дяде), а также пользовавшиеся большой популярностью как актуальный социальный заказ полковые истории (13-го лейб-гренадерского Эриванского, лейб-гвардии Преображенского, уланского императрицы Александры Федоровны полков) и строго научные работы в рамках тематики заинтересовавшей его как военного юриста и педагога истории военного права (специализировался на периоде правления императора Петра I).

Одновременно с достаточно либеральной позицией по многим вопросам жизни общества, что являлось следствием широты его знаний во многих областях науки, П. О. Бобровский как военный служащий придерживался лояльных взглядов на господствовавшую в то время колониальную идеологию и концепцию панславизма. Это, однако, не мешало ему обращать свое внимание на близкие для него проблемы белорусских губерний Российской империи, отдавая приоритет в своих научных изысканиях именно этому региону обширной империи. В течение своей жизни П. О. Бобровский, проживая в столице, неоднократно приезжал в родные края, по крупницам собирал распроданную после смерти М. К. Бобровского библиотеку последнего, насчитывавшую в свое время более тысячи томов и включавшую издания XI–XVII вв., а также часть его архива, который позже был подарен им библиотеке Российской академии наук. Его усилия в области военной статистики, связанные с изучением истории и культуры, были отмечены местными властями (он был зачислен в пожизненные почетные члены Гродненского губернского статистического комитета [16, с. 10]).

Так, его перу принадлежат исследования, связанные с родной для него Гродненской губернией. Статистическое изучение Российской империи, которое военное ведомство начало в конце 1830-х гг., привело к выходу из печати двух многотомных серий исследований: «Военно-статистическое обозрение Российской империи» и «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» в 39 томах. Редактором тома о Гродненской губернии, вышедшим из печати в 1863 г., и являлся П. О. Бобровский, который обобщил собранные под его руководством офицерами Генерального штаба документы из архивов, статистические сведения о губернии, ее географическое описание, а также карты и планы. В томе давались известия о хозяйстве, быте, этнографии, материальной культуре

жителей Гродненской губернии. Бобровским также опубликовано более 100 исторических и краеведческих очерков, некоторые из них посвящены белорусским местам («Слоним и примечательные места Слонимского уезда», «Несколько слов о Зельвенской ярмарке» и др.), чем также обогатил науку сведениями о западных землях современной Беларуси, а также способствовал пробуждению национального самосознания жителей Северо-Западного края.

Современный белорусский исследователь В. С. Червинский пишет, что П. О. Бобровский «звяртаючы ўвагу на беларускую мову, падкрэсліваў яе глыбокую старажытнасць, але вызначаў шляхі яе развіцця згодна з тагачаснай царскай русіфікатарскай палітыкай» [17, с. 268]. Считая «закономерным военное расширение империи» [3, с. 360] и действуя в русле существовавшей идеологии, П. О. Бобровский, как сын своего времени, всеми силами стремился к интеграции своей родной земли в состав Российского государства. По нашему мнению, он понимал процесс регионального развития и повышения уровня самостоятельности нарождавшейся белорусской нации как неотъемлемую часть эволюционного пути, движение по которому осуществляется под руководством имперской власти. Будучи ограничен управленческими решениями своего начальства, П. О. Бобровский как человек военный не мог в полной мере использовать потенциал научного свободного мышления, однако даже в этих жестких служебных рамках сделал удивительно много в ходе своей научной деятельности.

Павел Осипович Бобровский был многогранной личностью – ученым, педагогом, членом Императорского русского географического общества, за выдающиеся заслуги награжден многими орденами: Белого Орла в 1885 г., Святого Владимира IV степени в 1863 году, III степени в 1868 г., II степени в 1878 году, Святой Анны II степени с императорской короной в 1866 г., I степени в 1875 г., Святого Станислава I степени в 1872 г. [18, с. 168]. Он был женат на Марии Васильевне Пантелеевой и имел 6 детей: трех сыновей и трех дочерей. Умер и похоронен П. О. Бобровский в своем имении Макули (ныне Макуляй близ города Зарасай в Литве).

В заключение необходимо отметить, что в настоящей статье содержится далеко не полный перечень опубликованных работ П. О. Бобровского. Универсальное значение результатов его творчества и прогрессивный смысл его научных трудов еще подлежит дальнейшему осмыслению потомками, в том числе с использованием материалов архива П. О. Бобровского, который в настоящее время находится на хранении в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в г. Санкт-Петербург и ждет своего исследователя. Изучение личности знаменитого генерала, нашего соотечественника, несомненно, в будущем обогатит наши знания об описываемой эпохе и определенных закономерностях, прослеживающихся в судьбе П. О. Бобровского, которая может служить положительным примером са-

мореализации уроженца белорусских земель середины – второй половины XIX в., выбравшего карьеру военнослужащего Русской императорской армии.

Список использованных источников

1. Бобровский, П. О. Михаил Кириллович Бобровский (1785–1848). Ученый славист-ориенталист. Историко-биографический очерк / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. В. С. Балашева и К°, 1889. – 116 с.
2. Полоцкий кадетский корпус. История в лицах / С. И. Поляков. – Полоцк: Полоцк. кн. изд-во: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010. – 71 с.: ил. – (Наследие Полоцкой земли; вып. 12).
3. Мелешко, Е. И. Павел Осипович Бобровский: ученый, реформатор, педагог / Е. И. Мелешко, А. Н. Нечухрин // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 344–376.
4. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е Мая 1897 года. – СПб.: Военная Тип. (в здании Главного Штаба), 1897. – 983 с.
5. Бушмаков, Д. А. Русская армия в Великой войне, 1914–1917 гг. / Д. А. Бушмаков. – М.: Изд-во «Красивая книга», 2017. – Т. I. – 744 с.
6. Хотеев, А. Протоиерей Михаил Бобровский (1785–1848) – ученый славист и богослов / А. Хотеев // Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI. Сборник материалов памяти И. В. Оржеховского. – Брест, 2004. – С. 135–147.
7. Бобровский, П. О. Воспоминания офицера о военных действиях на Дунае в 1853 и 1854 годах / П. О. Бобровский // Русский вестник. – 1887. – № 4. – С. 565–599; № 5. – С. 227–266; № 6. – С. 715–779.
8. Рязанцева, Ю. В. Создание, становление и деятельность первой высшей военно-юридической школы в России. К 150-летию Александровской военно-юридической академии / Ю. В. Рязанцева // Вестник военного права. – 2016. – № 1. – С. 125–132.
9. Военно-юридическая академия, 1866–1891 гг.: краткий исторический очерк / сост. В. Кузьмин-Караваев. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1891. – 302 с.
10. Военная энциклопедия / Т. 4: [Б – Бомба]. – СПб.: Т-во И. Сытина, 1911, [обл. 1910]. – 319–640, 5 с.: ил., карт.; 43 л. ил., карт.
11. Православные библиотеки Беларуси [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Координационного совета по библиотечной деятельности при Синодальном отделе религиозного образования и катехизации БПЦ, 2008–2021. – Режим доступа: <http://biblioteka-hram.by/novosti/v-ramkax-izdatelskoj-programmy-osushhestvlyajemyj-istoricheskoy-komissiej-pri-izdatelskom-sovete-belorusskoj-pravoslavnoj-cerkvi-uvide-la-svet-kniga-general-a-ot-infanterii-pavla-osipovicha-bobrovskogo.html>. – Дата доступа: 13.02.2021.
12. XXXV Виленское пехотное юнкерское училище 1864–1899 г.: краткий исторический очерк / сост. А. Антонов. – Вильна: Тип. штаба Вилен. воен. округа, 1900. – 116.
13. Генерал П. О. Бобровский и его сыновья [Электронный ресурс]. – Интернет-энциклопедия кадетского воспитания и образования «Кадеты России», 2001–2020. – Режим доступа: <http://www.ruscadet.ru/library/01-books/hazin/07.htm>. – Дата доступа: 13.08.2020.

14. *Бобровский, П. О.* Юнкерские училища / П. О. Бобровский, ген-м. – СПб.: Я. А. Исаков, 1873. – Т. 2. – Ч. 3: Обучение и военное воспитание юнкеров. – 685 с.

15. *Мелешко, Е. И.* Михаил и Павел Бобровский: воспитание историка / Е. И. Мелешко // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты, Минск, 5 окт. 2018 г. / редкол.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 70–79.

16. Памятная книжка Гродненской губернии на 1872 г. Вып. 1-й. (Адрес-календарь). / Издание Гродненского статистического комитета. Гродна: В типографии Губернского Правления, 1872. – 169 с.

17. *Чырвінскі, В. С.* Беларусь у войнах Расійскай імперыі. Асобы і падзеі / В. С. Чырвінскі. – Мінск: Харвест, 2019. – 448 с.: іл.

18. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721–2.03.1917) / сост. Е. Л. Потемкин. – М., 2017. – Т. I. А–З. – 622 с.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет,
Минск

V. Ostroga

Belarusian state Technological University, Minsk

УДК 37/014(476)“18/19”:930

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ УЧИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

THE SOCIAL-POLITICAL MOVEMENT OF TEACHING BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

В статье представлен историографический анализ общественно-политического движения учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Показан тематический диапазон исследований дореволюционных, советских и современных ученых на фоне общего развития народного образования, дана характеристика историко-педагогического наследия.

Ключевые слова: историография; учительство; народное образование; общественно-политическое движение; общественно-педагогическое движение.

The article presents a historiographical analysis of the socio-political movement of teaching in Belarus in the second half of the XIX – early XX century. The article shows the thematic

range of studies of pre-revolutionary, Soviet and modern scientists against the background of the general development of public education, and describes the historical and pedagogical heritage.

Keywords: historiography; teaching; public education; socio-political movement; socio-pedagogical movement.

Государственная политика в сфере образования во второй половине XIX – начале XX в. формировалась в контексте внутривластных задач Российской империи, которые заключались в первую очередь в предупреждении антиправительственных настроений и выступлений, вытеснении польско-католического влияния и русификации населения Северо-Западного края. В руках царизма образование являлось средством социального регулирования и контроля, поэтому школа и ее учитель были втянуты во все происходящие процессы. Педагогическая интеллигенция в силу специфики своей профессионально-просветительской деятельности имела возможность оказывать непосредственное влияние на формирование общественного сознания, поэтому целенаправленно вовлекалась в противоборство различных общественно-политических сил. В силу этого особую актуальность приобретает проблема исследования общественно-политического движения учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.

Первые шаги в осмыслении и изучении состояния народного образования в белорусских губерниях России сделали исследователи – современники и свидетели событий. Увеличиваются масштабы изучения исторической тематики и популяризации знаний о прошлом. Это были немногочисленные труды, которые отличались официальностью, фрагментарностью, имели описательный характер. Большинство их приходится на конец XIX – начало XX в.

Исследователи принадлежали к различным идейно-политическим направлениям историографии. Консервативно-монархическое течение представляли А. Белецкий [1], А. Миловидов [2], И. Корнилов [3], С. Рождественский [4], которые, используя поддержку официальных кругов, с позиций «охранительной идеологии» восхваляли самодержавие и незыблемость сложившихся порядков, а безграмотность народа объясняли его традиционализмом. Специфику реформы в сфере образования они связывали с социально-политической историей и событиями 1863–1864 гг. Их работы отражали политику правительства и деятельность попечителей Виленского учебного округа в сфере народного просвещения, содержали анализ нормативно-правовых актов и перечень административных циркуляров и распоряжений, в том числе из канцелярий генерал-губернаторов края. Незаконной и «возмутительной» признавалась любая «бунтарская» активность, особенно причастность к «мятежным шайкам» учащихся и учащих учебных заведений. Их исследования базировались не только на основе эмпирических наблюдений – в работах подчеркнуто использование документальных источников

рукописных собраний и архивов (дела политического отдела канцелярии Виленского генерал-губернатора, дела канцелярии попечителя Виленского учебного округа, Военного штаба).

В работах представителей либерального направления представлены различные аспекты многоплановой деятельности учительства на фоне роста общественной активности в деле народного образования. Они попытались установить истоки зарождающегося антиправительственного движения [5] и были убеждены в том, что школа должна оставаться вне политики. Основные причины «школьной смуты» выводили из формального отношения преподавателей к своему делу. Все изъясны в сфере народного образования предлагалось решить путем реформирования. Так, Н. В. Чехов указывал на большую роль в учебно-воспитательном процессе учителя, его подготовки и гражданской позиции, а также справедливо подчеркивал, что инициатива и руководство в сфере народного образования «стали понемногу переходить из рук государства и правительства в руки самого общества». В работе «Свободная школа» предлагал исключить из воспитания все, что имеет характер физического или правового насилия, и отмечал, что «освобождение духа также необходимо, как освобождение угнетенных от угнетателей, рабов от их господ» [6, с. 5; 7]. В. И. Чарнолуский и Г. А. Фальборк в своем очерке по истории народного образования также утверждали, что как в других странах, так и в России «всеобщее и свободное от насилий образование будет создано только организованными общественными силами» [7, с. 164]. В их понимании деятельность земств и общественная инициатива должны стать мощными факторами развития народного образования. Внимание исследователей в этот непростой период истории было обращено также и на особенности общественного движения во время царствования Александра II. В этой связи А. А. Корнилов отметил «непоследовательность и неустойчивость» деятельности правительства «в либеральных своих начинаниях», «неспособность выносить малейшую оппозицию со стороны общества», а также склонность прибегать для ее подавления «произвольным и террористическим мерам». Именно это «способствовало превращению общественного движения в революционное» [8, с. 259–260]. Л. Барриве пришел к выводу, что, во-первых, революционная интеллигенция не была «единомыслящей массой», во-вторых, в период «хождения в народ» обнаружилось большое «противоречие между широкими ожиданиями и скромным успехом» [9, с. 131].

Таким образом, комплексное изучение проблемы в дореволюционной историографии не проводилось. Исследователями, которые не являлись профессиональными учеными и зачастую прибегали к публицистическому жанру в освещении событий, затронуты лишь отдельные аспекты проблемы в контексте изучения развития народного просвещения и общественного движения и России. Вместе с тем был собран значительный фактический

материал, позволяющий проследить состояние и динамику развития школьного образования и особенности социально-правового положения учителей, работавших в учебных заведениях разных ведомств, степень их профессиональной свободы и ответственности. Особой заслугой явилось то, что была создана основа для дальнейшего изучения основных направлений общественно-педагогического движения.

Послереволюционный период историографии характеризовался продолжением изучения этой тематики, появлением новых публикаций. В 1920-е гг. в работу включаются и местные исследователи, значительное количество трудов издается на белорусском языке. Идеологический плюрализм в оценке тенденций развития народного образования постепенно уступает место одностороннему классовому подходу: происходит переосмысление накопленного материала, прослеживается отмежевание от существующих достижений и наработок, ведется критика царской системы образования как «несоответствующей нормальным требованиям» (Д. Степура, Мазур, И. Сербов). Характеризуя общественно-культурную жизнь страны, А. Цвикевич фокусирует внимание на идеологии и политике русификации края определяя в ней место школы и ее учителя [10]. Развитие школьного дела на Могилевщине и социально-правовое положение учительства в период до 1917 г. становится предметом исследования Я. Троськи [11]. В трудах ученых не теряет своей актуальности проблема учительского движения в России (И. Л. Цветков, Н. А. Малиновский). В 1930-е гг. политическая конъюнктура складывалась таким образом, что исследование интеллигенции, включая педагогическую, которой отводилась лишь роль социальной прослойки, не входило в число актуальных задач исторической науки. Проблематика ограничивалась вопросами недалёковидной политики царизма в сфере образования, социально-правового положения учительства, его роли в революционно-освободительном движении, освещением проведения нелегальных съездов (М. Тулупов [12]).

Более интенсивное и комплексное изучение вопросов развития народного образования начинается в послевоенные годы. Вместе с тем белорусская историография, как и в целом советская, сохраняла отпечаток сложившихся стереотипов, определенный схематизм и тенденцию социально-классовой интерпретации событий. Некоторые работы содержали неточности (например, просветительские общества и организации смешивались с революционными). В «Очерках» Н. А. Константинов и В. Я. Струминской, характеризующая состояние и развитие начального образования, обращают внимание на отношение правительства к оппозиционно настроенным учителям, на судьбу Всероссийского учительского союза и др. [13]. Исследовательский интерес Ш. М. Левина направлен на изучение общественного движения в России в 60–70-х гг. XIX в. «на фоне небывалого обострения классовых противоречий». Особое внимание автор уделяет народничеству, борьбе

«героического отряда интеллигенции, думавших в большей или меньшей степени заменить своей революционной энергией и самоотверженностью активное действие масс», в которой непосредственную активность демонстрировало и учительство [14, с. 493]. А. Т. Абрамович изучает историю школы Беларуси в годы первой русской революции. Основным содержанием работы Л. К. Ерманя стало участие демократической интеллигенции России в стачечном и профсоюзном движении в 1905–1907 гг. К этой проблеме он обращается и в 1960-е гг. [15].

В 1960-е гг. происходит дальнейшее расширение и углубление тематики исследований, которые рассматривали особенности историко-педагогического процесса в проблемно-хронологическом аспекте. Появляются первые обобщающие труды по истории развития народного просвещения и педагогической мысли (И. Ильюшин и С. Умрейка). Значительным событием в этот период становится выход «Нарысаў гісторыі асветы і педагогічнай думкі ў Беларусі» [16], в которых косвенно затрагивались вопросы революционной активности учащихся и народных учителей, а также деятельность министерских чиновников по ее локализации. С Лузгина [17] поднимает новую проблему возникновения педагогической печати и ее роли на формирование мировоззрения учителя.

Большинство работ 1970–1980-х гг. посвящено вопросам развития начального образования в дореволюционной России, подготовке и социальному статусу учителя. Не теряет свою актуальность проблема революционного движения демократической интеллигенции. В научный оборот вводится значительное количество архивных документов. Определенная систематизация накопленного материала сделана в «Очерках истории школы и педагогической мысли народов СССР», которые несколько раз переиздавались. На фоне характеристики состояния народного просвещения отражалось влияние революционных идей на школу и ее учителя, давалась характеристика прогрессивной педагогической мысли Беларуси, которая развивалась вопреки официальным постулатам и противодействию со стороны министерства [18]. Под редакцией Э. Д. Днепровя выходит труд «Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций», в котором подвергается критике правительственная школьная политика, освещаются отдельные аспекты общественно-педагогического движения. Автор также проанализировал достижения и недостатки советской историографии, посвященной проблемам народного образования, уделил внимание методологии исследований и их источниковой базе [19].

А. В. Ососков, М. С. Мятельский [20]. Ф. Г. Паначин [21] делают вывод об ограничении революционной деятельности учителей проблемами начальной школы. В. Р. Лейкина-Свирская в своем исследовании [22], посвященном интеллигенции России, затрагивает вопросы основных направлений ее просветительской деятельности. В отдельной главе рассказывается

о деятелях революционного (в основном народнического) движения России. О. И. Знаменский выделяет буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую интеллигенцию и приходит к выводу, что подавляющее ее большинство (в том числе педагоги) в силу «классовой несамостоятельности, недостаточной или даже слабой связи с народными массами, эклектичности политических взглядов, была встревожена размахом борьбы, выходом революции... за пределы обычного буржуазно-демократического переворота» [23]. В работах П. А. Зайончковского и Н. М. Пирумовой [24] подчеркнуты реакционные начала правительственной политики в сфере просвещения, отражены основные направления общественной борьбы за ее демократизацию, показана органическая связь становления и развития земской интеллигенции с этапами освободительного движения в стране. В своих монографических исследованиях белорусский исследователь С. М. Самбук [25] раскрыла основные направления в развитии общественно-политической мысли Беларуси, подробно остановилась на деятельности революционных народников в 70-е – начале 80-х гг. XIX в. П. А. Жильцов и В. М. Величкина [26], рассматривая общественную работу народных учителей, освещают аспекты их культурно-просветительной и революционной деятельности среди крестьян. Научный интерес М. В. Михайловой, А. В. Трухана, А. Д. Степанского сосредоточен на проблемах деятельности просветительских и педагогических обществ. Но во всех указанных исследованиях конкретные факты участия учителей Беларуси в общественно-политическом движении практически отсутствуют.

Ценным приобретением для изучения проблемы стало издание коллективной работы «Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г.» под редакцией М. А. Лазарука [27]. В ней содержатся ссылки на архивные документы Беларуси и Литвы, на основе анализа которых сделаны обоснованные выводы. Исследовательский интерес коллектива авторов касался также вопросов активизации общественной деятельности в сфере народного образования и совершенствования учебно-воспитательного процесса, а также включенности педагогов в общественно-политическое движение.

Таким образом, советская историография значительно продвинулась в изучении проблемы, был накоплен и систематизирован огромный фактический и статистический материал, расширилось поле исследований. Но для многих работ был характерен определенный догматизм, который ограничивал объективный анализ происходящих процессов и имевших место противоречий в сфере народного образования. Специальных работ, посвященных целостному и разностороннему исследованию учительства Беларуси как отдельной социально-профессиональной группы, так и не появилось. Рассмотрение общественно-политической деятельности учительства (как частного аспекта проблемы) в основном замыкалось на характеристике со-

бытий, происходящих в центральных российских губерниях. Ряд вопросов, в том числе включенность педагогов в освободительное движение, оставались практически вне поля внимания исследователей или вовсе не затрагивались.

С начала 1990-х гг. изучение проблем развития народного образования приобрело более систематический, разносторонний и дискуссионный характер с учетом новых методологических подходов, свободных от полярных оценок исторического прошлого. Возрастает внимание российских ученых к истории учительства второй половины XIX – начала XX в. и его общественной деятельности: изучаются проблемы региональной образовательной политики и появляются первые комплексные исследования. И. В. Сучков защищает докторскую диссертацию «Учительство России в конце XIX – начале XX в.». Характеризуя социальный и духовный облик педагогов, он приходит к выводу, что «революционность» их была «надуманной»: правительство, искоряющее любую оппозиционность, «игнорировало грань, разделяющую революционный экстремизм большевистских партий и реформизм либеральных сил, видевших будущее в эволюционном развитии страны» [28]. Завершенным и комплексным исследованием по истории учительской интеллигенции можно считать и монографию И. В. Зубкова [29].

Более активно начинается изучение общественно-педагогического движения: в 1991 г. Б. К. Тебиев защищает докторскую диссертацию [30], в которой анализирует правительственную политику в области образования и общественно-педагогическое движение в России в конце XIX – начале XX в. (его особенности, направления, социальную базу и др.), которое стало важным фактором социально-культурной жизни России.

Большой научный и практический интерес имеют работы белорусского исследователя С. В. Снапковской. В монографиях и многочисленных статьях в новом ракурсе освещены проблемы специфики образовательной политики царизма в Беларуси, а также основные тенденции и направления развития педагогической мысли и общественно-педагогического движения. Автор отмечает, что в Северо-Западном крае на первом плане царское правительство ставило политические цели, а потом уже просветительские. Поэтому в кадровой политике «главными персонажами выступали русский православный учитель и священник», которые демонстрировали «лояльность к правительству» и оставались «надежным проводником» его политики в крае [31].

Поле современных исследований расширяется и в сторону изучения деятельности III Государственной Думы, связанной с решением проблем народного образования. Особое внимание уделяется тактике депутатов от белорусских губерний, среди которых были и представители учительской интеллигенции (статьи Н. М. Забавского [32] и Е. И. Головач [33]).

К теме участия интеллигенции и рабочих в освободительном движении России в конце XIX – начале XX в., ставшей уже традиционной в советский период истории, возвращается А. В. Ушаков. С новых позиций, критически осмысливая существующую историографию, он пытается решить непростой вопрос «Был ли рабочий класс руководителем трудящихся? Или им была интеллигенция?». В этой связи автор приходит к выводу, что деятельность педагогической интеллигенции выходила за рамки обсуждения вопросов народного образования, и, несмотря на усилия правительства, «оппозиционность учителей была чрезвычайно велика» [34, с. 7, 56]. Российское учительство накануне и в дни революции 1917 г. становится объектом исследования Н. Н. Смирнова [35].

Таким образом, несмотря на то, что историография народного образования достаточно содержательна и обширна, в целом научная литература имеет лишь косвенное отношение к изучаемой проблеме, а обобщающие исследования и вовсе отсутствуют. Общественно-политическое движение учительства второй половины XIX – начала XX в. не выделялось в отдельный объект изучения и рассматривалось лишь на фоне историко-педагогического процесса. Ученые проявляли интерес преимущественно к общим вопросам развития системы народного образования, особенностям правительственной школьной политики, социально-правового положения учительства и общественно-педагогического движения. Историографический анализ проблемы демонстрирует, что такие аспекты, как феномен общественно-политического движения учительства Беларуси в контексте политического, социально-экономического и культурного развития страны, его цели, особенности, направления, состав участников, конкретные результаты деятельности и др., не являлись предметом специального научного анализа.

Список использованных источников

1. *Белецкий, А. В.* Сороколетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России / А. В. Белецкий. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1905. – 64 с.
2. *Мировидов, А. И.* Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам) / А. И. Мировидов. – Вильна: Тип. «Русский почин», 1904. – 39 с.
3. *Корнилов, И.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы по истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: тип. А. Суворина, 1908. – Вып. 1. – 504 с.
4. *Рождественский, С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802–1902 / С. В. Рождественский. – СПб.: Гос. тип., 1902. – 785 с.
5. *Знаменский, С. Ф.* Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 г и их значение / С. Ф. Знаменский. – СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909. – 294 с.
6. *Чехов, Н. В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века / Н. В. Чехов. – М.: Польза, 1912. – 224 с.; *Чехов, Н. В.* Свободная школа / Н. В. Чехов. – М.: т-во Д. Д. Сытина, 1907. – 39 с.

7. *Фальборк, Г. А.* Народное образование в России / Г. А. Фальборк, В. Чарнолуский. – СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1900. – 263 с.
8. *Корнилов, А. А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881) / А. А. Корнилов. – М.: Рус. мысль, 1909. – 263 с.
9. *Барриве, Л.* Общественное движение в царствование Александра Второго / Л. Барриве. – М.: Образование, 1911. – 154 с.
10. *Цвікевіч, А.* «Западно-руссизм»: нарысы з гісторыі грамадзкай мысли на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цвікевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
11. *Троська, Я.* Некаторыя моманты з дарэвалюцыйнае асветы на тэрыторыі сучаснае Магілёўшчыны / Я. Троська // *Полымя*. – 126. – № 1. – С. 128–141.
12. *Тулупов, Н.* Первый Всероссийский съезд обществ вспомоществования лицам учительского звания / Н. Тулупов – М.: Л.: Работник просвещения, 1930. – 37 с.
13. *Константинов, Н. А.* Очерки по истории начального образования России / Н. А. Константинов, В. Я. Струминский. – М.: Учпедгиз, 1953. – 272 с.
14. *Левин, Ш. М.* Общественное движение в России в 60–70 гг. XIX века / Ин-т истории АН СССР/ Ш. М. Левин. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 512 с.
15. *Ерман, Л. К.* Участие демократической интеллигенции в стачечном и профсоюзном движении (1905–1907 гг.) / Л. К. Ерман. – М.: Профиздат, 1955. – 56 с.; *Ерман, Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции / Л.К. Ерман. – М.: Наука, 1966. – 373 с.
16. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагогічнай думкі ў Беларусі / пад рэд. С. Умрэйкі, Г. Р. Сянкевіча, У. К. Андрэенкі. – Мінск: Народная асвета, 1968. – 622 с.
17. *Лузгіна, С.* Узнікненне і развіццё педагогічнага друку ў Беларусі // *Народная асвета* / С. Лузгіна. – 1969. – № 9. – С. 81–85; *Лузгіна, С.* Пытанні народнай асветы ў першых легальных газетах Беларусі / С. Лузгіна. – 1970. – № 10. – С. 84–88.
18. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: вторая половина XIX в. / отв. ред. А. И. Пискунов. – М.: Педагогика, 1976. – 599 с.
19. Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций: сб. науч. тр. / под ред. Э. Д. Днепров. – М.: АПН СССР, 1984. – 245 с.; *Днепров, Э. Д.* Русская школа и педагогическая мысль первой половины XIX века: советская историография и методология проблемы изучения / Э. Д. Днепров // *Актуальные вопросы историографии и источниковедения истории школы и педагогики*. – М.: АПН СССР, 1986. – С. 5–86.
20. *Мятельский, М. С.* Школа и педагогическая мысль в Белоруссии с 1895 г. до Великой Октябрьской социалистической революции: автореф. дис.... канд. пед. наук / М. С. Мятельский // *Минский гос. пед. ин-т*. – Минск, 1983. – 21 с.
21. *Паначин, Ф. Г.* Учительство и революционное движение в России (XIX – начало XX в.) / Ф. Г. Паначин. – М.: Педагогика, 1986. – 213 с.
22. *Лейкина-Свирская, В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В. Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1971. – 368 с.
23. *Знаменский, О. И.* Интеллигенция накануне Великого Октября / О. И. Знаменский. – Л.: Наука, 1988. – 349 с.

24. *Пирумова, Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. / Н. М. Пирумова – М.: Наука, 1983. – 268 с.
25. *Самбук, С. М.* Революционные народники Белоруссии (70-е – начало 80-х годов XIX в.) / С. М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1972. – 244 с.; *Самбук, С. М.* Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати) / С. М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1976. – 184 с.; *Самбук, С. М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / С. М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1988. – 244 с.
26. *Жильцов, П. А.* Учитель сельской школы / П. А. Жильцов, В. М. Величина. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
27. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. / пад рэд. М. А. Лазарука. – Мінск: Нар. асвета, 1985. – 464 с.
28. *Сучков, И. В.* Учительство России в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... док. ист. наук. / И. В. Сучков. – М., 1995. – 40 с.; *Сучков, И. В.* Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX веков / И. В. Сучков // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 62–77.
29. *Зубков, И. В.* Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1906 / И. В. Зубков. – М.: Новый хронограф, 2010. – 528 с.
30. *Тебиев, Б. К.* Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... докт. пед. наук / Б. К. Тебиев. – М., 1991. – 29 с.
31. *Снапкоўская, С. В.* Ля вытокаў нацыянальнай педагогікі: з гісторыі школы і педагогічнай думкі Беларусі канца XIX – пачатку XX ст./ С. В. Снапкоўская. – Мінск: Народная асвета, 1995. – 128 с.; *Снапкоўская, С. В.* Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / С. В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 1998. – 192 с.; *Снапковская, С. В.* Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX – начало XX вв. / С. В. Снапковская. – М.: УРАОИТИМ, 2011. – 308 с.
32. *Забаўскі, М. М.* Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай Думе Расіі (1906–1917 гг.) / М. М. Забаўскі. – Мінск, БДПУ, 1998. – 157 с.
33. *Головач, Е. И.* Вопросы народного образования в третьей Государственной Думе / Е. И. Головач // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2008. – № 3. – С. 27–30.
34. *Ушаков, А. В.* Интеллигенция и рабочие в освободительном движении России. Конец XIX – начало XX века / А. В. Ушаков. – М.: Новый хронограф. 2011. – 288 с.
35. *Смирнов, Н. Н.* На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 г. / Н. Н. Смирнов. – СПб.: Наука, 1994. – 410 с.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

О. В. Перзашкевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. Perzashkevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(55)+94(34)

**К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕИНДИЙСКОМ ВЛИЯНИИ
НА ИРАНСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДАСТАН
(НА ПРИМЕРЕ ДАСТАНОВ «ХОСРОВ И ШИРИН»
И «ЛЕЙЛИ И МАДЖНУН»)**

**TO THE QUESTION ABOUT AN OLD INDIAN INFLUENCE
ON IRANIAN MEDIEVAL DASTAN (ACCORDING TO THE
DASTANS OF «KHOSROW AND SHIRIN» AND «MAJNUN
LAYLA»)**

Среди трудов многих выдающихся поэтов Ирана и Средней Азии важное место занимают варианты классических дастанов «Хосров и Ширин» и «Лейли и Маджнун». В основе этих дастанов лежат правдивые истории, а их герои являются историческими личностями, которые действительно существовали. Исходя из этого есть основания говорить и об историчности финала сказаний. Судя по создавшейся ситуации, единственным праведным поступком для знатной женщины в сложившихся условиях была смерть вместе с мужем. Историчность дастанов «Хосров и Ширин» и «Лейли и Маджнун» сводится не только к канве событий, но и к описанию поведения тюрко-иранской аристократки, ставшей вдовой при определенных обстоятельствах.

Ключевые слова: дастан; социальный статус; «Хосров и Ширин»; «Лейли и Маджнун»; вдова; дхарма; индийское влияние.

Among works of many outstanding poets of Iran and Central Asia, variants of classical Dastans «Khosrow and Shirin» and «Majnun Layla» have occupied their important places. True stories lay at the heart of these Dastans, and their heroes were historical persons, who had existed in reality. Proceeding from it, we have the foundation to speak also about the historicity of the final of legends. Coming out of the situation shown within the texts, passing away together with her husband was the only option for the noble woman in the conditions described. The historicity of the Dastans «Khosrow and Shirin» and «Majnun Layla» does not limited with their plots. It is in the description of behaviour of the Turkish-Iranian female aristocrat, who have become a widow within certain circumstances.

Keywords: the Dastan; the social status; «Khosrow and Shirin»; «Majnun Layla»; a widow; Dharma; an Indian influence.

Среди трудов многих выдающихся поэтов Ирана и Средней Азии важное место занимают варианты классических дастанов, в том числе «Хосров

и Ширин» и «Лейли и Маджнун». Хотя эти знаменитые произведения многократно привлекали внимание исследователей, абсолютное большинство работ решало литературоведческие или филологические задачи. Именно поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос в том, какую историческую ценность имеют эти дастаны для изучения как статуса различных социальных групп в тюрко-иранском мире, так и влияния на этот статус индийских верований и установлений, часто именуемых дхармой.

Хотя дастаны, как правило, являются фольклорной или литературной обработкой героических мифов, легенд и сказочных сюжетов, для постановки вопроса об их применимости для историка имеются следующие основания.

Во-первых, дастан – это эпический жанр. Хотя само слово «дастан» в переводе с фарси означает «рассказ, сказание», такой «рассказ» изначально должен был сочетать в себе вымысел и реальные события, происходившие в прошлом [1]. К тому же древность традиции дастана следует уже из самого происхождения слова. *dāstān* (фарси), которое, очевидно, является именем действия с корнем *dah-/dest-* «показывать», «представлять», «учить», «говорить», что дает нам «показание», «представление», «поучение», «сказание». Этимологически соответствует санскр. *diṣ-* «показывать», «представлять», «учить», и древнеиран. *θah-* «говорить», а, возможно, и санскр. *daMz-* «говорить», «освящать».

Во-вторых, в основе обоих дастанов лежит правдивая история, и герои являются историческими личностями, которые действительно существовали.

Итак, основной сюжет рассказывает о любви шаха Ирана Хосрова II Парвиза (590–628 гг.) и принцессы Ширин. Кроме того, само сказание начинается с указания на исторически бесспорные данные о смещении, аресте и ослеплении отца Хосрова царя Хормизда IV (579–590 гг.) в ходе восстания во главе с его свояками. Далее следует упоминание о том, что сразу после воцарения Хосров вынужден был бежать от преследований восставшего военачальника Бахрама Чубина, который фактически правил Ираном в 590–591 гг. Именно в это время царь и познакомился при армянском дворе с принцессой Ширин, которая, согласно ранним документам была арамейской (сирийской) христианкой. Впоследствии, вероятно, устная традиция стала называть ее армянкой, что и закрепилось в дастанах. Существуют указания на беременность Ширин вскоре после знакомства с Хосровом, а также на желания царя, который не был христианином, узаконить их отношения.

Известно также, что попытка вступления в брак с Ширин провалилась. Основной причиной этого, вероятно, стали не условия Византийского вассилевса Маврикия (582–602 гг.), а женитьба на Мириам (христианке, персиянке по происхождению, имя которой до крещения, как считают, было Голан-дохт), которую предание сделало дочерью Маврикия. Но, судя по всему, несколько лет спустя Хосров официально женился на Ширин (о последствиях этого брака для Ширин речь пойдет ниже). Также известно, что

в 628 г. Хосров был смещен с престола своим сыном Кавадом и убит. Такова известная историческая канва событий [2, с. 25–89].

В основе дастана «Лейли и Маджнун» также лежит правдивая история, и герои являются историческими личностями, которые действительно существовали. Итак, основной сюжет рассказывает о любви Маджнуна и Лейли. Маджнун – араб. «безумец», литературный псевдоним Кайса бен аль-Молавваха бен Мозахема. Кайс считается реально существовавшим человеком из племени Бану Амира бен Сасаа, хотя сведения о нем имеют, во многом, полулегендарный характер. Согласно существующим исследованиям [3, с. 594–601], самые ранние сведения о нем дошли до нас в изложении Абу-аль-Фраджа аль-Исфахани и Ибн Кутайбы. Кроме того, важным источником наших знаний о Маджнуне является сочинение Абу-Бекра аль-Валеби «Диван о Кайсе бен аль-Молаввахе аль-Маджнуне». Судя по этим, а также некоторым другим фрагментарным указаниям, Маджнун жил в Аравии в VII в. Очень возможно, что он был арабским поэтом, который страдал от любви к своей двоюродной сестре, с которой был разделен. Такова известная историческая канва событий. Известно также, что исходное происхождение Лейли и Маджнуна было изменено создателями дастанов. В результате этого изменения главные герои стали аристократами.

Говоря о применимости дастанов для историка, нельзя не упомянуть и третью причину. Традиции сложения дастанов уходят в доисламское прошлое, связанное как с зороастрийскими писаниями (особенно с Яштами), так и со светскими сочинениями [4, с. 159–160], примером которых могут служить «Дадестани-Меноги-Храд» («Суждение Духа мудрости») и «Хвадай-намак» («Книга царей»). Поэтому дастаны могут отражать исторические реалии того времени, даже если и в искаженной форме. Это тем более вероятно, что самый ранний вариант «Хосров и Ширин» – поэма Низами Гянджеви на фарси – основывается на соответствующем фрагменте «Шахнаме» Фирдоуси, чья историчность, как известно, простирается далеко за пределы сюжетной канвы.

Ранние варианты «Лейли и Меджнун» также созданы персидскими авторами, прежде всего тем же Низами, который и сам был известен опорой на глубинные традиции Ирана и Закавказья.

Вот в связи с этим есть основания поговорить об историчности финалов обоих сказаний. Вслед за авторами вариантов дастанов принято считать, что Ширин кончает жизнь самоубийством из любви к мужу. А Лейли кончает жизнь самоубийством от несчастной любви. Кроме того, Ширин переносимо сватовство пасынка Шируйе/Кавада. И Лейли не милы сватающиеся к ней женихи. Однако позволим себе высказать совсем другие соображения.

Во-первых, Ширин как законная царица не могла не принять зороастризма (пусть даже формально). И аристократка Лейли не могла не следовать принятым древними обычаям иранских аристократических семей.

Поэтому на них должны были распространяться древние правила местной религии, касающиеся вдов.

Во-вторых, на прощание с телом Хосрова она идет в торжественном одеянии. И Лейли при прощании с матерью просит одеть ее в свадебное (торжественное) одеяние. Это совсем не соответствует нормам поведения на похоронах, если только речь идет не о том, что обе женщины следовали каким-то другим правилам.

В-третьих, у Ширин не было сыновей от Хосрова, поэтому рассчитывать на покровительство сына-наследника она не могла. Не было сыновей и у Лейли.

Наши знания об обрядах и ритуалах доисламского Ирана, т. е. зороастризма времен Сасанидов, весьма ограничены. Однако нет сомнений, что все женщины гарема должны были соблюдать зороастрийские ритуалы, чтобы не нарушать чистоту самого царя и своего рода. Кроме того, Ширин, очевидно, не могла быть наследницей царского имущества, как и Лейли не могла наследовать мужу [4, с. 163–166].

Что касается их статуса как вдов, то, за отсутствием надежных сведений из зороастрийских источников, в качестве гипотезы, обратимся к родственным им древнеиндийским представлениям. В этом случае и у Ширин, и у Лейли было три варианта:

1) умереть вместе с мужем – стать *satī*. Смысл этого действия состоял в том, что женщина перед смертью повторяет клятву супруги Шивы Сати о том, что она никогда не оставит своего мужа, где бы он не был. Сходство Ширин (и, отчасти, Лейли) с Сати усиливается еще и тем, что обе уходили из жизни жестоко оскорбленными [5, т. 4. 1005–1006];

2) до смерти жить вдовой в затворе и аскетизме (Манавадхармашастра V 157–160) [6];

3) после соблюдения срока траура, с разрешения семьи, выйти замуж за брата мужа с целью родить сына, который будет ее покровителем (Баудхьяна дхармасутра II 2, 66–68) [7].

Очевидно, что у Ширин не было третьего варианта, поскольку выйти замуж она могла только за мужеубийцу Шируйе / Кавада, а это было бы не только нарушением установлений, но и оскорблением памяти Хосрова. Не было этого варианта и у Лейли, поскольку выйти замуж она могла только за Маджнуна, а это было бы нарушением установлений.

Сомнительным представляется и второй вариант, поскольку у вдов не будет независимых средств к существованию. Ведь ни у Ширин, ни у Лейли нет сына, и наследовать имущество мужа женщина не может. Кроме того, сватающийся к Ширин новый царь также является серьезным препятствием для выбора пути вдовы.

Следовательно, единственным праведным поступком и для Ширин, и для Лейли была смерть вместе с мужем. Как представляется, именно на это указывают следующие пассажи дастанов:

- торжественное, а не траурное одевание обеих вдов на похоронах мужа, ведь для нее он жив, она лишь следует на встречу ему;
- радость Ширин во время траурного шествия;
- нанесение Ширин себе таким же оружием точно такой же смертельной раны, какая была нанесена Хосрову;
- доведение себя до истощения и смерти после смерти мужа, поскольку она не может выйти замуж за Маджнуна.

Таким образом, есть основания полагать, что историчность дастанов «Хосров и Ширин» и «Лейли и Маджнун» сводится не только к канве событий, но и к описанию поведения аристократок, ставших вдовами при определенных обстоятельствах.

Список использованных источников

1. *Bruijn de, J. T. P.* Fiction / J. T. P. de Bruijn // Encyclopedia Iranica [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access: <http://www.iranica.com/articles/fiction-i-traditional>. – Date of access: 25.01.2021.
2. *Baum, W.* Shirin: Christian, Queen, Myth of Love, a Woman of Late Antiquity, Historical Reality and Literary Effect / W. Baum. – Piscataway: Gorgias Press, 2004. – 202 p.
3. *Крачковский И. Ю.* Ранняя история повести о Маджнуне и Лейле в арабской литературе / И. Ю. Крачковский // Избранные сочинения: в 6 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 2. – С. 588–632.
4. *Бойс, М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи / М. Бойс. – 3-е изд. – СПб., 1994. – 288 с.
5. *Parmeshwaranand, S.* Encyclopaedic Dictionary of PurANas. 5 vol. / S. Parmeshwaranand. – Delhi, 2001. – 5 vol.
6. *Manusmṛti: with the Sanskrit commentary: Manvarthamuktavali of Kulluka Bhatta / ed. J.L. Shastri.* – Delhi: Banarsidass, 1990. – 535 p.
7. *Baudhāyana-Dharmasūtra* [Electronic resource] // Titus – 2012. – Mode of access: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/yvs/dhs/baudhdhs/baudh.htm> – Date of access: 25.01.2021.

(Дата подачи: 23.02.2021 г.)

К. А. Платонов

Белорусский государственный университет, Минск

K. Platonov

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1939”

**СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА О ВОЕННОМ ПОХОДЕ
В ЗАПАДНУЮ БЕЛАРУСЬ В 1939 Г.
(НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ»)**

**SOVIET PROPAGANDA ABOUT THE MILITARY CAMPAIGN
IN WESTERN BELARUS IN 1939 (BASED ON THE MATERIALS
OF THE NEWSPAPER « SOVETSKAYA BELORUSSIYA »)**

В статье на основе материалов газеты «Советская Белоруссия» анализируются характер и содержание советской печатной пропаганды в период подготовки и проведения военного похода Красной Армии в Западную Беларусь. Выявляются тенденции, характерные для того или иного этапа в освещении похода, определяются пропагандистские установки советского руководства.

Ключевые слова: Западная Беларусь; военный поход; Красная Армия; пропаганда; Советская Белоруссия.

The article, based on the materials of the newspaper «Sovetskaya Belorussia», analyzes the nature and content of Soviet printed propaganda during the preparation and conduct of the military campaign of the Red Army in Western Belarus. The author identifies the tendencies that were characteristic of different stages in the coverage of the campaign, and also determines the propaganda tasks of the Soviet leadership.

Keywords: Western Belarus; military campaign; Red Army; propaganda; Soviet Belarus.

Вторая половина 1930-х гг. на международной арене характеризовалась усилением противоречий и ростом напряженности. Одним из средств борьбы между основными геополитическими игроками становится широкомасштабная пропаганда. Не был исключением и Советский Союз. Подписание секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 г., по которому Западная Беларусь попадала в сферу интересов Советского Союза, а также военный поход Красной Армии 17 сентября 1939 г. требовали от советской пропаганды постановки новых задач и их реализации. Главное место в системе пропаганды занимали средства массовой информации, в особенности печать. Одним из рупоров советской пропагандистской машины на территории как Восточной, так и Западной Беларуси становится газета республиканского уровня «Советская Белоруссия».

Актуальность изучения характера и содержания материалов данной газеты обусловлена тем, что исследование советской печатной пропаганды на их примере дает ключ к пониманию роли пропагандистской сферы как составного звена советской политической системы. В результате разработки данной тематики имеется возможность уточнить направленность пропагандистских задач советского руководства по обеспечению интересов СССР в условиях обострения международной обстановки. В целом проблематика советской пропаганды не была отражена в белорусской историографии. Однако имеется ряд статей Е. П. Максименко, в которых автор уделяет большее внимания территории Западной Украины. В. А. Невежин в некоторых своих книгах также рассматривает общие аспекты подготовки и пропагандистского сопровождения похода 17 сентября.

Пропагандистская подготовка СССР к предстоящим военным действиям началась незадолго до мобилизации – во второй половине августа 1939 г. [4, с. 69]. Начиная с 1 сентября 1939 г. в номерах «Советской Белоруссии» польско-германской войне отводилось место на последней странице в рубрике «За рубежом» и в некоторых номерах на первой странице в рубрике «Телеграммы». Содержание небольших статей, посвященных данной теме, было сдержанным и не подвергалось идеологической окраске. Они представляли собой хронику военных событий. Однако напряженная геополитическая обстановка не могла остаться незамеченной. Так, 1 сентября 1939 г. на первой странице газеты было опубликовано сообщение В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Основной задачей данной статьи стала констатация невозможности заключения англо-французско-советского договора, в то же время объяснялся резкий поворот внешнеполитического курса СССР, на союз с Германией [6, с. 1]. Разумеется, что существование каких-либо дополнительных секретных договоров к договору от 23 августа 1939 г. отрицалось.

Реакцией на складывающуюся ситуацию можно считать статьи, которые размещались на первых страницах номеров и были посвящены закону о всеобщей воинской обязанности, очередному призыву в РККА, частичному призыву запасных в Красную Армию и т. д. Появляются фото пограничников, охраняющих с собаками северо-западную границу СССР [18, с. 3]. В номере за 11 сентября на первой странице была размещена небольшая статья «Мы готовы к защите наших границ», в которой цитировалась резолюция, принятая рабочими борисовского спичечного комбината им. Кирова на митинге. В ней подчеркивалась возможность «выступить против врага, и вместе с Красной Армией разгромить его на его же территории». Кто был этим «врагом» и на какой территории предполагалось «разгромить его» не уточнялось [18, с. 1]. В статьях начала сентября печатаются обращения колхозников, рабочих, партийных работников, в которых высказывалось полное одобрение ими политики, проводимой советским правительством,

а именно ратификация договора между СССР и Германией, принятие закона о всеобщей воинской обязанности [8, с. 1].

Однако следует отметить, что общий информационный поток не был изменен. Все так же продолжают доминировать статьи, касающиеся вопросов марксизма-ленинизма, партийного строительства, выхода «Краткого курса истории ВКП(б)», деятельности комсомола, развития промышленности и сельского хозяйства, достигнутых успехов в медицине и образовании и т. д.

14 сентября 1939 г. в рубрике «За рубежом» появляется первое упоминание о Западной Беларуси с самого начала войны. С ссылкой на германское агентство Трансоцеан «Советская Белоруссия» пишет: «В районах Пинска и Баранович белорусское население выражает сильное недовольство. Белорусы отказываются вступать в польскую армию и требуют создания независимой республики». Статья фигурирует под следующим названием: «Анти-польское движение в Восточной Галиции и Западной Белоруссии» [19, с. 4].

15 сентября на первой странице была перепечатана статья «О внутренних причинах военного поражения Польши» из газеты «Правда» за 14 сентября. Текст был, как утверждает историк В.А. Невежин, написан А. А. Ждановым, однако в самой статье автор не указан [4, с. 73–74]. В ней утверждалось, что «Польское государство оказалось недееспособным» и при первых военных неудачах «стало рассыпаться». Национальная политика польского правительства, главным образом, в отношении украинцев и белорусов, объявлялась едва ли не главной причиной военного поражения Польши [7, с. 1]. Интересно, что еще 12 сентября в традиционной рубрике «За Рубежом» говоря о причинах, приведших Польшу к потере почти всех ее политических и экономических центров «Советская Белоруссия» указывала прежде всего на военное превосходство Германии и отсутствие серьезной помощи со стороны Англии и Франции. Таким образом, видим явное несоответствие в послыле пропагандистской машины [8, с. 4].

Передовой статьей, напечатанной «Советской Белоруссией» 18 сентября, была речь В. М. Молотова, произнесенная им по радио 17 сентября 1939 г. Она и стала тем образцом, которым должны были пользоваться все пропагандисты как в армии, так и в среде гражданского населения. Тезисы были представлены следующим образом и в следующей последовательности: во-первых, польское государство и его правительство фактически перестали существовать, а это означало, что заключенные между СССР и Польшей договора прекращали свое действие (в первую очередь это касалось договора о ненападении 1932 г.). Во-вторых, Польша «стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР». В-третьих, советское правительство не оставит своих «единокровных» братьев – украинцев и белорусов, брошенных на произвол судьбы беззащитными. Таким образом, исходя из перечисленных выше пунктов, В. М. Молотов заявил, что советское правительство отдало распоряжение

Главному Командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и «взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». В статье, в частности, утверждалось, что призыв запасных в Красную Армию, осуществившийся в начале сентября, был не чем иным, как «мера предосторожности» [17, с. 1].

Также на первой странице номера были размещена нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР, а также нота, врученная польскому послу Гржибовскому. В первой было заявлено о проведении Советским Союзом политики нейтралитета, во второй были представлены те же тезисы, что и в речи В.М. Молотова. ¼ часть страницы занимала фотография Сталина и Молотова [17, с. 1].

С 18 сентября 1939 г. на примере «Советской Белоруссии» можно наблюдать на сколько мощно начинает работать советская пропагандистская машина. С этого момента основной темой газеты становится Западная Беларусь. Происходит резкий переход от сдержанной подготовки к непосредственному широкомасштабному пропагандистскому сопровождению похода Красной армии в Западную Беларусь. Некоторые исследователи, например, Э. Росовска-Якубчик склонны называть данный период развертывания советской наступательной пропаганды не иначе как «антипольская истерия» [5, с. 64].

Одной из главных задач пропаганды, в частности и газеты «Советская Белоруссия», в первые дни похода становится убеждение прежде всего советских граждан в правильности, а главное справедливости решения советского правительства. Публикуются статьи на историческую тематику, где читателям предлагается взглянуть на «многовековую упорную борьбу белорусского и украинского народа за свою национальную независимость против польских захватчиков», а потом и на современное положение дел. Следствием данного положения становятся восстания, постоянно вспыхивающие на данной территории, однако уточняется, что в этот раз все куда более серьезнее: «По всей Западной Украине и Западной Белоруссии развилось мощное революционное движение. Час расплаты настал!» [17, с. 2]. Ввиду данных обстоятельств советское правительство не могло поступить иначе, нежели как выполнить свой интернациональный долг и помочь братьям.

Следующим шагом было всеобъемлющее освещение победоносных действий Красной Армии. В каждом номере, начиная с 19 сентября, на первой странице публиковалась оперативная сводка генерального штаба РККА. Появляются статьи ура-патриотического характера, например, «Как бежали польские пань», «В атаку! За Сталина!», «Бой в городе» и т.д. [16, с.2] Они представляли собой интервью с красноармейцами, репортажи спецкоров, запись телефонных разговоров. Некоторые статьи имели достаточно со-

мнительное содержание. Так, в № 219 за 22 сентября рассказывалось история о комиссаре Жабенко, который вместе с тремя красноармейцами пленил 55 польских солдат, 7 офицеров, и захватил 3 повозки винтовок, 4 пулемета и 6 лошадей [14, с. 2]. Публикуются художественные произведения, воспевающие доблесть и силу Красной Армии [17, с. 2].

Лейтмотивом также становится следующий лозунг: «Могучая сплоченность советского народа вокруг партии Ленина-Сталина – залог героических побед Красной Армии» [12, с. 2]. Основной смысл данного тематического блока – это поддержка населением не только правительства Советов, но и непосредственно Красной Армии. 21 сентября публикуется обращение матери красноармейца, в котором она взывает к своим детям: «Бейте крепче панов, дети мои!» [10, с. 2].

Следуя канонам военной пропаганды, публикуются беседы с военнопленными, где бывшие солдаты польской армии срывают «мятые» погоны с плеч, прикрепляют красный бант и повторяют практически всегда одну и ту же фразу: «Мы хотим быть людьми, а польский солдат не был человеком» [16, с. 2]. Польских офицеров пропаганда представляла карикатурно убегающими от Красной Армии. Здесь же следует отметить, что совместные парады вермахта и РККА, которые проходили в Гродно, Бресте, Пинске на страницах газеты отображены не были.

Важнейшей задачей пропаганды данного периода становится также отображение настроений абсолютного большинства жителей Западной Беларуси, которые, как утверждалось, «с песнями и музыкой, с лозунгами, криками «ура» радостно встречали своих освободителей». Следовало показать массовость данного явления, поэтому рассказывалось о масштабных митингах как в больших городах, так и в малых деревнях. Большинство фотографий и рисунков посвящено данной тематике, причем пропагандисты старались изобразить бедного, замученного крестьянина-западника, одетого в поношенную и залатанную одежду, а рядом с ним бравого, красивого, советского война-освободителя. Однако следует отметить, что данный аспект пропагандистского освещения событий шел в разрез с реальностью. Очевидно, что подавляющее большинство белорусов встречало Красную Армию как освободителей, организуя для этого масштабные митинги-встречи, однако многие местные жители вспоминали, что внешний вид красноармейцев вызвал разочарование и недоумение: «От советских солдат пахло рыбой, они были грязные, худые и голодные... С приходом Советов поняли, что это «голода» [2, с. 107].

В газете демонстрировались встреча и прием жителями уже Восточной Беларуси своих единокровных братьев с Запада. Так, появляются статьи характера «Подарки школьников детям Западной Беларуси», различные приветственные письма граждан БССР [15, с. 2]. Так, например, одно из них начиналось следующими словами: «Привет вам, братья и сестры, вчераш-

ние рабы и свободные граждане теперь!» [13, с. 2]. Приводились описания встреч приграничных деревень, результатом которых всегда был вывод: «Засветило и нам великое сталинское солнце, только теперь мы сможем жить по-иному, по-новому» [14, с. 2].

Польская пропаганда, в свою очередь, активно использовала темы репрессий, коллективизации, борьбы с религией в СССР, которые являлись «болевыми точками» для населения Западной Беларуси и формировали отрицательный образ СССР. Поэтому одной из форм идеологической работы на новых территориях стала своеобразная контрпропаганда – перед устанавливающимся режимом стояла задача опровержения идеологических клише уже поверженного в военном плане противника. Так, постепенно начинают появляться статьи такого типа, как, например, статья в № 219 за 22 сентября под названием «Мы больше не рабы», где крестьянин деревни Холичи дает интервью и прямо говорит: «От нас старательно скрывали правду о СССР, сочиняли всякие небылицы о социалистической стране» [14, с. 2].

Одновременно с занятием территории Западной Беларуси частями РККА вставал вопрос об организации новой структуры и системы власти. Постепенно создавались «Временные управления», в которые должны были войти представители РККА, местного населения, коммунисты, направленные ЦК КП(б)Б. Деятельность данных структур пропагандировалась в рамках нормализации жизни на данной территории, а также отображения экономической и культурной отсталости региона. Так, например, статья о деятельности Временного управления города Лиды называлась «Два трактора на весь уезд» [15, с. 1]. Обычно такие временные органы создавались на митингах, что ярко подчеркивала советская пропаганда, в том числе и на страницах газеты «Советская Белоруссия», однако архивные документы свидетельствуют, что в большинстве случаев состав Временных управлений определялся командованием Красной Армии, а кандидатуры были подобраны заранее [1, с. 451]. В волостях и деревнях создавались подобные структуры под названием Крестьянские комитеты. Их деятельность также широко освещалась пропагандой [9, с. 2]. При Временных управлениях стали создаваться вооруженные отряды Рабочей гвардии. Пропаганда описывала их как прежде всего авторитетные и многонациональные отряды, созданные для поддержания порядка.

Одним из направлений пропагандистской работы, прослеживаемой на страницах «Советской Белоруссии», является пропаганда, направленная непосредственно на население Западной Беларуси. Поэтому неудивительно наличие таких статей, как «Счастливая жизнь колхозников», «Как мы развиваем местную промышленность», «Непрерывный рост народных сборжений», «Расцвет социалистической культуры» и т. д. [10, с. 3], а также

всевозможных фотографий, объединенных тематикой «Советская Белоруссия – цветущая республика» [12, с. 4].

Советская пропаганда использовала противоречия, которые существовали в межвоенной Польше между представителями польской и еврейской национальности. Так, в «Советской Белоруссии» появляются статьи, посвященные соответствующей проблематике, например, «Дружба народов – мощное оружие в борьбе с врагами», где депутат Верховного Совета БССР Г. М. Беркович рассказывает о «счастливой и радостной жизни» евреев в советской стране. На своем примере, а также примере некоторых других евреев он показывает, чего может добиться представитель еврейской национальности в СССР, в отличие от Польши [20, с. 2].

Таким образом, первый опыт «освоения сфер интересов» СССР оказался вполне успешным. Показал свою действенность комплексный подход к пропагандистскому обоснованию. Одним из основных рупоров советской пропагандистской машины на территории Беларуси, который и сочетал в себе весь комплекс пропагандистских приемов, доступных печатному слову, стала газета «Советская Белоруссия».

Материалы данной газеты позволяют выделить основные этапы в пропагандистском освещении похода Красной Армии в Западную Беларусь, а именно: достаточно сдержанную подготовку в начале сентября 1939 г. и последующий переход после 17 сентября к наступательному широкомасштабному пропагандистскому сопровождению похода. Также материалы газеты демонстрируют основные установки советской пропаганды данного периода. Так, необходимо было оправдать резкий поворот внешнеполитического курса СССР на союз с Германией, в кратчайшие сроки провести работу по подготовке общественного мнения к военному походу в Западную Беларусь, консолидировать армию и население страны вокруг нового курса советского руководства. Вступление Красной армии на западнобелорусские территории 17 сентября 1939 г., и последующее установление здесь советской власти официальная пропаганда представляла, как стремление СССР защитить интересы белорусского народа, в условиях нестабильности, вызванной продолжающейся польско-германской войной. Для обеспечения лояльности местного населения, оправдания своих действий в глазах мировой и советской общественности, а также решая другие вышеперечисленные задачи, начинает работать мощная пропагандистская машина.

Список использованных источников

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. – 613 с.
2. Еленская, И. Э. События 1939–1941 годов в западных областях Белоруссии: устная история / И. Э. Еленская // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы: сб. ст. / Ин-та славяноведения РАН; редкол.: О. В. Петровская, Е. Ю. Борисенко – СПб., 2011. – С. 103–120.

3. *Максименко, Е. П.* Использование художественных средств в пропагандистской кампании СССР осенью 1939 года / Е. П. Максименко // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы: сб. ст. / Института славяноведения РАН; редкол.: О. В. Петровская, Е. Ю. Борисенок.* – СПб., 2011. – С. 307–337.

4. *Невежин, В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. (Серия «Первая монография» / В. А. Невежин; под ред. Г. А. Бордюгова. Послесловие Б. Бонвеча. – М.: «АИРО–XX», 1997. – 288 с.

5. *Росовская-Якубчик, Э.* Отношения Польши и СССР в 1939–1943 годах и советская пресса: дис. ... канд. ист. наук / Э. Росовская-Якубчик // МГУ. – М., 1993. – 170 с.

6. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 1 сент.

7. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 15 сент.

8. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 12 сент.

9. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 28 сент.

10. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 21 сент.

11. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 20 сент.

12. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 19 сент.

13. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 23 сент.

14. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 22 сент.

15. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 27 сент.

16. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 24 сент.

17. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 18 сент.

18. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 11 сент.

19. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 14 сент.

20. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 26 сент.

21. Советская Белоруссия. – Минск, 1939. – 29 сент.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Н. И. Поletaева

Белорусский государственный экономический университет, Минск

N. Poletaeva

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 338.23:334.72.012.32(476)(091)«1921/1929»

АРЕНДА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ БССР И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В 1920-Е ГГ.

RENT IN THE BSSR INDUSTRY AND THE ENTREPRENEURS IN THE 1920S

Опыт арендных отношений в промышленности БССР в 1920-е гг. рассматривается на микроуровне, акцент сделан на анализе самой процедуры заключения арендных договоров, их содержании, условиях и контроле над результатами деятельности.

Ключевые слова: новая экономическая политика; промышленность; аренда; договор; Белорусская ССР.

Experience of lease relations in the industry of the BSSR in the 1920s is considered at the micro level, the emphasis is on the analysis of the procedure for concluding lease agreements, their content, conditions and control over the results of activities.

Keywords: new economic policy; industry; rent; contract; Belarusian SSR.

15 марта 2021 г. исполняется 100 лет с момента знаменитого в свое время выступления В. И. Ленина на X съезде РКП(б) с докладом «О продовольственном налоге», который фактически дал старт новой экономической политике. НЭП распространился сначала на сельское хозяйство, затем – торговлю, финансы, трудовые отношения и промышленность. Историография истории НЭПа насчитывает сотни монографий, тысячи статей, десятки защищенных кандидатских и докторских диссертаций. И, несмотря на фундаментальную и многостороннюю разработанность, проблематика новой экономической политики по-прежнему привлекает историков, экономистов, не в последнюю очередь потому, что многие сюжеты той поры периодически перекликаются с современными вызовами, наблюдается устойчивость и повторяемость многих форм и методов экономической деятельности, которые развились в условиях переходной экономики 1920-х гг.

Одной из попыток повысить эффективность использования государственных ресурсов в условиях разоренного войнами, революциями и радикальными экономическими экспериментами времен «военного коммунизма» хозяйства стала аренда промышленных предприятий. Тотальная национализация 1919–1920 гг. привела к тому, что в руках у государства оказалось значительное количество предприятий и заведений, наладить работу которых оно было не в состоянии из-за нехватки ресурсов, опыта, кадров. В 1921 г. на территории БССР насчитывалось 683 предприятия, из них работали полностью 99 (менее 15 %), частично – 137, не работали – 31, отсутствовали сведения о работе – 416 предприятий [1, с. 28–29].

В июле 1921 г. было принято постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему Совету народного хозяйства», на основании которого Совет народного хозяйства (далее СНХ) БССР разработал документ, определяющий порядок и условия аренды государственных предприятий в республике. В нем подчеркивалось, что СНХ «перестает быть монополистом в области производства и промышленности», а наряду с национализированными государственными предприятиями выступают предприятия, отдаваемые СНХ в аренду общественным организациям и частным лицам. Этот документ, состоявший из 19 статей, включал в себя ключевые условия сдачи предприятий в аренду. Отвечая на вопрос о том, какие предприятия сдаются в аренду и кому, фиксировалось основное правило – в аренду сдаются неработа-

ющие и слабо работающие предприятия. Причем отдавалось предпочтение при прочих равных условиях крупным, солидным кооперативным организациям (промышленной, потребительской кооперации, сельскохозяйственной организациям). Но одновременно для увеличения материальных ресурсов предоставлялась возможность проявления инициативы и частным лицам, не исключая прежних владельцев, как знающих местные условия. Здесь же подчеркивалось, что спекулятивные элементы должны быть устранены от аренды.

Определяя содержание арендного договора, подчеркивалось, что он должен предусматривать род вырабатываемых изделий, качество и их количество; расширение производства или присоединение нового производства к основному может быть произведено арендатором только с согласия государственных организаций и с внесением соответствующих дополнений в договор.

Особое внимание уделялось порядку снабжения предприятия: государственное сырье и топливо должно было быть вывезено со сдаваемых в аренду предприятий на государственные склады, предприятия или уступлены арендатору по рыночным ценам. Допускалось возмещение сырья и топлива арендатором готовыми изделиями в установленный срок. Подчеркивалось, что арендатор не может получать никаких ресурсов из государственных источников, за исключением случаев, если арендатор выполняет заказ СНХ. Тогда СНХ мог брать на себя частичное или полное снабжение предприятия сырьем и топливом.

Существенным аспектом был срок арендного договора. Предписывалось, что срок должен устанавливаться в зависимости от ценности передаваемого имущества и капиталности необходимого ремонта. Но при необходимости возложения на арендатора обязанности новых крупных оборудований, капитального ремонта, возведения строений и т. д. сроки могут быть продолжительными – 10, 15, 25 лет.

Среди обязанностей арендатора перечислялись такие, как привести здание и оборудование предприятия в такое состояние, чтобы возможно было вести производства в размере, обусловленном договором. Подчеркивалось, что во время аренды арендатор производит текущий ремонт, а по окончании срока аренды сдает предприятие государству в состоянии полной исправности. Все улучшения, возведенные здания, переустройство остаются по истечении срока аренды в пользу государства.

В качестве арендной платы арендатор должен был предоставлять вознаграждение в виде части производства сырья или в денежной форме. Очень детально предусматривался механизм заключения договора: необходимо было составить подробную опись инвентаря, живого и мертвого, движимого и недвижимого имущества и т. д. с указанием их состояния к моменту сдачи в аренду. В арендных договорах должны были быть указаны сроки,

в течение которых арендатор обязан был пустить предприятие в ход в размере, предусмотренным договором. Причем при невыполнении этого условия договор аннулировался и убытки взыскивались с арендаторов в судебном порядке.

На государственные органы возлагалась обязанность контроля за эксплуатацией арендованных предприятий, за правильным исполнением арендаторами заключенных договоров, причем контроль не должен был прерывать нормальной работы предприятия. При обнаружении каких-либо действий арендатора, причиняющих вред и убытки государству, арендатор привлекался к судебной ответственности.

Арендаторы имели право делать закупки за границей. Список предметов, намечаемых арендаторами для закупок за границей, должен был предоставляться арендаторами в СНХ, который удостоверял их необходимость и пересылал во Внешторг. По получении предметов велся контроль за тем, чтобы такие предметы действительно использовались для нужд предприятия, а не попадали на вольный рынок.

Имущественные права государства обеспечивались тем, что все находящееся на предприятии и оборудование, сырье, полуфабрикаты служили обеспечением возможных претензий со стороны государства. В случае судебных взысканий претензии государства удовлетворялись в первую очередь. Особо подчеркивалось, что государственные служащие не имеют права принимать участие в эксплуатации предприятия. Одновременно определялось, что для выполнения договора заготовленное продовольствие, топливо, сырье, инструменты, деньги, помещения находятся в исключительном распоряжении арендатора и не подлежат ни конфискации, ни реквизиции, кроме, как только по постановлению судебных властей [2, л. 26–27].

В июле 1921 г. СНХ БССР организовал Центральную арендную комиссию при Экономическом совещании (ЭКОСО) БССР, в уездах были образованы уездные комиссии, которые давали заинтересованным лицам-арендаторам соответствующие разъяснения, принимали от них предложения и вступали с ними в арендные отношения.

Для заключения арендного договора в арендную комиссию необходимо было подать соответствующее заявление. Вот как, к примеру, выстраивались отношения местных органов власти и потенциальных арендаторов. В конце июня 1921 г. в Игуменский райлескомхоз обратились три предпринимателя: «Просим вашего распоряжение разрешить нам отремонтировать лесопильный завод, находящийся в имении Натальевка, и пустить его в ход на тех условиях, на которых будут сдавать все предприятия такого рода». На это заявление была наложена резолюция о том, что препятствий к сдаче завода в аренду не встречается [3, л. 10].

Далее в начале августа 1921 г. предпринимателям было направлено письмо о том, что «отделение деревообрабатывающей промышленности

Топливого управления Белоруссии Совета Народного Хозяйства (СНХ) БССР (Управтопбел) приглашает Вас явиться ... для переговоров относительно сдачи вам в аренду лесопильного завода в имени Натальевка Игуменского уезда» [3, л. 20 об.].

Далее, как правило, проводились торги по сдаче предприятий в аренду. Объявления о намечаемых торгах печатались в газетах. Представители госорганов обращались в редакцию газет с просьбой об этом («Известия» ЦИК или «Звезда»), к примеру: «Прошу поместить в ближайшем номере нижеследующее: на 9 ноября 1921 г. в 12 часов дня назначаются торги при Управтопбеле на сдачу в аренду нижеследующих предприятий: лесопильный завод с мельницей в Койданове (бывший Крола), лесопильный завод с мельницей на ст. Руденск (бывший Стучинского), лесопильный завод в имении Натальевск. Желаящие принять участие в соревновании благоволят к означенному сроку подать письменные заявления в Дерпром Управтопбела с точным предложением условий в закрытых пакетах с приложением 5 млн руб. в обеспечение. Пакеты будут приниматься с 6 октября» [3, л. 67].

Чтобы иметь возможность выиграть торги, потенциальные арендаторы подробно описывали предлагаемые условия аренды. Вот как, например, в октябре 1921 г. описывал условия аренды один из предпринимателей Слуцка. «Вследствие публикации в газете о сдаче в аренду лесопильного завода «Восток» в Слуцке заявляю, что желаю взять означенный завод в аренду на следующих условиях: 1. Плату за аренду предлагаю по пятидесяти пудов ржи в месяц по следующему соображению: лесопильный завод распиливает в месяц десять тыс. куб. футов дерева приблизительно, плата за распиловку взимается по одному фунту ржи с куб. фута, что составляет в месяц за 10000 куб. футов двести пятьдесят пудов ржи, из этого количества предлагаю 20 % за аренду – 50 пудов ржи, или же за аренду буду платить древесными материалами, а именно: по 120 куб. футов бревен ежемесячно по следующему расчету из 10 тыс. куб. футов дерева выходит приблизительно 6 000 куб. футов чистых досок, за распиловку коих можно получить 600 куб. футов досок, из этого же количества досок, получаемых за распиловку предлагаю 20 % за аренду, что составляет 120 куб. футов чистых досок или 200 куб. футов бревен. 2. Все обрезки и опилки от распиленных бревен как топливный материал, достаточный для приведения в действие лесопильного завода, должны быть употреблены на отопление парового котла. 3. Если не по моей вине завод не будет работать в течение 10 дней и более, то за такой перерыв отсчитывается соразмерно им арендной платы. 4. Я беру на себя исправление фундамента под лесопильным станком, устройство линейной пилы (циркулярки) и обшивку завода. 5. Срок аренды на три года. 6. За распиловку государственных бревен сделаю уступку на 20 % дешевле той цены, которая будет взиматься от частных лиц» [3, л. 62].

Государственные органы, со своей стороны, тщательно изучали состояние сдаваемых в аренду объектов. Так, Бобруйское групповое управление деревообрабатывающих заводов в октябре 1921 г. сообщало, что «...состояние мельниц – на № 3 нет наливки и мельничный камень для работы не годен, на № 4 наливки хватит всего только на один месяц. Заготовка наливки для обоих мельниц обойдется около 50 млн руб. ... придется содержать большой штат служащих – заведующего, кассира, весовщика, контролера и др. Единственным же доходом является взимание попудного сбора. Опыт райпродкома доказал, что эта сторона дохода вследствие всевозможных злоупотреблений не оправдывает свои цели. Осложняется государственная эксплуатация мельниц еще тем, что работа на мельницах, рассчитанная на привоз помола, должна вестись не в установленное время, а в зависимости от времени его привоза, что не всегда совпадает с установленными на госпредприятиях временем для работы, что при обилии в городе частных мельниц рассчитывать на привоз помола в государственную мельницу при таких условиях не следует. Таким образом, крупные затраты, связанные с пуском и содержанием обеих мельниц при существующих условиях эксплуатации для государства невыгодно в настоящее время, и групповое управление считает целесообразным сдачу таковых в аренду» [3, л. 78].

При условии согласия сторон заключался договор аренды. Он оформлялся на типовом бланке со стандартной надписью (Договор на сдачу в аренду промышленных предприятий СНХБ) с указанием даты и выглядел примерно так: «Мы, нижеподписавшиеся: заместитель председателя СНХБ А. А. Цибарт и гр. И. Стучинский, М. Розенблюм и М. Левин, жители в Минске, заключили договор о нижеследующем: сдатчик сдает арендатору в арендное пользование мельницу и лесопилку в поселке Руденск (бывш. Стучинского и Розенблюма) в составе мельницы о двух поставках с круподеркою и лесопилкою. Фактическая передача производится в течение двух недель. Для помола ржи и других продуктов и для распиловки лесоматериалов на два года. За арендное пользование мельницей с лесопилкой уплачивают за мельницу 1200 пудов ржи в год, за круподерку 180 пудов крупы в год и за лесопилку 37,5 пудов ржи в месяц. Обязательством распиливать бесплатно также в месяц 750 куб. футов и 3 тыс. куб. футов за плату по полфунта ржи с каждого кубического фута. В виду предстоящего ремонта мельницы за первые 2 месяца со дня заключения договора арендаторы освобождаются от уплаты аренды. 15 ноября 1921 г.» [3, л. 209–210].

Обращает на себя внимание тот факт, что арендаторами предприятия выступили его бывшие владельцы, что было обычной практикой. В качестве арендаторов могли выступать и такие лица, которые имели давний опыт арендных отношений. Причем в заявлениях потенциальные арендаторы такие факты специально акцентировали: «...Желая взять завод, находящийся

на Березинском предместье для разработки лесных материалов и древесных изделий, прошу удовлетворении означенного заявления. Добавляю, что до 1917 г. – прихода Советской власти я состоял владельцем вышеназванного завода» [3, с. 26]; «Прошу сдать мне в аренду лесопильный завод вместе с находящейся при нем мельницей... Считаю возможным отметить, что я состою арендатором этого предприятия в течение последних 26 лет. Что же касается мельницы, то она была отстроена после пожара за мой счет» [3, с. 3] и т. д.

Для налаживания работы предприятий арендаторы использовали как свои собственные материальные и денежные средства, так и заемные финансовые ресурсы. В случае, если арендатор получал кредит, важна была его положительная репутация, как плательщика (сейчас это называется кредитной историей). Информацию о таком предпринимателе собирала Белорусская контора АО «Кредитбюро». К примеру, в 1925 г. была составлена детальная справка о кредитоспособности и организации дела арендатора Первой белорусской табачно-махорочной фабрики (бывш. Цукермана) Г. Левина. В ней сообщался срок начала аренды и ее завершения (декабрь 1924 – декабрь 1927 г.), состав участников дела (фактически, кроме арендатора, в деле принимали участие еще два человека, то есть функционировало товарищество).

Подчеркивалось, что арендная плата составляла 4200 руб. в год. Отмечалось, что со сменой компаньонов в ноябре 1925 г., которые принесли в дело 4000 руб. капитала, работа фабрики оживилась. «За ноябрь 1925 г. было выработано 537 ящиков махорки на 11 768,90 руб., из коих продано 449 ящиков на 11 289,61 руб. Вырабатываемая махорка двух сортов ...признается доброкачественной и сбывается на 90 % на местном рынке, преимущественно кооперативным организациям. Сырьем в данное время фабрика обеспечена месяца на два, оценивается оно около 9000 руб. Число занятых в деле наемных рабочих – 14 человек. Арендная плата в 2100 руб. внесена за полгода вперед» [4, л. 2].

Далее присутствовал детальный анализ имущественного положения предприятия, из которого следовало, что фабрика располагает собственными оборотными средствами в 8254 руб. (66,9 %), заемными – в 4084 руб. (33,1 %). Фирма пользовалась кредитом в Госбанке в размере до 3000 руб., а также в Минском обществе взаимного кредита – до 2500 руб. Особо выделялись в справке деловые качества арендатора: «...инженер по образованию. Отзываются о нем и о компаньонах с благоприятной стороны и считают возможным предоставление им кредита в пределах нескольких тыс. руб. возможным. По своим обязательствам фирма до сих пор платила аккуратно» [4, л. 2].

Через год, в сентябре 1926 г., об арендаторе вновь были собраны сведения. Было отмечено, что есть «...сильное стеснение в средствах. Имевший

место ...протест векселя ...на 215 руб. немедленно же был урегулирован. Однако в местных деловых кругах полагают, что сам факт протеста является обстоятельством, вынуждающим к вопросу дальнейшего кредитования фирмы подходить с осторожностью» [4, л. 7]. Очевидно, что эта запись фиксирует начавшееся наступление советской власти на частнокапиталистические элементы. Тем не менее деловые качества предпринимателя сомнению не подвергались, и было высказано мнение о том, что кредитовать его можно: «...В общем характеристика всех арендаторов такая: люди небогатые, жены их работают, ведут дело честно и аккуратно. ... Дело само по себе хорошее, но декабрь-январь время тихое в мажорочном деле, и им нужно оборотные средства до 70 %, чтобы пережить это время» [4, л. 12 об.].

В целом в годы НЭПа в БССР доходы от промышленных предприятий, сданных в аренду, оказались незначительными: в 1925–1926 гг. – 46 7395 руб., в 1926–1927 гг. – 486170 руб. [5, л. 44]. Число арендных предприятий также было небольшим – в 1926/1927 г. – 632, подавляющее большинство из них – мелкие заведения, главным образом мельницы [5, л. 30]. Учитывая, что в 1926–1927 гг. в БССР насчитывалось 410 крупных промышленных предприятий и свыше 60 тыс. кустарно-ремесленных заведений [6, с. 89], потенциал аренды был невелик. Тем не менее, анализируя арендные отношения на т.н. микроуровне, очевидно, что, несмотря на отсутствие у советских государственных органов управленческого опыта по взаимодействию с частными предпринимателями, в годы новой экономической политики все же удавалось выстраивать взаимоотношения на правовой основе, в первую очередь отстаивая интересы государства, одновременно давая возможность желающим воспользоваться возможностями арендных отношений. Аренда промышленных заведений гражданами стала одним из возможных способов рационального использования государственных производственных фондов.

Список использованных источников

1. *Ванькевич, А. И.* Отношения собственности в промышленности Республики Беларусь: монография / А. И. Ванькевич. – Минск: БНТУ, 2004. – 132 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4П. Оп. 1. Д. 587.
3. НАРБ. – Ф. 65. Оп. 1. Д. 81.
4. НАРБ. – Ф. 98. Оп. 1. Д. 507.
5. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 6062.
6. *Сасим, А. М.* Промышленность Беларуси в XX столетии: учеб. пособие / А. М. Сасим. – Минск: Экоперспектива, 2001. – 271 с.

(Дата подачи: 18.02.2021 г.)

А. А. Приборович

Белорусский государственный университет, Минск

A. Priborovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 930.2

ПЕРЕПИСЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР 1923 Г.: ОРГАНИЗАЦИЯ И ИТОГИ

CENSUS OF THE URBAN POPULATION OF BSSR 1923 YEAR: ORGANIZATION AND RESULTS

В статье дается описание организации первой в истории советской Беларуси городской переписи населения, проведенной в 1923 г. на территории шести уездов БССР. Источниками исследования послужили опубликованные материалы ЦСБ БССР и ЦСУ СССР. Сделан вывод о ценности рассмотренных источников и перспективных направлениях их использования в исторической науке.

Ключевые слова: БССР; перепись; городское население; статистические материалы; демография.

The article describes the organization of the first urban population census in the history of Soviet Belarus, conducted in 1923 on its then-territory. Published materials from the Central statistical office of the BSSR and the Central statistical office of the USSR were taken as the sources for the research. The conclusion about the value of these sources and perspective directions of their use in historical science was made.

Keywords: BSSR; census; urban population; statistical materials; demography.

Почти 100 лет назад (1923 г.) в БССР была осуществлена городская перепись населения, которая одновременно производилась на всей территории Советского Союза. Всеобщая перепись населения народов Советской России 1920 г. не охватила целиком территорию белорусских губерний из-за продолжающейся войны с Польшей. Отрывистостью статистических сведений о Беларуси характеризуются результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. и связанная с нею городская перепись, которая из-за Февральской революции и событий Первой мировой войны осталась лишь в планах отечественных статистиков. Последующие, до переписи 1923 г., мероприятия по учету городского населения не были до конца разработаны. Практически полными статистическими сведениями о городском населении белорусских губерний следует считать результаты Всероссийской переписи населения 1897 г. Однако собранные четверть века назад сведения переписи на 1923 г. уже не могли дать исчерпывающее описание демографического и экономического положения населения городских поселений БССР. Поэтому для создания более полного корпуса сведений демо-

графического учета в Советском Союзе ЦСУ запланировало осуществить в марте 1923 г. всеобщую перепись городского населения.

Городская перепись 1923 г. проводилась в городах и поселениях городского типа с 15 марта по 22 марта. Одновременно с демографической переписью организовывалась перепись промышленных и торговых предприятий. Переписью населения было охвачено 50 городских поселений 6 уездов советской Беларуси (без учета сводки 1924 г.) с общим населением около 300-тысяч человек (пятая часть населения).

Перепись распространилась на всю территорию БССР, но учитывалось только население городских поселений: имеющие городские и поселковые советы; все местечки с населением не менее 500 жителей. Перепись распространялась по обозначенным пунктам как на городскую территорию, так и на пригороды, официально не включенные в состав городской территории, но примыкающие к городской черте и связанные с ним тесными экономическими связями [1].

Цель написания статьи – выяснить обстоятельства организации городской переписи населения 1923 г. в БССР, а также определить научную ценность итоговых материалов этой переписи как источника исследований по истории Беларуси. Формулировка цели обусловлена также тем, что успех исследований демографических процессов в советской Беларуси в значительной степени определяется уровнем изученности системы учета населения в БССР. Однако до сих пор эта важная тема истории Беларуси остается практически не тронутой, и причиной этому, по мнению автора статьи, является нехватка источниковедческих работ, в которых проведен подробный анализ материалов статистического учета населения.

Научная новизна статьи определяется как самой постановкой цели, так и полученными в ходе ее разработки результатами. Некоторые аспекты проблемы статьи рассматривались отечественными (М. В. Довнар-Запольский, А. Г. Злотников, В. М. Игнатовский, В. А. Латышева, Б. Я. Смудевич и др.) и зарубежными (А. И. Гозулов, В. З. Дробижев, В. М. Кабузан, О. А. Квиткин, Ю. А. Поляков, А. П. Хоменко и др.) исследователями. В отечественной научной литературе вопрос о важности результатов переписи городского населения БССР не был значительно затронут, так как основными сведениями о демографическом положении населения советской Беларуси в 1920-е гг. на протяжении уже практически 100 лет считаются итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Не проанализированы в полном объеме связь и зависимость документальных материалов переписей населения 1897 г., 1923 г. и 1926 г., а также место данных документов в корпусе источников истории советской Беларуси [2]. Эти и сопутствующие им проблемы – в центре внимания автора данной статьи, в задачи которой входит выявление наиболее отчетливых перспектив применения материалов переписи городского населения в изучении

истории Беларуси [3; 4], а также дополнение методики ретроспективного использования материалов переписей населения с учетом комплекса дополнительных данных [5].

Городская перепись 1923 г. в области организации была схожа с всеобщей переписью населения 1920 г. Перепись 1923 г., как и предыдущая, учитывала наличное население. В основные статистические формы переписи заносились сведения о лицах: живущих в данной квартире (доме) и бывших в день переписи в данном городе, за исключением лиц, находившихся на лечении в больницах и родильных домах, приютах и арестованных, которые переписывались в местах их нахождения; приезжих; детях, родившихся до 9 часов утра дня переписи, и лицах, живших в квартире и умерших после 9 часов утра дня переписи.

Городская перепись населения 1923 г. была проведена с целью возникшей потребности руководства СССР и БССР в определении численности городского населения, которое было распределено по ряду социальных и производственных признаков и, в частности, получении ответа на вопрос о соотношении положения слоев городского населения в условиях реализации новой экономической политики (НЭП). Полученные по итогам переписи сведения планировалось использовать для более рационального проведения финансовых мероприятий по укреплению советской экономики, восстанавливающейся после гражданской войны и интервенции.

При переписи учет городского населения и квартир осуществлялся по трем основным формам: личный листок (форма № 1), семейная карта (форма № 2) и квартирная карта (форма № 3). В отличие от программ обычных переписей, личный листок переписи 1923 г. был сокращен и включал следующие вопросы: название населенного пункта, фамилия, имя, отчество, пол, возраст, национальность, семейное состояние, главное и побочное занятие, является ли владельцем дома, учится, является ли нетрудоспособным, живет ли на чужие средства, является ли членом деревенского хозяйства, живет ли в семье как одиночка.

В семейную карту заносились следующие сведения: кто является главой семьи, список членов семьи и живущие в квартире. В списке указывались фамилия, имя, отчество респондента, его отношение к главе семьи, пол, возраст, имеет ли заработок или безработный, причина временного отсутствия, является ли прислугой. Карта не составлялась на лиц, содержащихся в больницах, приютах, закрытых учебных заведениях и др.

В квартирной карте указывались количество комнат, общая жилая площадь, наличие элементов благоустройства, характер использования квартиры, действует ли электрическое освещение, размер платы за квартиру на декабрь 1922 г., сколько зарегистрировано жителей согласно переписи (по форме 1 и форме 2), размер оплаты за отопление при наличии центрального отопления.

Кроме основных форм учета населения, инструментарий переписи 1923 г. включал также подворную ведомость (форма № 4). Основное предназначение формы было охарактеризовать владение, его принадлежность, площадь, характер построений, количество помещений и благоустройство. Подворная ведомость служила также источником сверки и сводки результатов переписи уже в общие таблицы учетных участков.

Городская перепись проводилась счетчиками (регистраторами) путем обхода домов и квартир закрепленного за ними участка и личного опроса присутствующего на месте населения. В общежитиях и закрытых учреждениях организация переписи возлагалась на руководства этих учреждений, но под контролем заведующего переписным отделом. В некоторых случаях происходило самоисчисление, когда жители домов и квартир записывали самостоятельно себя в личный листок и семейную карту. Как правило, это могло иметь место в семьях самих счетчиков и там, где из-за отдаленности счетчики не успевали провести опрос в отведенный срок. Квартирные карты счетчик составлял сам, при обязательной проверке заполнявшего гражданами форм 1 и 2.

Порядок сдачи материалов переписи счетчиком старшему по участку был регламентирован и включал в себя следующие действия:

- 1) карточки сдавались по квартире в порядке их номеров, при этом вначале ложились карточки семейных, затем одиночек;
- 2) семейные карточки размещались между личными в таком порядке чтобы за каждой семейной следовали личные, относящиеся к конкретной семье;
- 3) впереди семейных и личных карточек укладывалась квартирная карточка;
- 4) квартирные комплекты форм в порядке номеров квартирных карт слаживались в собранную вдвое подворную ведомость и последние в порядке списка домовладений в папку по участку, куда размещался отчетный лист счетчика.

В дальнейшем первичные материалы переписи поступали волостным статистикам, а затем в территориальные подразделения ЦСБ БССР. После разработки (сводки) первичных материалов в итоговые таблицы по уездам (11 таблиц разрабатывалось по данным личных листков и три по семейным картам), последние попадали в демографический отдел ЦСБ, где уже после ряда проверок результаты переписи по республике передавались органам государственной власти и соответственно ЦСУ СССР. К осени 1923 г. бюро отправило предварительные итоги переписи, которые в течение года не раз уточнялись в печатных изданиях ЦСБ (ЦСУ) БССР и ЦСУ СССР за 1924–1927 гг.

Итоговые (окончательные) результаты городской переписи 1923 г. были изданы ЦСУ СССР в периодическом издании «Труды ЦСУ». Сведения по

БССР были опубликованы в ряде частей тома № 20 под общим названием «Итоги Всесоюзной городской переписи»: Ч. I. Общие предварительные сведения о городах и их населении: Вып. 2. Азиатская Россия, Белоруссия, Украина и Закавказье (1924 г.); Ч. II. Население городов Союза ССР по занятиям: Вып. 3. Крым. Азиатская часть РСФСР, Белорусская ССР (1925 г.), Вып. 4. Распределение городского населения по главным отраслям труда (1925 г.); Ч. III. Вып. 1. Население городов Союза ССР по возрасту, занятиям и семейному состоянию (1926 г.); Ч. IV. Побочные занятия городского населения. Несамодеятельное население по занятиям самостоятельных (кормильцев). Национальный состав населения. Итоги переписи семей (1927 г.).

Теперь рассмотрим содержание этих изданий более подробно для того, чтобы понять, во что первичные сведения о населении городских поселений БССР были агрегированы, в том числе выявить тематику запросов, которые интересовали советских статистиков во время обработки итогов демографической переписи 1923 г.

Второй выпуск первой части итогов переписи населения в городах и поселениях городского типа включал сведения по Азиатской части России, Белоруссии, Украины и Закавказья. Сведения были разбиты по четырем основным таблицам: население городов и поселений городского типа по переписи; число владений, строений, квартир и помещений; сведения о числе семей в городском населении; сведения о численности некоторых категорий населения по занятиям. Сведения первой таблицы брались из сводных таблиц по губерниям, городам республик СССР и ее регионов. Основу таблицы составляли сведения личных листков и семейных карт. В таблице указывалось общее количество населения городских поселений, отдельно число мужчин и женщин. Во второй таблице агрегированы сведения квартирной карты и частично личного листка. В таблице содержатся сведения о числе владений, жилых квартир и занятых помещений.

Интерес представляет третья таблица выпуска, в которой указываются общее количество наличного населения, число семей по городу (поселению) и среднее количество лиц на одну семью. Сведения таблицы взяты из агрегированных значений семейных карточек. Четвертая таблица описывала численность категорий населения по наиболее частым занятиям. Соответственно сведения этой таблицы были взяты из сводных значений личных листков и семейных карт.

Третий выпуск второй части итогов переписи включал также агрегированные сведения трех основных формуляров переписи. В выпуске опубликованы данные о классовом составе и занятиях населения. Данные о занятиях населения разработаны в общем по той же классификации, какая применялась во время переписи 1920 г. Однако ввиду громоздкости предыдущей классификации в этом выпуске занятия были объединены по группам.

Материалы переписи 1923 г. о занятиях городского населения были обширны, что привело к тому, что в этом выпуске была опубликована только часть и при этом в сжатом виде. В этом выпуске содержались три таблицы, в которых приводятся важнейшие данные о классовом и профессиональном составе населения городов и местечек БССР. В таблице первой по отдельным городским поселениям даются значения наличного населения с разделением по полу и с выделением детей младше 10 лет, при этом указано число самостоятельных и несамостоятельных; городские поселения каждого уезда и губернии подытожены. Во второй таблице приводятся данные о самостоятельном населении по каждому классу отдельно и с указанием пола, но без упоминания значений по каждому поселению. В третьей таблице по отдельным городским поселениям советской Беларуси даны итоги самостоятельных каждой из 47 групп занятий.

Четвертый выпуск второй части содержит данные о распределении самостоятельного населения городских поселений по главным отраслям труда. В указанном выпуске отмечены только девять важнейших отраслей труда: сельское и лесное хозяйство, горное дело, фабрично-заводская промышленность, кустарная и ремесленная промышленность, железнодорожный транспорт, водный и гужевой транспорт, торговля и трактирный промысел, государственные и общественные учреждения, прочие отрасли труда. В первой таблице выпуска по каждому отдельному городскому поселению приведены данные о числе самостоятельных, занятых в каждой из 9 указанных главных отраслей труда. Данные таблицы позволяют нам установить для каждого города или местечка общий удельный вес в народном хозяйстве и обрисовать его экономическое положение. Во второй таблице приведены данные о распределении отдельных профессий и занятий по 9 главным отраслям труда по всей БССР. На основании данных второй таблицы можно установить степень концентрации отдельных профессий в тех или иных отраслях труда.

В первом выпуске третьей части опубликованы данные о населении БССР по возрасту, занятиям, социальному положению и семейному состоянию. В первой таблице выпуска даны сведения о распределении населения по полу и возрасту по всей БССР. Во второй таблице даны сведения о возрасте и составе самостоятельного населения с распределением последнего по 406 классам занятий, причем возрастная группировка та же, что и в таблице первой. Таблица третьего выпуска содержит данные о возрасте и семейном состоянии населения Беларуси. В последней таблице выпуска приводятся данные о распределении населения по социальному положению и семейному состоянию.

Последним изданием этой серии стала четвертая часть, в которой были опубликованы сведения о несамостоятельном населении БССР. В указанном издании сведения по республике были разбиты по основным таблицам: не-

самодетальное население по полу и главному занятию кормильцев; национальный состав городского населения по полу; численный состав семей по занятиям главы семьи; семьи по численному составу в связи с занятием их глав; возрастной состав семей в связи с занятием их глав; состав семей по самодеятельности в связи с занятиями главы и численным составом ее.

Таким образом, привлечение опубликованных материалов городской переписи 1923 г. исследователями истории Беларуси необходимо по ряду причин, которые тесно связаны с самими целями такого рода учёта населения. В советское время организация переписей населения была необходима властями в целях разработки эффективной политики в государственном планировании и административном управлении. Одной из основных областей применения данных переписи в административных целях являлось разграничение территориальных единиц по равным экономическим и социальным возможностям. Результаты переписей городского фонда использовались советским руководством для разработки программ в области жилищного и промышленного строительства. Поэтому историкам информация о численности, распределении и характеристиках населения городских поселений необходима для описания и оценки его социально-экономических характеристик и демографических условий жизни. Кроме этого, материалы переписи населения и жилого фонда обеспечивают историков сопоставимыми статистическими сведениями по разным частям советской Беларуси в целом и по каждому городскому поселению в отдельности.

Список использованных источников

1. Инструкции о производстве переписи: Всероссийская городская перепись 1923 г. / ЦСУ СССР. – М.: ЦСУ, 1923. – 16 с.
2. *Приборович, А. А.* Материалы центральных органов статистики БССР 1919–1939 гг. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А. А. Приборович. – Минск, 2019. – 170 л.
3. *Приборович, А. А.* Государственная статистика населения БССР с 1919 г. по 1939 г.: анализ статистических форм / А. А. Приборович // Вестник МГИРО. – 2017. – № 2(30). – С. 44–49.
4. *Приборович, А. А.* Наблюдение за населением и народным хозяйством Беларуси центральными органами статистики БССР за 1919–1939 гг. / А. А. Приборович // Вестник ПолесГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2017. – № 2. – С. 3–11.
5. *Поляков, Ю. А.* Население Советской России в 1917–1920 гг. (историография и источники) / Ю. А. Поляков // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки / АН СССР, Отделение истории, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 170–179.

(Дата подачи: 24.02.2021)

А. А. Пруднікаў
ТАА «Панства», Мінск

A. Prudnikau
LLC «Panstvo», Minsk

УДК 94:282(476)“13/17”

ФАРМИРАВАННЕ СЕТКІ МЯСТЭЧАК КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ў XIV–XVIII СТ.СТ.

FORMATION OF A NETWORK TOWNS OF THE CATHOLIC CHURCH ON THE TERRITORY OF BELARUS IN XI–XVIII CENTURIES

Артыкул прысвечаны складанню сеткі гарадскіх паселішчаў ва ўладаннях каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі. Аўтарам вылучаны і ахарактарызаваны асноўныя этапы зямельных пажалаванняў на карысць інстытутаў (біскупстваў, капітул, ордэнаў і інш.) каталіцкай царквы з боку цэнтральнай улады і шляхты. Звернута ўвага на тое, што ў атрыманых зямельных уладаннях адны паселішчы ўжо былі мястэчкамі, іншыя пераўтвараліся ў мястэчкі з вёсак або былі заснаваны ў якасці новых мястэчак. Прааналізавана спецыфіка тэрытарыяльнага размяшчэння мястэчак каталіцкай царквы.

Ключавыя словы: мястэчка; горад; каталіцкая царква; зямельныя ўладанні.

The article is devoted to the formation of a chain of urban settlements in the possession of the Catholic Church in Belarus. The author defines and contains the main stages of the allocation of land plots in favor of institutions (dioceses, heads, orders, etc.) of the Catholic Church by the central government and the nobility. Attention is drawn to the fact that the acquired land holdings of some populated areas were already small towns, others were transformed into towns from villages or founded as new towns. In addition, the features of the territorial location of the Catholic Church have been analyzed.

Keywords: town; city; catholic church; land holdings.

У адрозненне ад Польшчы, якая афіцыйна была ахрышчана ў 966 г., для ВКЛ толькі ў 1387 г. кароль польскі і вялікі князь літоўскі Ягайла выдаў прывілей, паводле якога стваралася Віленскае каталіцкае біскупства. Аднапаведна працэс фарміравання зямельнай уласнасці каталіцкай царквы на тэрыторыі ВКЛ распачаўся фактычна на чатыры стагоддзі пазней, чым у Польшчы. Калі да канца XIV ст. ва ўладаннях польскай каталіцкай царквы гарады і мястэчкі ўжо прайшлі некалькі этапаў развіцця, многія з іх атрымалі права на самакіраванне, то ў ВКЛ яны яшчэ толькі зараджаліся.

Віленскае біскупства ахоплівала амаль усю тэрыторыю Вялікага Княства Літоўскага і патрабавала на першых этапах шмат увагі і грашовых уліванняў з боку вялікакняскай улады. Менавіта яму адводзілася галоўная

роля ў распаўсюджванні заходняга хрысціянства ў ВКЛ. Кароль польскі і вялікі князь літоўскі Ягайла і вялікі князь літоўскі Вітаўт зрабілі вялікія падараванні на карысць біскупства. Так, ужо ў 1387 г. Віленскае біскупства атрымала воласць Бакшты ў Ашмянскім павеце, у 1391 г. – Стрэшынскую воласць у Рэчыцкім павеце і воласць Германішкі ў Ашмянскім павеце, у 1412 г. – воласць Убарць у Рэчыцкім павеце, у 1415 г. – воласць Каменшчыну ў Мазырскім павеце, у 1430 г. – Ігуменскую воласць у Мінскім павеце [17, с. 21–22; 18, с. 41–43]. Такім чынам, менавіта Ягайла і Вітаўт заклалі падмурак магутнасці каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі.

Наступныя вялікія князі не былі такімі шчодрымі, як Ягайла і Вітаўт, але таксама зрабілі некаторыя падараванні. Акрамя таго, з сярэдзіны – другой паловы XIV ст. з’яўляюцца прыватныя падараванні на карысць каталіцкай царквы. Так, вялікі князь літоўскі Жыгімонт Кейстутавіч падарыў Віленскаму біскупству маёнтак Гervяты, а вялікі князь Аляксандр у 1493 г. – маёнтак Пяршай (абодва ў Ашмянскім павеце), у 1495 г. ён жа падараваў уладанне Відзы ў Браслаўскім павеце; вялікі князь Жыгімонт I Стары ў 1528 г. – Задзеў у Віленскім павеце; невядома кім ў 1529 г. біскупству было падаравана ўладанне Мядзведзіцы ў Навагрудскім павеце [18, с. 81, 85–86, 90–93].

Пералічаныя маёнткі часцей за ўсё складаліся з некалькіх сёл з цэнтрам у двары, які меў такую ж назву, што і маёнтак. У канцы XV–XVI ст. ва ўладаннях Віленскага біскупства пачынаюць узнікаць мястэчкі, характэрнай асаблівасцю якіх была наяўнасць таргоў і корчмаў. У 1500 г. Стрэшын ужо называўся мястэчкам (паводле С. Александровіча, каля 1480 г. [10, с. 41]). У 1536 г. мястэчкам названы Гervяты, у 1539 г. – Пяршай, Старынкi, Ігумен, Германішкі; каля 1572 г. у якасці мястэчка згадваецца Задзеў; паводле дадзеных падаткавых рэстраў за 1595–1597 гг., мястэчкамі былі Відзы і Мядзведзіцы [18, с. 127].

З сярэдзіны XVI ст. пачынаюць шырока практыкавацца падараванні зямельнай уласнасці на карысць духоўных ордэнаў з боку дзяржавы і прыватных асоб. Найбольш значную ролю ў Контррэфармацыі і распаўсюджванні адукацыі і асветы ў ВКЛ адыгралі езуіты, якія хутка знайшлі патронаў сярод найвышэйшых дзяржаўных асоб. Ужо ў 1580 г. кароль Рэчы Паспалітай Стэфан Баторы перадаў былыя велізарныя праваслаўныя ўладанні будучай Полацкай езуіцкай калегіі, сярод якіх было і мястэчка Экімань пад Полацкам [6, с. 183; 11, с. 187].

У 1584 г. Мікалай Хрыстафор Радзівіл, закладаючы Нясвіжскую калегію езуітаў, падараваў ёй Ліпскую воласць з мястэчкам Ліпск у Навагрудскім павеце [8, с. 127–128; 12, с. 430–431]. М. Х. Радзівіл падараваў «Ліпскі маёнтак» з «местам ліпскім» і сёламі, якія знаходзіліся ў «клячы ліпскім» [11, с. 507–510]. Паводле польскага гісторыка М. Сякерскага, практычна ўсе наданні М. Х. Радзівіла на карысць каталіцкай царквы ў ВКЛ рэалізаваліся

без ніякіх умоў і абавязкаў. З адміністрацыйнага пункту гледжання для Радзівіла значна лягчэй было падараваць землі і ўладанні, чым ажыццяўляць перыядычныя грашовыя выплаты на карысць ордэна езуітаў і касцёлаў [19, с. 46–47].

Паводле А. Марыяні, напярэдадні скасавання ордэна езуітаў да Нясвіжскай калегіі належалі 2 мястэчкі (Ліпск і Крывошын) і 24 вёскі, у якіх знаходзілася 574 домаўладання. Усе маёнткі Нясвіжскай калегіі знаходзіліся ў Навагрудскім павеце, калегія з’яўлялася найбуйнейшым земскім уладальнікам сярод інстытуцый каталіцкай царквы ў гэтым павеце [11, с. LVI]. Вёска Крывошын (villa Krzywoszyn) згадваецца ў фундацыйным дакуменце каталіцкай парафіі ў Ліпску 6.07.1605, калі яна разам з іншымі ўладаннямі была нададзена гэтай парафіі [11, с. 519].

Паводле інвентару 1623 г., да Полацкай калегіі акрамя мястэчка Экімань належалі мястэчкі Вяжышча і Капцэвічы [6, с. 210, 213]. У 1667 г. тагачасны рэктар Полацкай калегіі Мікалай Сласкі ўказаў на наяўнасць ва ўладаннях ордэну (акрамя Экімані, Вяжышча і Капцэвічаў) яшчэ аднаго мястэчка ў Полацкім ваяводстве – Острава [7, с. 34]. Аднак невядома, ці гэта мястэчка ўжо існавала ва ўладаннях, перададзеных каралём Стэфанам Баторыем Полацкай калегіі, ці з’явілася на працягу канца XVI – першай паловы XVII ст. Падчас надання былых праваслаўных уладанняў на карысць Полацкай езуіцкай калегіі ў 1580 г. Вяжышча адзначана як сяло [6, с. 289], манастыр Яна Прадцечы знаходзіўся ў Остраве, над ракой Улай, да яго належалі сярод іншых «людзі капцэвіцкія» [6, с. 297]. Фактычна Остраў з’яўляўся пасадам Полацка, але ўладальнікі адзначалі яго ў якасці асобнага мястэчка.

Паводле С. Заленскага, Гарадзенскай езуіцкай калегіі ў канцы XVII ст. належала мястэчка Котра ў Гарадзенскім павеце [13, с. 1227]. У 1672 г. навагрудскія езуіты атрымалі мястэчка Ятра ў Навагрудскім павеце [3, с. 304]. У 1741 г. езуіт Юзаф Бака падараваў Мінскай езуіцкай калегіі мястэчка Блонь [12, с. 102].

Аднак езуіты былі не адзінымі зямельнымі магнатамі сярод духоўных уласнікаў. У 1609 г. ужо канцлер ВКЛ Леў Сапега падараваў два мястэчкі – Стары і Новы Лепель – у Полацкім ваяводстве віленскім бернардынкам [21, с. 149–150]. У 1622 г. жамойцкі біскуп С. Кішка падараваў асноўную частку мястэчка Докшыцы (на правым баку р. Бярэзіны) у Мінскім павеце капітуле Жмудскага біскупства. У 1630-х гг. той жа С. Кішка перадаў мястэчка Лоск у Ашмянскім павеце Віленскай капітуле [3, с. 137–138, 195]. Аднак паводле Е. Курчэўскага, біскуп Абрагам Война надаў мястэчка Лоск у 1649 г. новазаснаванай алтарыі, якая атрымала імя біскупа [14, с. 162].

Мсціслаўскі ваявода і стараста Ю. Корсак у 1639 г. заснаваў кляштар ордэна кармелітаў босых у мястэчку Глыбокае ў Полацкім ваяводстве. Ордэн атрымаў палову мястэчка, другая яго частка належала роду Зяновічаў [8, с. 142–143; 22, с. 58; 20, с. 599–600; 2, с. 538–539].

У 1648 г. Казімір Леў Сапега, падканцлер літоўскі, падараваў ордэну картузаў мястэчкі Бяроза і Бусяж у Брэсцкім павеце, а таксама дзве вёскі ў Слоніўскім павеце, што было пацверджана на генеральным сейме ў Варшаве ў 1653 г. [8, с. 141; 22, с. 194; 20, с. 140–141]. Будаўніцтва было распачата адразу пасля ўрачыстасцяў, нягледзячы на цяжкую палітычную сітуацыю пасля смерці караля Рэчы Паспалітай Уладыслава IV, а таксама вайну з казакамі, у якой К.Л. Сапега асабіста прымаў удзел. 1 верасня 1648 г. дакумент аб заснаванні касцёла картузаў быў пададзены ў каптуровы суд Слоніма. Зімой 1649–1650 гг. Сапега выставіў дакумент фундацыі кляштара картузаў (датаваны 3 студзеня 1650 г. у Варшаве, калі яго падпісаў новы кароль Ян II Казімір). 27 студзеня быў выстаўлены прывілей луцкага біскупа А. Гембіцкага. Працэс фундацыі скончылі акт дамовы паміж картузамі і бярозаўскім плябанам аб падзеле дзесяціны 30 сакавіка 1650 г., а таксама згаданае пацвярджэнне сейма ў Варшаве ў 1653 г. [16, с. 39–40].

Па звестках Я. Мараша, ужо ў другой палове XVIII ст. мястэчка Кублічы ў Полацкім ваяводстве знаходзілася ва ўласнасці карпазенскага біскупа [8, с. 178]. Але дакладнага тлумачэння, што гэта за біскуп, у кнізе Я. Мараша няма. Цалкам магчыма, што даследчык не стаў шукаць значэння гэтага выразу. Гэта магло быць лацінскае напісанне прозвішча біскупа, напрыклад, «Carpasens», што, у сваю чаргу, магло быць утворана ад прозвішча «Карп». Жамойцкім біскупам у 1736–1739 гг. быў Юзаф Міхал Карп (1679–1739). Але ўсё роўна застаецца адкрытым пытанне, належала мястэчка біскупаму як духоўнай асобе ці як фізічнай.

Трэба таксама адзначыць, што пры вызначэнні лакалізацыі таго ці іншага населенага пункта даследчыка часта можа падмануць аднолькавасць назваў. Напрыклад, на тэрыторыі сучаснай Рэспублікі Беларусь знаходзіцца населены пункт Янаў (Іванава), мястэчка з такой самай назвай ёсць у Польшчы. Менавіта польскі Янаў і быў калісьці рэзідэнцыяй каталіцкіх луцкіх біскупаў. Тое ж можна сказаць пра Бакшты, Германішкі, Старынкi і інш., бо паселішчаў з аднолькавымі назвамі некалькі. Яшчэ Е. Ахманьскі звярнуў увагу на праблему тапаграфіі ўладанняў віленскага біскупства [18, с. 18–19].

У сярэдзіне XVII ст. каталіцкіх мястэчак на тэрыторыі Беларусі ўжо было значна больш, што можна патлумачыць некалькімі прычынамі. Па-першае, многія даўнія вёскі і сёлы атрымалі статус мястэчак (што не заўсёды суправаджалася адпаведнымі дакументальнымі распадарожжэннямі). Па-другое, уладальнікі засноўвалі новыя мястэчкі, запрашаючы на пасяленне жыхароў вёсак. Паводле А. Выробиша, у апошняй чвэрці XVI ст. фальваркавая гаспадарка дасягнула вяршыні сваіх вытворчых магчымасцяў, што вымушала ўладальнікаў шукаць новыя крыніцы даходу. Выйсца бачылася ў развіцці новых прыватных гарадоў [23, с. 24]. Так, у 1649 г. ва ўладаннях Віленскага біскупства ў Ашмянскім павеце было заснавана мястэчка Параф'янава [5, с. 3]. У Стрэшынскім маёнтку ў сярэдзіне XVII ст. акрамя Стрэшына вядома

яшчэ адно мястэчка, якое спачатку называлася Радуніца [9, с. 3], а пазней – Карпілаўка [4, с. 7]. Паводле інвентару Стрэшынскага маёнтка 1727 г., слабада Карпілаўцы была дадзена 17 красавіка 1635 г. [4, с. 5]. Каля 1698 г. у склад уладанняў Віленскага біскупства ўваходзіць мястэчка Горваль у тым жа Рэчыцкім павеце [3, с. 121].

Часам назіраліся сітуацыі, калі некаторыя мясцовасці, мястэчкі або вёскі часова ўваходзілі ў склад каталіцкіх уладанняў. Гэта адбывалася па розных прычынах. Напрыклад, шляхта або нават дзяржава магла пазычаць грошы ў духоўных асоб ці інстытутаў пад заклад маёнткаў. Падобная сітуацыя мела месца з мястэчкам Зембін у Барысаўскім старостве, аб чым паведамляе інвентар 1721 г. Гэтае мястэчка было закладзена за сумы, пазычаныя ад Віленскага біскупства на патрэбы Рэчы Паспалітай «падчас нашэсця шведаў і Расіі» – усяго каля 40 000 польскіх злотых [15, с. 167].

У другой палове XVII – XVIII ст. падараванні маёнткаў з боку вялікага князя, магнатаў і шляхты практычна спыняюцца. Толькі пад 1764 г. мястэчка Гудагай у Ашмянскім павеце згадваецца ў якасці ўласнасці ордэна кармелітаў [15, с. 132].

У гэксце дакумента, выдадзенага канцылярый мінскага генерал-пракурора ў 1795 г., утрымліваюцца звесткі наконт пажалаванняў былых уладанняў каталіцкай царквы ў Мінскай губерні на карысць расійскіх службовых асоб. Так, генерал-паручнік Ісленьеў з былых уладанняў віленскага біскупа атрымаў мястэчка Палянаў (у гэксце – «Полянов») з вёскамі – усяго 1200 душ; генерал-паручнік Дзянісаў з таго ж мястэчка – 1200 душ; генерал-маёр Папоў з таго ж мястэчка – 1175 душ. Дакладна невядома, ці належала гэта мястэчка разам з вёскамі да ўладанняў самага віленскага біскупа ці біскупства, да таго ж у дакуменце няма дакладнай лакалізацыі паселішча. Сучасны населены пункт пад назвай «Палянава» знаходзіцца ў сямі кіламетрах на поўнач ад Ашмянаў, аднак цяжка сказаць, што гэта менавіта тое мястэчка. Генерал-маёр Ісаеў з былых уладанняў віленскага бенедыкцінскага жаночага кляштара атрымаў мястэчка Казены з вёскамі – усяго 466 душ [1, с. 76]. Генерал-маёр Слізаў атрымаў з былых уладанняў віленскіх бенедыкцінцаў двор і мястэчка Вязын з вёскамі – усяго 1000 душ [1, с. 77]. Цалкам верагодна, што згаданы Вязын – гэта сучасны аграгарадок Вязын у Вілейскім раёне Мінскай вобласці. Аднак на пытанне наконт паходжання гэтых мястэчак (калі яны ўвайшлі ў склад уладанняў каталіцкай царквы і якім чынам), а таксама ці з’яўляліся яны мястэчкамі яшчэ належыць даць адказ.

Аб прыналежнасці, часе падаравання або з’яўлення і тэрытарыяльнай размяшчэнасці мястэчак ва ўладаннях каталіцкай царквы можна атрымаць інфармацыю з табліцы 1.

Таблица 1
Прыналежнасць, час падавання ці з'яўлення і тэрытарыяльная размяшчэнасць мястэчак ва ўладаннях каталіцкай царквы

Мястэчка	Пажадаланне		Дата		Павет / ваяводства
	Ад каго	Каму	Надання	Заснавання	
Бакшты	Ягайла	Віл. біск-ва	1387	?	Ашмянскі
Стрэшын	Ягайла	Віл. біск-ва	1391	1480 (1500)	Ручыцкі
Германішкі	Ягайла	Віл. біск-ва	1391	1539	Ашмянскі
Лельчыцы	Вітаўт	Віл. біск-ва	1412	1763 (?)	Пінскі
Ігумен	Вітаўт	Віл. біск-ва	1430	1539	Мінскі
Старынкi	Войтех Кучук	Віл. біск-ва	1430 (?)	1539	Ашмянскі
Герваты	Жыгімонт Кейстутавіч	Віл. біск-ва	1434	1536	Віленскі
Параф'янава	Жыгімонт Кейстутавіч (?)	Віл. біск-ва	1435	1649	Ашмянскі
Відзы	Аляксандр	Віл. біск-ва	1492	1595–1597	Браслаўскі
Пяршай	Аляксандр	Віл. біск-ва	1493	1539	Ашмянскі
Задзеў	Жыгімонт I	Віл. біск-ва	1528	1572	Віленскі
Нядзведзіцы	?	Віл. біск-ва	1529	1595–1597	Наваградскі
Экімань	С. Баторы	Ез. кал. (Полацк)	1580	да 1580	Полацкае
Вяжышча	С. Баторы	Ез. кал. (Полацк)	1580	1623	Віцебскі
Капізвічы	С. Баторы	Ез. кал. (Полацк)	1580	1623	Полацкае
Остраў	С. Баторы	Ез. кал. (Полацк)	1580	1667 (?)	Полацкае
Ліпск	М.Х. Радзівіл	Ез. кал. (Нясвіж)	1584	1584 (?)	Наваградскі
Крывошын	?	Ез. кал. (Нясвіж)	?	?	Наваградскі
Новы Лепель	Леў Сапега	Віл. кл-р бернард.	1609	1586	Полацкае
Стары Лепель	Леў Сапега	Віл. кл-р бернард.	1609	1563	Полацкае
Докшыцы	С. Кішка	Капітула Жм. біскупа	1622	1621	Мінскі

Містечка	Пажалаванне		Дата		Павет / ваяводства
	Ад каго	Каму	Надання	Заснавання	
Лоск	С. Кішка (?)	Віл. біск-ва	1630–1649	к. XVI ст.	Ашмянскі
Глыбокае	Ю. Корсак	Кл-р. карм. босых	1639	пач. XVI ст.	Полацкае
Бусыж	К.Л. Сапегі	Кл. каргузаў	1648	?	Берасцейскі
Бяроза	К.Л. Сапегі	Кл. каргузаў	1648	1629 (?)	Берасцейскі
Радуніца (Карпілаўка)	Ягайла	Віл. біск-ва	1391	1635	Рэчыцкі
Ятра	?	Ез. кал. (Навагру- дак)	1672	1562	Наваградскі
Горваль	?	Віл. біск-ва	1698	?	Рэчыцкі
Котра	?	Гар. ез. кал.	к. XVII ст.	?	Гарадзенскі
Гудагай	?	Кл-р. карм.	1764	?	Ашмянскі
Кублічы	?	Карпазенскі біскуп (?)	2-я пал. XVIII ст.	?	Полацкае

Як вынікае з даных табліцы, практычна палова (15) каталіцкіх мястэчак належала Віленскаму біскупству, якое з’яўлялася сапраўдным духоўным зямельным магнатам; значная частка – розным езуіцкім калегіям (чатыры – полацкай, два – нясвіжскай, па адной – наваградскай і гарадзенскай), па дзве – ордэну картузаў, віленскім бернардынкам і кармелітам і па адной – жмудскаму біскупу (калі гэта сапраўды была тая асоба) і капітуле жмудскага біскупства (малюнак 1).

Мал. 1. Мястэчкі ва ўладаннях каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVII–XVIII ст.

Пераважная большасць мястэчак каталіцкай царквы ўзнікае ў канцы XV – першай палове XVII ст. – 25, астатнія – у другой палове XVII–XVIII ст. Аднак некаторыя даты могуць быць скарэктаваныя пры наяўнасці новых крыніц. Большасць паселішчаў знаходзілася на поўначы і захадзе сучаснай тэрыторыі Беларусі: у Ашмянскім павеце (7), Полацкім ваяводстве (7), Навагрудскім (4), Віленскім паведах (2), па аднаму ў Браслаўскім, Віцебскім і Гарадзенскім павеце; невялікая колькасць – на паўднёвым захадзе, паўднёвым усходзе і ў цэнтры Беларусі: у Берасцейскім (2), Рэчыцкім (3), Мінскім (2), Мазырскім (1) паведах.

Цікава звярнуць увагу на былыя каталіцкія гарады і мястэчкі сёння. Частка з іх перастала існаваць пасля ўваходу ў склад суседніх гарадоў (Карпілаўка – ў межах горада Жлобіна), а некаторыя сёння з’яўляюцца гарадамі-цэнтрамі раёнаў (Бяроза, Лельчыцы, Глыбокае, Докшыцы, Лепель,

Ігумен змяніў назву на Чэрвень), некаторыя – вёскамі (Бакшты, Германішкі, Горваль, Мядзведзіцы, Пяршай, Ятра, Гервяты, Старынкi, Задзеў, Ліпск, Крывошын, Экімань, Вяжышча, Капцэвічы, Лоск, Бусяж, Параф’янава, Котра, Кублічы) або гарадскімі пасёлкамі (Відзы, Гудагай, Стрэшын). Мясцэчка Остраў знайсці не ўдалося, бо гэта была і ёсць частка Полацка.

Падсумоўваючы, можна прыйсці да высновы, што этапаў пашырэння зямельнай уласнасці каталіцкага касцёла на тэрыторыі Беларусі было некалькі. Е. Ахманьскі вылучыў наступныя этапы:

1) першапачатковыя пажалаванні падчас заснавання Віленскага біскупства ў 1387 г. Заснаванне біскупства ў Вільні было актам у першую чаргу палітычным, бо мела на мэце паказаць непатрэбнасць існавання крыжацкіх ордэнаў у Прыбалтыцы. Акрамя таго, значныя пажалаванні павінны былі выклікаць у насельніцтва ўсеагульную павагу да духавенства [194, с. 14–17];

2) умацаванне галоўных падмуркаў латыфундыі біскупства ў выніку падараванняў Ягайлы і Вітаўта ў 1388–1430 гг. Мэтай Вітаўта ў наданнях было зблізіцца з уплывовым пры каралеўскім двары біскупам Андрэем і атрымаць яго прыхільнасць [194, с. 41]. На першых двух этапах крыніцамі павелічэння латыфундыі біскупства былі выключна вялікакняскія і каралеўскія пажалаванні;

3) развіццё латыфундыі біскупства ў 1431–1550 гг., калі побач з пажалаваннямі вялікага князя з’яўляюцца таксама прыватныя, але яны былі непараўнальна меншыя за дзяржаўныя. У сярэдзіне XVI ст., паводле Е. Ахманьскага, усе ўладанні Віленскага біскупства ў Літве і Русі складалі каля 6000 дымоў [18, с. 95–97];

4) пажалаванні другой паловы XVI ст., ажыццёўленыя пераважна каралём С. Баторыем, які павялічыў уладанні ордэна езуітаў, а дакладней, яго калегій, за кошт адабраных зямель праваслаўнай царквы. Прычынай такіх пажалаванняў магла паслужыць тая ж мэта, якой кіраваўся калісыці Ягайла, закладаючы біскупства: умацаваць пазіцыі ордэна і аблегчыць наступленне каталіцтва ў цэнтры і на ўсходзе ВКЛ, бо менавіта там назіраюцца асноўныя падараванні;

5) першая палова – сярэдзіна XVII ст. – час выключна прыватных пажалаванняў на карысць манаскіх ордэнаў. Фундатарамі выступалі прадстаўнікі найбольш уплывовых і багатых фамілій ВКЛ – Сапега, Кішка, Корсак і інш., якія прагнулі яшчэ вышэй узняць палажэнне свайго роду і паказаць сябе распаўсюджвальнікамі каталіцтва;

6) канец XVII–XVIII ст. – рэдкія прыватныя пажалаванні, замены адных уладанняў на другія. Пад канец дадзенага этапа значная частка ўладанняў каталіцкай царквы была канфіскавана расійскімі ўладамі і раздадзена вайскоўцам і службоўцам.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Белоруссия в эпоху феодализма: сб. документов и материалов: в 3 т. / редкол.: А. И. Азаров [и др.]. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1959–1961. – Т. 3: Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVIII – первой половине XIX века (1772–1860) / сост.: В. В. Чепко, В. В. Шатило. – 1961. – 625 с.
2. *Бунто, Я. У.* Глыбокае / Я. У. Бунто // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 2007–2010. – Т. 1: А–К / Г. Пашкоў [і інш.]. – 2007. – С. 538–539.
3. Города, местечки и замки Великого княжества Литовского / Т. В. Белова [и др.]; под общ. ред. Т. В. Беловой. – Минск: БелЭн, 2009. – 310 с.
4. Інвентар маёнтка Стрэшын 1727 г. Аддзел рукапісаў навуковай бібліятэкі Акадэміі навук Літвы. – Ф. 43. Спр. 17490.
5. Інвентар прэстымонія Парфенеўскага 1649 г. Аддзел рукапісаў навуковай бібліятэкі Акадэміі навук Літвы. – Ф. 43. Спр. 14659.
6. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской: в 32 вып. / под ред. М. Веревкина – Витебск: Тип. Г. А. Малкина, 1871–1906 / М. Веревкин. – 1894. – Вып. 25. – 508 с.
7. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской: в 32 вып. / под ред. М. Веревкина – Витебск: Тип. Г. А. Малкина, 1871–1906 / М. Веревкин. – 1895. – Вып. 26. – 516 с.
8. *Мараш, Я. Н.* Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795) / Я. Н. Мараш. – Минск: Высш. шк., 1971. – 272 с.
9. Рэстр выбраны з воласці Стрэшынскай за год 1650 да скаргу. Аддзел рукапісаў навуковай бібліятэкі Акадэміі навук Літвы. – Ф. 43. Спр. 17452.
10. *Alexandrowicz, S.* Studia z dziejów miasteczek Wielkiego Księstwa Litewskiego / S. Alexandrowicz. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK w Toruniu, 2011. – 422 с.
11. Inwentarze kolegium jezuitów w Nieświeżu oraz jego majątków ziemskich z przełomu roku 1773 i 1774 / Oprac. i wstęp A. Mariani. – Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 2020. – XCI. – 576 s.
12. Jezuiti w Polsce: 5 t. / S. Załęski. – Kraków–Lwów: Drukarnia Ludowa, 1900–1906. – T. 4, cz. 1: Dzieje 153 kolegiów jezuitów w Polsce / S. Załęski. – 1905. – 259 s.
13. Jezuiti w Polsce: 5 t. / S. Załęski. – Kraków – Lwów: Drukarnia Ludowa, 1900–1906. – T. 4, cz. 3: Kolegia i domy założone w drugiej dobie rządów Zygmunta III i za rządów Władysława IV (1608–1648) / S. Załęski. – 1905. – 276 s.
14. Kościół Zamkowy czyli Katedra Wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju: 3 cz. / red. J. Kurczewski. – Wilno, 1908–1916. – Cz. 2: Źródła historyczne / J. Kurczewski. – 1912. – 381 s.
15. Kościół Zamkowy czyli Katedra Wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju: 3 cz. / red. J. Kurczewski. – Wilno, 1908–1916. – Cz. 3: Streszczenie aktów Kapituły Wileńskiej / J. Kurczewski. – 1916. – 607 s.
16. Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej: 5 cz. / red. J. K. Ostrowski [i inn.]. – Kraków: Międzynarodowe Centrum kultury w Krakowie,

1993–2016. – Cz. 5, t. 2: Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa Brzeskoliteńskiego / A. Oleńska [i inn.]. – 2014. – 456 s.

17. *Meysztowicz, W.* Dobra kościelne jako przedmiot uprawnień w prawie W. Ks. Litewskiego / W. Meysztowicz – Wilno: Z zasiłku Funduszu Kultury Narodowej, 1935. – 176 s.

18. *Ochmański, J.* Powstanie i rozwój latyfundium biskupstwa wileńskiego, 1387–1550: ze studiów nad rozwojem wielkiej własności na Litwie i Białorusi w średniowieczu / J. Ochmański. – Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 1963. – 236 s.

19. *Siekierski, M.* Landed wealth in the Grand Duchy of Lithuania: the economic affairs of Prince Nicholas Christopher Radziwiłł (1549–1616).

20. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich: 15 t. / pod red. F. Sulimierskiego [i inn.]. – Warszawa: Wiek, 1880–1902. – T. 1 / F. Sulimierski. – 1880. – 960 s.

21. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich: 15 t. / pod red. F. Sulimierskiego [i inn.]. – Warszawa: Wiek, 1880–1902 / F. Sulimierski. – 1890. – T. 11. – 960 s.

22. Volumina Legum. Przedruk zbioru praw: 8 t. / red. J. Ochryszko. – Petersburg: Nakład i druk Józefa Ochryszki, 1859–1860 / J. Ochryszko. – 1860. – T. 4: Ab anno 1641 ad annum 1668. – 501 s.

23. *Wyrobisz, A.* Rola miast prywatnych w Polsce w XVI i XVII wieku / A. Wyrobisz // Przegląd historyczny 65/1, 19–46. – 1974.

(Дата падачы: 26.02.2021 г.)

H. A. Пятрэнка

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск

N. Piatrenka

Vitebsk State University P. M. Masherova, Vitebsk

УДК 930.1(476)

ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ АСНОЎНЫХ ПАКАЗЧЫКАЎ РАЗВІЦЦЯ САЦЫЯЛЬНАЙ ІНФРАСТРУКТУРЫ Г. ВІЦЕБСКА Ў 1941 І 1944 ГГ.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MAIN INDICATORS OF THE SOCIAL INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT OF VITEBSK IN 1941 AND 1944

У артыкуле здзейснены параўнальны аналіз даваенных і пасляваенных паказчыкаў развіцця сацыяльнай інфраструктуры г. Віцебска. Да падзей Вялікай Айчыннай вайны сацыяльна-эканамічны патэнцыял г. Віцебска меў становучую тэндэнцыю развіцця. 26 чэрвеня 1944 г. у горадзе засталася менш за 1 % насельніцтва, 6,4 % жылога фонду і 3 % прамысловых аб'ектаў ад паказчыкаў 1941 г. Камунальная гаспадарка і інжынернае абсталяванне былі ў поўным заняпадзе. Даследаванне маштабаў разбурэнняў гарад-

скай інфраструктуры стварае аснову для наступнага вывучэння працэсаў пасляваеннага аднаўлення г. Віцебска. Даследаванне грунтуецца на прынцыпах аб'ектыўнасці і гістарызму, у аснову пакладзены гісторыка-параўнальны і гісторыка-сістэмны метады.

Ключавыя словы: Віцебск; беларускі савецкі горад; сацыяльная інфраструктура; добраўпарадкаванне; камунальна-інжынернае абсталяванне.

The article presents a comparative analysis of the pre-war and post-war indicators of the development of the social infrastructure of Vitebsk. Before the events of the Great Patriotic War, the socio-economic potential of Vitebsk had a positive development trend. As of June 26, 1944, less than 1 % of the population, 6.4 % of the housing stock, and 3 % of the industrial facilities remained in the city since 1941. Public utilities and engineering equipment were in complete decline. The study of the scale of the destruction of urban infrastructure provides a basis for further study of the post-war reconstruction of Vitebsk. The research is based on the principles of objectivity and historicism, based on historical-comparative and historical-systematic methods.

Keywords: Vitebsk; Belarusian Soviet city; social infrastructure; landscaping; municipal engineering equipment.

Пасляваеннае паступальнае развіццё сацыяльнай інфраструктуры г. Віцебска даваеннага перыяду было парушана падзеямі Вялікай Айчыннай вайны. Параўнальны аналіз ажыццяўляўся па паказчыках развіцця дэмаграфічнай дынамікі, асаблівасцяў прамысловага і жыллёвага будаўніцтва, стану камунальна-інжынернага абсталявання і добраўпарадкавання гарадской тэрыторыі. Даследаванне ажыццяўлялася з прыцягненнем у навуковы абарот дакументальных матэрыялаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, а таксама прааналізаваных публікацый даследчыкаў па пытаннях развіцця г. Віцебска ў вызначаны перыяд.

У артыкуле пастаўлена мэта правесці параўнальны аналіз даваеннага і пасляваеннага становішча г. Віцебска па асноўных паказчыках развіцця сацыяльнай інфраструктуры.

У 1920–1930-я гг. у г. Віцебску назіралася станоўчая тэндэнцыя павелічэння колькасці насельніцтва, гэтаму садзейнічала актыўнае прамысловае будаўніцтва. Згодна перапісу насельніцтва 1939 г., колькасць жыхароў г. Віцебска складала 168 тыс., а непасрэдна перад вайной дасягнула 207 тыс. чалавек [1, арк. 8]. Трэба адзначыць, што непасрэдна ў горадзе пражывала 180 тысяч чалавек, а на прыгарадскіх тэрыторыях яшчэ 27 тыс. [2, арк. 194]. Гэта была даволі вялікая колькасць насельніцтва для таго часу, што рабіла даваенны г. Віцебск адным з буйнанаселеных гарадоў Савецкай Беларусі.

На 26 чэрвеня 1944 г., згодна з дадзенымі дакладной запіскі загадчыка Віцебскай абласной камісіі В. Кудраева, у горадзе засталася ўсяго 118 чалавек, што складала меней за 1 % ад даваеннай колькасці насель-

ніцтва [1, арк. 8]. За перыяд вайны вялікая частка насельніцтва загінула, а астатняя знаходзілася ў міграцыйных працэсах ваеннага часу. Нягледзячы на тое, што насельніцтва паступова павялічвалася дзякуючы жыхарам, якія вярталіся ў горад, менавіта гэтыя страты былі самымі трагічнымі. Акрамя маральнага боку, гэта ўздзейнічала і на матэрыяльны бок, бо адсутнасць працоўных рук запавольвала рэалізацыю аднаўленчых мерапрыемстваў.

Згодна з дадзенымі Віцебскай гарадской інспектуры дзяржаўнай статыстыкі, на 1 студзеня 1941 г. жыллёвы фонд горада налічваў 20 244 будынкі з жылой плошчай 824 110 квадратных метраў. Пры колькасці насельніцтва ў 207 тысяч на аднаго чалавека даводзілася 3,9 квадратных метра жыллёвай плошчы. Размеркаванне жыллёвага фонду адпавядала ўласнасці гарсавета – 11 209 будынкаў з плошчай 385,3 тыс. квадратных метраў, ведамаснага карыстання – 850 будынкаў з плошчай 110,5 тыс. квадратных метраў, прыватнай маёмасці – 8185 будынкаў з плошчай 378,3 тыс. квадратных метраў [1, арк. 10]. У сістэме гарадской камунальнай гаспадаркі знаходзілася 564 234 квадратных метраў, а ў прыватнай уласнасці – 259 876 квадратных метраў [2, арк. 194]. Такым чынам, у даваенным г. Віцебску, як і ва ўсіх вялікіх гарадах з актыўным прамысловым развіццём, нягледзячы на станоўчы рост будаўніцтва, назіралася вострая праблема з жыллём.

Пасля вызвалення горада ад фашысцкіх захопнікаў жыллёвы фонд страціў 93 % аб'ектаў: з 824 110 квадратных метраў засталася 57 600, у тым ліку па камунальнаму фонду 28 350 квадратных метраў [3, арк. 67]. Згодна з дадзенымі Віцебскай гарадской інспектуры дзяржаўнай статыстыкі, стан будынкаў жыллёвага фонду выглядаў наступным чынам: 70,1 % былі поўнасю знішчаны, 23,5 % патрабавалі капітальнага рамонту і 6,4 % ацалелі, аднак патрабавалі бягучага рамонту. Агульная плошча знішчэнняў жыллёвага фонду адпавядала стратам ўласнасці гарсавета на 94,8 %, ведамаснага карыстання на 92,4 %, прыватнай маёмасці на 94,8 % [1, арк. 10]. У горадзе засталася меней 7 % непашкоджаных жылых памяшканняў, першапачаткова выкарыстоўваліся любыя ацалелыя будынкі і нават зямлянкі. Трэба падкрэсліць той факт, што калі да 1941 г. у горадзе існавала жыллёвая праблема, то пасля вайны гэта была жыллёвая катастрофа.

За 1920–1930-я гг. у г. Віцебску адбывалася актыўнае будаўніцтва новых прамысловых аб'ектаў. Асноўны прамысловы профіль на 56,3 % прыходзіўся на легкую прамысловасць, 5,4 % – дрэваапрацоўку, 4,7 % – станкабудаўніцтва і металаапрацоўку [1, арк. 4]. У горадзе працаваў шэраг вялікіх прадпрыемстваў: станкабудаўнічыя заводы імя Кірава і Камінтэрна, панчошна-трыкатажныя фабрыкі імя Клары Цэткін і КІМ, швейныя фабрыкі Сцяг Індустрыялізацыі і Прафінтэрн, абутковыя фабрыкі Чырвоны Кастрычнік і Прагрэс, Ільнопрадзільная фабрыка імя Кагановіча і іншыя. На вялікіх прамысловых аб'ектах налічвалася 24 100 працоўных, а на мелкіх прадпрыемствах (191) – 21 524 працоўных, што разам складала амаль

пятую частку ад насельніцтва горада [2, арк. 193]. Прамысловае будаўніцтва было важным градафарміруючым і дэмаўтваральным фактарам і даваенны г. Віцебск меў дастаткова добрую сетку прамысловых аб'ектаў.

У першыя дні вайны ў горадзе распачалася эвакуацыя, што закранула 37 прамысловых аб'ектаў. Былі вывезены 2300 вагонаў з прамысловым абсталяваннем і прадукцыяй, а таксама частка працоўных. Будынкі фабрык і заводаў сталі аб'ектамі для знішчэння. У горадзе на дзень вызвалення збеглося меней 3 % прамысловых даваенных аб'ектаў і нават тыя будынкі, што хоць крыху ацалелі патрабавалі сур'ёзнага рамонту і іх цяжка было прыстасаваць да працы прамысловага і вытворчага прызначэння [4, с. 41]. Такім чынам, амаль усе прамысловыя будынкі былі страчаны, а абсталяванне альбо знішчана, альбо вывезена. Кіраўніцтва і жыхары горада былі вымушаны аднаўляць прамысловы комплекс амаль поўнасю.

Даваенны г. Віцебск меў дастаткова добрую тэндэнцыю сацыяльна-бытавога і культурнага развіцця. У горадзе было чатыры вышэйшыя ўстановы адукацыі (2500 студэнтаў), 15 сярэдніх і спецыяльных навучальных устаноў (4300 навучэнцаў), 43 сярэдніх і пачатковых школы (24 000 вучняў), 55 дзіцячых садкоў (3800 дзяцей), а таксама спецыяльныя школы для сляпых, глуханаемых, цыганская школа (355 вучняў), сем школ ФЗН (1700 навучэнцаў). У горадзе налічвалася 51 сталовая, рэстаран і фабрыка-кухня, 99 закусачных, 336 крамаў, 122 палаткі, 19 клубаў з кінаперасоўкамі, два тэатра, цырк, тры кінатэатра. У горадзе мелася 11 стацыянарных медыцынскіх устаноў з 1507 месцамі, з іх 9 бальніц, 2 радзільных дома, 14 здраўпунктаў, 33 амбулаторна-паліклінічных установы, у тым ліку 2 спецыялізаваных дыспансэра, адна дзіцячая паліклініка, 11 дзіцячых і жаночых кансультацый, 10 рэнтгенаўскіх устаноў, 8 аптэк. Хуткая дапамога мела 16 аўтамашын і санітарна-эпідэміялагічную станцыю. За перыяд ваенных дзеянняў спалілі і разбурылі педагагічны і медыцынскі інстытуты, Дом Чырвонай Арміі, педагагічнае вучылішча, гарадскі тэатр і іншыя буйныя культурныя і бытавыя ўстановы [2, арк. 194]. Будынкі адміністрацыйных, грамадскіх і культурна-бытавых устаноў былі альбо поўнасю страчаны, альбо патрабавалі капітальнага рамонту.

На 1941 г. у г. Віцебску мелася добраўпарадкаванае цэнтралізаванае водазабеспячэнне. Крыніцамі з'яўляліся 2 артэзіянскія гарызонты, што залягалі ў *раскослістых* вапняках. Дадзеныя артэзіянскія свідравіны з водаправоднымі пабудовамі знаходзіліся ў раёне Пяскаваціка з 7 артсвідравінамі, насосна-кампрэсійнай станцыяй, зборным рэзервуарам, у раёне Маркаўшчыны з 3 артсвідравінамі і такімі ж пабудовамі як на Пяскаваціку. Сумарная вытворчасць усіх свідравін складала 25 тыс. кубаметраў вады на суткі [1, арк. 15]. У горадзе працавала 90 водаразборных калонак агульнага карыстання, а таксама забяспечвалася вадой 223 тыс. квадратных метраў жылых кватэр [2, арк. 194]. Згодна справаздачам Віцебскай гарадской інспектуры дзяржаўнай статыстыкі, на 1 студзеня 1941 г. вадаправодная сетка мела агульную працягласць каля

60 кіламетраў. У перыферычных раёнах асабліваю ролю мелі калодзежы з пітнай вадой, якіх у горадзе налічвалася 1581. Адрэзаны ачысткі налічваў: 170 коней, 2 аўтамашыны-цыстэрны, 4 грузавыя аўтамашыны. У горадзе было 5 лазняў на 1200 месцаў і механізаваная пральня, а таксама 81 калодзеж сцёкавых вод [3, арк. 67].

За перыяд вайны водаправодная сетка, воданасосныя станцыі і воданасборныя бакі былі поўнасьцю страчаны, абсталяванне было альбо знішчана, альбо вывезена акупантамі. Па сутнасці, асноўнымі рэзервуарамі вады, якімі горад карыстаўся пасля вайны, сталі 83 ачалелыя калодзежы. У горадзе засталася толькі адна лазня на 100 месцаў, аднак і тая была на 43 % зруйнаваная [3, арк. 67]. Такім чынам, у даваенным горадзе функцыянавала дастаткова добрая сістэма водазабеспячэння, дзе акрамя калодзежаў і калонак існавала сетка камунікацый для ўнутрыквартэрных і прамысловых патрэбаў. Пасля вайны стан камунікацый быў вельмі дрэнны, большая частка абсталявання знішчана альбо вывезена.

У даваенны час г. Віцебск забяспечваўся электраэнергіяй ад гарадской электрастанцыі моцам 2 мегавата і раённай падстанцыі БелГРЭС. У горадзе было 2 паніжальныя падстанцыі: Паўночная і Паўднёвая, якія забяспечваліся праз лінію электраперадачы 110 кілавольт працягам 61 кіламетр. У горадзе мелася 85 трансфарматарных падстанцый з агульным моцам трансфарматараў 21 500 кілават, 46 712 метраў падземных высакавольтных кабельных сетак на 6,6 кілавольт, 23 325 метраў высакавольтных паветраных ліній на 6,6 кілавольт і 120 кіламетраў нізкавольтных ліній. За перыяд акупацыі ў горадзе збераглі толькі 120 кіламетраў падземнай высакавольтнай сеткі – усё астатняе абсталяванне было страчана [1, арк. 18]. Такім чынам, за перыяд ваенных дзеянняў была поўнасьцю страчана магчымасць забяспечваць горад электраэнергіяй.

Да вайны г. Віцебск меў ролю крупнага транзітна-перапрацоўчага пункта. Знешні гарадскі транспарт складаўся з чыгуначнага, паветранага, воднага і аўтагужавага. Праз чыгуначныя шляхі рухаліся грузавыя патокі, якія перапрацоўваліся ў горадзе і накіроўваліся на іншыя пункты. Водныя шляхі забяспечвалі прамысловасць і насельніцтва ў будаўнічых матэрыялах і сельскагаспадарчых прадуктах. Аэрадром служыў ваенным патрэбам, а шасэйныя дарогі зрабілі горад магістральным вузлом [1, арк. 5]. Асноўную ролю ва ўнутрыгарадскім транспартным руху займалі трамвай і аўтобус. Трамвайныя шляхі дасягалі 32 кіламетры, у гарадскім карыстанні было 54 трамвайныя вагоны, 96 аўтобусаў, 776 грузавых і 124 легкавыя аўтамашыны. Гаспадарка трамвая мела цягавую падстанцыю магутнасцю 1800 кілават, парк і дэпо з абсталяваннем, паветраную кантактную сетку працягам 48 кіламетраў, сетку забеспячэння працягам 21 кіламетр, 2 грузавыя вагоны, 1 снегачыст, 5 грузапляцовак, а таксама 7 аўтамашын [2, арк. 194].

У даваенны перыяд у г. Віцебску было два масты праз р. Заходняя Дзвіна, тры – праз р. Віцьба і адзін – праз р. Лучоса, а таксама два чыгуначныя масты праз р. Заходняя Дзвіна. Вуліцы горада і плошчы былі забрукаваны ка-

меннем і асфальтам на 771 100 квадратных метраў, а таксама налічвалася 1843 кіламетры заасфальтаваных тратуараў. На 1 студзеня 1941 г. у горадзе працавалі дамбы па вуліцах Фрунзе, Авіяцыйнай, Крывой і ў раёне Маркаўшчыны. Горад меў 129,5 гектара зялёных насаджэнняў, у тым ліку пад паркі культуры і скверы адпачынку было прыстасавана 17,4 гектара [5, арк. 18]. Згодна з дадзенымі ў горадзе было 9 сквераў, бульвар і парк. У гаспадарцы горада зафіксавана: аранжарэй на 4862 кубічных метраў і пітомнік плошчай 21 гектар, у якіх было высаджана 120 тысяч дэкаратыўных дрэваў, 200 тысяч хмызнякоў, 15 тысяч плодовых дрэваў [3, арк. 67].

За 1941–1944 гг. было страчана ўсё інжынернае абсталяванне і транспарт горада, засталіся толькі трамвайныя шляхі, якія таксама патрабавалі рамонт. На 26 чэрвеня 1944 г. фактычна ўсё покрыва дарог было знішчана, атрымалася зберагчы толькі мост праз р. Заходняя Дзвіна на 209 метраў і мост праз р. Віцьба на 69 метраў, часткова ацалелі дамбы па Авіяцыйнай і Крывой, а таксама ў раёне Маркаўшчыны. Пасля акупацыі засталася толькі каля 30 тысяч дэкаратыўных дрэваў і хмызнякоў, аранжарэй і парнікі былі поўнасцю знішчаны [3, арк. 67]. Такім чынам, гарадская тэрыторыя ў пачатку лета 1944 г. выглядала вельмі дрэнна: усё покрыва дарог, тратуараў, мастоў і вуліц было знішчана, дрэвы і хмызнякі спалены, інжынернае абсталяванне і транспарт страчаны.

Актыўнае развіццё сацыяльнай інфраструктуры г. Віцебска ў даваенны перыяд знайшло адлюстраванне ў паляпшэнні ўмоў жыцця жыхароў горада. Развіцця сістэмы цэнтралізаванага водаабеспячэння і электрычных сетак, сфарміраваныя транспартная і інжынерная інфраструктуры стваралі спрыяльнае гарадское асяроддзе. У той жа час паскораны прамысловы рост і пашырэнне вытворчых плошчаў прывялі да павелічэння колькасці гарадскога насельніцтва, выявіўшы праблему забеспячэння жыллём. Падзеі Вялікай Айчыннай вайны прывялі практычна да поўнага знішчэння гарадской інфраструктуры, разбурэння прамысловых і сацыяльных аб'ектаў. У г. Віцебску захавалася менш за 7 % даваенных аб'ектаў жылога фонду і 3 % прамысловых плошчаў. Камунальная гаспадарка і інжынернае абсталяванне было ў поўным заняпадзе. Неверагодна маштабнымі аказаліся страты мірнага насельніцтва. Дасягненне паказчыкаў развіцця гарадской сацыяльнай інфраструктуры 1941 г. стала асноўнай мэтай аднаўлення г. Віцебска ў першыя пасляваенныя пяцігодкі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 2207. Воп. 2. Спр. 1.
2. ДАВВ. – Ф. 2784. Воп. 1. Спр. 1.
3. ДАВВ. – Ф. 2207. Воп. 1. Спр. 12.
4. Русецкий, А. В. Архитектура и градостроительство в художественной культуре Витебщины. С 1918 года и до наших дней / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011. – 180 с.
5. ДАВВ. – Ф. 1972. Воп. 2. Спр. 8.

(Дата падачы: 25.02.2021 г.)

Ю. А. Раемский

Могилевский областной краеведческий музей имени Е. Р. Романова,
Могилев

Y. Rayemski

Mogilev Regional Museum of Local Lore named after E. R. Romanov,
Mogilev

УДК 94(476)«1915»

ВЕТКА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ ЛИТЕРНЫХ ПОЕЗДОВ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II В МОГИЛЕВЕ

SECRET RAILWAY LINE FOR SPECIAL TRAINS OF EMPEROR NICHOLAS II IN MOGILEV

В статье раскрывается местоположение железнодорожной ветки специального назначения, построенной в Могилеве для стоянки императорских литерных поездов в 1915 г. Место и время прибытия императора Николая II в Ставку Верховного главнокомандующего устанавливается по документам Инспекции Императорских поездов, архивным фотодокументам и другим источникам.

Ключевые слова: Ставка Верховного главнокомандующего; император Николай II; Могилев; литерный поезд; станция; вагон; план; платформа.

The article reveals the location of the secret railway line that was built in Mogilev for parking special imperial trains in 1915. The place and time of arrival of Emperor Nicholas II in Supreme Commander's Headquarters is established according to the documents of the Inspection of Imperial trains, archival photo documents and other sources.

Keywords: Supreme Commander's Headquarters; Emperor Nicholas II; Mogilev city; special train; station; carriage; plan; platform.

В последнее время тема Ставки Верховного главнокомандующего русской армией и флотом, располагавшейся в Могилеве во время Первой мировой войны, вызывает огромный интерес со стороны историков и краеведов. Основной причиной такого внимания является пребывание в городе последнего российского императора. После принятия руководства действующей армией и флотом в августе 1915 г. император Николай II исполнял функции Верховного главнокомандующего вплоть до своего отречения в марте 1917 г. Большую часть этого времени он вынужден был находиться в Ставке, в связи с чем Могилев неоднократно посещала царская семья.

Однако, несмотря на многочисленные публикации в книжных изданиях, периодической печати и сети интернет, существует немало мифов относительно обстоятельств принятия царем Верховного командования в августе 1915 г. Причиной этого является довольно поверхностное изучение данной темы, основанное на анализе общедоступных источников, таких как дневники и письма императора, воспоминания современников, официальные

сообщения из периодической печати того времени. Некоторые из этих источников неполны, противоречивы, неоднозначны. Кроме того, до сегодняшнего дня не был обнаружен план первоначального места стоянки литерных поездов в Могилеве, являвшегося (как место размещения Верховного главнокомандующего) до 27 августа 1915 г. одновременно и Царской Ставкой.

В связи с этим нам хотелось бы прояснить ситуацию в вопросе, связанном с первой поездкой Николая II в Могилев, а именно: установить состав литерных поездов, их расписание, обстоятельства, время и место прибытия в Ставку. С этой целью нами было тщательно изучено дело о поездке Николая II в действующую армию в августе-сентябре 1915 г., находящееся на хранении в РГИА. В нем содержится несколько вариантов расписания для литерных поездов. Согласно одному из них отъезд императора из Царского Села предполагался в воскресенье 22 августа в 16.30, а прибытие в Могилев было запланировано на 10 часов 10 минут утра в понедельник 23 августа. Однако этот вариант не был утвержден [1]. Для императорского поезда было избрано служебное расписание № 1, согласно которому отъезд состоялся в 10 часов вечера в воскресенье, что подтверждается записью из дневника императора: «В 10 час. простился с дорогой Аликс и детьми и отправился в путь» [2, с. 544].

Согласно материалам этого же дела поезд «Литера А» (императорский) состоял из 9 вагонов (36 осей, все тормозные). Его вес составлял почти 400 тонн, а длина – 85,72 сажени (182,9 метра). В Могилев поезд следовал головой вперед, а расположение вагонов от головы было следующим: Мс – мастерская, Бг – багажный, Сл – служебный, Св – свитский, А – опочивальня, Б – салон-столовая, К – кухня, Пр – прислуга, Пк – прислуга кухни.

Поезд «Литера Б» («свитский») был намного длиннее – 117 сажень (249,6 метра) и тяжелее – 470 тонн. Он состоял из 16 вагонов (51 ось, 38 тормозных). Расположение вагонов от головы было следующим: Э, Мс, Сл, Св II, Св I, Д, Н, Ст, Бф, К, Пк, Пс, Бг, Ор, Гж, Гж 2 [3]. Отметим, что в составе этого поезда было два вагона-гаража, предназначенных для перевозки личных автомобилей Николая II, на которых передвигался он и его Свита. На основании изученных материалов РГИА был сделан вывод, что императорский поезд почти всегда ходил в часовом отставании от «свитского». Таким образом, часто встречающееся в литературе мнение, что составы были копиями, а очередность их прохождения менялась в целях конспирации, – это всего лишь миф, который опровергается документальными источниками.

Поезда направились по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге, т. е. по кратчайшему маршруту через станцию Дно. Здесь произошла смена паровозов. Стоит отметить, что для обоих составов применялась двойная тяга, т. е. каждый поезд тащила пара локомотивов.

На 7-й пассажирский путь станции Витебск (Риго-Орловской железной дороги) литерные составы прибыли в 10.25 и 11.25 соответственно. После

смены локомотивов, занявшей 10 минут, поезда продолжили движение. На последующем участке пути Витебск – Могилев составы останавливались лишь на станции Орша.

Согласно многочисленным мемуарным источникам, для стоянки ли-терных поездов был выбран небольшой участок (дача) с сосновым лесом и фруктовым садом, который принадлежал помещику Бекаревичу.

В материалах дела о первой поездке царя в Могилев был обнаружен документ, который до настоящего времени нигде не публиковался – «План путевого устройства станции специального назначения на 144 версте вет-ви Витебск-Жлобин Риго-Орловской железной дороги» (рисунок 1) [4]. Его обнаружение ставит точку в спорах о месте первоначальной стоянки цар-ских поездов в Могилеве, поскольку все предыдущие публикации и исследо-вания опирались лишь на косвенные доказательства. На плане обозначены и лесные участки, и участки фруктового сада, упоминаемые официальным историографом Ставки генералом Дубенским: «Усадьба была красивая, здесь было много леса, фруктовый сад, но не было никаких построек» [5, с. 16]. Данный документ позволяет установить положение не только всей ветки, но и других ключевых объектов на месте стоянки (ныне территория профессионального лицея № 9 г. Могилева и район к северу от него).

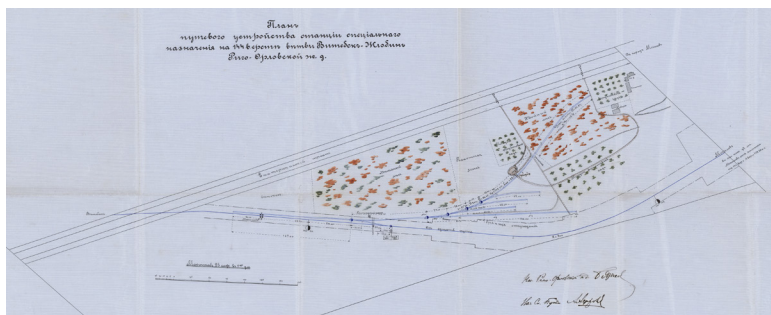

Рис. 1. План ветки специального назначения, построенной в Могилеве к прибытию императора в августе 1915 г.

Отметим, что расположение стрелки предусматривало предварительную буксировку состава задним ходом в специальный тупик длиной примерно 355 метров, после чего паровозы через ту же стрелку отправляли на стан-цию. Другие локомотивы, уже ожидавшие в тупике, должны были производи-ть буксировку императорского поезда непосредственно к месту стоянки в сосновом леске (головным при этом снова становился вагон-мастерская). Что касается стоянки поезда «Литера Б», то единственным пригодным для его расположения местом согласно плану был крайний (западный) тупик общей длиной порядка 469 метров.

Среди материалов того же дела в архиве был обнаружен текст официальных телеграмм, отправленных в Петроград начальником Риги-Орловской ж/д Б. Н. Языковым. Они касаются непосредственного строительства особой ветки в августе 1915 г. Текст первой телеграммы: «Петроград. Начальнику Управления инспекции императорских поездов. Подана 14.08 11 ч. 15 м. Принята с аппарата 15 авг. 9 час. 20 мин. № 3934. Получена 17.08 № 1860. Ветка 144 версты близ Могилева специального назначения устройством закончена [в] назначенный срок. Языков» [6].

В телеграмме указана дата, к которой устройство полотна железной дороги на специальной ветке было завершено – 14 августа 1915 г. Даже несмотря на небольшую продолжительность тупика, скорость работ впечатляет, поскольку первые распоряжения о начале строительства великий князь Николай Николаевич мог дать не раньше утра 10-го августа, а это значит, что к моменту готовности ветки прошло 4 дня.

У Инспекции Императорских поездов, вероятно, возникли вопросы относительно криволинейного участка пути, о чем говорит срочная телеграмма Б. Н. Языкова: «Телеграмма. Срочно. Петроград. Инспектору императорских поездов Ежову. Получена 21.08.1915. 1 кривая приемных путей для поездов уложена в одном горизонте без возвышения наружных рельсов. А потому переделки не требуется. Языков» [7].

Возвышение наружного рельса необходимо для уравнивания центробежных сил, действующих на подвижной состав, одинакового вертикального износа рельсов обеих рельсовых нитей и предотвращения его опрокидывания при прохождении криволинейных участков пути. Возвышение зависит от установленных скоростей движения поездов и радиуса кривой. Местные инженеры не стали приподнимать наружную нить и сообщили в Петроград, что необходимости в переделке нет. Вероятной причиной этого могла стать незначительная кривизна данного участка и малая скорость состава при его прохождении.

Первым согласно расписанию в 2 часа 30 минут пополудни 23 августа в понедельник в Могилев прибыл «свитский» поезд [8]. Ровно через час, в 3 часа 30 минут, к месту стоянки подошел поезд «Литера А» [9].

Многие очевидцы тех событий оставили свои воспоминания о дне прибытия императора в Могилев. Однако почти все они противоречивы или ошибочны. Даже официальный историограф Ставки генерал Дубенский допустил весьма серьезную неточность: «В тот же день, в 10 часов вечера, Государь Император отбыл из Царского Села в действующую армию, а на следующий день, 23 августа, около 12 ч. дня, прибыл в Ставку Верховного Главнокомандующего» [5, с. 15]. В указанное время императорский поезд шел на юг и находился в районе станции Замосточье в 20 верстах от Витебска [9]. Подобную же ошибку в отношении времени в своих воспоминаниях допустил и генерал-майор Спиридович, начальник императорской дворцовой охраны, прибывший в Могилев на «свитском» поезде. Он также отнес эти события к полудню [10, с. 196].

Путаница существует не только в отношении времени, но и места прибытия литерных поездов. Н. В. Галушкин, автор книги «Собственный Его Императорского Величества Конвой», писал о военной платформе станции Могилев как о месте, где император «был встречен Великим Князем Николаем Николаевичем, чинами штаба Верховного Главнокомандующего, полковником Киреевым и офицерами Конвоя» [11, с. 192]. Однако Н. В. Галушкин лично не присутствовал при описанных событиях, офицером Конвоя он стал только в 1916 г. При этом в расписании присутствует столбец, в котором указано с какой стороны по ходу движения находятся станции (платформы). Для Могилева в таблице стоит отметка «с левой» [9]. Поскольку к военной платформе станции Могилев примыкал только один путь с востока, то при подходе поезда с северного направления она оказывалась справа. Таким образом, сведения Н. В. Галушкина недостоверны.

Наиболее точны в этом плане дневниковые записи самого царя. Прибытие в Ставку Николай II описал следующим образом: «В 3.30 прибыл в свою Ставку в одной версте от гор. Могилева. Николаша ждал меня. Поговорив с ним, принял ген. Алексеева и первый его доклад. Все обошлось хорошо! Выпив чаю, пошел осматривать окружающую местность. Поезд стоит в небольшом густом лесу» [2, с. 544]. В данном контексте под «своей Ставкой» следует понимать именно месторасположение главнокомандующего, поскольку в своих последующих дневниковых записях император неоднократно называл дачу Бекаревича «прежней Ставкой», несмотря на то, что Штаб и управления находились в городе [2, с. 584].

Приведенные выше архивные документы Инспекции Императорских поездов с точным временем прибытия в Ставку в совокупности с дневниковыми записями самого царя приводят к однозначному выводу, что поезд сразу направили по специальной ветке к месту стоянки на даче Бекаревича.

Как минимум три очевидца упоминали о некой платформе на месте встречи. Дворцовый комендант Владимир Николаевич Воейков в своей книге писал, что встреча состоялась «на временной платформе проложенного для императорского поезда пути» [12, с. 163]. Дежурный генерал Ставки Петр Константинович Кондзеровский вспоминал: «После встречи на особой платформе вскоре в поезде Государя был завтрак» [13, с. 71]. Некий «дебаркадер», на котором императора встречали начальствующие лица и великий князь Николай Николаевич, упоминал и генерал Спиридович [10, с. 196].

Нам удалось обнаружить всего два изображения, на которых запечатлено первоначальное место стоянки литерных поездов на даче Бекаревича. В четвертом выпуске сборника «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии» размещена фотография, подписанная следующим образом: «Его Императорское Высочество Верховный Главнокомандующий В. К. Николай Николаевич следует к месту прибытия Царского поезда 23 августа 1915 г. в Ставку» (рису-

нок 2) [4, с. 15]. Генерал Дмитрий Николаевич Дубенский, редактор издания, описывал все поездки Николая II в Ставку и действующую армию довольно детально, сопровождая текст многочисленными фотоматериалами с мест событий. В вагоне Св II «свитского» поезда в Могилев прибыл фотограф Александр Карлович Ягельский [14]. На фотографии запечатлен Николай Николаевич в автомобиле, на заднем плане – часовые, а также, вероятно, насыпь, скрывающаяся в лесном массиве. Над насыпью виднеется вытянутый объект, который имеет довольно ровную поверхность и схож по виду с площадкой. Однако на сайте Российского государственного архива кинофотодокументов идентичный фотодокумент подписан следующим образом: «Верховный Главнокомандующий вел. князь Николай Николаевич в автомобиле на территории [Ставки Верховного главнокомандующего в Барановичах]. Дата съемки: 1914–1915. Место съемки: Россия, Минская губ./Новогрудский у./Барановичи г.» [15]. Автором съемки указано фотоателье императорской семьи «К. Е. фон Ган и Ко». А. К. Ягельский являлся фотографом этого ателье. Отметим, что привязка этого снимка к Барановичам на сайте дана в квадратных скобках, что позволяет предположить, что подпись в данной части не оригинальна, а сделана работниками архива. При этом на сайте РГАКФД порой присутствуют неточности в аннотации фотографий, поскольку иногда сделанные в Барановичах снимки отнесены к Могилеву. Отметим также, что дата указана очень неопределенно (1914–1915), значит работник архива, составлявший аннотацию, не имел точной датировки, а лишь предположил, что это Барановичи.

Рис. 2. Великий князь Николай Николаевич на территории Ставки Верховного главнокомандующего, г. Могилев, 23 августа 1915 г.

Несмотря на противоречия, есть основания предполагать, что данный снимок был сделан 23 августа 1915 г., а на сайте РГАКФД в его аннотации присутствует ошибка. Почему при этом в архиве нет фотографий, запечат-

левших саму встречу императора, непонятно. По крайней мере, нам не удалось их обнаружить.

Следующий снимок датирован 24 августа 1915 г. После завтрака император отправился на прогулку: «Днем сделал прогулку за Днепром по Гомельскому шоссе и погулял в хорошем лесу» [2, с. 544]. В РГАКФД хранится фотодокумент с аннотацией: «Император Николай II в сопровождении группы офицеров направляется на прогулку на автомобилях по окрестностям Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве. Среди присутствующих: дворцовый комендант генерал-майор свиты В. Н. Воейков (сидит рядом с Николаем II), флигель-адъютант, капитан 2-го ранга Н. П. Саблин (на заднем сидении) и др. Дата съемки: 24.08.1915. Место съемки: Могилёв г.» (рисунок 3) [16]. В данном случае нет оснований не доверять информации архива, поскольку в аннотации содержится дата, месяц, год и место, где было сделан снимок. На нем запечатлены три автомобиля, в которых Николай II со Свитой направляется на прогулку. На снимке отчетливо видна, по всей видимости, деревянная площадка с перилами и ступеньками, а на заднем плане – деревья молодого фруктового сада, что соответствует данным плана. Упомянувшееся выше положение платформы с левой стороны по ходу движения поезда также находит подтверждение. Анализ вышеприведенных материалов позволяет сделать вывод, что на месте стоянки для удобства императора была построена деревянная площадка высотой в уровень насыпи, которую многие очевидцы и называли «дебаркадером», «временной» или «особой» платформой.

*Рис. 3. Император Николай II в сопровождении
Свиты отправляется на прогулку, г. Могилев, 24 августа 1915 г.*

Сравнив рисунки 2 и 3, нами был сделан вывод, что они, вероятнее всего, были сделаны в одном и том же месте с разных ракурсов. Аннотация генерала Дубенского к фотографии, где запечатлен Николай Николаевич в автомобиле, является очередным аргументом в пользу утверждения, что поезд «Литера А» в этот день не прибывал ни к военной, ни к пассажирской, ни к товарной платформе станции Могилев, а был сразу направлен на место стоянки.

Таким образом, в результате анализа материалов Инспекции Императорских поездов, архивных фотодокументов и мемуарных источников удалось установить точное место и обстоятельства прибытия Николая II в Ставку 23 августа 1915 г. (рисунок 4).

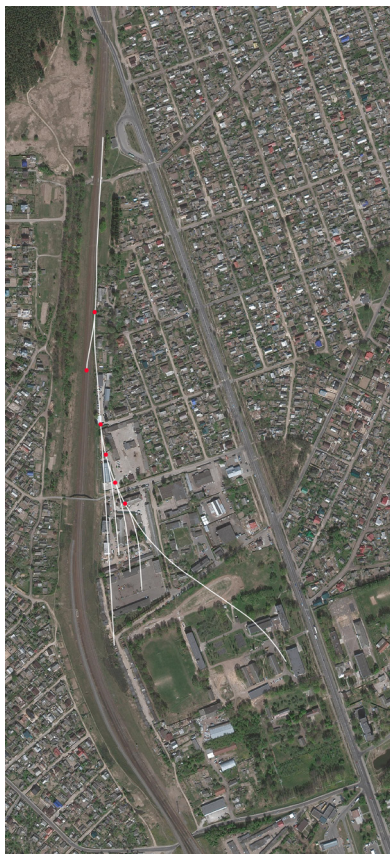

Рис. 4. Контуры ветки специального назначения на современном спутниковом снимке

Почти полуторалетнее пребывание в Могилеве последнего российско-го императора выводит научные изыскания по данной тематике за рамки краеведческих либо узконаправленных исследований, посвященных организации управления русской армией во время войны. В 2020–2021 гг. на пустыре севернее корпусов лица № 9 было построено несколько жилых многоэтажных домов. Обнародование документов РГИА должно привести, как минимум, к установке памятного знака, увековечивающего значение данного места для будущих поколений.

Список использованных источников

1. РГИА. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 740. Л. 6.
2. Дневники императора Николая II / под ред. К. Ф. Шацillo. – М.: Орбита, 1991. – 736 с.
3. РГИА. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 740. Л. 198.
4. РГИА. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 740. Л. 195.
5. *Дубенский, Д. Н.* Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии: в 4 т. / сост. ген.-майор Дубенский. – Петроград: М-во имп. двора, 1915–1916. – Т. 4: Июль 1915 г. – февраль 1916 г. – 238 с.
6. РГИА. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 740. Л. 170.
7. РГИА. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 740. Л. 171.
8. РГИА. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 740. Л. 234.
9. РГИА. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 740. Л. 206.
10. *Спиридович, А. И.* Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг.: в 3 т. / А. И. Спиридович. – Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960–1962. – Кн. 1. – 308 с.
11. *Галушкин, Н. В.* Собственный Его Императорского Величества Конвой / под ред. П. Н. Стрелянова (Калабухина). – М.: Рейттарь, 2004. – 416 с.
12. *Воейков, В. Н.* С царем и без царя: воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II / В. Н. Воейков. – М.: Воениздат, 1995. – 430 с.
13. *Кондзеровский, П. К.* В Ставке Верховного. Воспоминания дежурного генерала при Верховном главнокомандующем / П. К. Кондзеровский. – Париж, 1967. – 129 с.
14. РГИА. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 740. Л. 13.
15. РГАКФД. – Ал. 265а. Сн. 124.
16. РГАКФД. – Ал. 265. Сн. 76.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

А. Р. Раюк
ТАА «БурВодСець», Мінск

A. Rayuk
BurVodSet LLC, Minsk

УДК 94(476)«1907/1908»

УЗНІКНЕННЕ І ЗАНЯПАД КРАЁВАЙ ПАРТЫІ ЛІТВЫ І БЕЛАРУСІ (1907–1908)

THE ORIGIN AND DECLINE OF THE REGIONAL PARTY OF LITHUANIA AND BELARUS (1907–1908)

У артыкуле аналізуюцца прычыны ўзнікнення і заняпаду Краёвай партыі Літвы і Беларусі (1907–1908). Стварэнне было вынікам часовага ідэйнага кампрамісу прадстаўнікоў каталіцкіх кансерватыўных землеўласнікаў Мінскай, Віленскай і Гро-

дзенскай губерняў, каб стаць альтэрнатывай польскім «эндэкам» у Дзяржаўнай Думе Расійскай імперыі. Неспрыяльнае новае выбарчае заканадаўства і пачатак ідэйных разыходжанняў былі прычынамі заняпаду партыі.

Ключавыя словы: Краёвая партыя Літвы і Беларусі; краёвасць; беларускі палітычны кансерватызм; палітычная гісторыя Беларусі; Эдвард Вайніловіч; Дзяржаўная Дума Расійскай імперыі.

The article analyzes the causes of the origin and decline of the Regional party of Lithuania and Belarus (1907–1908). The creation was the result of a temporary ideological compromise of representatives of the Catholic conservative landowners of the Minsk, Vilna and Grodno Governorates to become an alternative to the Polish «National Democracy» in the State Duma of the Russian Empire. The unfavorable new electoral legislation and the beginning of ideological differences were the reasons for the decline of the party.

Keywords: Regional Party of Lithuania and Belarus; the Krajowcy; Belarusian political conservatism; political history of Belarus; Edward Voinilovich; the State Duma of the Russian Empire.

Сярод значнай часткі каталіцкіх дваран шасці беларуска-літоўскіх губерняў Расійскай імперыі ў 1905–1917 гг. папулярнасцю карысталася т.зв. «краёвая канцэпцыя» («краёвая ідэя», «краёвасць»), цэнтральнай ідэяй якой было ўвядзенне ў Расійскай імперыі адміністрацыйна-тэрытарыяльнай аўтаноміі кіравання сваім беларуска-літоўскім «краем», што, як на думку «краёўцаў»-кансерватараў, так і «краёўцаў»-дэмакратаў, было патрэбна для лепшага развіцця беларуска-літоўскіх губерняў на аснове прававой, міжканфесійнай і міжнацыянальнай роўнасці і талерантнасці насельнікаў «края».

Для практычнай рэалізацыі сваіх ідэй праз парламенцкую дзейнасць «краёўцамі» было створана некалькі палітычных партый, сярод якіх гісторыя Краёвай партыі Літвы і Беларусі (1907–1908) апісана беларускім (А. Смалянчук) і польскім даследчыкамі (Д. Шпопер) [1–4]. Аднак, на нашу думку, гэтымі гісторыкамі недастаткова ўлічаны агульная палітычная сітуацыя ў Расійскай імперыі, традыцыі і настроі заснавальнікаў партыі, што дазваляе нам трошкі па-іншаму рэканструяваць падзеі і вызначыць прычыны ўзнікнення і заняпаду гэтага палітычнага праекта.

Д. Шпопер правільна паказаў, што галоўнымі распрацоўнікамі кансерватыўнага кірунка «краёвай канцэпцыі» і пачынальнікамі практычнай рэалізацыі ідэй «краёвасці» былі ўплывовыя прадстаўнікі Мінскага гаварыства сельскай гаспадаркі (МТСГ), на чале якіх стаяў Эдвард Вайніловіч [3, с. 30; 4, с. 240]. 7(20) кастрычніка 1905 г. яны на старонках віленскай газеты «Kurjer Litewski» апублікавалі палітычную праграму МТСГ [5]. Ідэю стварэння сваёй «краёвай партыі» краёўцы-кансерватары высоўвалі яшчэ з пачатку выбараў у I Дзяржаўную Думу Расійскай імперыі. 17 (30) лістапада 1905 г. у газеце «Kurjer Litewski» праграмную «Адозву Краёвай

партыі Літвы і Русі» [6], якая ў многім паўтарала палітычную праграму МТСГ, апублікаваў Раман Скірмунт (як упаўнаважаны ад імя прадстаўнікоў Мінскай губерні – кола ўплывовых лідараў МТСГ) [4, с. 242–243]. Чарговая, утрыманая ў ліберальна-кансерватыўным тоне адозва, якую таксама прыслаў Раман Скірмунт, была надрукавана 11 (24) студзеня 1906 г. у газеце «Kurjer Litewski» і заклікала да стварэння «Краёвай партыі Беларусі і Літвы» [4, с.243; 7]. Аднак у канечным выніку ў 1905–1907 гг. дэпутаты-краёўцы абмяжоўваліся ўваходам у шырокія парламенцкія кааліцыі ў Дзяржаўным Савеце і ў I і II Дзяржаўнай Думе Расійскай імперыі.

Толькі ў 1907 г. для выбараў у III Дзяржаўную Думу краёўцы-кансерватары вырашылі стварыць сваю партыю. Д. Шпопер сцвярджае, што прычынай актывізацыі многіх каталіцкіх дваран-кансерватараў Заходняга края (асабліва з Мінскай губерні) у справе стварэння «краёвай партыі» была параза на выбарах у II Дзяржаўную Думу: толькі 11 дэпутатаў у адрозненне ад 21 мандата у I Дзяржаўнай Думе [1, с. 173; 4, с. 251; 8, с. 466–472]. А. Смалянчук лічыць, што адсутнасць партыйных арганізацый значна пслабляла патэнцыял плыні «краёўцаў», а галоўным ініцыятарам бачыць Рамана Скірмунта (былога думскага дэпутата ад Мінскай губерні), які папрасіў Чэслава Янкоўскага (былога думскага дэпутата ад Віленскай губерні) дапамагчы яму ў заснаванні партыі [1, с. 235]. Сведчанне пра ініцыятарства Скірмунта і ход арганізацыйнага з'езду А. Смалянчук і Д. Шпопер бяруць толькі з адной крыніцы – мемуарнай кнігі Ч. Янкоўскага «W ciągu dwóch lat» (1908) [9, с. 136], які незадоўга да таго быў вясной 1907 г. са скандалам звольнены з пасады рэдактара газеты «Kurjer Litewski» [3, с. 22], а таму адчуваў сябе прыкра [9, с. і] і быў больш зацікаўлены ва ўласных апраўданнях перад уплывовым каталіцкім дваранствам у першую чаргу Віленскай губерні (з якой быў звязаны), чым дакладным апісанні стварэння партыі.

Янкоўскі сведчыць, што Скірмунт папрасіў Янкоўскага прыехаць у маі 1907 г. з Вільні ў Мінск, дзе на нарадзе вузкага кола ўплывовых членаў МТСГ было сумесна з Янкоўскім ухвалена, каб у Вільні быў скліканы з'езд прадстаўнікоў (галоўным чынам, каталіцкіх дваран-землеўласнікаў) з шасці губерняў – Віленскай, Гродзенскай, Ковенскай, Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай. Прычым запрасіць толькі тых, пра якіх вядома, што яны не з'яўляюцца прыхільнікамі польскіх «эндэкаў» (Польскай нацыянальна-дэмакратычнай партыі), каб пазбегнуць на з'ездзе доўгіх дэбатаў адносна праграмных прынцыпаў [9, с.137].

Паводле Янкоўскага, у Вільні на з'ездзе 17–18 чэрвеня (1–2 ліпеня) 1907 г. Раман Скірмунт агучыў праект краёвай партыі ў форме шырокага партыйнага саюза з трох нацыянальных фракцый (польскай, літоўскай і беларускай), каб прывабіць і па максімуму прыцягнуць усе сацыяльныя і нацыянальныя групы ў беларуска-літоўскім краі – для стварэння аднаго агульнага краёвага саюза [9, с.137]. Аднак праект Скірмунта не быў падтрыманы

большасцю. Пасля доўгіх дэбатаў Краёвая партыя Літвы і Беларусі (КПЛБ) была створана як «польская» партыя без фракцый, хоць дыстанцуючая сябе ад ідэй «эндэкаў» і ўсялякіх форм нацыяналізму [4, с. 259].

А. Смялянчук лічыць, што адмова на віленскім з'ездзе стварыць краёвую партыю як міжнацыянальны партыйны саюз была выклікана той прычынай, што на арганізацыйным сходзе тон задавалі «тыя землеўласнікі, для якіх інтарэсы ўласнага маёнтку адыгрывалі, прынамсі, не меншую ролю, чым інтарэсы Краю» [10, с. 270]. І прыпісвае такія намеры ў тым ліку Эдварду Вайніловічу, які быў выбраны старшынёй партыі [10, с. 270]. У КПЛБ адмовіліся ўступіць прадстаўнікі Ковенскай губерні, бо праграма партыі не ўлічвала іх «сувязі» з літоўскім сялянствам, а таксама Раман Скірмунт [9, с. 137]. А. Смялянчук выказвае меркаванне, што Скірмунт, у адрозненне ад іншых, выступаў за больш радыкальныя падыходы ў вырашэнні аграрнага пытання – за продаж сялянам часткі прыватных дваранскіх маёнткаў [10, с. 270].

Аднак прыцягненнем новых фактаў і довадаў можна абгрунтаваць правільнасць іншых высноў адносна стварэння КПЛБ.

У II Дзяржаўную Думу па прычыне вялікага супрацьдзеяння расійскіх улад ад Мінскай губерні не было абрана ніводнага дэпутата-краёўца, а думскія дэпутаты-краёўцы ад іншых заходніх губерняў пачалі аглядацца на парламенцкія дзеянні польскіх «эндэкаў» [8, с. 230; 4, с. 250–251; 1, с. 174–176]. Краёўцы-кансерватары былі незадаволены ростам уплываў польскіх «эндэкаў» і лычылі, што для ўзмацнення сваіх палітычных пазіцый трэба ствараць уласную партыю на аснове «краёвай ідэалогіі» [3, с. 80–82]. Менавіта ў Віленскай губерні польскія «эндэкі» мелі найбольшы ўплыў у Заходнім краі, а Мінская губерня заўсёды была галоўным цэнтрам краёўцаў-кансерватараў. Таму праект краёвай партыі ствараўся мінскімі краёўцамі ў першую чаргу не для таго, каб у ёй структурна былі якія-небудзь нацыянальныя фракцыі ці абмяркоўваць аграрнае пытанне, а для таго, каб стварыць палітычную супрацьвагу польскім «эндэкам» у будучай III Дзяржаўнай Думе.

На наш погляд, адход ад пачатковага «мінскага» праекта быў вынікам кампраміса на віленскім з'ездзе з боку прадстаўнікоў Мінскай губерні, каб краёвая партыя ўсё ж была створана супольна з прадстаўнікамі Віленскай і Гродзенскай губерняў. Праграму партыі падпісалі 23 дэлегата (з 30): 10 чалавек ад Віленскай губерні, 6 – ад Гродзенскай, 5 – ад Мінскай, 1 – ад Ковенскай (Міхал Мяйштовіч), а таксама Адам Замоўскі – з польскіх губерняў. Лідар мінскіх краёўцаў-кансерватараў Эдвард Вайніловіч быў чалавекам вялікай палітычнай мудрасці і ўмеў ісці на прымальныя кампрамісы. У тыя часы ў верхняй палате расійскага парламента (Дзяржаўным Савеце) дэпутаты ад Заходняга края (на чале якіх стаяў Вайніловіч) былі прыхільнікамі ліберальна-кансерватыўнага кірунка «краёвай ідэі», а ў

ніжняй палаце толькі ў І Дзяржаўнай Думе «краёвая канцэпцыя» мела абсалютную ідэйную перавагу сярод каталіцкіх дэпутатаў ад заходніх губерняў – бо з часу ІІ Дзяржаўнай Думы сярод іх паступова расла папулярнасць ідэй «эндэкаў» разам са змяншэннем колькасці думскіх мандатаў. У сваіх мемуарах Вайніловіч адзначаў, што на супольных пазапарламенцкіх з'ездах каталіцкіх дэпутатаў ніжняй і верхняй палат ад заходніх губерняў іх рэзальцыі былі альбо кампрамісныя, альбо з невялікай часовай перавагай адной з ідэйных пазіцый – краёўцаў ці эндэкаў [11, с.173]. Вайніловіч жа хацеў арганізацыйнай еднасці дэпутатаў ад заходніх губерняў на аснове «краёвай ідэі» як у верхняй, так і ніжняй палатах расійскага парламента, каб супольна дабівацца аўтаноміі свайго края ў Расійскай імперыі, таму шукаў прыхільнікаў.

Чэслаў Янкоўскі занатаваў, што арганізатары былі пастаўлены на з'ездзе ў Вільні перад выбарам: альбо радзіцца доўга, рызыкуючы, што не будзе дасягнуты станоўчы вынік; альбо згадзіцца («ад бяды») на пункты і параграфы, якія пазней можна будзе скарэктаваць ці замяніць [9, с.138]. Быў выбраны як раз другі варыянт, вынікам чаго стала стварэнне партыі і яе праграмы, што дало магчымасць для яе абмеркавання ў шырэйшым фармаце. Было вядома, што літоўскія і беларускія сялянскія ці інтэлігенцкія партыі былі вельмі неўплывовыя, налічвалі нязначную колькасць членаў і мелі абмежаваныя фінансавыя магчымасці, а таму з'яўляліся пакуль палітычна радыкальнымі і слабымі саюзнікамі для землеўласнікаў у прадвыбарчай кампаніі і парламенцкіх палатах.

У стварэнні партыі нельга прыпісваць пасіўную ці неканструктыўную пазіцыю мэтанакіраванаму Эдварду Вайніловічу, бо менавіта ў 1905–1911 гг. назіраецца найбольшы ўплыў краёўцаў-кансерватараў (на чале з Эдвардам Вайніловічам) у руху краёўцаў і краёўцаў у палітыцы ўвогуле. Памылкова таксама прыпісваць рознадумства Скірмунту і Вайніловічу ў той час: паводле слоў графа Іпаліта Корвін-Мілеўскага, Раман Скірмунт быў паплечнікам і «любімым вучнем» Эдварда Вайніловіча па гаспадарчай працы ў МТСГ і палітычнай дзейнасці [12, с.241]. Прычым план Скірмунта вельмі нагадвае прапановы Вайніловіча ў 1906 г. адносна стварэння «краёвай партыі», у якой маглі б злучыцца іншыя партыі і таварыствы «Літвы і Русі» без адмаўлення ад іх уласных лозунгаў [13].

На наш погляд, Эдвард Вайніловіч, які ў той час быў дэпутатам Дзяржаўнага Савета і страшынёй у ім групой дэпутатаў «Саюз кол Каралеўства Польскага і Краёў Літвы і Русі», не планаваў быць лідарам партыйнай фракцыі ў Дзяржаўнай Думе, а таму ролю будучага лідара КПЛБ з самага пачатку адвёў свайму аднадумцу і «правай руцэ» – Раману Скірмунту, каб апошні ўзначаліў у будучым краёўцаў у ніжняй палате расійскага парламента. А на віленскім з'ездзе ў 1907 г. у складанай сітуацыі рознагалосся дэлегатаў аўтарытэтныму Вайніловічу прыйшлося самому ча-

сова ўзначаліць партыю замест маладога Скірмунта і пайсці на кампраміс. Гэта ўскосна пацвярджаецца тым, што (напэўна, не без уплыва Вайніловіча) у студзені 1908 г. у КПЛБ уступіў Скірмунт. І з таго часу менавіта Раман Скірмунт замест яе фармальнага кіраўніка Эдварда Вайніловіча працягнуў справу па ўмацаванні пазіцый партыі на палітычнай арэне края.

Скірмунт разгарнуў працу па пашырэнні сацыяльнай базы прыхільнікаў партыі, заяўляючы на старонках газеты «Kurjer Litewski» у палеміцы з Андрэем Тупальскім, што КПЛБ не з'яўляецца партыяй буйных землеўласнікаў, заснаванай для абароны толькі ўласных інтарэсаў [1, с. 243; 2, с. 185]. Ён таксама стаў ініцыятарам правядзення агульнапартыйнага схода, дзе планаваў правесці кардынальныя змены ў праграме партыі.

13 лютага 1908 г. у Вільні адбыўся сход партыі, на якім Раман Скірмунт зачытаў даклад «Развіццё прынцыпаў і мэт праграмы». На парадку дня схода таксама стаялі пытанні пра выбары новага кіраўніцтва партыі (па сутнасці – планаванага сыходу Эдварда Вайніловіча з пасады яе фармальнага кіраўніка і абрання Рамана Скірмунта), выхаду з партыі Станіслава Ваньковіча і Тадэвуша Дамбоўскага (якія далучыліся да грамадскага аб'яднання Польскі саюз краёвай працы), зацвярджэнне новай праграмы, якая б прывабіла больш шырокія колы насельніцтва (асабліва, сялян і інтэлігенцыю) і ператварыла партыю ў масавую палітычную арганізацыю. Сход ухваліў прапанаваныя прынцыпы рэарганізацыі партыі («Прынцыпы арганізацыі Краёвай партыі Літвы і Беларусі») і абраў Рамана Скірмунта кіраўніком партыі [1, с. 242–243; 2, с. 186]. Прыкметна, што КПЛБ пачала складацца з двух («беларускага» і «польскага») аддзяленняў, якія павінны скаардынавана вырашаць уласныя задачы [1, с. 243].

Улічваючы тое, што адсутнічала «літоўскае» аддзяленне сацыяльнай апорай партыі павінны былі служыць беларускія губерні Расійскай імперыі (у першую чаргу выключалася Ковенская губерня – асноўная тэрыторыя літоўскага нацыянальнага руху). Пераўтварэнні, на наш погляд, былі відавочнай праявай пэўнага зруху пазіцый партыі, заснаванай краёўцамі-кансерватарамі, у бок ліберальна-дэмакратычнай плыні «краёвасці» і імкнення наладзіць супрацоўніцтва дваран з беларускім сялянствам і інтэлігенцыяй, сярод якіх шукалася масавая падтрымка партыі. Так прынцыпы арганізацыі «краёвай партыі» прайшлі ў мінскіх краёўцаў-кансерватараў эвалюцыю ад ідэі аб'яднання лідараў мясцовых каталіцкіх дваран Заходняга края («Літвы і Русі») у 1905 г. да супрацоўніцтва дваран і сялян толькі беларускіх губерняў.

Аднак КПЛБ хутка сышла з палітычнай арэны. Эдвард Вайніловіч у сваіх мемуарах адзначыў, што краёвая партыя была зганена прэсай польскіх «эндэкаў» і сустрэла непрыхільнае стаўленне мясцовай губернскай адміністрацыі беларуска-літоўскіх губерняў, дзе панавалі настроі рускага вялікадзяржаўнага шавінізму [11, с. 175].

Галоўнымі прычынамі заняпаду КПЛБ, паводле нашай ацэнкі, былі знешнія абставіны: немагчымасць раўнапраўнай легальнай палітычнай дзейнасці. Расійскі імператар Мікалай II сваім Маніфестам ад 3 чэрвеня 1907 г. увёў змены ў выбарчы закон, якімі значна абмяжоўвалася магчымасць прадстаўніцтва нярускага і недваранскага (у першую чаргу – сялянскага) насельніцтва ў Дзяржаўнай Думе. Пасля завяршэння рэвалюцыі 1905–1907 гг. расійскі ўрад пачаў цвёрда праводзіць лінію на звужэнне праў «інародцаў» і абмежаванне іх прадстаўніцтва ў адміністрацыйных структурах, а з 1908 г. рэакцыйная палітыка расійскага ўрада пашырылася амаль ва ўсіх сферах жыцця дзяржавы. Як адзначыў Эдвард Вайніловіч у сваіх успамінах, мясцовыя расійскія ўлады сталі мець вырашальны ўплыў (у першую чаргу праз пратэкцыю, махінацыі і парушэнні працэдур) на працэс выбараў у «заходніх губернях» сялянамі лаяльных уладзе дэпутатаў, а апошнія больш клапаціліся пра ўласныя падарункі і ільготы ад губернскай адміністрацыі [11, с.175]. Гэта рабіла немагчымым адшуканне супольнай пляцоўкі ўсталявання палітычнага супрацоўніцтва паміж мясцовымі дваранамі і сялянамі ў рамках парламенцкай дзейнасці. Пачынаючы яшчэ з выбараў у II Дзяржаўную Думу (1906), «рускім» кандыдатам у дэпутаты мэтанакіравана дапамагаў расійскі ўрад і мясцовая губернская адміністрацыя, выкарыстоўваючы законныя і незаконныя метады паслаблення праціўніка і падтрымліваючы рускія нацыяналістычныя арганізацыі (галоўным чынам, т.зв. «чарнасоценцаў» – членаў «Саюза рускага народа»). А ў ходзе выбараў у III і IV Дзяржаўныя Думы на паражэнні «папякаў» у барацьбе за дэпутацкія мандаты паўплывала яшчэ і ўзрослая актыўнасць праваслаўнага святарства, якое падтрымлівалася ў ходзе прадвыбарчых кампаній «чарнасоценцамі» [8, с. 450–462]. У сваю чаргу краёўцы-кансерватары бачылі магчымасць рэалізацыі сваіх інтарэсаў толькі праз легальныя спосабы палітычнай дзейнасці і іх лаялісцкая пазіцыя адносна афіцыйных (расійскіх) улад не прадугледжвала радыкальных захадаў у палітычнай барацьбе.

Толькі пасля ўвядзення ў 1911 г. земстваў у Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях асноўнай (хоць і абмежаванай) пляцоўкай адшукання паразумення паміж краёўцамі-кансерватарамі (галоўным чынам, з Мінскай губерні – членамі МТСГ), інтэлігенцыяй і сялянамі, на нашу думку, сталі земскія ўстановы.

Такім чынам, у ініцыятыве і арганізацыі КПЛБ галоўную ролю адыгралі каталіцкія маянтковыя краёўцы-кансерватары Мінскай губерні – лідары МТСГ на чале з Эдвардам Вайніловічам. Неабходнасць стварэння КПЛБ у 1907 г. тлумачыцца імкненнем краёўцаў-кансерватараў Мінскай губерні мець у III Дзяржаўнай Думе Расійскай імперыі сваіх дэпутатаў-краёўцаў (ад беларуска-літоўскіх губерняў), аб’яднаных у адной арганізацыі, якая б стала альтэрнатывай і канкурэнцыяй польскім «эндэкам» у Думе. Гэта свед-

чыць аб іх вялікай зацікаўленасці ў праекце. Само стварэнне партыі было вынікам часовага кампраміса прадстаўнікоў каталіцкіх землеўласнікаў-кансерватараў Мінскай, Віленскай і Гродзенскай губерняў, сярод якіх яшчэ не было расколу, але ўжо меліся выразныя ідэйныя разыходжанні.

Партыя змагла правесці ў ІІІ Дзяржаўную Думу толькі аднаго дэпутата (Ваньковіча), ужо мела ў Дзяржаўным Савеце Расійскай імперыі трох сваіх дэпутатаў (Вайніловіча, Мілеўскага, Дашкевіча), а пазней рэарганізавала сваю структуру і прынцыпы для пашырэння ўласнай сацыяльнай базы (у першую чаргу за лік беларускамоўных сялян і інтэлігенцыі) і праіснавала нядоўга (да 1908 г.). Прычыны заняпаду партыі былі як знешняга (змяненне выбарчага заканадаўства ў бок звужэння прадстаўніцтва нярускага насельніцтва і рост рэакцыйнасці палітыкі афіцыйных улад пасля заканчэння рэвалюцыі 1905–1907 гг. у Расійскай імперыі), так і ўнутранага характару (адмова ад радыкальных метадаў у палітычнай барацьбе і пачатак ідэйных разыходжанняў унутры каталіцкага маёнткавага дваранства Беларусі, якое канчаткова адбылося ў 1911 г. пасля ўвядзення земстваў у Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай губернях і іх неўвядзення ў Віленскай, Гродзенскай і Ковенскай губернях).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Смалянчук, А. Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.
2. *Смалянчук, А.* Раман Скірмунт (1868–1939): жыццёпіс грамадзяніна Краю / А. Смалянчук. – Мінск: Зміцер Колас, 2018. – 700 с.
3. *Szpoper, D.* Sukcesorzy Wielkiego Księstwa. Myśl polityczna i działalność konserwatystów polskich na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1904–1939 / D. Szpoper. – Gdańsk: Arche, 1999. – 357 s.
4. *Szpoper, D.* Gente Lithuana, Nazione Lithuana. Myśl polityczna i działalność Konstancji Skirmuntt (1851–1934) / D. Szpoper. – Gdańsk: Arche, 2009. – 487 s.
5. Przed wyborami // *Kurjer Litewski*. – 1905. – № 31. – S. 1.
6. Odezwa Stronnictwa Krajowego Litwy i Rusi // *Kurjer Litewski*. – 1905. – № 65. – S. 1–2.
7. Odezwa Stronnictwa Krajowego Białej Rusi i Litwy // *Kurjer Litewski*. – 1906. – № 7–8. – S. 2.
8. *Jurkowski, R.* Sukcesy i porażki. Ziemiaństwo polskie Ziem Zabrzanych w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa 1906–1913 / R. Jurkowski. – Olsztyn: WUWM Olsztyn, 2009. – 550 s.
9. *Jankowski, Cz.* W ciągu dwóch lat...: Przyczynek do dziejów prasy polskiej na Litwie / Cz. Jankowski. – Warszawa-Kraków: Druk. W. L. Anczyca, 1908. – 201 s.
10. *Смалянчук, А.* Краёвец Эдвард Вайніловіч (1847–1928) / А. Смалянчук // «Краёвая ідэя» ў беларускай гісторыі: зб. навук. арт. / А. Смалянчук. – Мінск: Зміцер Колас, 2017. – С. 261–275.

11. *Woyniłłowicz, E. Wspomnienia. 1847–1928* / E. Woyniłłowicz. – Wilno: Józef Zawadzki, 1931. – Cz. 1. – 368 s.
12. *Korwin-Milewski, H. Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855–1925)* / H. Korwin-Milewski. – Poznań: Jan Jachowski, 1930. – 600 s.
13. *Woyniłłowicz, E. Koło Polskie* / E. Woyniłłowicz // *Kurjer Litewski*. – 1906. – № 80. – S. 2.

(Дата падачы: 22.02.2021 г.)

H. K. Рудаковский

Военная академия Республики Беларусь, Минск

E. A. Макаренко

Национальный архив Республики Беларусь, Минск

N. Rudakovskiy

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

E. Makarenko

National Archives of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 930.253(476)

ФОНДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

FONDS OF THE NATIONAL ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS A SOURCE FOR RESEARCH OF PROBLEMS CONCERNING CIVIL POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

В статье предпринята попытка выявления комплекса документов по проблемам гражданского населения на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, хранящихся в фондах Национального архива Республики Беларусь. Авторами систематизированы и охарактеризованы различные группы источников, сделаны выводы о степени их репрезентативности.

Ключевые слова: гражданское население; Великая Отечественная война; архивный фонд; оккупационный режим; партизанское движение; подпольное движение.

The article attempts to identify a set of documents on the problems of the civil population in the temporarily occupied territory of Belarus during the Great Patriotic War, which are stored in the National Archives of the Republic of Belarus. The authors have systematized

and characterized various groups of sources and made conclusions about the degree of their representativeness.

Keywords: civil population; Great Patriotic War; archival fond; occupation regime; guerilla movement; underground members.

Победа в Великой Отечественной войне была достигнута ценой больших потерь белорусского народа. Люди погибали не только на поле брани, но и методично, хладнокровно умерщвлялись в ходе осуществления гитлеровцами оккупационного режима. Проблема гражданского населения в годы войны всегда была и будет актуальной для исследователей нашей страны.

Проблема гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в документах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) представлена достаточно широко. Отражение вышеуказанной темы в архивных документах можно условно разделить на четыре группы: документы фондов партийных и государственных органов БССР; документы фондов по истории партизанского и подпольного движения; документы фондов организаций, учреждений, предприятий, формирований, осуществлявших режим оккупации или функционировавших под контролем оккупационных властей периода Великой Отечественной войны; документы фондов комиссий и учреждений, занимавшихся историей Великой Отечественной войны, расследованием преступлений немецких оккупантов и их пособников, а также архивных коллекций документов по истории Великой Отечественной войны.

В фонде 4п «Центральный комитет Коммунистической партии Белоруссии (ЦК КПБ)» представлены документы (директивы, постановления, отчеты, докладные записки, спецсводки ЦК, подпольных обкомов и райкомов КП(б)Б и др.) о политическом положении и экономическом состоянии на временно оккупированной территории Белоруссии, развертывании партизанской войны в тылу врага, взаимодействии партизан с местным населением, оказании населением помощи партизанам в проведении диверсионных и разведывательных операций, снабжении продовольствием и одеждой, помощи партизан населению в обеспечении тягловой силой, уборке урожая, проведении политико-массовой и агитационно-пропагандистской работы среди партизан и местного населения, сборе средств в фонд обороны страны, преступлениях на территории БССР, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1944 гг. [1].

Списки о ходе эвакуации населения из БССР в Армянскую ССР, Башкирскую, Мордовскую, Татарскую и Чувашскую АССР, Алтайский, Краснодарский, Красноярский и Орджоникидзевский край, Иркутскую, Ивановскую, Омскую, Пензенскую, Саратовскую, Тамбовскую, Челябинскую, Ярославскую и другие области СССР, отложились в фонде 7 «Совет Министров Республики Беларусь» [2].

Одной из наиболее важных задач партизанского движения, наряду с боевой и диверсионной деятельностью, была защита и спасение гражданского населения от угона в фашистское рабство, и физического уничтожения. Наиболее полно эта тема отражена в документах 46 фондов организаций и формирований движения Сопротивления периода Великой Отечественной войны, насчитывающих 21 277 дел. Это высшие партийные, комсомольские и военные органы, руководившие партизанским и подпольным движением, политические и вспомогательные структуры при них. В данных фондах хранятся списки жителей населенных пунктов убитых, расстрелянных, сожженных, угнанных в Германию, эвакуированных в советский тыл, служащих немецких оккупационных учреждений и граждан, сотрудничавших с оккупационными властями, партийных и советских работников, членов подпольных комсомольско-молодежных и антифашистских организаций и групп [3; 4].

Документы организаций, учреждений, предприятий и формирований, осуществлявших режим оккупации или функционировавших под контролем оккупационных властей периода Великой Отечественной, хранятся в 72 фондах, насчитывающих 11 272 дела. К ним относятся высшие органы управления оккупационными территориями; местные органы оккупационной администрации и органы самоуправления (окружные комиссариаты и комендатуры); центральные органы самоуправления и их региональные отделения; воинские учреждения, части, формирования; полиция и формирования, выполнявшие полицейские функции (полиция безопасности и СД, гестапо, вспомогательные структуры при них, полиция порядка, Белорусская самооборона и Белорусская краевая оборона); органы судебной власти и адвокатуры; органы и организации по мобилизации и использованию рабочей силы, финансирования и кредитования промышленности, сельского и лесного хозяйства, строительства, транспорта, связи, торговли, образования, культуры и искусства, печати и издательского дела; общественные организации и формирования, легально функционировавшие в условиях оккупации (отделения немецких общественных организаций и общественные организации населения оккупированных территорий). В фондах отложились документы (циркуляры, приказы, указания, распоряжения, инструкции, отчеты, сведения, переписка) о политическом положении и экономическом состоянии на временно оккупированной территории Белоруссии, об отношении немецких оккупационных властей к гражданскому населению, правилах поведения и общения с населением, введении обязательной трудовой повинности, мобилизации рабочей силы для использования на важных военных объектах и вербовке на работу в Германию, уплате населением налогов и денежных сборов, введении карточной системы на продовольственные товары и нормах снабжения продовольствием, социальном обеспечении и медицинском обслуживании гражданского населения, борьбе с эпидемиче-

скими заболеваниями, проведении политико-пропагандисткой работы, организации для населения курсов немецкого языка, создании антисоветских молодежных организаций, функциях немецких гражданских управлений в области просвещения, воспитания и обучения белорусской молодежи, состоянии высшего, среднего профессионального и школьного образования, подборе, назначении и перемещении кадров, оплате труда рабочих и служащих из числа местного населения; списки округов и районов Генерального округа Белоруссии с указанием численности населения по состоянию на 25.03.1943 и 01.01.1944, рабочих и служащих, медицинских работников, профессорско-преподавательского состава и студентов высших и средних учебных заведений, учителей и учащихся средних школ; анкеты, автобиографии, листки по учету кадров, лицевые карточки, ведомости на выдачу заработной платы, удостоверения, ордера на выдачу одежды и обуви [5]. Наиболее информативными являются фонды 370 «Генеральный комиссариат Белоруссии», 371 «Инспекториат белорусских школ при Генеральном комиссариате Белоруссии», 373 «Небен-бюро при Генеральном комиссариате Белоруссии» и 378 «Имперская дирекция путей сообщения в г. Минск».

Для учета ущерба, причиненного немецкими оккупантами на временно оккупированной территории БССР, сбора сведений о совершенных ими преступлениях была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК СССР).

Документы Белорусской республиканской комиссии содействия в работе ЧГК СССР в количестве 245 дел за 1941–1945, 1962, 1969, 1995 гг. хранятся в фонде № 845 НАРБ. В нем отложились документы по учету и расследованию злодеяний, совершенных немецкими оккупантами и их пособниками над гражданами БССР (протоколы, отчеты, акты, доклады, справки, информации, сведения, списки, журналы, ведомости, фотографии); сведения о количестве концлагерей, созданных на территории БССР в 1941–1944 гг. и карта уничтожения населения Белоруссии в 1941–1944 гг. (1969 г.); сборник документов о преступлениях на территории БССР, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1944 гг., подготовленный для обвинения в преступлениях офицерского и рядового состава Минского СД на процессе в г. Кобленце в 1962–1963 гг.; опросные листы граждан, возвратившихся из Германии и проживавших в районах Бобруйской, Витебской и Могилевской областей; фотоальбомы о злодеяниях и разрушениях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на территории БССР [6].

Документы по установлению и расследованию злодеяний, причиненных немецкими оккупантами и их пособниками на временно оккупированной территории Белоруссии, представлены также в фонде 750п «Комиссия по

истории Великой Отечественной войны при ЦК КП(б)Б». Вместе с тем значительный интерес к проблеме гражданского населения на временно оккупированной территории БССР представляют стенограммы бесед с участниками подпольного и партизанского движения, а также немецкие трофейные документы о политическом положении и экономическом состоянии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (проведении земельной реформы, налоговой политике), обращение крестьян с просьбой о возвращении имущества, выдаче хлеба, приеме на службу в полицию и другие [7; 26].

В фонде № 1363 «Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) БССР» хранятся 2897 уголовных дел на иностранных военнопленных и интернированных, осужденных за преступления, совершенные в годы Второй мировой войны и во время пребывания в советском плену за 1944–1951 гг.

В составе уголовных дел наряду с постановлениями об их возбуждении, избрании меры пресечения, предъявлении обвинения, окончании следствия и др. имеются акты и протоколы допросов свидетелей практически по всем областям, районам и городам СССР, где были совершены военные преступления.

В связи с тем, что военнопленных судили в большинстве случаев не по месту совершения преступления, а по месту нахождения в плену, в уголовных делах содержатся сведения не только о событиях, происходивших на территории СССР, но и в странах Европы [8, 21].

Документы областных, городских и районных комиссий содействия в работе ЧГК СССР о расследовании фактов злодеяний, совершенных немецкими оккупантами и их пособниками на территории РСФСР, БССР, УССР, Молдавской ССР, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, хранятся в фонде № 861 «Управление лагеря военнопленных № 168 МВД СССР» [9].

Изучением преступлений немецких оккупантов и размеров ущерба, нанесенного войной и оккупацией, занимались и научно-исследовательские учреждения республики, документы которых также хранятся в ИИП – Институт истории партии (ИИП) при ЦК КПБ (ф. № 1440) [10], Партийный архив ЦК КП(б)Б (ф. № 511п) [11], Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (ф. № 1246) [12].

Коллекция документов «Минское антифашистское подполье в годы Великой Отечественной войны» (фонд 1346) сформирована из документов и копий документов о признании деятельности подпольных групп и организаций г. Минска и Минского области, переданных, в том числе, из КГБ БССР, УССР и архивов ГДР. В данном фонде представлены выписки из приказов, протоколы, справки, информации, разведсводки, сообщения, опросные листы о политическом положении на временно оккупированной территории Белоруссии, проведении карательных операций по выявлению, арестам и расстрелам партизан, подпольщиков, красноармейцев, еврейского и цыган-

ского населения в г. Минске и Минском районе; списки советских граждан, арестованных службой безопасности СД в г. Минске в 1941–1943 гг.; книги регистрации заключенных Минской тюрьмы; стенограммы бесед, воспоминаний и письма бывших участников подпольного движения в г. Минске и Минской области [13].

Приказы Главного управления войск СС и руководящего штаба СС в г. Берлине о формировании 30-й гренадерской дивизии СС из частей и соединений добровольцев украинской, русской и белорусской национальностей, входивших в состав карательной бригады «Зиглинг»; приказы и отчеты начальника СС и полиции Белоруссии, командования 30-й гренадерской дивизии СС о ходе проведения операций против партизан под кодовым названием «Смельчак 1, 2», «Коттбус», «Герман»; сводки, сведения начальника СС и полиции России – Центр и Белоруссии о рассредоточении немецких формирований СС и полиции на временно-оккупированной территории Белоруссии, кодовых названиях формирований СС и полиции; документы (приказ, отчеты, докладные записки, сведения) о создании в г. Минске еврейского гетто, акциях, проводимых против населения еврейской национальности, сожжении деревень в Воложинском районе Минской области и Хойникском районе Гомельской области, открытии и работе школ на временно оккупированной территории Белоруссии, состоянии детского дома в местечке Дрозды Минской области. Трофейные документы (анкеты, обязательства, свидетельства, служебные карточки) лиц, служивших в воинских формированиях, созданных немецкими властями на временно оккупированной территории Белоруссии, отложились в фонде 359 «Коллекция документов немецких оккупационных властей и воинских формирований периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [14].

В фонде 1191 «Коллекция документов о партизанском движении на территории Белоруссии, созданная в годы Великой Отечественной войны» хранятся переводы документальных материалов Нюрнбергского процесса о партизанском движении на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны [15].

Копии свидетельств о регистрации браков уроженок Белоруссии с иностранными гражданами, зарегистрированных в отделах регистрации актов гражданского состояния Бременского, Люнебургского, Любекского и Мюнстерского городских управлений Германии, отложились в фонде 659 «Коллекция копий свидетельств о регистрации браков уроженок Белоруссии с иностранными гражданами, зарегистрированных в отделах регистрации актов гражданского состояния Бременского, Люнебургского, Любекского и Мюнстерского городских управлений Германии» [16].

В течение 1950–1997 гг. в НАРБ осуществлялся перевод трофейных немецких документов периода Великой Отечественной войны, хранившихся и хранящихся в Центральном государственном архиве Потсдама, Федераль-

ном архиве Германии в г. Кобленце, Особом архиве в г. Москве, Национальном архиве Украины, ЦГАОР СССР и ЦГИА Латвийской ССР, в 40 фондах НАРБ (№ 4п, 359, 370, 371, 373, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 389, 391, 393, 394, 398, 404, 406, 407, 409, 411, 412, 500, 555, 562, 566, 570, 651, 655, 658, 685, 700, 861, 1191, 1403 ОАФ, 1440, 1450) и в коллекции микрофотокопий «Александрийская пленка (Потсдамское архивное управление при Совете Министров ГДР)», микрокопий архивных документов на правах подлинников, поступивших из институтов истории партии, архивов и учреждений. В результате была создана «Коллекция переводов документов периода Великой Отечественной войны» (фонд 510), в которой представлены переводы указов, приказов, распоряжений, циркуляров, докладных и служебных записок, отчетов, справок, донесений, сообщений, сведения о политическом положении и экономическом состоянии на временно оккупированной территории Белоруссии, организационной структуре административно-управленческого аппарата гражданского управления на территории республики, установлении оккупационного режима, карательных операциях против мирного населения, деятельности оперативных групп, боевых действиях партизан, массовых расстрелах евреев, уничтожении деревни Хатынь, вербовке населения для работы в Германии, деятельности Белорусской народной самопомощи и Союза белорусской молодежи, списков жителей, анкет, удостоверений [17].

В фонде 541 «Коллекция ксерокопий и фотокопий документов, поступивших из советских и зарубежных архивов» отложились ксерокопии документов, поступивших из Бундесархива (Германия), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Национального архива Республики Татарстан. Среди которых – протоколы заседаний Рейхстага и постоянного комитета по деловым связям с Россией, совещаний в Рейхсминистрстве оккупированных восточных территорий о планировании работы по проведению новой аграрной политики и административном устройстве на оккупированных территориях; протоколы заседаний комиссии по подготовке и проведению открытых судебных процессов над бывшими военными германской армии, чинившими злодеяния и зверства над советскими гражданами на оккупированной территории СССР; обзоры, информации, сведения об эвакуации материальных ценностей и мирного населения БССР, заключенных из тюрем НКВД–УНКВД Запада и прифронтовой полосы в годы Великой Отечественной войны, социально-экономическом положении в Генеральном округе Белоруссии; документы из «Особой папки» И. В. Сталина: докладные записки и сообщения наркома внутренних дел СССР Л. Берия и министра внутренних дел СССР С. Круглова об обеспечении безопасности в освобожденных районах БССР, борьбе с вражеской агентурой, вооруженным подпольем, уголовной преступностью и другим вопросам; анкеты советских граждан (белорусов), угнанных в Люксембург в годы Второй мировой войны [18].

Ксерокопия письма Уполномоченного СНК БССР в Казанское горжилуправление от 02.09.1941 о размещении эвакуированных семей руководящих работников БССР, поступившего из Национального архива Республики Татарстан [19].

В 2016 г. на хранение в НАРБ приняты цифровые копии 227 архивных дел (47 454 файла JPG) на 17 компакт-дисках (DVD-R) из 12 описей фонда № Р 7021 ГАРФ, и была сформирована «Коллекция цифровых копий на правах подлинников документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) по БССР, переданных из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)» [20; 27; 28].

На сегодняшний день в НАРБ разработаны и используются в научной и справочной работе архива 1 внутриархивный [21] и 4 межархивных справочников [22–25], 3 тематические базы данных, посвященные гражданскому населению в годы Великой Отечественной войны [29; 30].

БД «Германская неволя» – именной указатель, созданный в 1995 г. и предназначенный для поиска сведений о жителях республики, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны Европы в годы Второй мировой войны. БД основана на документах фондов, хранящихся в НАРБ.

Автоматизированный поиск информации осуществляется по полям «Фамилия», «Имя», «Отчество», «Дата и Место рождения», «Дата угона лица на принудительные работы», «Поисковые данные (фонд, описание, дело, лист)». БД обеспечивает поиск по всем полям или совокупности полей входного формата. Объем БД составляет 69201 запись.

В марте 2013 г. к 70-летию Хатынской трагедии на сайте НАРБ размещена БД «Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны», построенная по алфавитному принципу и основанная на документах НАРБ, Центрального архива КГБ Республики Беларусь, областных и зональных государственных архивов Беларуси, архивов России. Данная БД была создана НАРБ при поддержке общественного объединения «Белорусский фонд мира» в рамках осуществления международного проекта «Повышение статуса спасшихся жителей сожженных белорусских деревень».

БД содержит сведения о белорусских деревнях, уничтоженных полностью или частично с населением и без жителей, состоит из двух частей (информационной и иллюстрационной). Первая часть включает в себя следующие поля: «Название населенного пункта», «Современное административно-территориальное деление», «Военная административная подчиненность», «Количество дворов и населения накануне войны», «Количество уничтоженных дворов и населения», «Дата уничтожения населенного пун-

кта», «Поисковые данные (архив, фонд, опись, дело, литература)». Вторая часть базы данных содержит цифровые копии архивных документов, фотографии, записи воспоминаний и другие материалы, свидетельствующие о трагедии.

БД позволяет осуществлять не только поиск информации по различным критериям, но и проводить аналитические исследования о количестве сожженных деревень по районам, областям и времени их уничтожения. Объем БД составляет 9097 записей.

В настоящее время продолжается работа по уточнению списка уничтоженных населенных пунктов, выявление и оцифровка архивных документов, содержащихся в архивно-следственных делах на военных преступников, осужденных в послевоенные годы.

БД «Гражданское население в годы оккупации на территории Белоруссии» – именной указатель, созданный на основе документов фондов периода Великой Отечественной войны, хранящихся в НАРБ (списки жителей деревень; списки граждан, сдавших средства в фонд обороны; списки гражданского населения, проживавшего в семейных лагерях партизанских отрядов; списки граждан, эвакуированных из немецких гарнизонов в партизанские зоны; списки учащихся и учителей партизанских школ; списки граждан, проживавших на территории действия партизанских отрядов; списки скрытых резервов партизанских отрядов; списки партизанских семей, эвакуированных в советский тыл; списки беженцев, проживавших на территории Белоруссии; списки рабочих и служащих немецких оккупационных учреждений). Работа по созданию БД начата архивом в 2012 г. Отделом использования документов и информации проведено выявление источников и составлены тематические перечни документов по областям БССР. БД находится в процессе наполнения и актуализации.

Автоматизированный поиск информации осуществляется по всем полям БД: «ФИО», «Год рождения/Возраст», «Населенный пункт жительства», «Род занятий», «Архивный шифр», «Примечание». По состоянию на 01.01.2019 г. в БД 32500 записей, 85 % из которых – это сведения о лицах, эвакуированных из БССР, фонда 7 «Совет Министров Республики Беларусь» [2].

Ввод данных в БД «Гражданское население в годы оккупации на территории Белоруссии» в 2019 году был приостановлен в связи с участием Национального архива в проекте по созданию портала «Партизаны Беларуси». Вместе с тем, в июне 2020 г. было принято решение о необходимости разделения данной БД на две базы данных – «Гражданское население, эвакуированное с территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» и «Гражданское население, проживавшее на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны».

Таким образом, документы о гражданском населении на временно оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны

представлены в фондах Национального архива Республики Беларусь практически в полном объеме и являются ценным источником, к которому будут обращаться современные исследователи.

Список использованных источников

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 33а Д. 6, 22, 37, 41, 64, 77, 254, 256, 257, 260, 262, 263, 266, 271, 272, 274, 278, 279, 280, 287, 288, 289, 352, 402, 465, 481, 485, 490, 515, 587, 697, 698; Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2, 17239, 18372; Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1, 5, 189, 1209, 1210, 1240; Ф. 4п. Оп. 29. Д. 2, 3, 12, 26, 68, 91, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 159, 159а, 206, 207, 805; Ф. 4п. Оп. 61. Д. 23, 64, 65, 82, 132, 133, 228, 229, 236, 237.

2. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 3. Д. 1, 1963–1990.

3. НАРБ. — Ф. 1328 ОАФ. Оп. 1. Д. 47.; Ф. 1329 ОАФ. Оп. 1. Д. 15, 63а, 83, 108, 159, 185, 208; Ф. 1332 ОАФ. Оп. 1. Д. 4, 6, 9, 17, 18; Ф. 1333 ОАФ. Оп. 1. Д. 14, 21, 24, 142, 143, 144, 145; Ф. 1334 ОАФ. Оп. 1. Д. 30, 63, 68, 82, 98; Ф. 1336 ОАФ. Оп. 1. Д. 4, 20, 22, 122, 127, 131, 216, 279, 358; Ф. 1337 ОАФ. Оп. 1. Д. 2, 12, 30, 33; Ф. 1341. Оп. 1. Д. 3, 32, 46–59, 68, 90, 109, 128, 144, 151, 152, 190, 191, 194, 195, 197, 200, 206, 215, 222, 227, 235, 237–240, 249; Ф. 1350 ОАФ. Оп. 1. Д. 3–5, 8, 14, 20, 21, 28, 29, 34, 36–38, 40, 55, 56, 59, 67, 70, 81, 84, 106, 108, 138, 142, 146, 147, 149, 155, 156, 184, 185; Ф. 1352 ОАФ. Оп. 1. Д. 27, 29, 30, 32, 34, 35, 38, 47; Ф. 1364. Оп. 1. Д. 8, 17, 22; Ф. 1365 ОАФ. Оп. 1. Д. 46; Ф. 1375 ОАФ. Оп. 1. Д. 16, 25, 60; Ф. 1377 ОАФ. Оп. 1. Д. 9; Ф. 1378 ОАФ. Оп. 1. Д. 7, 9, 12, 21, 22, 23, 38, 39–41, 49, 52–54, 56, 69, 81–84, 90, 92, 94; Ф. 1379 ОАФ. Оп. 1. Д. 1, 5, 6, 13, 16, 49, 76, 79; Ф. 1380 ОАФ. Оп. 1. Д. 6, 14, 90, 98.; Ф. 1381 ОАФ. Оп. 1. Д. 2, 6–8; Ф. 1386 ОАФ. Оп. 1. Д. 7–9, 20, 31, 41, 44, 47, 49, 50, 60, 61, 68, 69, 89, 92, 136, 139, 147; Ф. 1383 ОАФ. Оп. 1. Д. 92, 93; Ф. 1384 ОАФ. Оп. 1. Д. 15; Ф. 1385 ОАФ. Оп. 1. Д. 13; Ф. 1399 ОАФ. Оп. 1. Д. 82, 107, 113, 125, 163, 171, 172, 184, 205, 211, 246, 315, 401, 410, 510, 535, 569, 589, 596, 603, 604, 608, 616, 626, 627, 636, 666, 668, 696, 720, 738, 769, 781; Ф. 1400 ОАФ. Оп. 1. Д. 8, 23, 42, 52, 105, 108, 113; Ф. 1401 ОАФ. Оп. 1. Д. 16, 18, 32, 84, 94, 106, 110, 113, 114, 115, 142, 144, 148, 150, 159, 170, 178, 181, 198, 200, 203, 209, 213, 215, 220, 233, 237, 251, 276, 305, 307, 314–316, 318, 323, 330, 338, 349, 366, 379, 380, 387, 422, 437, 481, 496, 505, 507, 509, 512, 521, 526; Ф. 1402 ОАФ. Оп. 1. Д. 50, 70, 76, 77, 112 116, 118, 121, 186, 188, 191, 199, 201, 207, 209, 210, 211, 213–217, 228, 234, 254, 258, 265, 272; Ф. 1403 ОАФ. Оп. 1. Д. 511; Ф. 1404 ОАФ. Оп. 1. Д. 29, 79, 105, 109, 115, 165; Ф. 1405 ОАФ. Оп. 1. Д. 5, 19, 32, 47, 62, 65, 86, 103, 110, 122, 129, 142, 154, 213, 220, 265, 308, 325, 329, 411, 422, 620, 649, 746, 778, 782, 794, 834, 846, 866, 901, 910, 927, 977, 987, 1002, 1012, 1024, 1025, 1042, 1095, 1147, 1159, 1162, 1176, 1180, 1216, 1230, 1232, 1233, 1253, 1268, 1298, 1394, 1512, 1531, 1560, 1581, 1583, 1641, 1673, 1784, 1846, 1939, 1942, 1952, 1986, 2006 2008; Ф. 1406 ОАФ. Оп. 1. Д. 1, 15, 23, 28, 42, 59, 64, 65, 68, 70, 72, 80, 85, 98, 100, 103, 115, 119, 161, 168, 170, 178, 240, 245, 265, 281, 297, 306, 328, 329, 340, 341, 356, 361, 363, 369, 389, 432, 438, 472, 474; Ф. 1406 ОАФ. Оп. 2. Д. 1, 3, 4, 7, 9, 10, 15, 17, 31, 34, 37 39, 41, 42, 62, 75, 76, 87, 88, 93, 95, 103, 104, 111, 118, 128, 131,

139, 145, 148, 150, 154, 156, 157, 166; Ф. 1407 ОАФ. Оп. 1. Д. 13, 58, 71, 78, 119, 187, 191; Ф. 1408 ОАФ. Оп. 1. Д. 4, 5, 8, 12, 29.

4. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 2.; – Ф. 1450. Оп. 2 Д. 8, 32, 51, 98, 108, 371, 378, 884, 1244; Ф. 1450. Оп. 3. Д. 39, 119, 127; Ф. 1450. Оп. 4 Д. 26, 72, 76, 91, 106, 137, 159, 166, 168, 191, 216, 220, 250, 256, 257, 259, 264, 278, 284, 287, 295, 321, 338, 377; Ф. 1450. Оп. 5 Д. 427; Ф. 1450. Оп. 13. Д. 4; Ф. 1450. Оп. 21. Д. 241.

5. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 38–39, 41, 48, 53, 69, 83, 91–93, 95–96, 98, 100, 109, 112, 114, 123, 125, 131–132, 139–140, 148а, 149, 154, 156–157, 192–196, 213, 214, 265, 296–298, 300–302, 356–364, 368, 382а, 420–422, 424, 429, 431, 434–435, 451, 456, 484, 547–548, 563, 572, 576а, 578, 580–589, 637, 641–646, 902, 906–908, 917, 921, 925, 1195–1207, 1219–1229, 1262, 1277, 1287, 1345, 1356, 1395, 1482, 1628–1637, 1639–1648, 1845, 1847, 1849, 1852, 1876, 2373, 2381, 2477, 2504, 2562–2563, 2675–2681; Ф. 370. Оп. 4. Д. 136, 142–143; Ф. 370. Оп. 6. Д. 4, 8, 27, 30, 33, 36, 39–41, 43, 53, 62, 67, 73, 82, 85, 88, 117, 123, 125–126, 139–141, 159–163, 168–169, 174.; Ф. 370. Оп. 7. Д. 1–65; Ф. 371. Оп. 1. Д. 1–6, 8–9, 12, 16, 19–42, 47–57, 60–66, 69–73, 75, 84–85, 87, 92–105, 108, 113–114, 123–125, 127–130, 156, 175; Ф. 372. Оп. 1. Д. 22, 23; Ф. 373. Оп. 1. Д. 8–17, 19–27, 29, 36–39, 54–67, 88–93; Ф. 378. Оп. 1. Д. 23–25, 34–35, 40–43, 46, 48–49, 115, 120, 169, 171, 173, 176, 178, 188–189, 191, 192, 204–205, 210–211, 214, 216, 224, 234, 266–267, 293, 406–409, 566, 568, 575, 579, 585, 590, 594, 622–623, 724, 756–786; Ф. 381. Оп. 1. Д. 7, 10, 13–15, 20, 24, 35, 37; Ф. 384. Оп. 1. Д. 3а, 4а, 11, 13, 16, 51, 63, 65, 74, 78–81, 147, 276; Ф. 384. Оп. 2. Д. 4, 5; Ф. 385. Оп. 3. Д. 1–3, 6, 8а, 10, 10а, 10б, 11–15в; Ф. 385. Оп. 2. Д. 1–4, 6, 8, 9, 15–16, 20, 25–27, 36–37, 39–41, 54–59, 66; Ф. 389. Оп. 1. Д. 2, 4; Ф. 651. Оп. 1. Д. 1; – Ф. 652. Оп. 1. Д. 1, 3–12; Ф. 655. Оп. 1. Д. 3; Ф. 658. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

6. НАРБ – Ф. 845. Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 26, 58, 59, 60, 81–84, 92, 237.

7. НАРБ – Ф. 750п. Оп. 1. Д. 32, 48, 60, 61, 62, 65, 91, 111–128, 142, 155, 165, 166, 225–231, 233–235, 294, 304, 311, 312, 315, 320, 322, 325, 329, 332, 337, 341, 342, 349.

8. НАРБ. – Ф. 363. Оп. 1. Д. 1–2897.

9. НАРБ. – Ф. 861. Оп. 1. Д. 1–39.

10. НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 745, 746, 748, 753, 754, 755, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 765, 766, 767, 768, 769, 770.

11. НАРБ. – Ф. 511п. Оп. 6. Д. 34, 37, 60, 71–77; Ф. 511п. Оп. 8. Д. 347а

12. НАРБ. – Ф. 1246. Оп. 1. Д. 161, 214.

13. НАРБ. – Ф. 1346. Оп. 1. Д. 1, 4, 13 27, 33–41, 52–56, 59, 61–63, 65, 69, 71, 79, 96, 99, 100, 101, 103.

14. НАРБ. – Ф. 359. Оп. 1. Д. 1–29.

15. НАРБ – Ф. 1191. Оп. 1. Д. 1–3.

16. НАРБ – Ф. 659. Оп. 1. Д. 1.

17. НАРБ. Ф. 510. Оп. 1. Д. 1–168.

18. НАРБ. – Ф. 541. Оп. 5. Д. 4, 5, 23, 24, 26, 32.

19. НАРБ. – Ф. 541. Оп. 6. Д. 2.

20. НАРБ. – Ф. 1569. Оп. 1. Д. 1–227.

21. Осуждение иностранных военнопленных и интернированных в Беларуси, 1944–1951 гг. (Опись уголовных дел фонда № 1363) / Нац. арх. Респ. Беларусь, Фонд «Ист. память», Ин-т им. Людвиг Бальцмана по исслед. последствий войн; сост.: Л. Д. Жуковская, Н. В. Кириллова, Т. И. Лин, В. Д. Селеменев (рук.); редкол.: А. Дюков, С. Карнер, Х. Кноль, В. Селеменев. – Минск: М.; Грац; М.: Фонд «Ист. память» 2016. – 552 с.

22. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944. Handbuch der Haftstätten für Zivilbevölkerung auf dem besetzten Territorium von Belarus 1941–1944. – Минск: НАРБ, 2001. – 158 с. (на русск., нем. яз).

23. Dokumente zur Geschichte des Zweiten Weltkrieges in den Staatsarchiven der Republik Belarus: ein Nachschlagewerk / Ludwig-Boltzmann-Institut für Kriegsfolgen-Forschung; Nationalarchiv der Republik Belarus; Nationales Zentrum für Archiv- und Schriftführung der Republik Belarus; Belarussisches Wissenschaftsforschungsinstitut für Dokumentations- und Archivangelegenheiten ; Verfasser: S. V. Žumar (Hauptverfasser), L. N. Aleksandrova, O. A. Dobcina, N. A. Redkozubova, V. D. Selemenov. – Graz; Wien; Minsk: Ludwig-Boltzmann-Institut für Kriegsfolgen-Forschung, 2001. – 236 с. – (Veröffentlichungen des Ludwig-Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung; Bd. 6).

24. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь (1941–1945): справочник / Об-ние Саксонские мемориалы в память жертвам полит. террора, Ин-т им. Людвиг Бальцмана по исслед. последствий войн, Ком. по арх. и делопроизводству при Сов. Мин. Респ. Беларусь, Белорус. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела, Нац. арх. Респ. Беларусь; редкол.: В. Селеменев, С. Жумарь, К.-Д. Мюллер, Шт. Карнер. – Дрезден; Минск; Грац, 2003. – 592 с.

25. Документы по истории Беларуси в «Особой папке» И. В. Сталина / Нац. арх. Респ. Беларусь, Белорус. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела, Гос. арх. Рос. Федерации; сост.: С. В. Жумарь, С. В. Мироненко, В. Д. Селеменев; науч. ред. В. И. Адамушко, В. П. Козлов, В. П. Крюк. – Минск: НАРБ, 2004. – 86 с.

26. Макаренко, Е. А. Деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны при ЦК КП(б)Б и ее фонд в НАРБ / Е. А. Макаренко / Минулае павінна служыць людзям...: матэрыялы архіўных чытанняў «Р. П. Платонаў і пытанні архівазнаўства, археаграфіі, крыніцазнаўства і гісторыі Беларусі XX ст.» (Мінск, 14 снеж. 2005 г.), прысвеч. 75-годдзю з дня нараджэння Р. П. Платонава / адк. рэд. Ю. У. Несцяровіч, У. Ф. Фядосаў. – Мінск: БелНДІДАС, 2006. – С. 34–37.

27. Макаренко, Е. А. Цифровые копии документов ЧГК на правах подлинников переданы в Беларусь // Архивы и делопроизводство. – 2019, № 3. – С. 111–114.

28. Макаренко, Е. А. Белорусская республиканская комиссия содействия в работе ЧГК СССР: история создания и формирование архивных комплексов документов / Е. А. Макаренко // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Минск: БелНИИДАД. – 2019. – Вып. 20. – С. 51–62.

29. Макаренко, Е. А. Система научно-справочного аппарата как основа для изучения состава и содержания документов «Национального архива Республики Беларусь» / Е. А. Макаренко // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны / рэдкал.: С. М. Ходзін (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2013. – С. 163–172.

30. Рудаковский, Н. К. Информационные технологии в практике работы Национального архива Республики Беларусь / Н. К. Рудаковский, Е. А. Макаренко // Архивы и делопроизводство. – 2016. – № 3. – С. 66–72.

(Дата подачи: 12.02.2021 г.)

Т. И. Рыжко

Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла
Белорусского государственного университета, Минск

T. Ryzhko

Saints Methodius and Cyrill Institute of Theology of Belarusian State
University, Minsk

УДК 271.22(470+571)(476)-774(476.1)-725-9

ЖИЗНЬ ПРИХОДСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ОТРАЖЕНИИ «МИНСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

LIFE OF PARISH ORTHODOX CLERGY IN THE REFLECTION OF THE MINSK DIOCESAN NEWS

В статье рассматриваются Минские епархиальные ведомости с точки зрения их репрезентативности в отношении жизни и деятельности приходского православного духовенства в 1860–1914 гг.

Ключевые слова: Минские епархиальные ведомости; приходское православное священство.

The article examines the Minsk Diocesan News from the point of view of their representativeness in relation to the life and work of the parish orthodox clergy in 1860–1914.

Keywords: Minsk Diocesan News; parish Orthodox priesthood.

Источниками по истории жизни и деятельности приходского православного духовенства во второй половине XIX в. являются самые разнообразные тексты и документы. Целью данного исследования является изучение места и роли приходского православного духовенства в общественной и культурной жизни Беларуси в 1860–1914 гг. через рассмотрение такого исторического документа, как Минские епархиальные ведомости.

Издание Минских епархиальных ведомостей (далее – МЕВ) начинается в. 1868 г. Первыми редакторами МЕВ стали А. А. Орлов (1868 г.), кандидат богословия, учитель словесности в МДС и прот. Ф. И. Миткевич (1869–1873, 1874, 1875–1870 гг.), клирик Минского кафедрального собора [30, с. 46–47].

В первом же номере журнала издатели отметили, что их целью являются не научные достижения: «наша задача прямая – быть органом местного духовенства, органом его мысли и деятельности, органом его объединения

в суждениях и действиях по предметам пастырской практики и другим, близко касающимся интересам духовенства... Поэтому редакция Ведомостей призывает пастырей делиться своим опытом, сообщая в редакцию о своей полезной деятельности в назидание своим собратиям... Духовенство может видеть, что редакция Ведомостей имеет ввиду преследовать живые интересы современной жизни местного духовенства и, надеясь на содействие ей в этом деле духовенства Минской епархии, с помощью Божией принимает за дело» [18, с. 3–4].

Минские епархиальные ведомости регулярно выходили с 1868 по 1917 г., но количество номеров каждый год было неодинаковым. После 1917 г. выходили с нарушением периодичности.

Исследованию наследия МЕВ посвящено немало работ, написанных журналистами, богословами, филологами и историками. Одними из самых известных и фундаментальных из них являются работы белорусского журналиста В. И. Шимолина [31; 32]. В своих исследованиях Виктор Иванович указывает причины появления в Беларуси всей церковной печати, в том числе и МЕВ, говорит о том, что данная тема изучена недостаточно полно, указывает на особенности публикаций в зависимости от епархии, в которой они публиковались, а также подчеркивает их значимость для исторической и филологической науки.

Есть и другие исследования, касающиеся темы епархиальных ведомостей, в том числе и минских. Это учебники и учебно-методические комплексы по истории журналистики С. В. Говина [4; 5], а также статьи Н. В. Жарской [8; 9] в сборниках конференций, посвященных библиотечному делу.

Изучение белорусской церковной периодики учеными-богословами началось еще в конце XIX в. Что касается исследования МЕВ, то в 1899 г. появилась работа священника Илариона Пастернацкого [29], систематизирующая содержащиеся в них статьи за 1868–1897 гг. После известного атеистического периода в СССР (1917–1990 гг.) происходит возврат к исследованию белорусских епархиальных ведомостей в церковно-богословской среде. Так в 2000-х гг. был написан ряд работ, посвященных систематизации публикаций в епархиальной прессе (В. Беляцкий, Д. Доронин, В. Дубяга, В. Капинский, А. Козак, М. Стреха) [2; 6; 7; 10; 12; 28], истории изданий и их тематики (А. Нецветаев, П. Чистяков) [16; 30]. Некоторые из них касались Минских епархиальных ведомостей.

Одним из современных исследователей белорусских епархиальных ведомостей второй половины XIX в. является О. Г. Римко [26]. Ее диссертационное исследование было посвящено епархиальным ведомостям на территории Беларуси (1863–1920 гг.) как источнику сведений по истории греко-католической церкви.

Таким образом, в изучении МЕВ очевиден крен: их чаще изучали и использовали журналисты и богословы. Сейчас наблюдается интерес к бело-

русским епархиальным ведомостям со стороны историков, которые их регулярно используют и исследуют.

Официальный и неофициальный разделы МЕВ состоят из нескольких глав, например: «Императорские действия и распоряжения», «Постановления и распоряжения Гражданского Правительства», «Указы, определения и распоряжения Св.Синода», «Указы, определения и распоряжения Минского Епархиального Начальства», «Церковные проповеди разных видов», «Духовно-литературный отдел», статьи по истории Северо-Западного края и Минской епархии. Официальная часть МЕВ является менее информативной для освещения жизни приходского православного духовенства на территории Беларуси. Она дает представление об официальной стороне жизни православной церкви и ее связи с государственной властью на территории всей империи. Тем не менее, в некоторых из них можно найти интересные сведения. Публикация «Высочайшие награды, пожалованные священнослужителям минской епархии за службу по духовному и гражданскому ведомству» [3, с. 97–99] рассказывает о награжденных разными степенями наград белорусских священнослужителях. Публикация «Отчет о состоянии Кирилло-Мефодиевского братства при церкви Минской Духовной Семинарии за 1897/1898 учебный год» [21, с. 475–489] содержит описание состава, деятельности, денежных расходов и доходов братства. Публикации под названием «Распоряжения Епархиального Начальства» в разных номерах содержат информацию о хиротониях и возведениях в церковные чины [24, с. 93–95].

Вторая, неофициальная, часть МЕВ содержит богатый материал, иллюстрирующий разные стороны церковной жизни на белорусских землях. Уже с первых номеров редакция ведомостей призывала авторов к сотрудничеству. Не только преподавателей Минских духовных школ, но и все духовенство епархии. Редакция призывала духовенство «поддержать наше издание живым и деятельным участием в нем» [19, с. 2]. Однако и в начале второго года выхода ведомостей издатели признали, что «некоторые пункты программы ... издания остались вовсе незатронутыми, другие выполнены только по самой незначительной степени» [19, с. 1]. Такого рода проблемы и в дальнейшем сопровождали деятельность редакции минских епархиальных ведомостей. Доходило до того, что «в продолжении нескольких месяцев ведомости выходили с одной только официальной частью» [17, с. 153–154]. Несмотря на возникающие препятствия в период с 1868 по 1915 гг. МЕВ опубликовали значительный объем материала, иллюстрирующего жизнь приходского духовенства Минской епархии. Особенное внимание было уделено деятельности церковно-приходских школ и Минской Духовной Семинарии. Именно священнослужители стали первыми, а иногда и единственными учителями этих школ. В статье «Открытие Береженской церковно-приходской школы» [29, с. 468–473] описывается процесс открытия

церковно-приходской школы в Минской епархии в имении Бережно Новогрудского уезда частным лицом при содействии архиерея и Епархиального Училищного Совета. В деревне нашлось 60 мальчиков и девочек, записавшихся в школу, и некоторые взрослые пожелали посещать занятия. В № 23 ведомостей за 1900 г. священник Самуил Очаповский пишет об освящении двухклассной церковно-приходской школы в селе Уборках Речицкого уезда [22, с. 503–505]. В селе Уборки одноклассная церковно-приходская школа не имела собственного помещения и располагалась в съемном здании в ужасных стесненных условиях. Из-за этого приходилось отказывать в поступлении в школу 40 детям каждый год. Местный священник обратился в Минский Епархиальный Училищный Совет с просьбой выделить деньги на строительство собственного здания для школы. В публикации священника Л. Кляевского «Краткий очерк основания в селе Сварицевичах, Пинского уезда, одноклассной церковно-приходской школы и торжественное освящение ее 6 декабря 1903 г.» описывается история создания и освящения каменной одноклассной церковно-приходской школы с отделением для девочек в указанном селе трудами местного священника и равнодушных людей [11].

В ряде статей священнослужители описывают состояние храмов и церковную жизнь своих приходов. Отец Роман Москалевич в статье «Историко-статистическое описание местечка Гайны и Гаинского прихода» [14, с. 133–141] описывает не только церковную жизнь прихода, но и историю этого селения. В 1869 г. здесь было два православных храма: в честь Успения Божией Матери и в честь Архистратига Михаила и один приписной храм, воздвигнутый в честь победы русских воинов над татарами. Хотя село имело униатское и латинское прошлое. Далее, в следующем 1870 году отец Роман Москалевич продолжает свое исследование логойской земли и публикует статью «М. Логойск, его историческая судьба в церковном и гражданском отношении» [15, с. 30–33]. Стоит сказать, что некоторые священнослужители серьезно занимались историко-краеведческими исследованиями, о чем свидетельствуют соответствующие публикации, продолжающиеся в ряде номеров МЕВ. Например, исследование «Летопись Сеннинской Свято-Троицкой церкви Новогрудского уезда» священника Климента Саввича включает в себя историческое описание этого прихода по годам его существования в хронологическом порядке [27].

Уделяли внимание священники и просвещению своей паствы, интересовались местными предрассудками и обычаями. В статье «О суевериях и предрассудках крестьян Переровского прихода Мозырского уезда» священник Василий Павлюкевич, настоятель этого прихода, описывает предрассудки и суеверия крестьян в отношении церковных таинств и богослужения. «...прежде, чем нести крестить дитя, осведомляются, не принес или не привез ли к священнику крестить младенца кто-нибудь другой, чтобы

в доме священника не встретиться с другим ребенком. Это их опасение основано на суеверии, что если два ребенка, принесенные или же привезенные для крещения встретятся вместе, то один из них непременно заболеет известною между ними болезнью “Знос” (от слова сносить). ...Если дитя заболевает вследствие дурного питания или же от спертого воздуха, особенно в зимнее время, в которое крестьяне часто держать под полом овец с ягнятами и в избе кормят свиней, и начнет хиреть, то это оно заболело на болезнь, которая на их языке называется “пристрев”. ...От всех этих болезней у них одно и единственное средство – шепты, которыми занимаются не только женщины, но и мужчины. ...И вера в нашептывания так сильна между ними, что искоренить ее чрезвычайно трудно, если не сказать невозможно, потому что много есть причин, благоприятствующих и поддерживающих оную. Одна из главных причин – отсутствие хороших, опытных и добросовестных фельдшеров, к которым бы народ всегда мог прибегать за помощью» [23, с. 354–361]. Отец Василий ясно понимает свою задачу: изживать эти суеверия в своих прихожанах и поэтому в статье объясняет причину этих суеверий, показывает и ложность и надуманность.

Не могли не коснуться священнослужители на страницах Минских епархиальных ведомостей темы унии и отношений между православными и католиками. Особенно после событий Полоцкого церковного собора 1839 г., ликвидировавшего униатскую церковь, и Национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. В церковной прессе регулярно появлялись публикации по данной теме, носящие просветительский, а иногда и обличительный характер. Священник Ф. Миткевич публикует небольшое исследование «По поводу римо-католического праздника в честь Казимира Королевича», в котором исследует историю почитания этого святого и формы его почитания римо-католиками на территории Минской епархии [13, с. 267–272]. Священник Павел Афонский в 1889 г. публикует цикл просветительских статей с общедоступным описанием истории униатской церкви под общим названием «Что такое уния, как она началась и как окончилась?» [1]. Слово протоиерея Николая Лавгака о тяжелом положении православных во время унии на Минщине напечатано в 1893 г. в виде «Реферат, читанный на торжественном акте в МинДС 14 апреля сего 1893 г. бывшим преподавателем Семинарии, ныне протоиереем Николаем Лавгаком» [25, с. 367–384]. В своем реферате автор, опираясь на некоторые документы, показал формы притеснения православных католиками в пределах Минщины.

Минские епархиальные ведомости являлись носителями официальной имперской государственной и церковной точки зрения и именно в таком направлении формировали политические взгляды и мировоззрение своих читателей, в том числе и приходских священнослужителей. Приходские священнослужители были корреспондентами неофициальной части МЕВ и, таким образом, являлись соавторами ведомостей. Это делает материалы не-

официальной части ведомостей особенно ценными для исследования жизни и деятельности приходского православного духовенства во второй половине XIX – начале XX в.

Список использованных источников

1. *Афонский, П.* Что такое уния, как она началась и как окончилась? / П. Афонский // Минские епархиальные ведомости. – 1889. – № 6. – С. 145–150; № 7. – С. 177–191; № 8–9. – С. 211–250.
2. *Беляцкий, В.* Систематический библиографический указатель Литовских епархиальных ведомостей с 1903 по 1916 г. / В. Беляцкий. – Жировичи, 2003. – 244 с.
3. Высочайшие награды, пожалованные священнослужителям минской епархии за службу по духовному и гражданскому ведомству // Минские епархиальные ведомости. – 1877. – № 9. – С. 97–99.
4. *Говін, С. В.* Гісторыя беларускай журналістыкі (1563–1917 гг.) / С. В. Говін. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2003. – 98 с.
5. *Говін, С. В.* Канфесійны друк у Беларусі: вучэб.-метад. компл. для студэнтаў фак. журналістыкі / С. В. Говін. – Мінск: БДУ, 2008. – 288 с.
6. *Доронин, Д.* Систематический библиографический указатель Литовских епархиальных ведомостей с 1888 по 1902 г. / Д. Доронин. – Жировичи, 2003. – 347 с.
7. *Дубяга, В.* Систематический библиографический указатель Минских епархиальных ведомостей с 1898 по 1907 г. / В. Дубяга. – Жировичи, 2004. – 249 с.
8. *Жарская, Н. В.* «Епархиальные ведомости» ў электроннай бібліятэцы Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі / Н. В. Жарская // Матэрыялы V Міждунар. книговедч. чтений «Электронные библиотеки и ликвидация информационного неравенства». – Минск, 8–9 окт. 2009. – С. 203–210.
9. *Жарская, Н. В.* Епархіяльныя ведамасці з калекцыі «Пярыядычны друк Беларусі другой паловы XVIII ст. – 1917 г.» электроннай бібліятэкі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі / Н. В. Жарская // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / Нац. бібл. Беларусі; склад.: Л. Г. Кірухіна, К. В. Суша. – Мінск : Нац. бібл. Беларусі, 2010. – Вып. 12. – С. 194–208.
10. *Капинский, В.* Систематический библиографический указатель Литовских епархиальных ведомостей с 1878 по 1887 г. / В. Капинский. – Жировичи, 2002. – 265 с.
11. *Кляевский, Л.* Краткий очерк основания в селе Свирицевичах, Пинского уезда, одноклассной церковно-приходской школы и торжественное освящение ее 6 декабря 1903 г. / Л. Кляевский // Минские епархиальные ведомости. – 1904. – № 3. – С. 53–55.
12. *Козак, А.* Систематический библиографический указатель Литовских епархиальных ведомостей с 1863 по 1877 г. / А. Козак. – Жировичи, 2002. – 315 с.
13. *Миткевич, Ф.* По поводу римо-католического праздника в честь Казимира Королевича / Ф. Миткевич // Минские епархиальные ведомости. – 1886. – № 11. – С. 267–272.
14. *Москалевич, Р.* Историко-статистическое описание местечка Гайны и Гаинского прихода / Р. Москалевич // Минские епархиальные ведомости. – 1869. – № 5. – С. 133–141.
15. *Москалевич, Р.* М.Логойск, его историческая судьба в церковном и гражданском отношении / Р. Москалевич // Минские епархиальные ведомости. – 1870. – № 2. – С. 30–33.

16. *Нецветаев, А.* Литовские епархиальные ведомости как источник по истории Православной Церкви в Белоруссии: дис. ... канд. богосл. / А. Нецветаев // МинДА. – Жировичи, 2003. – 131 с.
17. От редакции // Минские епархиальные ведомости. – 1880. – № 6. – С. 153–154.
18. От редакции Минских Епархиальных Ведомостей // Минские епархиальные ведомости. – 1868. – № 1. – С. 3–4.
19. От редакции Минских Епархиальных Ведомостей // Минские епархиальные ведомости. – 1869. – № 1. – С. 1–5.
20. Открытие Бережненской церковно-приходской школы // Минские епархиальные ведомости. – 1900. – № 22. – С. 468–473.
21. Отчет о состоянии Кирилло-Мефодиевского братства при церкви Минской Духовной Семинарии за 1897/1898 учебный год // Минские епархиальные ведомости. – 1899. – № 20. – С. 475–489.
22. *Очаповский, С.* Освящение двухклассной церковно-приходской школы в селе Уборках, Речицкого уезда / С. Очаповский // Минские епархиальные ведомости. – 1900. – № 23. – С. 503–505.
23. *Павлюкевич, В.* О суевериях и предрассудках крестьян Переровского прихода Мозырского уезда / В. Павлюкевич // Минские епархиальные ведомости. – 1884. – № 12. – С. 354–361.
24. Распоряжения Епархиального Начальства // Минские епархиальные ведомости. – 1900. – № 5. – С. 93–95.
25. Реферат, читанный на торжественном акте в МинДС 14 апреля сего 1893 года бывшим преподавателем Семинарии, ныне протоиереем Николаем Лавгаком // Минские епархиальные ведомости. – 1893. – № 14. – С. 367–384.
26. *Римко, О. Г.* Епархиальные ведомости 1863–1920 гг. на территории Беларуси в отечественной историографии / О. Г. Римко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2011. – № 9. – С. 76–81.
27. *Саввич, К.* Летопись Сеннинской Свято-Троицкой церкви Новогрудского уезда / К. Саввич // Минские епархиальные ведомости. – 1872. – № 33. – С. 263–265, № 35. – С. 279–282, № 36. – С. 286–288, № 37. – С. 295–297, 1874. – № 15. – С. 499–504, № 16. – С. 525–538.
28. *Стреха, М.* Систематический библиографический указатель Минских епархиальных ведомостей с 1908 по 1920 г. / М. Стреха. – Жировичи, 2004. – 199 с.
29. Хронологический и систематический указатель статей, напечатанных в «Минских епархиальных ведомостях» (1868–1879 гг.): в 2 ч. / сост. свящ. Иларион Пастернацкий. – Минск: Паровая типо-литография Б. И. Соломонова, 1889. – Ч. 1 : Официальная. – 258 с.; Ч. 2: Неофициальная. – 156 с.
30. *Чистяков, П.* Церковно-краеведческая проблематика епархиальных ведомостей, издававшихся в Беларуси во второй половине XIX – начале XX столетия: дис. ... канд. богосл. / П. Чистяков // МинДА. – Жировичи, 2004. – 295 с.
31. *Шимолин, В. И.* Духовные ценности православия в культуре белорусского народа. Системный анализ белорусских епархиальных ведомостей второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолин. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 159 с.

32. Шимолин, В. И. У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолин. – Минск: БГУ, 2010. – 199 с.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Д. В. Саватеева

Белорусский государственный университет, Минск

D. Savateeva

Belarusian State University, Minsk

УДК 331.5.024.5(430)“2003/2005”

КОНЦЕПЦИЯ ХАРЦА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ФРГ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОАЛИЦИИ Г. ШРЁДЕРА

HARTZ CONCEPT AND ITS IMPLEMENTATION IN GERMANY IN THE PERIOD OF THE GOVERNMENT COALITION GERHARD SCHROEDER

В статье рассмотрены основные направления реформы рынка труда в Германии в 2003–2005 гг. и проанализировано содержание «Концепции Харца». Автор выявил основные направления в правительственной политике в области занятости населения на начальном этапе реформы и показал их влияние на изменения в социально-политическом положении Германии в середине 2000-х гг.

Ключевые слова: «Концепция Харца»; рынок труда; Германия; безработица; социальная политика.

This article examines the main directions of the labor market reform in Germany in 2003–2005. and analyzed the content of the «Hartz Concept». The author identified the main directions in government policy in the field of employment at the initial stage of the reform and showed their influence on changes in the socio-political situation in Germany in the mid-2000s.

Keywords: «Hartz Concept»; labor market; Germany; unemployment; social politics.

В условиях современного динамично меняющегося мира ключевым направлением в деятельности правительства любого цивилизованного государства является предотвращение политических кризисов, создание условий для роста показателей национальной экономики, обеспечение социальной стабильности в обществе. Последняя, по сформировавшемуся в социологической области знаний мнению, представляет собой устойчивость социальных структур, процессов и отношений, которая при всех их изменениях сохраняет их качественную определенность и целостность как таковых. Поддержание социальной стабильности представляет собой результат деятельности социальных институтов и целенаправленной поли-

тики государства, одним из направлений которой является осуществление мероприятий в области занятости населения.

Проблема занятости населения на протяжении последних десятилетий занимает ключевую позицию в социальной политике ведущих европейских государств, поскольку, начиная с 1970-х гг., многие из них столкнулись с проблемой безработицы. Она была вызвана воздействием экономических, социальных, демографических факторов, а также изменениями вследствие геополитических преобразований. Уже с начала 1980-х гг. ряд стран Западной Европы пошёл на структурное реформирование своих рынков труда. Германия не стала исключением: в начале 2000-х гг. правящая коалиция во главе с Г. Шрёдером приступила к разработке мер, направленных на решение проблемы занятости. Подготовленные по поручению правительства предложения «Комиссией по современным услугам на рынке труда», возглавляемой известным немецким предпринимателем и экономистом Петером Харцем, заложили основу будущей реформы рынка труда. Несмотря на тот факт, что с момента начала проведения мероприятий в этой сфере прошло практически 20 лет, на сегодняшний день вопрос реформирования рынка труда в Германии не теряет своей актуальности. Для выявления специфики социальной политики в области занятости населения в Германии в современных условиях необходимо проанализировать содержание Концепции Харца, выявить основные направления реализации реформы рынка труда на начальном этапе и показать ее влияние на изменения в социально-политическом положении Германии в середине 2000-х гг.

Реформы Харца неоднократно становились предметом исследования как в российской [1–3], так и западноевропейской [4–6] историографии. Ход ее проведения и промежуточные итоги неоднократно обсуждались и обсуждаются на страницах периодической печати, например, в изданиях *Die Zeit* [7], *Deutsche Welle* [8], *Der Spiegel* [9]. Следует отметить, что рассмотрением данного вопроса занимались преимущественно экономисты, в связи с чем в существующих трудах внимание в основном сосредоточено на экономических составляющих реформы. В то же время социальным аспектам и их влиянию на социально-экономическое положение Германии уделено не столь значительное внимание. Кроме того, исследователи в большинстве своем анализировали составляющие концепции Харца по-отдельности. Вместе с тем, поскольку все составляющие реформы рынка труда дополняют друг друга, следует попытаться рассмотреть их взаимосвязано, что придаст больше системности в освещении данного вопроса. Заполнить существующий в историографии пробел представляется возможным при глубоком анализе статистических данных [13–15]. Кроме того, изучение данной проблемы не будет всесторонним без привлечения документов политических партий и общественных организаций, представленных в первую очередь предвыборной программой СДПГ 2002 года [10]. В данном документе особую цен-

ность представляет раздел, непосредственно затрагивающий рынок труда. Обещания и предложения, перечисленные в программе, стали отправной точкой для обозначения основных направлений социальной политики в области реформирования системы занятости.

Теоретико-методологическую основу исследования составил комплекс специально-исторических методов – историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный, которые позволили проследить и показать изменения в сфере реформирования рынка труда в начале 2000-х гг.

В результате возникшей в Германии на рубеже XX–XXI вв. проблемы занятости населения система социальной помощи неоднократно подвергалась критике со стороны различных политических объединений. Негативные высказывания начали звучать задолго до разработки и реализации реформ рынка труда. Необходимость модернизации стала очевидной на фоне ежегодного увеличения безработицы, государственного иждивенчества в виде злоупотребления предоставляемыми пособиями по безработице, социальных расходов и т. д. К этому всему добавился скандал с Федеральным ведомством по вопросам труда, вызванный манипуляциями со статистическими данными о предоставлении услуг по трудоустройству. В 2002 г. аудиторская проверка показала, что предоставленная статистика лишь на 25–30 % соответствует истинному положению дел. К решению этих проблем приступило второе коалиционное правительство во главе с Г. Шредером, перед которым, с одной стороны, стояла задача по сохранению достигнутого уровня социального обеспечения, с другой стороны – снижению дополнительных расходов в сфере рынка труда, что должно было способствовать высвобождению средств на государственное инвестирование и укреплению позиций немецкой экономики.

Как уже отмечалось ранее, реформа рынка труда основывалась на предложениях «Комиссии по современным услугам на рынке труда», которая состояла из 15 членов – представителей бизнеса, профсоюзов, науки и политики. Основной ее целью была разработка мероприятий, способных за три года привести к сокращению уровня безработицы в 2 раза – с 4 до 2 млн человек. Для ее достижения необходимо было повысить гибкость рынка труда и создать дополнительные рабочие места путем увеличения личной ответственности граждан, что помогло бы государству сосредоточить свои усилия на вопросах трудоустройства. В течение нескольких месяцев комиссией был разработан пакет реформ, который 16 августа 2002 г. был представлен на рассмотрение правительству, а уже 22 августа было принято решение о начале проведения реформы рынка труда. Пакет реформ получил название «Концепция Харца» и состоял из четырех частей. Модернизацию рынка труда планировалось провести по 13 модулям [11], которые ориентировались на целевые группы, объединявшие все социальные слои,

имевшие отношение к рынку труда. Основная идея сводилась к тому, чтобы дать каждому возможность на оплачиваемую работу посредством организационного улучшения системы трудоустройства.

Реализация «Концепции Харца» проводилась коалиционным правительством СДПГ и Союза 90/Зеленые в 2003–2005 гг. Несмотря на то, что реформа состояла из четырех отдельных частей, по своему содержанию они были достаточно близки, что обусловило их реализацию в тесной взаимосвязи, несмотря на разные сроки начала проведения. Харц-1 и Харц-2 вступили в силу в январе 2003 г., Харц-3 – в январе 2004 г., Харц-4 – в январе 2005 г. Рассредоточенные в рамках четырех пакетов мероприятия были направлены на создание новой системы управления и оформление новых социальных услуг, а также на изменения правоотношений между государством и гражданами.

Одним из мероприятий в рамках проводимой коалиционным правительством Г. Шредера политики по модернизации сферы занятости стало преобразование Ведомств по вопросам труда в Центры занятости, которые должны были сосредоточить на себе все виды услуг на рынке труда, включая расчет размера пособия, помощь в трудоустройстве и т. д. На них возлагалась ответственность за всех работодателей в регионе и всех трудоспособных людей, которые являлись безработными или ищут работу, включая ранее трудоустроенных получателей социальной помощи. Также в ведение Центров занятости перешло решение трудовых вопросов, которые ранее возлагались на органы социального обеспечения [12]. В соответствии с «Концепцией Харца», как только работодатель уведомлял своего работника о предстоящем увольнении, тот должен был незамедлительно сообщить об этом в Центр занятости и заявить о желании найти новое место работы. В случае несвоевременности предоставления этих сведений, в отношении будущего безработного могли быть применены штрафные санкции (от 7 до 50 евро за рабочий день).

С целью возвращения на рынок труда тех, кто продолжительное время находился без работы, расширилась практика использования нетипичной занятости, включавшая в себя несколько типов: частичную занятость, незначительную занятость, срочную занятость, временную работу и заемный труд или лизинг персонала [13]. Люди, привлеченные к работе на таких условиях, освобождались от взносов в фонд социального страхования; свою долю взносов платил только работодатель. Расширение практики использования нетипичной занятости происходило при помощи созданных агентств персональных услуг, которые были связаны с бюро по трудоустройству. После вступления в силу нового закона в статистических данных временные рабочие начали указываться как отдельная категория безработных [14].

Кроме того, для повышения возможности трудоустройства был проведен ряд мероприятий. В частности, лицам, которым Центры занятости

определили необходимость повышения квалификации, начали выдаваться ваучеры на образование, предоставлялись субсидии для пожилых безработных в возрасте старше 50 лет с целью перехода их на низкооплачиваемую работу.

Однако ключевой составляющей реформы рынка труда, вызвавшей много споров еще на стадии обсуждения, стали изменения в существующей модели поддержки социально незащищенных слоев населения. Следует отметить, что исторически в Германии сложилась трехступенчатая, или как ее еще называют «бисмарковская», система выплат пособий по безработице. Суть ее сводится к тому, что размер основного пособия в течение первых 18 месяцев (для лиц пенсионного возраста – 32 месяцев) пребывания без работы составлял 67 % от заработной платы. Безработный, у которого истек срок выплаты основного пособия по безработице, переводился на получение помощи по безработице, размер которого не особо отличался от основного пособия и составлял 53 %, а при наличии хотя бы одного ребенка – 57 %. При этом менялся источник финансирования для оказания социальной помощи – если основное пособие формировалось за счет страховых взносов, то дополнительное целиком выплачивалось из федерального бюджета. Затем, если безработный не находил работу в течение срока получения основного пособия и помощи по безработице, то он автоматически переводился в систему социальной помощи.

Исследования, проведенные «Комиссией по современным услугам на рынке труда», показали, что одновременная выплата пособия по безработице и социальной помощи людям трудоспособного возраста не приносит эффективного результата, а лишь способствует росту иждивенчества. Кроме того, на рубеже XX–XXI вв. социальные расходы стали самой крупной статьей государственных расходов Германии, доходя до 60 % бюджета. Именно в проведении неоконсервативной политики на рынке труда Г. Шредер видел возможность добиться успешного развития немецкой экономики, что, в свою очередь, незамедлительно бы повлияло на социальное благосостояние населения.

Проведенные коалиционным правительством мероприятия изменили сложившуюся модель поддержки социально незащищенных слоев населения. В результате был сокращен срок продолжительности выплаты основного пособия по безработице. Для лиц моложе 58 лет выплата пособия осуществлялась сроком до 12 месяцев. Только безработные старше 58 лет могли получать этот вид пособия в течение 18 месяцев. Однако наиболее ощутимым новшеством стала отмена второго компонента пособия, выплачиваемого системой социального страхования, а именно помощи по безработице. Безработный, в течение одного года не нашедший новое рабочее место, теперь автоматически переводился в систему социальной помощи.

Таким образом, устранение из трехступенчатой системы помощи одного компонента означало существенное изменение положения безработных. Размер социального пособия стал значительно ниже пособия по безработице. Теперь в основу расчета были заложены базовые потребности получателя, пособие теряло связь с ранее получаемой заработной платой и суммой выплат в фонд социального страхования. Помощь по новому закону выплачивалась трудоспособным людям с 15 до 65 лет. Так, в 2004 г. около 1,87 млн жителей Германии трудоспособного возраста зависели от социальной помощи. Количество получателей пособия по безработице в то же время составляло около 2,26 млн человек. Кроме того, по статистическим данным Федерального агентства занятости, количество получателей социальной помощи и пособия по безработице в Германии оценивалось примерно в 210 тыс. человек. С применением на практике положений «Концепции Харца» уже в январе 2005 г. произошло увеличение получателей социальной помощи, которое составило 4,5 млн человек [15].

Для того чтобы в дальнейшем получать это пособие, безработный обязан был предоставлять доказательства, что он находится в поиске нового рабочего места. Выплата могла быть урезана либо полностью прекращена из-за невыполнения получателем пособия целого ряда условий. Но самое главное – дотации можно лишиться, отказавшись от работы, предложенной службой занятости. Что касается лиц старше 55 лет, то «Концепция Харца» стимулировала и упрощала их участие в трудовой жизни. Кроме того, снижение взносов в страховые кассы на случай потери рабочего места предусматривались для тех лиц, которые продолжали трудовую деятельность после 55 лет [16].

Таким образом, реформа системы страхования по безработице коренным образом изменила объем и формы оказания помощи лицам, потерявшим работу. Новая система стала инструментом стимулирования безработных к активному поиску нового рабочего места. В то же время нельзя не отметить, что некоторые аспекты реформы в отношении системы страхования по безработице были в дальнейшем несколько изменены. В первую очередь речь идет об организации и финансовом обеспечении этой системы [17].

Следует отметить, что начатая в 2003 г. модернизация рынка труда Германии привела к существенным изменениям в системе занятости. Учитывая тот факт, что реформирование любой системы носит долгосрочный характер, коалиционному правительству во главе с Г. Шрёдером удалось лишь частично реализовать предложения возглавляемой П. Харцем комиссии и частично воздействовать на изменения рынка труда. Однако главная цель реформы, – сокращение числа безработных, – не была достигнута. Более того, в 2005 г. уровень безработицы достиг рекордного уровня – более 5 млн человек, что составляло 10,6 % от всего трудоспособного населения Германии. Проводимые реформы были более чем обоснованными, но одно-

временно следует отметить, что они были весьма непопулярны среди электората и частично представителей СДПГ, профсоюзов, оппозиции. Реализация «Концепции Харца» заложила основы для новой социальной политики в области занятости, которую продолжила «большая коалиция» во главе с канцлером А. Меркель. В 2005 г. между ХДС/ХСС и СДПГ был подписан коалиционный договор «Вместе для Германии. С мужеством и человечностью», который определил основные направления работы правительства, в том числе и в области системы реформирования рынка труда. Одной из главных тем коалиционного соглашения стала борьба с безработицей трудоспособного населения, а также необходимость серьезных изменений в системе страхования по безработице.

Список использованных источников

1. *Шершнев, Е. Л.* Реформы Харца: поворотный пункт в политике занятости и благосостояния в Германии / Е. Л. Шершнев // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2014. – Т. 17, № 3. – С. 168–185.
2. *Вишневская, Н. Т.* Реформа немецкого рынка труда: особый случай или пример для подражания? / Н. Т. Вишневская // Экон. журн. Высш. шк. экономики. – 2014. – Т. 18, № 2. – С. 249–284.
3. *Хришкевич, Т. Г.* Проблемы занятости в социальном законодательстве ФРГ в начале XXI века / Т. Г. Хришкевич // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманитар. науки. – 2014. – № 4. – С. 27–37.
4. *Bradley, J.* Labor market reforms: an evaluation of the Hartz policies in Germany / J. Bradley, A. Kügler // Europ. Econ. Rev. – 2019. – Vol. 113. – P. 108–135.
5. *Butterwegge, C.* Hartz IV und die Folgen: eine kritische Bilanz nach zehn Jahren / C. Butterwegge // Gesundheits- u. Sozialpolitik. – 2015. – № 1. – Mode of access: https://www.jstor.org/stable/26766102?seq=1#metadata_info_tab_contents. – Date of access: 03.02.2021.
6. *Deter, M.* Hartz and minds: happiness effects of reforming an employment agency [Electronic resource] / M. Deter // J. of Happiness Studies. – Mode of access: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10902-020-00297-7.pdf>. – Date of access: 03.02.2021.
7. 1,67 Euro für einen Kühlschrank [Electronic resource] // Zeit.de. – Mode of access: https://www.zeit.de/2020/32/hartz-iv-satz-anpassung-grundsicherung-existenzminimum?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. – Date of access: 03.02.2021.
8. Пособие по безработице в Германии: кто, сколько и как долго получает [Электронный ресурс] // Dw.com. – Режим доступа: <https://p.dw.com/p/3fbll>. – Дата доступа: 05.02.2021.
9. Gewerkschaften und Verbände fordern massive Hartz-IV-Erhöhung [Electronic resource] // Spiegel.de. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/corona-krise-gewerkschaften-und-verbaende-fordern-hartz-iv-erhoehung-a-587af53c-33da-4aad-8c4b-001b0091f104>. – Date of access: 03.02.2021.
10. Erneuerung und Zusammenhalt – Wir in Deutschland. Regierungsprogramm 2002–2006 [Electronic resource] // Portal-sozialpolitik.de. – Mode of access: http://www.portal-sozialpolitik.de/uploads/sopo/pdf/2002/2002-06-05_bt_wahlprogramm_spd.pdf. – Date of access: 04.02.2021.

11. Moderne Dienstleistungen am Arbeitsmarkt [Electronic resource] // Portal-sozialpolitik.de. – Mode of access: <http://www.portal-sozialpolitik.de/uploads/sopo/pdf/2002/2002-08-16-Hartz-Kommission-gesamt.pdf>. – Date of access: 25.01.2021.

12. Service für Kunden: JobCenter [Electronic resource] // Portal-sozialpolitik.de. – Mode of access: <http://www.portal-sozialpolitik.de/uploads/sopo/pdf/2002/2002-08-16-Hartz-Kommission-Modul01.pdf>. – Date of access: 25.01.2021.

13. Atypische Beschäftigung in Abgrenzung vom Normalarbeitsverhältnis [Electronic resource] // Destatis.de. – Mode of access: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Arbeit/Arbeitsmarkt/Glossar/atypische-beschaeftigung.html>. – Date of access: 27.01.2021.

14. Zeitarbeit 2006. Ergebnisse der EU-weiten Arbeitskräfteerhebung [Electronic resource] // Destatis.de. – Mode of access: https://www.destatis.de/DE/Methoden/WISTA-Wirtschaft-und-Statistik/2008/04/zeitarbeit-2006-042008.pdf?__blob=publicationFile. – Date of access: 27.01.2021.

15. Soziale Mindestsicherung in Deutschland 2006 [Electronic resource] // Statistikportal.de. – Mode of access: <https://www.statistikportal.de/sites/default/files/2019-11/Soziale-Mindestsicherung2006.pdf>. – Date of access: 03.02.2021.

16. Förderung älterer Arbeitnehmer / BridgeSystem [Electronic resource] // Portal-sozialpolitik.de. – Mode of access: <http://www.portal-sozialpolitik.de/uploads/sopo/pdf/2002/2002-08-16-Hartz-Kommission-Modul05.pdf>. – Date of access: 21.01.2021.

17. Hartz III und IV: Von ALG II bis Zuverdienst [Electronic resource] // Tagesschau.de. – Mode of access: <http://www.tagesschau.de/inland/meldung147772.html>. – Date of access: 21.01.2021.

(Дата подачи: 17.02.2021 г.)

T. В. Самосюк

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск

T. Samosiuk

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk

УДК 378(44).096:93(091)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XXI В. И МЕХАНИЗМ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ

BASIC PRINCIPLES OF DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION FRANCE IN THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY AND ELITE RECRUITMENT MECHANISM

Высшее образование во Франции было создано в XII в. В XVIII в. появился его элитный сектор – «высшие школы». Университет же в начале XIX в. из академического был

преобразован в практико-ориентированный, так называемый Наполеоновский. С тех пор общедоступная система образования Франции стала развиваться на основе принципов социальной сегрегации и экономической рентабельности. Классическое же высшее образование сохранилось только в «высших школах» и, по сути, было приватизировано элитой французского общества, что, главным образом, и обеспечило ее социальное доминирование.

Ключевые слова: образование; система высшей школы; университет; Болонский процесс; элита.

Higher education in France was created in the XII century. In the XVIII century its elite sector appeared – «higher schools», the university at the beginning of the XIX century from the academic was transformed into a practice-oriented, the so-called Napoleonic. Since then, the public education system of France has begun to develop on the basis of the principles of social segregation and economic profitability. Classical higher education was preserved only in «higher schools», and, in fact, was privatized by the elite of French society, which, mainly, ensured its social dominance.

Keywords: education; higher education system; University; The Bologna Process; elite.

Исторически во Франции сложились два сектора высшего образования: университеты, возникшие в XII в., и «высшие школы», появившиеся в начале XVIII в. в связи с промышленной революцией: в 1741 г. была создана Школа инженеров-конструкторов королевских кораблей, в 1748 г. – Королевская школа машиностроения, в 1780 г. – Высшая школа искусств и ремесел.

Во время Французской буржуазной революции в 1793 г. университеты были упразднены, так новая элита уничтожила доминирование в образовании католической церкви и христианской этики, – в системе образования возросла роль либерального масонства. Вместо университетов были образованы новые «высшие школы», на этот раз гуманитарные: в 1794 г. – Политехническая школа и Высшая нормальная школа, в 1795 г. – Высшая национальная школа восточных языков. С тех пор, по мнению многих французских аналитиков, классические университеты во Франции так и не были восстановлены (хотя формально это произошло в 1896 г.).

В результате реформ Наполеона в 1808 г. был открыт «Имперский университет», объединивший учреждения образования всех уровней (за исключением семинарий). Таким образом, была создана «наполеоновская» модель практико-ориентированного университета, сочетавшая общекультурную подготовку на так называемых «интеллектуальных», или «академических», факультетах (физико-математических наук и словесности); узкопрофессиональную – на «профессиональных факультетах» (богословия; права, медицины). Приоритет отдавался прикладным, узкопрофессиональным функциям высшего образования.

Но «Наполеоновский» утилитарный университет не смог обеспечить все потребности частного сектора Франции в высококвалифицированных кадрах, так что в связи с ростом индустриального развития и техническим прогрессом было создано новое поколение частных «высших школ»: в 1819 г. была создана Высшая коммерческая и индустриальная школа, 1829 г. — Центральная школа ремесел и мануфактур и др.

Отрицательные последствия развития утилитаризма в образовании не заставили себя долго ждать: франко-прусская война наглядно продемонстрировала упадок французской науки и преимущества немецкой, а значит и показала доминирующую роль немецкого высшего образования в сравнении с французским. Именно благодаря реформам в образовании, начатым в начале XIX в. великим немецким философом Вильгельмом фон Гумбольдтом, Германия заняла господствующее положение в научном мире и международной политике. Суть этих реформ выражалась в объединении в университете общекультурной, научной и профессиональной подготовки; признании необходимым для суверенитета страны государственного регулирования учебных программ, в отрицании утилитарного воззрения на образование и социального отбора в нем.

В 1880–1890-е гг. во Франции были осуществлены попытки реформирования факультетов по немецкому образцу, но внедрение исследовательской подготовки в университет всячески затормаживалось. В итоге «немецкая университетская модель» была введена лишь в «высших школах» [1, р. 38–41; 2, р. 6–18, 67–68; 3, р. 12–13; 4, р. 107–208; 5, р. 77–158].

В XX в. французскому капитализму нужно было продолжать интегрировать технический прогресс в экономику, а для этого жизненно было необходимо все большее количество высококвалифицированных кадров. Но вместо того, чтобы развивать фундаментальную науку на факультетах, элита продолжила идти по пути рентабилизации университетов, приспособлявая их подготовку к сиюминутным потребностям экономики.

После Второй мировой войны в Европе настало время, которое во Франции принято называть периодом «славного тридцатилетия», то есть экономического роста 1945–1974 гг., который привел к послевоенному демографическому всплеску. На этом фоне пришедшие к власти во Франции социалисты расширили доступ к полному среднему образованию, поставили задачу увеличения количества выпускников средней школы, которые получали диплом бакалавра, так как только он позволял попасть в университет. В результате уже в 1950-х гг. началось увеличение количества студентов [3, р. 15; 6, р. 90].

В связи с этим, а также в связи с деколонизацией 1960-х гг. и появлением в Европе огромного количества иммигрантов актуализировались идеи сегрегации в системе университетского образования, как и идеи его утилитарности. Несмотря на либеральную риторику, дети рабочих иммигрантов

должны были остаться рабочими – не должны были получить образование, кроме технических компетенций. С другой стороны, западная элита стремилась сохранить свое влияние в колониях, поэтому нужно было, чтобы во главе этих «независимых» государств встали люди, разделяющие западные ценности, поэтому в западных университетах стали обучаться дети из богатых семей колониальных стран. Таким образом, был подготовлен целый слой управленцев для неоколониальных государств.

Ответом на увеличение количества студентов во Франции стала технократическая реформа министра образования Кристиана Фуше 1964–1967 гг., которая усилила селективное профилирование уже в средней школе. Учеников школ, начиная с 6-го класса, разделили на три категории: 30 % направили в среднее специальное образование, 40 % – в среднее профессиональное образование и только не более 20 % – получили доступ к полному среднему образованию, а потом соответственно к высшему. Кроме того, реформа К. Фуше разделила университеты на элитные для 5–10 % студентов и дешевые двухгодичные технологические университетские институты, возникающие в крупных промышленных городах, предназначенные для удовлетворения потребностей производства в квалифицированных рабочих. Туда направлялась основная часть абитуриентов [7; 8]. В итоге университеты стали массово готовить средние кадры в интересах сложившейся экономической конъюнктуры, обреченные на быструю деквалификацию. И естественно, реформа не касалась «высших школ», в них продолжала обучаться элита общества и высшие кадры системы. В связи со сложившейся ситуацией французские социалисты в 1960-х гг. отмечали, что цели неокapиализма – это создание гибкой системы эксплуатации стран третьего мира и развитие системы профессионального образования и науки в соответствии с сиюминутными потребностями экономики.

Реформа К. Фуше привела к выступлениям рабочих и студентов в 1964 г. и в мае-июне 1968 г., и, тем не менее, далее реформирование французского образования продолжило идти в русле его рентабилизации и социальной сегрегации. 12 ноября 1968 г. был принят Закон «Об ориентации высшего образования» министра образования Эдгара Форэ, который несколько закамouflировано, но продолжил технократическую направленность реформы К. Фуше. Под словами ориентация, профилирование скрывался социальный отбор в образовании. Вводился принцип участия в управлении университетами частного капитала, что неизбежно приводило к приватизации вузов.

Кроме того, в рамках университетских технологических институтов вводилось непрерывное образование по приобретению компетенций на протяжении всей жизни, так как приобретались узкие конъюнктурные компетенции и чтобы угнаться за сиюминутными потребностями экономики, необходимо было постоянно переучиваться. Тогда как, например, советский университет давал фундаментальное образование, формировал мировоз-

зрение и систему знаний, которая становилась основой для наращивания новых навыков. А когда образование становится услугой и коммерциализуется, оно становится бесконечным, поскольку у бизнеса нет заинтересованности в наущении людей самостоятельно учиться, но есть заинтересованность в обучении их на платной основе в течение всей жизни. Этот принцип в 2001 г. стал важной составляющей Болонского процесса и получил общеевропейский масштаб [9; 10, p. 82].

Принято считать, что у классического университета три социальные функции: производство научных знаний через университетскую исследовательскую работу; передача научных и профессиональных знаний через подготовку преподавателей, инженеров и служащих; передачи общественной идеологии. Как мы можем видеть из истории развития французского образования, в ходе реформ из университетской подготовки была изъята именно функцию производства знаний и перемещена в «высшие школы». Таким образом, научную подготовку закрепили за узким кругом элиты и была создана жизненно необходимая для нее среда – отстранение более 80 % населения от фундаментального образования, что гарантирует неконкурентоспособность основной массы населения. Таким образом, университетская функция производства нового знания напрямую связана с производством новой элиты и восходящей социальной мобильностью. Зависимость элиты от образования хорошо видна на примере Франции, где правящий класс обучается только в «высших школах» (Высшая школа администрации, Парижский институт политических наук (Sciences Po), Высшая нормальная школа, Политехническая школа), только в них готовят персонал для высших государственных постов [11–13].

Классический, то есть («Гумбольдтовский») университет стараются представить элитарным по своей сути, который не справляется с массовым образованием, потому что, просто, для этого, якобы, не предназначен, хотя сама идея «гумбольдтовской» модели университета противна элитарности в образовании, и это доказало успешное существование построенного по этой модели массового советского классического университета [14, с. 49]. В СССР была сформирована всеобщая система образования с «последовательной общедоступностью любого образовательного уровня и направления». Существовало качественное вечернее и заочное высшее образование, что давало возможность при наличии способностей получить соответствующее им образование и социальный статус [11].

Таким образом, во Франции с давних пор существует фактически кастовый принцип в образовании, причем первоначально в среднем образовании, а уже во вторую очередь в высшем [13]. Дети из семей, имеющих определенный вес во французском обществе, учатся в элитных и сверхэлитных школах, в которых система образования качественная, направленная на подготовку людей, умеющих критически, концептуально мыслить.

Проблема существования во Франции псевдоуниверситета постоянно стояла на повестке дня и была предметом ожесточенных споров во французском обществе: один из крупнейших французских философов Раймон Арон еще в 1966 г. писал, что французские университеты – это давно уже псевдоуниверситеты, в 1995 г. известный французский философ Ален Рено отмечал, что во Франции классический университет, исчезнув в 1793 г., так и не появился [15, р. 2; 16, р. 15–16]. Сегодня эта по-прежнему не решенная проблема несколько отодвинулась на задний план перед лицом Болонского процесса, который во Франции, как мы видим, своими корнями уходит в XVIII в.

Исследования, посвященные вопросу Болонского процесса, можно разделить на две части. С одной стороны – это декларативная апологетическая риторика о радужных перспективах и целях европейского высшего образования, с другой – не такие многочисленные и многотиражные, но представляющие собой аргументированный анализ реальных результатов Болонского процесса работы представителей как постсоветского, так и европейского академического сообщества.

Значительная часть западноевропейского академического сообщества выступает с резкой критикой Болонского процесса. Это в первую очередь та его часть, которая представляет гуманитарный сектор науки и образования. Именно этот оппозиционный корпус и обречен на отмирание в ходе Болонского процесса. Часть же естественно-научного сектора становится выгодоприобретателями практикоориентированности научных исследований. Болонский процесс поддерживают представители тех дисциплинарных направлений, которым «переустройство университетов в массовые бизнес-школы» обещает рост их доходов [22–25].

В 2009 г. французские университеты провели забастовку против перевода преподавателей на временные контракты параллельно конкурсу. В 2014 г. Бюро постоянной Комиссии Национального совета университетов, который кроме функций нашей Высшей аттестационной комиссии во Франции назначает на должности профессора и доцента вузов, выступило с обращением к правительству о недопустимости ориентирования научных исследований только на сиюминутные потребности экономики, о том, что не может быть инноваций и экономического роста без развития фундаментальной науки, а классическое высшее образование и фундаментальная наука должны рассматриваться современным государством как инвестиции в будущее.

Резко против Болонского процесса выступили и известные европейские ученые, авторы коллективного труда «Кошмар Гумбольдта. Реформы высшего европейского образования». Представители европейского академического сообщества, которые уже почти 20 лет являются свидетелями практической реализации Болонского процесса в Германии, Бельгии, Франции, Италии и Швеции, в первую очередь акцентируют внимание на том, что

буква этого процесса не соответствует его практической реализации, а декларируемые цели не соотносятся с их практическим воплощением [22–29]. Авторы данного труда утверждают, что курс на улучшение качества образования через усиление конкуренции университетов привел к дарвиновскому естественному отбору в высшем образовании и как результат к «вымиранию» специальностей и дисциплин, которые не отвечают утилитарным потребностям экономики. Болонский процесс нацелен на оказание платных высокорентабельных услуг, поэтому в университеты начали проникать специальности, не имеющие отношения к фундаментальным университетским знаниям, но востребованные в данный момент на рынке (маркетинг, менеджмент, логистика, гостиничный бизнес, туризм и т. д.). Они вытесняют из вузов классические университетские дисциплины [22; 30; 31, р. 199–205].

Однако в целом французская модель высшего образования органически вписалась в Болонский процесс, так как его принципы уже во многом были реализованы гораздо раньше. Элитный сектор высшей школы, принцип социальной сегрегации и практико-ориентированный подход в университетском образовании, приспособление подготовки к сиюминутным потребностям экономики существуют во Франции с давних пор. Но для успешного функционирования науки, образования и общества в целом необходимо развивать массовую фундаментальную университетскую науку, обучение должно основываться на активном научном поиске, что возможно только в общедоступном классическом университете. Если же образование и наука развиваются независимо друг от друга, они становятся недееспособными. И только благодаря массовому классическому университету обеспечивается вертикальная социальная мобильность. Социальная справедливость и свободный доступ к фундаментальному образованию ведут к увеличению интеллектуального массива общества, к росту уровня знаний, что коррелирует с интенсивностью и благополучием социального развития.

Таким образом, рентабилизация университетской подготовки была продиктована стремлением элиты французского общества застраховать стабильность системы, создать для себя неконкурентную среду и сохранить свое доминирование во французском обществе.

Список использованных источников

1. *Friedberg, E.* En quête d'universités. Etude comparée des universités en France et en RFA / E. Friedberg, Ch. Musselin. – Paris: Harmattan, 1989. – 220 p.
2. *Magliulo, B.* Les grandes écoles / B. Magliulo. – Paris: Presses Universitaires de France, 1982. – 128 p.
3. Les universités après la loi sur l'enseignement supérieur du 26 janvier 1984 / J. Minot [et les autres]. – Paris: Berger-Levrault, 1984. – 358 p.
4. *Prost, A.* Regards historiques sur l'éducation en France, XIXème–XXème siècles / A. Prost. – Paris: Belin, 2007. – 271 p.

5. *Suleiman, E. N.* Les élites en France: grands corps et grandes écoles / E. N. Suleiman. – Paris: Seuil, 1976. – 230 p.
6. *Carpantier, A.* Le mal universitaire diagnostic et traitement / A. Carpentier. – Paris: R. Laffont, 1988. – 210 p.
7. *Bernard, J.-C.* De Bouloche à Fouchet: Une même réforme / J.-C. Bernard // Tribune Étudiante, NELLE Série. – № 1, novembre. – 1965.
8. De Fouchet à Edgar Faure une même politique: L'adaptation de l'université aux besoins du grand patronat // L'étudiant de France, Nouvelle Série. – № 4, décembre. – 1968.
9. Université. Non au plan Fouchet! // Tribune Socialiste. – № 218. – 12 décembre 1964. – P. 10.
10. *Romainville, M.* L'Échec dans l'université de masse / M. Romainville. – Paris: Harmattan, 2000. – 128 p.
11. *Галкина, Е.* «Болонские тайны» реформы образования / Е. Галкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/old/discussions/galkina_bolonskie.html. – Дата доступа: 07.07.2020.
12. *Fantasia, R.* Délits d'initiés sur le marché universitaire américain: les mécanismes de reproduction de l'élite / R. Fantasia // Le cauchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen / sous la dir. Franz Schultheis, Marta Roca i Escoda, Paul-Frantz Cousin. – Paris: Raisons d'Agir Éditions, 2008. – P. 15–27.
13. *Козлов, С.* Эволюция французской образовательной модели в XIX веке // Журнальный клуб Интелрос. Отечественные записки [Электронный ресурс]. – № 4, 2013 г. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/o4-2013/20649-evolyuciya-francuzskoy-obrazovatelnoy-modeli-v-xix-veke.html> – Дата доступа: 05.12.2020.
14. *Новик, Е. К.* «Болонские тайны» / Е. К. Новик // Беларуская думка. – 2012. – № 10. – С. 45–52.
15. *Aron, R.* Avant-propos // Antoine, G., Passeron, J.-C. La Réforme de l'Université. – Paris: Calmann-Lévy, 1966. – P. 183.
16. *Renaut, A.* Les révolutions de l'Université: Essai sur la modernisation de la culture / A. Renaut. – P.: Calmann-Lévy, 1995. – P. 281.
17. Magna Charta Universitatum [Ressource électronique]. – 1988. – Mode d'accès: http://www.magna-charta.org/library/userfiles/file/mc_english.pdf. – Date d'accès : 07.07.2014.
18. Déclaration de la Sorbonne (25 mai 1998) Harmoniser l'architecture du système européen d'enseignement supérieur [Ressource électronique]. – 1988. – Mode d'accès: http://www.paris-lavillette.archi.fr/limado/Declaration_de_la_Sorbonne.htm. – Date d'accès: 07.07.2014.
19. Déclaration de Bologne (19 juin 1999) Vers un espace européen de l'enseignement supérieur [Ressource électronique]. – 1988. – Mode d'accès: http://www.paris-lavillette.archi.fr/limado/Declaration_de_Bologne.htm. – Date d'accès: 07.07.2014.
20. The Bologna Process 2020 – The European Higher Education Area in the new decade Communiqué of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education, Leuven and Louvain-la-Neuve, 28–29 April 2009 [Ressource électronique]. – 1988. – Mode d'accès: http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/conference/documents/Leuven_Louvain-la-Neuve_Communique%C3%A9_A9_April_2009.pdf. – Date d'accès: 07.07.2016.

21. Болонский процесс как путь модернизации системы высшего образования Беларуси / С. С. Ветохин [и др.]; науч. ред. А. В. Лаврухин. – Минск: Медисонт, 2014. – 68 с.
22. *Aron, P.* Les études littéraires au risque de Bologne / P. Aron // Le cahuchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen / sous de dir. Franz Schultheis, Marta Roca i Escoda, Paul-Frantz Cousin. – Paris: Raisons d'Agir Éditions, 2008. – 230 p. – P. 175–199.
23. *Soulié, Ch.* Montée de l'esprit gestionnaire et actualisation du conflit des facultés en France / Ch. Soulié // Le cahuchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen / sous de dir. Franz Schultheis, Marta Roca i Escoda, Paul-Frantz Cousin. – Paris: Raisons d'Agir Éditions, 2008. – 230 p. – P. 89–105.
24. *Woolf, S.* À propos de la réforme de l'université en Italie: rapports de force et paradoxes structurels / S. Woolf // Le cahuchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen / sous de dir. Franz Schultheis, Marta Roca i Escoda, Paul-Frantz Cousin. – Paris: Raisons d'Agir Éditions, 2008. – P. 105–133.
25. *Wuggenig, U.* Une transformation du champ universitaire: analyse du processus de Bologne en Allemagne et de ses origines / U. Wuggenig // Le cahuchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen / sous de dir. Franz Schultheis, Marta Roca i Escoda, Paul-Frantz Cousin. – Paris: Raisons d'Agir Éditions, 2008. – P. 133–175.
26. Communiqué du bureau de la CP-CNU / Le bureau de la CP-CNU alerte sur l'emploi dans les établissements d'enseignement supérieur / Commission permanente du Conseil national des universités [Ressource électronique]. – Juin 2014. – Mode d'accès: <http://www.cpcnu.fr/web/cpcnu/>. – Date d'accès : 07.07.2014.
27. *Garcia, S.* La construction de l'espace européen de l'enseignement supérieur / S. Garcia // Le cahuchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen / sous de dir. Franz Schultheis, Marta Roca i Escoda, Paul-Frantz Cousin. – Paris: Raisons d'Agir Éditions, 2008. – P. 63–87.
28. *Keller, F.* Les «nomades» universitaires. géométrisation du savoir et art de naviguer / F. Keller // Le cahuchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen / sous de dir. Franz Schultheis, Marta Roca i Escoda, Paul-Frantz Cousin. – Paris: Raisons d'Agir Éditions, 2008. – P. 47–63.
29. *Montlibert, Ch.* La réforme universitaire : une affaire de mots / Ch. Montlibert // Le cahuchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen / sous de dir. Franz Schultheis, Marta Roca i Escoda, Paul-Frantz Cousin. – Paris: Raisons d'Agir Éditions, 2008. – P. 27–47.
30. *Gensane, B.* Le cahuchemar de Humboldt de Franz Schultheis / B. Gensane // Le Grand Soir [Ressource électronique]. – 23 septembre 2008. – Mode d'accès: <http://www.legrandsoir.info/Le-cauchemar-de-Humboldt.html>. – Date d'accès: 10.06.2016.
31. *Winkin, Y.* L'esprit de Bologne: «Si les universités ne s'adaptent pas, on se passera d'elles» / Y. Winkin // Le cahuchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen / sous de dir. Franz Schultheis, Marta Roca i Escoda, Paul-Frantz Cousin. – Paris: Raisons d'Agir Éditions, 2008. – P. 199–205.

(Дата подачі: 03.02.2021 г.)

А. Ф. Самусік

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. Samusik

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 37(476)(091)“16”

СТАНОВІШЧА АДУКАЦЫЙНАЙ СПРАВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ 1640-Х – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1650-Х ГАДОЎ

THE SITUATION OF THE EDUCATIONAL AFFAIRS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE LATE 1640S – FIRST HALF OF THE 1650S

Навуковы артыкул прысвечаны нераспрацаванай у гістарыяграфіі праблеме ўплыву на айчынную адукацыю ваенна-сацыяльнага канфлікту 1648–1651 гг. і яе становішча ў 1651–1654 гг. Вызначаны тэрыторыі, дзе школьная справа адчула негатыўныя наступствы казацка-сялянскіх выступленняў. Хуткі пераход да мірнага ладу пашырыў аптымістычныя настроі ў грамадстве, якія спрыялі развіццю ў пачатку 1650-х гг. цэлага шэрагу асветніцкіх асяродкаў – езуіцкіх у Брэсце, Пінску, Мінску і Навагрудку, базільянскага – у Мінску, кальвінскага – у Заблудаве. Адзначаны прычыны страты ў гэты час адукацыйнай ініцыятывы ў асяроддзі праваслаўнай царквы.

Ключавыя словы: адукацыя; казацка-сялянскія выступленні; езуіцкія калегіумы; базільянскія семінарыі; навучанне за мяжой; кальвінскія школы; праваслаўная асвета.

The scientific article is devoted to the problem of the influence of the military-social conflict of 1648–1651 on the national education and its situation in 1651–1654, which is not developed in historiography. The territories where the school business has felt the negative consequences of the Cossack-peasant actions are identified. The rapid transition to a peaceful system led to the expansion of optimistic moods in society, which contributed to the development in the early 1650s of a number of educational environments – Jesuit in Brest, Pinsk, Minsk and Novogrudok, Basilian – in Minsk, Calvinist – in Zabłudovo. The reasons for the loss of the educational initiative in the Orthodox Church at this time are noted.

Keywords: education; Cossack-peasant speeches; Jesuit collegiums; Basilian seminaries; study abroad; Calvinist schools; Orthodox enlightenment.

Перыяд войн і сацыяльных канфліктаў сярэдзіны XVII ст. стаў у айчынным гісторыі сапраўдным «водападзелам», які абумовіў палітычны, эканамічны ды культурны заняпад Беларусі, а таксама паспрыяў пераходу да так званай «шляхецкай анархіі» і рэлігійнай нецярпімасці. Пры гэтым у гістарыяграфіі ён хоць і дзеліцца ўмоўна на час казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. і вайны Расійскай дзяржавы з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг., але ўспрымаецца ў адзіным кантэксце ваенных дзеянняў, якія па-

ступова ахапілі ўсю тэрыторыю Беларусі. Асобныя ж аспекты тагачаснай паўсядзённасці ўвогуле не сталі прадметам глыбокага навуковага аналізу. Акрамя іншага датычыцца гэта і становішча ў адукацыйнай справе, якая ў поўнай меры адчула на сабе ўвесь цяжар тых спусташальных падзей [1, с. 154–169]. Такі падыход сягае сваімі каранямі ў 1960–1980-я гг., калі дамінавала меркаванне, што толькі «наступленне феадальна-каталіцкай рэакцыі ў другой палове XVII ст. паставіла асвету беларускага народа ў вельмі неспрыяльныя ўмовы» [2, с. 82].

Сканцэнтраванне ўвагі даследчыкаў на тагачасных ваенных дзеяннях і іх наступствах стала прычынай больш глыбокага аналізу падзей другой паловы 1650–1660-х гг. У той жа час папярэдні этап (канец 1640-х гг. – першая палова 1650-х гг.) вывучаны больш спрошчана – спусташэнні поўдня Беларусі і прычыны перарастання ўнутранага канфлікту ў знешнепалітычны. Пытанні ж стану айчынай школьнай справы ў дадзены перыяд увогуле не сталі прадметам навуковага інтарэсу. Менавіта гэта і абумовіла актуальнасць даследавання, дзе ўпершыню ў гістарычнай навуцы вывучаецца ўплыў баявых дзеянняў 1648–1651 гг. на асвету розных хрысціянскіх канфесій, а таксама напрамкі яе аднаўлення ды актывізацыі пасля завяршэння гэтай фазы ваенных сутыкненняў.

Неабходна адзначыць, што сістэма адукацыі Беларусі адчула ўздзеянне паўстання Б. Хмяльніцкага ўжо летам 1648 г., калі ў паўднёвых і паўднёва-ўсходніх рэгіёнах ВКЛ пачаў пашырацца масавы сялянска-мяшчанскі рух. Ён быў выкліканы накіраваннем гетманам сюды казацкіх загонаў ды ўніверсалаў з заклікамі да выступленняў. Пераход пад кантроль паўстанцаў тутэйшых гарадоў прыводзіў да знішчэння каталіцкіх ды ўніяцкіх храмаў і манастыроў, што мела вынікам спыненне дзейнасці езуіцкіх калегіумаў і праваслаўных школ у Брэсце ды Пінску. Хваляваннямі былі ахоплены значныя тэрыторыі – ажно да ваколіц Навагрудка, Слуцка, Мінска ды Мсціслава [3, с. 46–54]. Вынікам гэтага стаў заняпад мясцовых навучальных устаноў езуітаў, базыльян, кальвіністаў ды праваслаўных брацтваў. Прычына – масавы выезд заможнага насельніцтва. Пуціўльскі ваявода Н. Ю. Пляшчэеў 30 мая 1648 г. у рапарце ў Разрадны прыказ распавядаючы пра «литовские города по сю сторону Днепра (на ўсход ад яго. – А. С.)», пісаў, што з іх «паны, и державцы, и урядники, и ляхи, и жидаы все выбежали з женами и з детьми за Днепр в королевские города, а остались де в тех литовских городех одне мещане и пашенные мужики» [4, с. 24–25]. У сваю чаргу палонныя казакі ў кастрычніку гэтага ж году на допытах адзначалі, што «из шляхты в Минске никого нет, только некоторое число евреев» [5, с. 164]. Фінансвае становішча ацалелых школ пагоршылі надзвычайныя падаткі, якімі абкладалася ў тым ліку і царкоўная маёмасць. Так, на маенткі ўніяцкай царквы былі ўскладзены зборы «На абарону Айчыны» ў 1648 і 1649 гг., а таксама «На літоўскае войска» ў 1650 г. [6, арк. 1–2; 7, арк. 1; 8, арк. 1].

У дакументах, апісваючыя тыя падзеі, мясцовыя школы практычна не ўзгадваюцца, але факты гібелі ў тым ліку і дзяцей прыводзяцца рэгулярна. Так, калі 10 кастрычніка 1648 г. атрады стражніка ВКЛ Р. Мірскага ўзялі Пінск, то ён «мещан побил больше 3 тысяч человек и жён их и детей велел побить без милости». У 1649 г. пасля захопу Чачэрска смерцю пакаралі не толькі бунтаўшчыкоў, але: «и их жон и детей перебили». Тое ж адбывалася і ў Брэсце, дзе «жолнеры... мещан и мещанских детей с поклажею мучат и огнём жгут» [3, с. 48, 53–54].

Такім чынам, можна прыйсці да высновы, што падзеі 1648–1649 гг. у Беларусі мелі вынікам не толькі спыненне працы тых навучальных устаноў, што знаходзіліся ў ахопленых баявымі дзеяннямі населеных пунктах, але і з прычыны масавага бежанства прывялі адукацыйную справу да заняпаду на куды большай тэрыторыі (ажно да ваколіц Магілёва, Мінска і г. д.).

У 1650–1651 гг. назіраўся спад актыўнасці паўстанцкай дзейнасці сялянства і гарадскіх нізоў у Беларусі. Дадзены факт спрыяў пачатку аднаўлення адукацыйнай справы. У Пінску, яшчэ ў 1649 г. пачало працу пачатковае вучылішча, заняткі ў якім вёў магістр С. Корсак. Усе ж 5 асноўных класаў тут зноў былі адкрыты ў 1654/1655 навучальным годзе [9, с. 298, 303]. Калегіўм у Брэсце таксама пасля вызвалення ад казакаў знаходзіўся ў заняпадзе, што адзначалася ў справаздачах ордэну ў пачатку 1650-х гг. Яго адраджэнне непасрэдна звязана з правядзеннем у Брэсце ў сакавіку-красавіку 1653 г. надзвычайнага сойму. Кароль Ян II Казімір з набліжанымі неаднаразова наведваў езуіцкі кляштар і ахвяраваў на яго карысць «значную міласціну». Буйны фундуш выдзяліў падканцлер ВКЛ, адміністратар Брэсцкай эканоміі кн. К. Л. Сапега – 30 тыс. зл. на пабудову мураваных касцёла і калегіўма. Менавіта паляпшэнне фінансавага стану дазволіла езуітам хутка аднавіць у Брэсце навучанне на даваенным узроўні [10, арк. 10–13, 49–50]. Таксама езуіты вырашылі распачаць развіццё сваёй пачатковай школы пры рэзідэнцыі ў Навагрудку. У 1649/1650 навучальным годзе ў ёй пачалі працу граматычныя класы. Пажар у 1652 г. знішчыў кляштар і часова прыпыніў іх дзейнасць, але да 1655 г. тут адкрыліся ўсё 5 асноўных класаў (да рыторыкі ўключна) [11, с. 1294].

Здолелі езуіты ў гэты час уладкавацца і ў Мінску. Прыбыццё сюды першых двух манахаў польскі гісторык Ю. Лукашэвіч адносіць да 1657 г. Глувачыць ён гэта тым, што менавіта ў гэтым годзе памёр біскуп смаленскі Г. Сангушка, які набыў на карысць ордэну будынак на Высокім Рынку за 8 тыс. зл. і завяшчаў 80 тыс. зл. на заснаванне тут кляштара з калегіўмам [12, с. 116–117]. Разам з тым, узначалены час у Мінску панавалі рускія войскі і малаверагодна, што яны далі б згоду на прыбыццё ў горад каталіцкіх манахаў. Пры гэтым, вядома – набыццё азначанага будынка ў мешчаніна Я. Гегера адбылося вясной 1654 г., што і робіць якраз дадзены год больш лагічным часам першага з’яўлення езуітаў у Мінску [13, с. 178–180].

Акрамя гэтага, кіраўніцтва ордэну пераканала віленскага біскупа Г. Тышкевіча ў неабходнасці актывізацыі місіянерскай ды асветніцкай дзейнасці на тэрыторыях, ахопленых хваляваннямі. На паседжаннях Кангрэгацыі прапаганды веры ў Рыме 18 ліпеня і 7 жніўня 1651 г. быў зачытаны ліст іерарха, у якім ён прасіў кардыналаў падтрымаць прапанову езуіта І. Ельца (фундатар і кіраўнік Оўручскага калегіўма, вымушаны з'ехаць у ВКЛ пасля яго знішчэння казакамі ў 1648 г.) аб стварэнні «на мяжы Літвы і Русі» калегіі св. Філіпа Нярэйскага (гэты асветнік стварыў у 1558 г. у Рыме кангрэгацыю араатарыянцаў, мэта якой заключалася ў паляпшэнні духоўнай асветы святароў ды мірян). Праз належнае выхаванне мясцовай моладзі дадзеная навучальная ўстанова павінна была распаўсюджаць «сапраўдную веру» на беларускіх ды ўкраінскіх землях – найперш у асяроддзі той частцы тутэйшага насельніцтва, што далучылася: «да казацкага генерала Хмяльніцкага». Праект быў станоўча ўспрыняты Кангрэгацыяй прапаганды веры і рэкамендаваны да рэалізацыі [14, с. 246–247].

Аднак больш трывалыя пазіцыі ў азначаным рэгіёне мела ўсё ж уніяцкая царква. Таму было вырашана менавіта ёй даручыць рэалізацыю гэтага плана. А дакладней – адрадзіць згаслую Мінскую семінарыю, якая ніяк не магла распачаць працу пасля пажару 1640 г. Кангрэгацыя базыльянскага ордэну ў Мінску у 1652 г. паставіла: «Семінарыю нашу адкрыць зноў... Прэфектам прызначыць Бенедыкта Цярлецкага. Магістры яму павінны быць прыданы, якія б адзін па-латыні, а другі па-руску, вучылі... Спачатку прыняць толькі пяць семінарыстаў з ліку манахаў, але без ліста мітрапаліта альбо протаархімандрыта нікога не залічваць» [15, с. 52]. Рэктарам яе намінальна лічыўся мсціслаўскі архімандрыт В. Казінскі, а Б. Цярлецкі, такім чынам, становіўся яго намеснікам па вучэбнай частцы. Ён быў родам з Астраўца, скончыў Калегію па распаўсюджванню веры ў Рыме (1645–1651 гг.; курсы рыторыкі, логікі), дзе атрымаў ступені доктара філасофіі ды тэалогіі і 28 сакавіка 1651 г. быў напраўлены: «для місіянерскай працы на Русь і ў Літву» [16, с. 206].

15 кастрычніка 1653 г. выйшаў прывілей караля Яна II Казіміра, дзе пацвярджаліся ранейшыя правы Мінскай семінарыі: «учит всех наук языком Кгрецким, Латинским, Словенским, Руским и Польским», а таксама: «вшеляких прав, волностей и привелеев школам набоженства римского служачых заживать» [13, с. 175]. Сама ж семінарыя па ініцыятыве Б. Цярлецкага і пры падтрымцы кіеўскага мітрапаліта А. Сялявы хутка выйшла за межы, прадпісаныя Кангрэгацыяй 1652 г. Праз два гады Б. Цярлецкі заняў пасаду яе рэктара і з гэтай нагоды 19 жніўня 1654 г. у яго «досмотр и заведыванье» перайшлі м. Усяж: «чтобы он содержал на доходы с этого имени минских семинаристов» і «семинарский (былы мітрапалічы. – А. С.) двор» у Мінску [17, арк. 1–3]. Прэфектам пры ім стаў выпускнік Грэчаскай калегіі П. Агілевіч, які быў родам з Мінска і ў 1652 г. атрымаў у Рыме ступень до-

ктара тэалогіі [18, с. 70]. Пасады настаўнікаў граматычных класаў займалі выхаванец Віленскага папскага алюмнату К. Канкоўскі і аўгусцінскі манах магістр тэалогіі Р. Маёры, родам з Італіі [19, с. 334–337]. Украінскі даследчык Р. Галавацкі таксама называе сярод супрацоўнікаў Мінскай семінарыі і П. Сарацына [20, с. 389]. Вядома, што ён быў «італагрэкам» – паходзіў з грэчаскай калоніі ў г. Кампамарына (паўднёва-ўсходняя Італія), у 1645 г. скончыў Грэчаскую калегію ў Рыме, дзе вывучаў лацінскую ды грэчаскую мовы, а таксама тэалогію і быў скіраваны Кангрэгацыяй прапаганды веры на місіянерскую працу ў Рэч Паспалітую. Тут ён узначаліў Холмскую ўніяцкую школу, але з-за канфлікту з мясцовым каталіцкім біскупам С. Пестраконскім, пратэставаўшым супраць масавага навучання ва ўніяцкай школе сваіх адзінаверцаў, быў вымушаны з’ехаць у Беларусь [15, с. 222, 226–227; 231–232].

У цэлым, пры Б. Цярлецкім Мінская семінарыя была набліжана да ўзроўню калегіўма з вышэйшымі курсамі. Пацверджаннем гэтага з’яўляецца яго ліст да сакратара Кангрэгацыі прапаганды веры Д. Масарыё ад 29 студзеня 1655 г. У ім рэктар пісаў, што асноўны цяжар выкладчыцкай працы узяў на сабе: «Спачатку выкладаў я рыторыку ў пэўныя вызначаныя гадзіны, а ў іншы час маральнае багаслоўе, прычым, на народнай мове з-за дрэннага яго разумення, што і зараз раблю. Па заканчэнні рыторыкі, пачаў я двухгадовы курс філасофіі і яго ўжо напэўна завершыў бы, калі б не бура, якая ўзнялася з Маскоўшчыны над Польшчай, не спыніла б яго ў палове года...». Адзначаў ён і істотны ўзрост цікавасці да семінарыі з боку грамадства ды ордэна: «ходзяць і семінарысты, і свецкія, і нашы манахі... даволі шмат ходзіць моладзі дашколі большасць з іх нез’яднання (неўніяты. – А. С.)». У дадзеным рапарце не называлася агульная лічба выхаванцаў (па ўскосных дадзеных толькі семінарыстаў тут ужо было не менш за 12), але тое, што Б. Цярлецкі падкрэсліваў: «а нас для навучання ўсяго пяцёра», сведчыла аб іх значнай колькасці. У цэлым жа гэты ліст дэманстраваў аптымізм рэктара ў адносінах да будучыні падначаленай яму навучальнай установы – ён толькі прасіў Кангрэгацыю прапаганды веры даслаць у Мінск ахоўны ліст, гарантуючы правы ды фондушы семінарыі, а таксама дазволіць адсылаць у Рымскія калегіі маладых настаўнікаў і лепшых з выхаванцаў [21, с. 10–13].

Не спыніліся ў разглядаемы перыяд і замежныя адукацыйныя стажыроўкі базільян. Адпраўляліся яны ў папскія алюмнаты Брунсберга: 6 асоб – 1649 (2), 1651 (3), 1653 (1) і Аламоўца: 3 асобы – 1650 (2), 1654 (1), а таксама ў Рым – у тутэйшыя Грэчаскую калегію: 3 асобы – 1652 (1), 1653 (2) ды Калегію па распаўсюджванню веры: 3 асобы – 1651 (2), 1652 (1). З улікам таго, што два ўніяты пасля алюмнату ў Брунсбергу працягнулі навучанне ў Рымскай Грэчаскай калегіі (будучыя архіепіскап полацкі М. Белазор і протаархімандрый базільян С. Мартышкевіч-Бусінскі) стыпендыі Кангрэгацыі базільянскага ордэну ў 1649–1654 гг. атрымала 13 асоб (за папярэдні

аналагічны перыяд 1643–1648 гг. іх было 15 чалавек – 5 асоб у Брунсбергу, 6 асоб у Грэчаскай калегіі і 4 асобы ў Калегіі па распаўсюджванню веры) [22, с. 56, 83, 118, 121]. Пры агульнай нешматлікасці базыльян у Рэчы Паспалітай (150–160 чалавек) выезд за мяжу за азначаны час 8–9 % манахаў з’яўляецца сведчаннем жадання ордэну захаваць у не вельмі спрыяльных умовах агульны высокі адукацыйны ўзровень, а таксама даваў магчымасць пазбегчы ганенняў, а магчыма і смерці, найбольш таленавітым прадстаўнікам маладога пакалення базыльян.

Акрамя езуітаў ды базыльян актывізавалі сваю дзейнасць у гэты час і кальвіністы, заснаваўшыя ў 1654 г. вучылішча ў Заблудаве – мястэчку, якое знаходзілася на каронных землях, але належыла біржанска-дубінкоўскай галіне роду кн. Радзівілаў. Яно прызначалася для моладзі не толькі з Польшы, але і з ВКЛ – тутэйшы збор уваходзіў у Падляшскі дыстрыкт Ядноты Літоўскай, а таму вучыліся тут пратэстанты з Брэста, Гродна, Пінска, Слоніма і інш. Фінансавалася школа за кошт гаспадара мястэчка – кн. Я. Радзівіла (7 тыс. зл.), Сінода ВКЛ (6 тыс. зл.) і Сінода Малой Польшчы (5 тыс. зл.). Сумесным рашэннем абодвух вышэйшых інстанцый кальвіністаў на пасаду рэктара быў прызначаны кансеньёр Бельжыцкага дыстрыкта К. Пандлоўскі, прэфектам стаў прыдворны прапаведнік кн. Б. Радзівіла Я. К. Краінскі, а настаўніцкія абавязкі выконвалі некалькі кандыдатаў тэалогіі. Заняткі тут таксама вялі сеньёр Падляшскага дыстрыкту М. Высоцкі і яго намеснік (кансеньёр) Д. Смеліюс. 3 канца 1654 г. Заблудаўская школа распачала дзейнасць. Планавалася паступова давесці яе вучэбны курс да 5-класнага, што адпавядала б праграме езуіцкага калегіума [23, арк. 185–186].

Толькі ў праваслаўнай асвеце ў разглядаемы час становішча пэўным чынам пагоршылася. Кіева-Магілянскі калегіўм у 1651–1655 гг. не працаваў, а яго выхаванцы раз’ехаліся па розных іншых навучальных установах (Сімяон Полацкі паступіў у Віленскую езуіцкую акадэмію). Актыўная ж падтрымка гэтай царквы з боку гетмана Б. Хмяльніцкага ды яго прыхільнікаў абумовіла пагаршэнне стаўлення да яе з боку ўлад і грамадства, што рабіла немагчымым стварэнне новых адукацыйных асяродкаў ці пашырэнне ўжо існуючых [24, с. 194–195].

У цэлым вывучэнне школьнай справы ў азначаны час дазваляе сцвярджаць, што казацка-сялянска-мяшчанскія выступленні 1648–1649 гг. непасрэдна ці ўскосна аказалі істотны негатыўны ўплыў на адукацыю не толькі на стаўшым арэнай баявых дзеяннях поўдні Берарусі, але і ў яе цэнтральных ды ўсходніх рэгіёнах. У сваю чаргу ў канцы 1640-х – першай палове 1650-х гг. адбываўся як працэс адбудовы спустошаных адукацыйных цэнтраў, так і назіралася пэўнае ажыўленне школьнай справы. Ініцыятывы ўніятаў ды кальвіністаў былі прадывітаны ў тым ліку і жаданнем зменшыць залежнасць сваіх канфесій ад езуіцкіх навучальных устаноў.

Сацыяльна-рэлігійны канфлікт, які пры гэтым абвастрыўся, спрыяў намерам базыльян, а ўзросшы аўтарытэт «пераможцы мяцежнікаў» кн. Я. Радзівіла дазваляў яго адзінаверцам-кальвіністам ажыццяўляць новыя адукацыйныя ініцыятывы. Хуткае згасанне казацка-сялянскіх выступленняў выклікала аптымістычнае ўспрыманне дадзенымі канфесіямі будучых перспектыв у развіцці ўласных школьных сістэм.

Такім чынам, сітуацыя ў сферы адукацыі ў першай палове 1650-х гг. сведчыць аб тым, што мясцовае грамадства яўна не чакала пачатку новай маштабнай вайны, а спадзявалася на далейшую нармалізацыю паўсядзённага жыцця з паступовым пашырэннем асветніцкіх магчымасцяў для прадстаўнікоў розных веравызнанняў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Марозава, С. В.* Міжканфесійныя адносіны / С. В. Марозава // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2008. – Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай / Ю. Бохан [і інш.]. – 2004. – С. 154–169.
2. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагогічнай думкі ў Беларусі / гал. рэд. С. А. Умрэйка. – Мінск: Народная асвета, 1968. – 621 с.
3. *Лочмель, И. Ф.* Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов / И. Ф. Лочмель. – М.: Воениздат, 1940. – 163 с.
4. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. / под ред. А. И. Азарова [и др.]. – Минск: Изд-во АН БССР, 1959–1961. – Т. 2: С середины XVII до конца XVIII века, до воссоединения с Россией. – 1960. – 559 с.
5. Документы об освободительной войне украинского народа. 1648–1654 / сост. А. З. Барабой [и др.]. – Киев: Наукова думка, 1965. – 828 с.
6. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА). – Ф. 823. Воп. 1. Спр. 779.
7. РДГА. – Ф. 823. Воп. 1. Спр. 783.
8. РДГА. – Ф. 823. Воп. 1. Спр. 788.
9. *Annuae litterae Societatis Jesu anni MDCL.* – Dilingae: Apud I. Mayer, 1658. – 456 p.
10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна (НГАБ у Гродна). – Ф. 1143. Воп. 1. Спр. 11.
11. *Zaleski, S.* Jezuici w Polsce: w 5 t. / S. Zaleski. – Lwow; Krakow: Druk. W. Anczyca i Spolki, 1900–1906. – Т. 4 : Dzieje 153 kolegiów i domów Jezuitów w Polsce. – Cz. 3: Kolegia i domy założone w drugiej dobie rządów Zygmunta III i za rządów Władysława IV. 1608–1648. – 1905. – 464 s.
12. *Łukaszewicz, J.* Historia szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim od najdawniejszych czasów aż do roku 1794: w 4 t. / J. Łukaszewicz. – Poznań: Wyd-wo W. Deckera i Spółki, 1849–1851. – Т. 4. – 1851. – 355 s.
13. Беларускі Архіў: у 3 т. / пад рэд. Д. І. Даўгялы. – Менск: Ін-т бел. культуры; Выданьне Беларускае Акадэміі Навук, 1927–1931. – Т. 3: Менскія акты (XV – XVIII ст.). – Вып. 1. – 1931. – XXV, 416 с.

14. *Acta Sacrarum Congregationis de Propaganda Fide Ecclesiam Catholicam Ucrainae et Bielarussiae spectantia*: in 5 vol. / coll. et. adnot. A. Welykyj. – Romae: PP Basiliani, 1950–1955. – Vol. 1: 1622–1667. – 1953. – 367 p.

15. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: в 14 т. – Вильно, 1867–1904. – Т. 12. – Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1900. – XLVII, 230 с.

16. *Blažejowskyj, D. Ukrainian and Bielorussian Students in the Pontificio Collegio Urbano de Propaganda Fide (1627–1846)* / D. Blažejowskyj // *Записки Чину Св. Василя Великого*. – Рим: Видавництво отців-василян, 1974. – Сер. II. – Секція II. – Т. IX (XV). – Вип. 1–4. – Р. 202–222.

17. РДГА. – Ф. 823. Вop. 1. Спр. 813.

18. *Wojnar, M. M. Basilian Scholars and Publishing Houses* / M. M. Wojnar // *Записки Чину Св. Василя Великого*. – Рим: Видавництво отців-василян, 1974. – Сер. II. – Секція II. – Т. IX (XV). – Вип. 1–4. – Р. 64–94.

19. *Monumenta Ucrainae Historica*: in 6 vol. / coll. A. Šeptyckyj. – Romae: Edit. Universitatis Catholicae Ucrainorum, 1964–1968. – Vol. II: 1624–1648. – 1965. – 358 p.

20. *Головацький, Р. Митрополича Семінарія Рутського* / Р. Головацький // *Записки Чину Св. Василя Великого*. – Рим: Видавництво отців-василян, 1960. – Сер. II. – Секція II. – Т. III (IX). – Вип. 3–4. – С. 375–393.

21. *Monumenta Ucrainae Historica*: in 6 vol. / coll. A. Šeptyckyj. – Romae: Edit. Universitatis Catholicae Ucrainorum, 1964–1968. – Vol. III: 1650–1670. – 1966. – 399 p.

22. *Blažejowskyj, D. Byzantine Kyivan Rite Students in Pontifical Colleges, and in Seminaries, Universities and Institutes of Central and Western Europe (1576–1983)* / D. Blažejowskyj. – Rome PP. Basiliene, 1984. – 366 p.

23. *Бібліятэка імя Урублеўскіх Акадэміі навук Літвы. Адзел рукапісаў (БУАНЛ АР)*. – Ф. 40. Спр. 1136.

24. *Самусік, А. Ф. Праваслаўная адукацыя на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XVII ст.* / А. Ф. Самусік // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 3 ч. / под ред. В. А. Гайсёнка (пред.) [и др.]*. – Минск: РИВШ, 2020. – Вып. 20, ч. 2. – С. 193–201.

(Дата подачі: 09.02.2021 г.)

I. А. Саракавік

Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, Мінск

I. Sorokovik

Academy of management under the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 340(091)(476)

СТАНАЎЛЕННЕ І АРГАНІЗАЦЫЯ ІНСТЫТУТА КРЫМІНАЛІСТЫКІ І СУДОВАЙ ЭКСПЕРТЫЗЫ Ў БЕЛАРУСІ Ў 1920–1930-Я ГГ.

ESTABLISHMENT AND ORGANIZATION OF THE INSTITUTE OF CRIMINALISTICS AND FORENSIC EXAMINATION IN BELARUS IN 1920–1930

Артыкул прысвечаны асаблівасцям станаўлення і арганізацыі Інстытута крыміналістыкі і судовай экспертызы ў БССР у 1920–1930-я гг. Тэма слаба даследавана гістарычнай навукай.

Ключавыя словы: БССР; савецкая ўлада; інстытут; крыміналістыка; судовая экспертыза; вучоны; даследаванне; злачынства.

The article is devoted to the peculiarities of the formation and organization of the institute of criminology and forensic examination in the BSSR in 1920–1930. The topic is poorly studied by historical science.

Keywords: BSSR; Soviet power; institute; criminalistics; forensic examination; scientist; research; crime.

Для ўсякага грамадска-палітычнага ладу характэрны злачынствы. Яны не залежаць ад палітычнага рэжыму. Могучь толькі праяўляцца ў большай ці меншай ступені. У сувязі з гэтым грамадства праз дзяржаву арганізавала адпаведныя сродкі для барацьбы са злачыннасцю. Пад уздзеяннем чалавека адбываецца вынаходніцтва і прымяненне прылад працы, ускладненне грамадскага жыцця, яго развіццё, класавае расслаенне. Паралельна з гэтым удасканалваліся сродкі і метады злачынства. І так на кожным этапе гістарычнага развіцця. На першым этапе гістарычнага развіцця чалавецтва для барацьбы са злачынствам было дастаткова прыродных навываў чалавека, атрыманых на аснове шматгадовай практыкі расследавання. Гэтым займаліся найбольш прыдатныя для гэтай справы асобы. У Вялікім Княстве Літоўскім іх называлі вознымі (раней – віжамі), што відавочна з арт. 4, 8, 9, 10, 11 і інш. раздз. IV Статута ВКЛ 1588 г. [1, с. 62, 64–67].

Аднак з бурным развіццём капіталізму гэтага стала недастаткова. Эмпірычныя веды практыкаў паступова пачалі абагульняцца, аналізавацца, набываць навуковы характар. Піянерамі ў гэтай справе сталі

нямецкія і аўстрыйскія вучоныя канца XIX ст., цесна звязаныя з веданнем крымінальнага права і дасягненнямі прыродазнаўства. Паступова крыміналістыкай авалодалі і рускія даследчыкі ў пачатку XX ст.

Больш складанымі былі ўмовы на тэрыторыі Беларусі, якая не толькі не мела юрыдычных навучальных устаноў на гэты час, але нават вышэйшых навучальных устаноў. Больш за тое, спецыфічнымі былі адносіны Савецкай улады да злачынстваў. Афіцыйна лічылася, што яны – гэта язвы капіталізму і пры новай уладзе іх не павінна быць з-за высокай свядомасці чалавека сацыялістычнага грамадства. З перамогай сацыялізму ў канцы 1930-х гг. гэты крымінальны інстытут сталі называць перажыткамі капіталізму, а з прыняццем Канстытуцыі СССР 1977 г. – асобнымі пралікамі, недахопамі асобных людзей і асобных кіраўнікоў.

Аднак рэальнае жыццё вымушала ўладу сур'ёзна падыйсці да пытання барацьбы са злачыннасцю. Для паспяховай дзейнасці патрабавалася веданне крыміналістыкі, арганізацыя спецыялізаванай спецыяльнай установы, якая б займалася гэтай справай у дапамогу да міліцыі. Таму выясненне станаўлення і арганізацыі такой установы мае актуальнае значэнне. Ад яе дзеяння ў многім залежыла дзейнасць практычна ўсіх праваахоўных органаў. Галоўная задача яе заключалася ў тым, каб прадаставіць міліцыі, крымінальнаму вышуку (на пачатку 1920-х гг. ён дзейнічаў самастойна), следчым, пракуратуры, суду крыміналістычныя сродкі, прыёмы, рэкамендацыі, адметныя метадыкі расследавання, папярэджання злачынстваў і інш. А каб іх прадаставіць, то неабходны былі спецыялісты, аб'яднаныя ў адну ці ў некалькі спецыяльных устаноў.

У той жа час утварыць адразу усе неабходныя структурныя дзяржаўныя адзінкі маладой савецкай рэспубліцы – ССРБ – не ўяўлялася магчымым: не існавала спачатку адпаведных юрыдычных кадраў. Першапачаткова галоўным стала арганізацыя вышэйшых і мясцовых органаў улады, утварэння Чырвонай Арміі і праваахоўных органаў. Толькі з 1921 г. пачало дзейнічаць прававое аддзяленне Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Яму самому не хапала высокакваліфікаваных юрыдычных кадраў. Дзякуючы першаму рэктару БДУ прафесару У. І. Пічэту, які скончыў Маскоўскі ўніверсітэт і выкладаў у ім некаторы час, удалося запрасіць на працу ў рэспубліку шэраг вядомых яшчэ ў дакастрычніцкі перыяд навукоўцаў з Масквы, Яраслаўля, Саратава і іншых гарадоў Расіі. Толькі вахтавым метадам для выкладання ў БДУ прыезджала 10 навукоўцаў-юрыстаў, у асноўным з Яраслаўля і Саратава [2, Арк. 154, 97 44]. Многія з іх раней працавалі ў Маскоўскім універсітэце, што сведчыла аб іх высокім навуковым і выкладчыцкім узроўні. Гэта прафесары А. У. Гарбуноў, Л. В. Лубны-Герцык, К. А. Архіпаў, У. М. Дурдзянеўскі, М. М. Краўчанка і інш. [3, Арк. 120].

Сярод прыезжых прафесараў быў і Аляксандр Карлавіч Ленц (1882–1952), які закончыў юрыдычны факультэт Пецярбургскага ўніверсітэта,

а таксама Ваенна-медыцынскую акадэмію. Ужо ў савецкі час ён стаў доктарам медыцынскіх навук, прафесарам.

Між тым крымінагеннае становішча на тэрыторыі Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусь было вельмі складаным. Яно вынікала з цэлага шэрагу прычын.

Па-першае, быў устаноўлены новы грамадскі і дзяржаўны лад, для якога галоўнай задачай на першым часе была барацьба са знешнімі і ўнутранымі ворагамі Савецкай улады дзеля яе ўмацавання.

Па-другое, Савецкая Беларусь фактычна з другой паловы 1919 г. да 1924 г. складалася толькі з шасці паветаў былой Мінскай губерні і не была ўстаноўлена трывалая пагранічная мяжа з суседнімі капіталістычнымі дзяржавамі. Адсюль развітасць кантрабанды на тэрыторыі рэспублікі.

Па-трэцяе, у гады Першай сусветнай, а затым польска-савецкай, Грамадзянскай войнаў Беларусь апынулася ў іх эпіцэнтры. Войны нанеслі непаравімы ўрон. Толькі за гады Першай сусветнай вайны, па дадзеных Інстытута гісторыі НАН Беларусі, загінула не менш 600 тыс. чалавек, разбурана была народная гаспадарка. Гэта выклікала рост цэн на тавары як паўсядзённага попыту, так і доўгатэрміновага. Зарплата працоўных не паспявала за ростам цэн, асабліва на прадукты харчавання, паліва, жыллё. Спекуляцыя, конекрадства, грабязь, разбоі, буйныя і дробныя злачынствы сталі звычайнай з'явай першых гадоў Савецкай улады. Колькасць узбуджаных па лініі крымінальнага вышуку спраў у 1924 г. складала 30 154, у 1925 г. – 67 212, у 1927 г. – 84 250. Маюцца і другія паказчыкі: калі у 1924 г. на 10 тыс. насельніцтва па Беларускай ССР было ўзбуджана 75,8 % крымінальных спраў, то ў 1925 г. – 164,3 %, а ў 1927 г. – 171,3 % [4, с. 101]. Як бачна, рост за гэты час вырас амаль у 2,8 разы. А латэнтная злачыннасць, як вядома праваахоўным органам, была намнога большай афіцыйных дадзеных аб злачыннасці.

Такое крымінагеннае становішча патрабавала экстранных мер з боку дзяржавы. Яна іх і прымала па меры сваіх магчымасцей. Новыя праваахоўныя органы толькі складваліся. Іх кадрам не хапала не толькі спецыяльных ведаў, уменняў і навыкаў, але нават агульнай адукацыі. Ды і колькасна іх было мала. У такіх умовах і не магло быць размовы пра ўтварэнне спецыялізаванай установы, якая б займалася пытаннямі крыміналістыкі і судовай экспертызы, хоць гэта пытанне ставілася ў асяродку практыкаў і вучоных.

Па сведчанні аўтараў «Очерков по истории юридических научных учреждений в СССР», прававыя праблемы ў Беларусі даследавалі не толькі вучэбныя і акадэмічныя ўстановы, але і Інстытут крыміналістыкі і судовай экспертызы, які быў створаны ў 1926 г. [5, с. 54]. Аднак звестак аб адкрыцці такога інстытута ў 1926 г. намі не выяўлена, хоць размовы аб неабходнасці гэтага для рэспублікі мелі месца.

Як паказвае даследаванне, шлях да гэтай установы быў не такі просты. Выкладчык і даследчык Ф. І. Гаўзе (1897–1990) у матэрыяле «Аб арганізацыі навукова-судовай экспертызы ў БССР», надрукаваным у пачатку 1928 г., ставіў пытанне пра адкрыццё навукова-даследчага інстытуту экспертызы. Сваю прапанову аргументаваў патрэбнасцямі следства, а таксама тым, што Украіна мае інстытуты навукова-судовай экспертызы ў Кіеве, Харкаве і Адэсе [6, с. 11, 12]. З гэтага вынікае, што Інстытута крыміналістыкі і судовай экспертызы ў 1926 г. яшчэ не было.

Магчыма, аўтары «Очерков» мелі на ўвазе тое, што 30 кастрычніка 1926 г. пры факультэце гаспадаркі і права БДУ пачаў працаваць Беларускі кабінет па вывучэнні злачынца і злачыннасці. Яго дырэктарам быў прызначаны прафесар А. К. Ленц, які адначасова з’яўляўся загадчыкам кафедры псіхіятрыі медыцынскага факультэта БДУ [7]. Ён стаў заснавальнікам фізіялагічнага кірунка ў беларускай псіхіятрыі і на многія гады наперад вызначыў развіццё навуковай думкі ў гэтай галіне навукі ў рэспубліцы. Слынным даследчыкам уведзена ў клінічную практыку паняцце «сацыяпатыя», якое знайшло адлюстраванне ў сучасных міжнародных класіфікацыях псіхічных і паводніцкіх расстройтваў. У адзначаным кабінёце А. К. Ленц узначаліў секцыю крымінальнай псіхалогіі і псіхіятрыі. Яго даследаванні прымыкалі да антрапалагічнай школы крымінальнага права.

Другую секцыю Беларускага кабінета па вывучэнні злачынца і злачыннасці – секцыю крымінальнай сацыялогіі – узначальваў прафесар В. М. Шыраеў [8, с. 75].

Яшчэ раней, у 1921 г., было ўтворана першае судова-медыцынскае аддзяленне ў Беларусі пры Цэнтральнай хіміка-бактэрыялагічнай станцыі Наркамата аховы здароўя БССР [9].

На акадэмічнай аснове пытанне даследавання злачыннасці было ўскладзена Прэзідыумам ЦВК БССР на кафедру савецкага права БАН. Ён жа праявіў ініцыятыву аб утварэнні Інстытута судовай навукова-даследчай экспертызы. Яго адсутнасць вельмі дрэнна адбівалася на працы следчых, пракурорскіх і судовых органаў. Таму пастановай СНК БССР ад 16 жніўня 1929 г. пры НКЮ БССР быў утвораны Інстытут судовай навукова-даследчай экспертызы, асноўнай функцыі якога з’яўлялася забеспячэнне дзейнасці ўсіх судова-следчых органаў Беларусі. Першым дырэктарам інстытута стаў буйны вучоны, судовы медык і крыміналіст, доктар медыцынскіх навук, прафесар Васіль Фёдаравіч Чэрвакоў (1894–1976) [10, с. 42].

В. Ф. Чэрвакоў з’яўляецца і аўтарам першай айчыннай манаграфіі «Судебная баллістыка» (1937), трох іншых манаграфій і больш за 100 навуковых прац. За час навуковай дзейнасці падрыхтаваў 5 дактароў і 30 кандыдатаў медыцынскіх навук. У 1938 г. ён пераехаў на працу ў Маскву.

Першапачаткова Палажэннем аб Інстытуце судовай навукова-даследчай экспертызы на яго было ўскладзена шмат задач, у тым ліку і правядзенне паўторных экспертыз, што супярэчыла Палажэнню аб судова-меды-

цынскай экспертызе і замаруджвала намаганні па распрацоўцы пытанняў крыміналістычнай экспертызы.

З утварэннем у верасні 1931 г. Цэнтральнай судова-медыцынскай лабараторыі Народнага камісарыята аховы здароўя БССР стала магчымым вызваліць Інстытут ад нехарактэрных для яго функцый па даследаванню судова-медыцынскіх аб'ектаў [11, с. 4].

3 лютага 1932 г. пастановай СНК БССР Інстытут навукова-судовай экспертызы быў перайменаваны ў Беларускі дзяржаўны інстытут крыміналогіі, крыміналістыкі і судовай экспертызы пры НКЮ БССР. Перад ім была пастаўлена задача па арганізацыі крыміналагічных даследаванняў. Утварэцца аддзел крыміналогіі. У адпаведнасці з пастановай Саўнаркома БССР калегія Наркамата юстыцыі рэспублікі 28 сакавіка 1932 г. зацвердзіла Палажэнне пра БДІККС.

Інстытут адкрыў свой навукова-паказальны музей, у якім прадстаўлены матэрыялы пра гісторыю развіцця крыміналістыкі і судовай экспертызы ў БССР, прымяненні навуковых метадаў расследавання злачынстваў organамі пракуратуры, следства, суда, дзяржаўнай бяспекі, юстыцыі [10, с. 43].

У фондзе Наркамаце працы БССР Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь маюцца звесткі пра стаўкі па гэтаму інстытуту на 1930–1932 гг., якія дазваляюць не толькі ўстанавіць колькасны склад установы, але і яго структуру. На 1930 г. НДІ складаўся з дырэктара і трох секцый: фізіка-хімічных даследаванняў, індэтыфікацыі і судовага фатаграфічнага аналізу, біялагічнага і судова-медычнага аналізу. Мелася ўсяго 8 ставак [12, арк. 268].

На 15 лютага 1931 г., па сведчанні наркома юстыцыі і пракурора БССР М. А. Ляўкова, інстытут меў ужо 18 ставак. Замест секцый былі ўтвораны наступныя аддзяленні: фізіка-хімічнае, якое складалася з загадчыка, старшага судовага хіміка, старшага асістэнта і лабаранта; біялагічнае – загадчык, асістэнт, эксперт-псіхіятр; судова-фатаграфічнае – загадчык, тэхнік-фатаграф; юрыдычнай індэтыфікацыі – загадчык, асістэнт, эксперт-індэтыфікатар; навучальна-паказальны музей – загадчык; аддзел бухгалтарскай экспертызы – галоўны бухгалтар; тэхнічны персанал – машыністка-справавод, загадчык гаспадаркай, санітар, прыбіральшчыца [12, арк. 261–262].

Амаль праз год, 5 лютага 1932 г., у дакуменце Народнага камісарыята працы БССР гэта ўстанова ўжо стала называцца Беларускі дзяржаўны інстытут крыміналогіі, крыміналістыкі і судовай экспертызы. У ім працавала 14 супрацоўнікаў, не лічачы тэхнічны персанал [13, арк. 164].

Пра гэта сведчыць і Палажэнне менавіта пра Беларускі дзяржаўны інстытут крыміналогіі, крыміналістыкі і судовай экспертызы [14].

Паступова адбывалася назапашванне навуковай экспертнай асновы, сістэматызаваўся эмпірычны матэрыял. Па сведчанні кандыдата юрыдыч-

ных наук Е. П. Арэхавай, у 1932 г. былі выдадзены «Труды Белорусского научно-исследовательского института криминалистики и судебной экспертизы» ў двух тамах, у 1936 г. – «Систематический библиографический указатель по судебной экспертизе и научным областям». У 1935 г. В. Ф. Чэрвакоў абараніў доктарскую дысэртацыю на тэму «О «патологии» винтовки в судебно-медицинском и криминалистическом отношении». Аднак асноўная ўвага інстытутам надавалася альбо распрацоўцы прыкладных палажэнняў крыміналістычнай экспертызы, альбо працэсуальных пытанняў яе прызначэння і вытворчасці (С. В. Барадзін, А. і. Вінберг, А. В. Дулаў, Б. Л. Зотаў і інш. [15, с. 85].

Гэта пацвярджаюць і працы НДІ крыміналогіі, крыміналістыкі і судовай экспертызы НКЮ, якія маюцца ў Нацыянальнай бібліятэцы Рэспублікі Беларусь, у прыватнасці, за 1932 г., вып. 1, 2. Адначасова яго супрацоўнікі друкавалі свае навуковыя работы і ў іншых выданнях. С. М. Гохман змясціў свой матэрыял «Да змагання за марксісцка-ленінскі крымінальны кодэкс» у «Працах Інстытута савецкага будаўніцтва і права» [16], С. Эднерал – у часопісе «Рэвалюцыйная законнасць» [17], а А. Н. Юрашкевіч – выдаў асобным выданнем працу «Работа і задачы сельскіх грамадзкіх судов БССР» [18]. Друкаваліся працы і ў «Запісках Беларускай акадэміі навук» [19].

Аднак пытаннямі крыміналогіі інстытут займаўся непрацяглы час і таму быў перайменаваны ў Беларускі дзяржаўны НДІ крыміналістыкі і судовай экспертызы пры НКЮ БССР. Крыміналагічныя даследаванні былі спынены.

З пастановы СНК БССР ад 27 кастрычніка 1934 г. «Аб парадку падрыхтоўкі аспірантаў і кантынгентна прыёму на 1934/1935 навучальны год» за № 1762 бачна, што існаваў Інстытут крыміналістыкі і судовай экспертызы. Паколькі для яго быў устаноўлены план прыёму ў аспірантуру 2 чалавек, то можна заключыць, што ў ім працавалі высокакваліфікаваныя навуковыя кадры [20].

Установа актыўна займалася навукова-даследчай працай. На 1934 г. былі вызначаны дзве асноўныя праблемы. Адна з іх – вывучэнне змянення формаў, характару і руху класава небяспечнай дзейнасці ў БССР. У адпаведнасці з ёй распрацоўваліся такія тэмы, як хуліганства ў горадзе, хуліганства на вёсцы, узброеныя грабязы (па матэрыялах Вярхоўнага суда БССР). Тэмы выконвалі Абрэлаў, Андрэйчык, Эдэнтух, Тамаркін, Мінкін. Іх выкананне планіравалася на студзень – чэрвень 1934 г.

Другая праблема – вывучэнне новых метадаў крымінальнай тэхнікі і навукова-судовай экспертызы. Для яе даследавання было вырашана распрацаваць наступныя тэмы: расследаванне спраў аб раскраванні ў складах, магазінах, кааператываў і дзяржаўных установах; біялагічнае вызначэнне груп у крывяных клетках; атручэнне стравамі, іх крыніцы, характарыстыка і спосабы папярэджання. Выканаўцамі гэтых тэмаў з’яўляліся Мурашка, Левін, Нафталін, Бенеман, Кварын, Эстрына, Канановіч, Чарлёнак. Працы павінны былі быць падрыхтаваны на працягу студзеня – кастрычніка 1934 г. [21, арк. 109].

25 кастрычніка 1936 г. за № 27 СНК БССР прыняў пастанову «Аб перадачы Навукова-даследчага інстытута крыміналістыкі і судовай экспертызы пад ведама Пракуратуры Рэспублікі». З яе бачна, што Наркамат юстыцыі БССР і Пракуратура рэспублікі дамовіліся аб перадачы з-пад ведама НКЮ ў падпарадкаванне Пракуратуры НДІ крыміналістыкі і судовай экспертызы [22, арк. 325 аб.]. Аднак з гэтага часу матэрыялаў пра Інстытут у Нацыянальным архіве выявіць не ўдалося.

Маецца пастанова СНК СССР ад 15 чэрвеня 1938 г. аб тым, што Лабараторыя па навукова-даследчай працы Пракуратуры СССР з 1 ліпеня 1938 г. перадавалася ў выдзенне Акадэміі навук СССР і была ўключана ў склад Інстытута права АН СССР пад назвай «Крыміналістычная лабараторыя».

У сувязі з гэтым Пракурор СССР А. Я. Вышыньскі 16 ліпеня 1938 г. накіраваў ліст за № 25/26 пракурорам саюзных і аўтаномных рэспублік, краёў, абласцей і аўтаномных абласцей і пракурорам гг. Масквы і Ленінграда, ў якім паведамляў, што «во избежание задержки в производстве следствия и излишней переписки при назначении графической экспертизы не обращаться в Лабораторию Института права АН СССР, а пользоваться местными экспертами или помощью юридических институтов» [23, арк. 106, 113].

З гэтага можна заключыць, што і пры Беларускім дзяржаўным юрыдычным інстытуце існавала лабараторыя, у якой можна было праводзіць пэўную экспертызу.

Такім чынам, выкладзены матэрыял дазваляе заключыць, што патрэбнасці практыкі праваахоўных органаў Беларусі ў міжваенны перыяд патрабавалі ўтварэння спецыялізаванай дзяржаўнай навукова-даследчай установы, якая б займалася пытаннямі крыміналістыкі і судовай экспертызы. Такая ўстанова ў якасці інстытута стала афіцыйна існаваць з 1929 г., хоць пытанне аб яе адкрыцці ставілася яшчэ з сярэдзіны 1920-х гг. З-за пазіцыі вучоных і практыкаў, магчымасцей рэспублікі адбывалася пэўная трансфармацыя яе назвы, што адбівалася на накірунках яе дзейнасці. З цягам часу склаўся творчы навуковы калектыў, які заклаў аснову для развіцця крыміналістыкі, крыміналогіі і судовай экспертызы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Статут Вялікага Княства Літоўскага. – Мінск: Беларусь, 2002. – 207 с.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1145.
3. НАРБ. – Спр. 416.
4. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987. – Минск: Беларусь, 1987. – 535 с.
5. Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. – М.: Наука, 1976. – 238 с.

6. Гаўзе, Ф. Аб арганізацыі навукова-судовай экспертызы ў БССР / Ф. Гаўзе // Рэвалюцыйная законнасць. – 1928. – № 1–2. – С. 7–12.

7. Ленц, А. К. Беларускі кабінет па вывучэнню злачынцы і злачыннасці, яго мэты і характар дзейнасці / А. К. Ленц // Известия НКЮ БССР. – 1927. – № 1.

8. Барков, А. В. Становление школы уголовного права в Белорусском государственном университете / А. В. Барков // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць на ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І. А. Юхо / рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) і [інш.]. – Мінск: Бизнесофсет, 2012. – С. 75–82.

9. Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudexpert.gov.by/ru/history.html>. – Дата доступа: 05.09.2018.

10. Министерство юстиции Республики Беларусь, 1919–2005 / под общ. ред. В. Г. Голованова. – Минск: Тонпик, 2005. – 184 с.

11. Становление и развитие научно-исследовательского института проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 8.

12. НАРБ. – Ф. 44. – Воп. 1. – Спр. 1322.

13. НАРБ. – Спр. 2004.

14. Палажэнне аб Беларускім дзяржаўным інстытуце крыміналогіі, крыміналістыкі і судовай экспертызы // Беларускі дзяржаўны інстытут крыміналогіі, крыміналістыкі і судовай экспертызы НКЮ. – 1932. – Вып. 1. – С. 54–58.

15. Орехова, Е. П. Становление и развитие судебной экспертизы / Е. П. Орехова // Судебная экспертиза. Научные публикации. – 2017. – № 2(42). – С. 83–89.

16. Гохман, С. М. Да змагання за марксісцка-ленінскі крымінальны кодэкс / С. М. Гохман // Працы Інстытута савецкага будаўніцтва і права / БАН. – 1931. – [нenumарны зб.]. – С. 147–164.

17. Эднерал, С. Аб спрашчэнні работы судова-следчага апарату / С. Эднерал // Рэвалюцыйная законнасць. – 1928. – № ¾. – С. 18–24.

18. Юрашкевіч, А. Н. Работа і задачы сельскіх грамадзкіх судоў БССР. – Мінск: БелАН, 1933. – 44 с.

19. Гохман, С. М. Пытанні судовай дзейнасці і навукова-даследчай работы ў вобласці права / С. М. Гохман // Запіскі БелАН. – 1934. – № 3. – С. 133–151.

20. ЗБ БССР. – 1934. – № 45. – Арт. 222.

21. НАРБ. – Ф. 31. Воп. 1. Спр. 572.

22. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 1. Спр. 881 а.

23. НАРБ. – Ф. 750. Воп. 1. Спр. 691.

(Дата падачы: 05.02.2020 г.)

С. Ф. Свилас, В. М. Слепцова
Белорусский государственный университет, Минск

S. Svilas, V. Sleptsova
Belarusian State University, Minsk

УДК 327.700Н-055.2(091)«2010/2020»

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРУКТУРЫ «ООН-ЖЕНЩИНЫ» (2010–2020 ГГ.)

ON THE ACTIVITIES OF UN WOMEN (2010–2020)

В статье анализируется деятельность структуры «ООН-Женщины», занимающейся проблемами гендерного равенства и защитой прав женщин. Рассмотрены причины ее создания, институты, функции, нормативная база, направления и формы работы, стратегические планы и конкретные программы, проекты, инициативы; определены достижения, проблемы и сложности работы. Особое внимание уделяется функционированию организации в условиях пандемии COVID-19 и сотрудничеству с правительственными и неправительственными организациями, гражданским обществом.

Ключевые слова: международные отношения; международное сотрудничество; «ООН-Женщины»; гендерное равенство; COVID-19.

The article analyzes the activities of UN Women, which deals with the issues of gender equality and the protection of women's rights. The reasons for its creation, institutions, functions, regulatory framework, directions and forms of work, strategic plans and specific programs, projects, initiatives are considered; achievements, problems and difficulties of work are identified. Special attention is paid to the functioning of the organization in the context of the COVID-19 pandemic and cooperation with governmental and non-governmental organizations, civil society.

Keywords: international relations; international cooperation; UN Women; gender equality; COVID-19.

Создание Структуры «ООН-Женщины» (2010 г.) позволило объединить учреждения, ориентированные на изучение и повышение эффективности гендерного аспекта деятельности Всемирной организации: Отдел по улучшению положения женщин (ОУПЖ), Международный учебный и научно-исследовательский институт по улучшению положения женщин (МУНИУЖ), Канцелярию Специального советника Генерального секретаря по гендерным вопросам и улучшению положения женщин, а также Фонд Организации Объединенных Наций для развития в интересах женщин (ЮНИФЕМ) [1]. Основополагающими документами для новой структуры стали Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), Пекинская декларация и Платформа действий (1995 г.), Резолюция 1325 СБ ООН по вопросам, касающимся женщин, мира и безопасности (2000 г.), а также Повестка дня и Цели устойчивого развития (2015 г.).

«ООН-Женщины» является ведущим органом, координирующим работу учреждений системы ООН в вопросе гендерного равенства. По оценке Мишель Бачелет, его первого исполнительного директора (2010–2013 гг.), женщины – это колоссальный ресурс, который требует развития и позволяет достигнуть впечатляющих успехов в развитии экономики. Интерес к созданию такой организации обусловлен недовольством членов ООН медленным продвижением к достижению гендерного равенства, а ее деятельность направлена на поддержку усилий по совершенствованию гендерной политики. «ООН-Женщины» особое внимание уделяет пяти областям: участие в принятии политических решений, конфликтное и постконфликтное урегулирование, насилие в отношении женщин, расширение их экономических прав и возможностей, в том числе разработка национальных программ по достижению равенства посредством расширения деятельности общественных организаций, неправительственных учреждений, а также правительств. Организация рассматривается в качестве ключевого компонента для достижения демократических ценностей и развития политических амбиций женщин [2].

В состав Исполнительного совета «ООН-Женщины», обновляемого каждые три года, входят представители более 40 государств, при этом учитываются региональный принцип (Африка, Азия и Тихий океан, Восточная Европа, Латинская Америка и Карибский бассейн, Западная Европа, Ближний Восток) и шкала взносов, приветствуются страны-доноры. Одним из первых проектов стало «Укрепление женского лидерства и участия в политической жизни в регионе Латинской Америки и странах Африки» [2].

Первый стратегический план организации «ООН-Женщины» (на 2011–2013 гг.) включал разработку регулярных консультаций и механизмов оценки эффективности, проведение форумов и других мероприятий, а также конкретные количественные показатели. Планом предусматривалось увеличение членских взносов и поддержка стран со средним уровнем дохода; материальная и техническая помощь наименее развитым странам по гендерной проблематике [3].

Грубое нарушение прав женщин традиционно наблюдается в арабском мире, преимущественно в странах Большого Ближнего Востока, в связи с укоренившейся практикой их исключения из активной общественной жизни и оправдания мужского насилия: женское представительство в законодательных органах составляет 15,2 %. Вместе с тем отметим заинтересованность правительств отдельных стран в закреплении на законодательном уровне норм, регулирующих сокращение полового неравенства [4].

Организация «ООН-Женщины» открыла региональное отделение в арабском регионе (ROAS, 2012 г., Каир), которое охватывает 17 стран с низким, средним и высоким уровнем дохода. Его задачей стала разработка норм и стандартов, осуществление региональных программ поддержки

на уровнях государства и гражданского общества, содействующих достижению гендерного равенства, расширению прав и возможностей женщин [5]. В 2015 г. была создана «Арабская парламентская сеть равенства» (Arab Female Parliamentarian Network for Equality), призванная уделять особое внимание женской повестке дня. Представительницы 22 государств региона занимаются изучением национальных законодательств и вносят предложения о модернизации законов с точки зрения гендерного равенства. Тогда же было инициировано создание Национального собрания алжирских женщин-депутатов (Algerian Female MPs National Caucus) для проведения их консультаций [6].

В рамках программы «Весна – форвард для женщин» (The Spring Forward for Women Programme) Генеральный союз палестинских женщин (GUPW) проводит мероприятия по повышению их осведомленности в вопросах общественной жизни, наращиванию потенциала женщин и лоббированию вопросов гендерного равенства. В государственных учреждениях Палестины и Организации освобождения Палестины квота для женщин увеличилась с 20 до 30 % [7]. В ходе реализации проекта «Политическая академия для женщин-кандидатов» в Тунисе (январь 2015 г.) был проведен информационный тренинг с целью укрепления навыков женщин в области информационно-пропагандистской деятельности и защиты своих политических прав [6].

«ООН-Женщины» регулярно издает сборники «Прогресс женщин мира» с аналитическими материалами и рекомендациями. Особое внимание уделяется реализации права женщин на достойную работу, справедливую оплату и безопасные условия труда, адекватную пенсию, свободный доступ к получению медицинских услуг, права на безопасную и чистую воду, а также преодолению дискриминации по таким критериям, как социально-экономический статус, место жительства, расовая, этническая или национальная принадлежность [8].

Реализация организацией Стратегического плана, рассчитанного на 2018–2021 гг., уже принесла весомые результаты в расширении прав и возможностей женщин. В Алжире, Эквадоре, Южной Африке, Судане они участвовали в акциях против дискриминации по половому признаку; 6 женщин заняли пост главы государства, 22 возглавили правительства. Получили развитие около 270 инициатив, направленных на реформу законодательных систем, оказана финансовая помощь почти 1700 сельским предпринимательницам Руанды в получении финансовой помощи. Во Вьетнаме гендерная проблематика вошла в план социально-экономического развития этнических меньшинств и отдаленных районов, рассчитанный на 2021–2030 гг. [9].

В 2020 г. была запущена молодежная инициатива «Поколение равенства» (Generation Equality) [10], однако ее реализацию затруднила пандемия. В этих условиях в Европе и Центральной Азии состоялись три чрезвычай-

ные сессии организации «ООН-Женщины». Участники пришли к выводу, что наибольшему риску подвергаются следующие категории женщин: пережившие насилие, с ограниченными возможностями, находящиеся под стражей, ВИЧ-инфицированные, престарелые, мигранты и беженцы. Были проанализированы такие «неочевидные» последствия пандемии, как рост депрессий, суицидов, положение женщин в кризисных регионах, а также на территориях военных действий и миротворческих операций [11].

Следует выделить проблемы, с которыми столкнулись женщины в условиях пандемии:

- дополнительные риски для женщин, подвергающихся насилию и не имеющих возможности уйти из дома в условиях социального дистанцирования, а также для женщин-медиков;
- отсутствие системного анализа, который позволил бы в гендерной перспективе оценить влияние пандемии на различные сферы общественной жизни;
- кризис системы правосудия: в Польше, например, правительство стало ограничивать право женщин на аборт, а Конституционный суд вынес решение о полном запрете аборт;
- закрытие детских садов и школ, что создало дополнительную нагрузку для матерей [10].

Волонтерами и штатными сотрудниками «ООН-Женщины» осуществлялись доставка лекарств уязвимым категориям населения, мобилизация средств для полноценного функционирования горячих линий, юридических и психологических консультаций; проводились интернет-кампании по информированию о мерах защиты; были запущены онлайн-курсы для женщин, потерявших работу в условиях карантина. Отметим, что связь между гражданским обществом и правительством и до карантина была налажена слабо, а после его введения положение ухудшилось [12].

«ООН-Женщины» предоставила обзор влияния пандемии COVID-19 на насилие в отношении женщин, которое рассматривается как нарушение прав человека [11]. В Китае случаи бытового насилия выросли втрое, во Франции на 30 %, в Испании на 18 %, в Англии на 20 %. Телефоны доверия на Кипре и в Сингапуре зарегистрировали увеличение числа звонков на 30 и 33 % соответственно. В Аргентине число экстренных вызовов, связанных с бытовым насилием, в условиях карантина возросло на 25 % [13].

Согласно статистике, женщины составляют 70 % медицинского персонала, задействованного в борьбе с пандемией. В условиях загруженности медицинской системы поддержка женщин, подвергшихся насилию, их клиническая реабилитация и психологическая поддержка затруднены. Карантинные меры, связанные с введением социального дистанцирования, сопровождаются сокращением обращений за помощью, поскольку женщины часто не в состоянии связаться с организациями и центрами поддержки по-

средством телефона, компьютера или интернета. Они в большей степени ощущают на себе тяжесть экономического кризиса, поскольку работают преимущественно на низкооплачиваемых должностях и (или) неполный рабочий день. Ухудшение финансового положения отодвигает на задний план «женскую повестку» [14].

Вместе с тем правительство Канады выделило 50 млн долл. на поддержку круглосуточных приютов для женщин, переживших насилие, а в Италии бытовой насильник обязан покинуть дом. Число жертв домашнего насилия во Франции возросло настолько, что приюты для женщин оказались переполнены и в качестве альтернативы предлагались места в отелях. Сотовые операторы европейских стран предоставили возможность бесплатных звонков на телефоны «горячих линий» [15].

В Испании была создана Служба мгновенных сообщений с функцией геолокации и оказанием немедленной психологической поддержки жертвам насилия посредством онлайн-чата и в аптеках. В Аргентине аптеки объявлены безопасными местами для жертв жестокого обращения, а для того, чтобы женские приюты оставались открытыми в условиях изоляции, правительство Мексики выделило 405 млн мексиканских песо. В Колумбии правительство гарантировало постоянный доступ к онлайн-услугам по борьбе с гендерным насилием, включая юридические и психологические консультации. Особое внимание получили цифровые технологии: в Китае появился хэштег #AntiDomesticViolenceDuringEpidemic, который открыл доступ к онлайн-ресурсам и опыту женщин, не побоявшихся сделать свои истории видимыми для других [14].

«ООН-Женщины» подчеркивает необходимость выделения дополнительных ресурсов на борьбу с насилием в отношении женщин, усиления бдительности полиции, увеличения мест в приютах и разработку альтернативных вариантов безопасности. В бюджете Трастового фонда ООН по прекращению насилия в отношении женщин увеличены расходы на оказание экстренной помощи женским организациям, предусмотрены гранты на создание новых проектов по поддержке жертв пандемии [15]. В рамках инициативы ООН «Безопасный город и безопасные общественные пространства» при сотрудничестве с общественными организациями прилагаются усилия по созданию безопасных общественных мест (транспорт, парки, магазины, работа). Посредством региональных центров «ООН-Женщины» помогает медицинскому персоналу осваивать программы психического здоровья, оказывает поддержку в цифровизации услуг, проводит работу по распространению среди женщин правовых знаний [16].

ООН подчеркивает необходимость построения более справедливого и устойчивого мира, в котором женщины и дети имеют равные возможности и права наряду с мужчинами посредством обеспечения равного представительства женщин на всех уровнях в принятии решений о мерах ре-

агирования на пандемию; достижения паритета между оплачиваемой и неоплачиваемой работой; учета гендерного аспекта при оказании помощи пострадавшим. Мировая экономика находится в рецессии, но экономические последствия по-разному затрагивают мужчин и женщин [14].

Согласно исследованиям, женщины нередко заняты в неформальном секторе на временной работе или на ставку, имея при этом более низкую заработную плату по сравнению с мужчинами, а также ограниченный доступ к социальной защите (оплачиваемый отпуск по болезни и беременности, медицинская страховка, пенсия, пособие по безработице). Женщины-мигранты, перемещенные лица или беженцы практически не имеют возможностей для получения минимального дохода и экстренной медицинской помощи [17].

К апрелю 2020 г. 106 стран расширили меры социальной защиты населения: правительства предоставили отсрочки по выплатам платежей, увеличили выдачу займов и кредитов, а также выплату пособий женщинам. Оказывается содействие вовлечению женщин в предпринимательскую деятельность, обеспечению равной оплаты труда и социальных выплат как на государственном, так и частном уровнях [16].

Рекомендации ООН по совершенствованию национальных планов реагирования на пандемию включают уменьшение налоговых выплат предприятиям, особенно женским, а также проведение гендерного анализа последствий пандемии для совершенствования стратегии реагирования на кризис. ООН предлагает помощь правительствам в сборе гендерных данных и консультации по созданию и совершенствованию программ для работниц [14].

В условиях пандемии многие женщины столкнулись с трудностями в доступе к медицинским услугам, обусловленном их этнической или национальной принадлежностью, социально-экономическим статусом, инвалидностью, возрастом, сексуальной ориентацией. Особенно острый кризис наблюдается в доступе к основным лекарствам и сохранении репродуктивного здоровья в сельских местностях [15]. В мире 70 % работников здравоохранения и социального сектора составляют женщины, поэтому они более подвержены воздействию вируса. Во многих районах женщины имеют меньший доступ к средствам индивидуальной защиты или же им предоставляется мужской набор одежды, они сталкиваются с дополнительным физическим и психологическим стрессом, связанным с неблагоприятным балансом оплачиваемых и неоплачиваемых рабочих обязанностей [11]. Переориентирование на борьбу с пандемией и игнорирование других медицинских сфер, в частности, репродуктивного здоровья, приводит к обострению материнской смертности и заболеваемости, увеличению числа подростковых беременностей, росту ВИЧ-инфекции и заболеваний, передаваемых половым путем. ООН представляет государствам помощь в закупке средств индивидуальной защиты и медицинского оборудования, на

первый план ставит оказание социальной помощи женщинам, находящимся в группе риска (беременные, женщины с ВИЧ или с ограниченными возможностями) [14].

В повседневной жизни женщины вынуждены заниматься неоплачиваемым трудом в большом объеме (уход за детьми или пожилыми людьми, родственниками-инвалидами, домашняя работа) [15]. Он напрямую связан с более низкими доходами и давно признан движущей силой гендерного неравенства в целом; еще до пандемии женщины выполняли в три раза больше неоплачиваемой работы по уходу и дому, чем мужчины. В результате перехода на дистанционное обучение в школах почти 90 % учащихся, по данным ЮНЕСКО, оказались дома, тем самым «вторая смена» для женщин дополнилась помощью детям-школьникам. Стратегия ООН направлена на обеспечение доступа женщин к комфортному водоснабжению, средствам санитарии, а также электроснабжению для поддержки неоплачиваемого ухода и домашней работы, а также на выделение этой категории населения дополнительных финансовых и материальных средств [14]. ООН предложила внести в национальные планы реагирования на COVID-19 профилактические меры и борьбу с насилием, расширить сеть приютов для женщин за счет перепрофилирования других учреждений с целью создания безопасного пространства, увеличить финансовую поддержку гражданскому обществу; реализуется инициатива «Луч света» в партнерстве с Европейским союзом для активизации деятельности работы правительств с целью ответа на вызовы пандемии [16].

Таким образом, за свою десятилетнюю историю структура «ООН-Женщины» превратилась в системного координатора и аналитика гендерного аспекта деятельности ООН. Сформировалась и совершенствовалась нормативная база этой организации, развивались её институциональные основы, направления и формы работы, укреплялось сотрудничество с региональными международными организациями и гражданским обществом. В условиях пандемии посредством анализа ситуации и реализации партнерского подхода, а также благодаря подвижности персонала и волонтеров «ООН-Женщины» внесла значительный вклад в облегчение положения этой большой социальной группы и защиты ее прав.

Список использованных источников

1. UN Creates New Structure for Empowerment of Women / United nations press release [Electronic Resource]. – 2 p. – Mode of access: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/media/stories/en/unwomenpressrelease201007021pdf.pdf?la=en&vs=1049>. – Date of access: 03.02.2021.
2. Новикова, Е. «ООН-женщины» – решение вопроса гендерного неравенства в политическом лидерстве / Е. Новикова // Власть. – 2012. – № 9. – С. 125–127.
3. 2011/3 UN-Women strategic plan / Annual session 2011 // Executive Board of the United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women [Electronic

Resource]. – 30 June 2011. – 2 p. – Mode of access: http://www.peacewomen.org/sites/default/files/unwomen_strategicplan_2011-2013_0.pdf. – Date of access: 03.02.2021.

4. About Generation Equality // Official site of UN WOMEN Europe and Central Asia [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://eca.unwomen.org/en/news/in-focus/beijing-plus-25/about>. – Date of access: 03.02.2021.

5. Кудлай, М. Д. Роль деятельности ООН-женщины в арабском мире / М. Д. Кудлай // The Newman In Foreign Policy. – Март-апрель 2017 г. – № 36(80). – 4 с.

6. Leadership and political participation // Official site of UN WOMEN Arab States [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://arabstates.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation>. – Date of access: 03.02.2021.

7. Arab Women Parliamentarians Network for Equality // Brochure UN WOMEN. – 20 p. [Electronic Resource]. – Mode of access: https://iknowpolitics.org/sites/default/files/raedat_brochure_eng_web.pdf. – Date of access: 03.02.2021.

8. Progress of the World's Women 2000 // United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women. – 2000. – 166 p.

9. Report of the Under-Secretary-General Executive Director of the United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women on progress made on the Strategic Plan 2018–2021, including the midterm review of the Strategic Plan / Annual session 2020 // Executive Board of the United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women. – 20 April 2020. – 32 p.

10. Мнения женских организаций о COVID-19: субрегиональные консультации в апреле 2020 года / Серия публикаций «ООН-женщины»: женщины на передовой в борьбе с COVID-19 в Европе и Центральной Азии // ООН-женщины. – 8 с.

11. COVID-19 and Ending Violence Against Women and Girls / Issue brief // UN Women. – 2020. – 10 p.

12. Мнения представителей механизмов по обеспечению гендерного равенства. Суб-региональные консультации в мае 2020 года // Серия публикаций «ООН-женщины»: мнения представителей механизмов по обеспечению гендерного равенства. – 10 с.

13. Putting women at the forefront of the covid-19 response in Europe and Central Asia / In brief // UN Women Regional Office for Europe and Central Asia. – 6 p.

14. Аналитическая записка Генерального секретаря ООН «Воздействие COVID-19 на женщин» [Electronic Resource] / ООН. – Mode of access: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/policy-brief-the-impact-of-covid-19-on-women-en.pdf?la=en&vs=1406>. – Date of access: 03.02.2021.

15. From the insights to action. Gender equality in the wake of COVID-19 // UN Women. – 2020. – 17 p.

16. The covid-19 shadow pandemic domestic violence in the world of work. A Call to action for the private sector / COVID-19 Response // UN Women. – 2020. – 11 p.

17. The impact of covid-19 on women's and men's lives and livelihoods in Europe and Central Asia: Preliminary Results from a Rapid Gender Assessment / UN WOMEN series // Women at the forefront of COVID-19 response in Europe and Central Asia. – 2020. – 69 p.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Л. Н. Семенова

Белорусский национальный технический университет, Минск

L. Semenova

Belarussian National Technical University, Minsk

УДК (9)(410)329(091)

ОТ РЕМЕСЛЕННЫХ ЦЕХОВ К ЦЕХОВЫМ ПРОФСОЮЗАМ FROM THE HANDICRAFT GUILDS TO THE SHOP UNIONS

Ремесленные цехи, в Англии – гильдии как профессиональные корпорации феодальной эпохи существенно отличаются от профессиональных союзов рабочего класса эпохи капитализма. Однако между ремесленными цехами и цеховыми профсоюзами, получившими в Англии название «старый тред-юнионизм», наблюдается преемственность как в формах организации, направлениях деятельности, так и в борьбе с капиталом. Ремесленные цехи боролись с купеческим капиталом и, побежденные им, уступили место организациям наемных рабочих, защищавших себя от индустриального капитала.

Ключевые слова: ремесленный цех; тред-юнион; цеховой юнионизм; торговый капитал; индустриальный капитал; капитализм.

There are essential difference between the handicraft shops (the guilds in England) as professional corporations of the feudal period and the trade-unions of the working class of the capitalist period. But the handicraft shops and the shop unions (the old trade-unionism in England) are likeness in the forms of organization, the directions of activity and the struggle against capital. The handicraft shops fought against commercial capital and defeated. So they ceded place to the organizations of the hired labour which defended from industrial capital.

Keywords: handicraft shop; trade-union; shop unionism; commercial capital; industrial capital; capitalism.

Во второй половине XIX в. представители правящих классов промышленно развитых капиталистических стран осознали огромную пропасть, лежащую между ними и простым народом. Устрашающий контраст между богатыми и бедными максимально точно выразил премьер-министр Великобритании в 1874–1880 гг. и по совместительству весьма талантливый писатель Бенджамин Дизраэли, написав в новелле «Сибилла» (1845 г.) о «двух нациях, между которыми нет ни общения, ни сочувствия, которые ничего не знают о привычках, мыслях и чувствах друг друга... обитателей разных планет» [1, с. 572]. Вполне естественным стало желание узнать «обитателей другой планеты» и по возможности помочь им. Так, в России началось известное «хождение в народ», который представляло крестьянство, составлявшее более 85 % всего населения.

Поскольку в Англии крестьянство давно уже исчезло в водовороте капиталистического огораживания, для британских интеллектуалов наро-

дом стал рабочий класс и городские маргиналы, обитавшие в трущобах на окраинах городов «черной страны». Такой «ходок в британский народ», как Ф. Энгельс в начале 1840-х гг. по собственному признанию «оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими» [2, с. 232], решительно вторгшись в беднейшие трущобы Лондона и ряда других промышленных городов. Результатом стал фундаментальный труд «Положение рабочего класса в Англии», написанный буквально одновременно с новеллой Дизраэли в 1845 г., в котором Энгельс рельефно без прикрас показал жизнь «второй нации».

В конце 1880-х гг. в рабочий английский народ пошли очередные «ходоки» – представители рафинированной английской интеллектуальной элиты. Они бесстрашно входили в грязные и кривые улочки лондонского Ист-энда, Уайт-чэпела, открывали облезлые двери узких прокопченных каморок, терпеливо слушали стоны и жалобы их обитателей. Среди первооткрывателей простого народа были и Сидней Вебб – скромный государственный служащий, и Беатриса Поттер (впоследствии Вебб) – дочь богатого владельца железнодорожных компаний, ставшие бессменными идейными лидерами Фабианского социалистического общества, основанного в 1884 г. В течение многих лет супруги Вебб исследовали рабочие кварталы Лондона, ездили по другим индустриальным городам, обращая внимание не столько на нищету и антисанитарию, сколько на зажиточную верхушку рабочего класса, организованную в тред-юнионы. Они сосредоточились на общении с руководителями и рядовыми членами тред-юнионов, посещали их штаб-квартиры, до поздней ночи засиживались на профсоюзных заседаниях, протоколируя каждое слово, в качестве докладчиков и почетных гостей присутствовали на торжественных общенациональных конгрессах. Так создавался их совместный фундаментальный труд «История тред-юнионизма», увидевший свет в 1894 г. [3]. Он стал по сути дела первым подробнейшим, основанным на первоклассных источниках, исследованием по истории английского профсоюзного движения.

Веббы впервые предложили периодизацию профсоюзного движения, которая с незначительными изменениями и дополнениями до сих пор применяется историками. Появившиеся в конце XVIII в. профсоюзы быстро попали под пресс законодательного запрета (законы против коалиций 1799 г.), поэтому время до их отмены в 1825 г. Веббы красноречиво называли «борьба за существование». Затем последовал революционный период (1829–1842 гг.), в центре которого, по мнению Веббов, была борьба за всеобщий союз. О радикальном движении чартизма они не писали. Далее в соответствии с Веббами: 1843–1860 гг. – новые влияния и новый образец, 1863–1885 гг. – секционное строительство, 1875–1889 гг. – старый тред-юнионизм. С 1889 г. начинается история нового юнионизма. С легкой руки

Веббов период активного формирования тред-юнионов в середине и во второй половине XIX в. в пору расцвета индустриального капитализма и абсолютного лидерства Англии в мировой капиталистической системе принято называть старым тред-юнионизмом. В основном это был цеховой юнионизм, т. е. союзы высококвалифицированных рабочих, организованных по узкопрофессиональному принципу. Тред-юнионы только создавались, получая свои учредительные хартии, но сразу были названы «старыми». С новым юнионизмом понятно. Это действительно впервые создаваемые на волне жесткой борьбы труда против капитала многочисленные профсоюзы неквалифицированных рабочих, организованные по отраслевому индустриальному принципу, которыми гордился Ф. Энгельс, связывая с ними большие надежды в революционном движении. После участия в лондонской демонстрации 4 мая 1890 г., организованной новыми союзами, Энгельс проникновенно написал: «Я сошел со старой платформы с высоко поднятой головой» [4, с. 343].

Но почему же цеховые союзы, только что родившись, уже считались старыми? Попробуем ответить на этот вопрос.

С. и Б. Вебб обратили внимание на глубину исторической памяти тред-юнионистов. Во время своего «хождения в народ» они быстро располагали к себе рабочих, которые доверительно делились «тайнами» своих организаций. Снимали с чердаков почерневшие от пыли сундуки, доставали оттуда старинные уставы, кипы пожелтевших газет, изъеденные молью богато расшитые знамена с вычурной символикой. Откуда у недавно созданных союзов такие исторические реликвии? Конечно же, со времен существования средневековых ремесленных цехов. Преемственность и сходство между ремесленными цехами и цеховым юнионизмом видны невооруженным взглядом.

И те, и другие объединяли людей одной профессии, реализуемой в рамках ручного труда. А ручной труд ремесленника, как и труд крестьянина, еще близок к естественной природе, основан на чувстве сопричастности с ней, сотрудничества, совместного с ней созидания и преобразования. Сажать растения, как и делать из них своими руками пищу, одежду или мебель, лепить из глины посуду, из железа ковать орудия труда – это еще непосредственное общение с природой. Этот труд принципиально отличается от труда фабрично-заводского рабочего у станка, продавца за прилавком, клерка с бумагами и т. д., максимально погруженных в искусственный мир технократической денежной цивилизации. Поэтому механик, кузнец, печатник, бондарь, плотник, каменщик, портной, ювелир, часовщик, пекарь ощущали себя гордо, независимо, знали цену своему профессиональному достоинству, мастеровитым «золотым рукам». Как бы в середине XIX в. фабрика не определяла лицо экономики развитых стран, особенно Великобритании, ставшей «фабрикой мира», в соответствии с точной метафорой

К. Маркса, она функционировала лишь на вершине промышленной пирамиды, основу которой составляло мелкое ремесленное производство. Хотя капитал и крупная промышленность жестко теснили ремесло, по словам Ф. Броделя, «окружили его со всех сторон» [5, с. 293]. Получив столь решительный удар, ремесло не сразу легло на лопатки. Оно продолжало существовать. Как пишет Ф. Бродель, «главнейшая черта такой ремесленной предпримышленности – это ее значение, важность как основного массива; тот способ, каким она, оставаясь подобной себе, сопротивлялась капиталистическим новшествам. Тогда эти последние порой облепляли какое-нибудь полностью специализированное ремесло, и в один прекрасный день оно как созревший плод падало в руки предпринимателей, располагавших крупными средствами» [5, с. 294]. В перерывах между столь драматичными моментами наступало равновесие, своеобразное «взаимоприспособление через разобщение» на экономическом уровне. Так даже в самых развитых странах ремесло в качестве экономического уклада просуществовало вплоть до XX в., прежде чем достойно уйти в сферу малого бизнеса, услуг, искусства и традиционной народной культуры, в которых пребывает до сих пор. Период такого взаимоприспособления в середине XIX в. в Англии на пике взлета ее могущества и стал временем роста цехового юнионизма.

Первые официальные данные о тред-юнионах появились в Англии только в 1887 г. в докладе Рабочего департамента управления промышленностью, учрежденного буквально за год до этого в 1886 г. До этого никакой официальной статистики не существовало. Воспользуемся косвенными свидетельствами. Журнал «Эдинбургское обозрение» писал в 1867 г., что «почти каждая промышленность в Королевстве имеет свой союз, причем объединяющий не только квалифицированных, но и неквалифицированных рабочих... Общее количество всех ассоциаций составляет не менее чем 2000» [6, р. 418]. Известный английский экономист того времени В. Торнтон отмечал: «Примерно, не менее 1/10 части всех мастеровых Великобритании зачислены в рабочие союзы, из которых многие считают своих членов тысячами, а некоторые и десятками тысяч, располагая соответствующими доходами. Число же самих союзов – легион. Список их, как остроумно замечает Гарисон, включает не только все известные отрасли ремесленной или мануфактурной промышленности, но и такие, названия которых слышали разве немногие» [7, с. 147]. Торнтон приводит выдержку из одного респектабельного буржуазного журнала, который опасаясь за правящий класс и «жалая» рабочих, писал: «Как Европа усеяна тайными политическими обществами, так и Великобритания покрыта Рабочими Союзами, приводящими в исполнение свои таинственные повеления руками неответственных агентов и таким образом создающими тиранию, которая страшнее всякого королевского деспотизма, ибо уничтожает личную свободу английского рабочего и не позволяет ему распоряжаться своим трудом» [7, с. 178].

Столь большое число цеховых союзов объяснялось защитой узкопрофессиональных рамок, уходящих корнями в средневековые ремесленные привилегии, согласно которым учредить свой ремесленный цех, в Англии гильдию, могли всего несколько мастеров, обладавших узкопрофессиональными компетенциями. Но если в средневековые времена множество цехов давали мастеру хотя бы юридическую возможность защитить свое ремесло, подмастерьев и учеников, то в эпоху индустриального капитализма XIX в. множественность цеховых союзов выглядела анахронизмом, консервировала профессиональную закрытость, замкнутость, обособленность, явно ставшие препятствием на пути развития тред-юнионистского движения в его борьбе за права рабочих. Курьезы узости цехового юнионизма вызывали у самих английских рабочих смех: «Кто производит столовые вилки – не может быть членом союза рабочих десертных вилок, а столовых ножей – членом союза десертных ножей, столовых ложек – не имеет права быть членом ни тех, ни других ножей и даже союза десертных ложек» [8, с. 67]. Но смех этот был горьким.

Много общего было и в деятельности ремесленных гильдий и цеховых союзов, следовавших по сути дела одним и тем же «высоким правилам». Профессионализм мастеров в них обеспечивался 5–7-летними сроками ученичества. После изготовления «шедевра» ученику и ремесленной гильдии, и цехового союза вручался «кожаный фартук» и он возводился в сан квалифицированного мастера. Чтобы оградить себя от лишних конкурентов и гильдейские мастера, и цеховые тред-юнионисты строго ограничивали количество учеников у одного мастера (не более 5–7). В одной из резолюций Британского конгресса тред-юнионов говорилось: «Мы рассматриваем неограниченное количество учеников, как расширение рабочего рынка, из-за которого люди, желающие работать, будут выброшены, оставшиеся будут ограничены в заработной плате. Предприниматели часто совсем необдуманно без всякой необходимости приглашают на свое предприятие значительное количество молодежи, которое только забирает работу у других» [9, p. 8].

И ремесленные цехи, и цеховые союзы обеспечивали своим членам всестороннюю социальную защиту, организовывая кассы взаимопомощи на случай болезни, старости, смерти, забастовочной борьбы. Свое возникновение и существование они и объясняли прежде всего заботой о слабых, вдовах, сиротах, больных, увечных. Мастера, подмастерья и ученики ремесленной гильдии принадлежали, в большей или меньшей степени, к одному классу, к «мелкому люду». Вместе жили, в самой мастерской или рядом, делили одну и ту же трапезу, работали бок о бок «за одним верстаком», случалось мастер побивал своих учеников, что было в порядке вещей, но тот же мастер первым приходил и на помощь. Гильдейская взаимовыручка резко контрастировала с бедственным положением нецеховых работников.

По словам английского историка Дж. М. Тревельяна, «... вне гильдий в городе всегда имелось немало необученных рабочих; их труд плохо оплачивался, и о них никто не заботился. Но в самих гильдиях было много гармонии и довольства» [10, с. 46]. Многочисленные крупные цеховые союзы выглядели уже как солидные финансовые учреждения, с доходами, расходами, отчетами за каждый пенс. Объединенное общество механиков в 1865 г. имело доход в размере 86 885 ф.ст., потратило же только 49 000 ф.ст. В 1870 г. в бюджете общества уже насчитывалось 140 000 ф.ст. Общество рабочих каменщиков в 1869 г. собрало в виде взносов 18 640 ф.ст., прибавив их к уже имеющимся средствам в размере 10 000 ф.ст. Объединенное общество плотников в 1865 г. имело доход 10 487 ф.ст., израсходовав лишь 6 733 ф.ст. Общество чугунолитейщиков, в котором насчитывалось всего 11 тыс. членов, в течение 10 лет с 1866 по 1876 гг. выплатило своим безработным, больным и семьям погибших и умерших 250 000 ф.ст. [11, р. 21]. Заведовать такими средствами было непросто. Нужны были знания, умения, время. Поэтому в профсоюзах наряду с имевшимися должностями генерального секретаря, председателя, секретарей лож, организаторов и др., появляются казначеи. Ряд должностных лиц становились освобожденными работниками, получавшими жалованье от своего тред-юниона.

Общества взаимопомощи с подобными функциями социальной защиты возможно всегда создавались рабочими, даже в период своеобразного безвременья с XV по XVIII в., когда великая пора цехов уже миновала, а рост тред-юнионистского движения на фоне индустриального капитализма еще не начался. По словам английского историка Ч. Поулсена, история, к сожалению, не оставила нам достаточно четкой последовательности начальных этапов формирования этих объединений, называвшихся также «профессиональный клуб», «тайное общество» или просто «общество». Во всяком случае, документально известно, что до Реформации они обычно возникали как ультрарелигиозные культовые организации в честь святого – покровителя определенной профессии или местности, а со временем трансформировались в общества взаимопомощи в различных отраслях производства. Они предоставляли материальную помощь нуждающимся работникам в случае болезни или безработицы, давали деньги на похороны, организовывали торжественные церемонии перевода учеников в подмастерья и устраивали совместные застолья в облюбованной ими таверне. На заседаниях таких обществ регулярно обсуждались вопросы заработной платы и условий труда, в традиционной английской манере составлялись петиции в парламент, в случае же отказа нередко принималось решение о коллективном невыходе на работу (позднее такая акция стала называться забастовкой) [12, с. 212–213].

И ремесленные цехи (гильдии), и тайные профессиональные общества, и цеховые профсоюзы вполне логично выстраиваются в один многовековой

ряд защитных организаций людей труда, объясняющих для тред-юнионизма определение «старый». Все эти организации вырастали из естественной для людей общинной совместной жизни и организации труда. Никакие принципы индивидуализма, культивируемые капиталистической денежной цивилизацией, не смогли разрушить чувства коллективизма, заложенного в самой человеческой природе. Все перечисленные общества были средством борьбы труда с капиталом.

Ремесленные цехи в Западной Европе в пору их великого расцвета в XII–XV вв. принято относить к эпохе феодализма с его развитым корпоративизмом. Но уже в ту далекую эпоху ремесленные цехи вступили в серьезную схватку не с феодальными институтами, в которые они уместно вписались будучи профессиональной корпорацией, наряду с другими сословными и классовыми корпорациями, а с самым настоящим капиталом, который тогда пребывал в форме торгового капитала, сосредоточенного у городских купцов. Ф. Бродель определял капитализм того времени как «капитализм городских купцов» [5, с. 310]. Это был капитализм, противоположный традиционному рыночному обмену нижней зоны материального производства, капитализм, по словам Ф. Броделя, верхней зоны расчетов и спекуляции, теневой зоны, сумрака, зоны деятельности посвященных. Такой капитализм – это «накопление могущества (он строит обмен на соотношении силы в такой же и даже большей мере, нежели на взаимности потребностей), это социальный паразитизм» [5, с. XIV]. Борьба ремесленных цехов с торговым капиталом, принимавшая разные формы, в том числе настоящих войн городских низов и патрициата, в конце концов закончилась победой купцов. «Сотрудничество между ним и ремесленниками, – отмечал Ф. Бродель, – не могло протекать на равных, ибо ставкой в игре было завоевание купцом (чтобы не сказать – капитализмом) рынка труда и экономического первенства» [5, с. 311].

В XIX в. английский капитализм завоевал первенство в полной мере и внутри страны, и на мировой арене. Труд, уже ставший функцией индустриального капитала, повел с ним борьбу на строго ограниченном поле созданного капиталом рынка труда. Если рынки товаров и услуг существовали на протяжении истории всегда, то труд наряду с землей и деньгами, являясь по своей сути фиктивными товарами, организуются в форме рынков только с развитием капитализма. Но для функционирования в рыночной системе капитализма они нуждаются в защитных организациях и механизмах. К. Поланьи полагает, что вся социальная история XIX в. формировалась под влиянием двух тенденций: «развитие рыночной организации применительно к настоящим товарам сопровождалось ростом ограничений на ее применение к фиктивным товарам» [13, с. 17]. Тред-юнионы и стали организациями для защиты интересов рабочего класса на рынке труда, так же как и их далекие предшественники почувствовав на себе пресс всепожирающего молоха капитализма.

Список использованных источников

1. *Дэвис, Н.* История Европы / Н. Дэвис; пер. с англ. Т. Б. Менской. – М.: ООО «Изд-во АСТ», ООО «Транзиткнига», 2004. – 943 с.
2. *Энгельс, Ф.* Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 2. – С. 231–517.
3. *Вебб, С. и Б.* История тред-юнионизма / С. и Б. Вебб; пер. с англ. – М.: Гос. изд-во, 1922–1923, вып. 1–4.
4. *Энгельс, Ф.* 9 мая 1890 г. / Ф. Энгельс, А. Бебелью А. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 37. – С. 343.
5. *Бродель, Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель; пер. с франц. Л.Е. Куббеля. – М.: Изд-во «Весь мир», 2011. – 672 с.
6. *Edinburg Review.* – 1867. – Vol. 126. – P. 418 // *Trade Unions in the Victorian Age. Debates on the issue from 19th century critical journals. 1865–1867.* – L.: Methuen and Co Ltd, 1973. – Vol. IV.
7. *Торнтон, В. Т.* Труд. Его ложные требования и законные права, его настоящее положение и возможная будущность / В. Т. Торнтон; пер. с англ. – СПб.: Типогр. д-ра М. Хана, 1870. – 458 с.
8. *Фишер, А.* В России и в Англии / А. Фишер. – М.: Изд. Профинтерна, 1922. – 178 с.
9. *The Second Annual Congress of Trade Unions held in 1869 in Birmingham from the Birmingham Daily Post and specially reported by R.S. Kirk.* – 25 p.
10. *Треvelьян, Дж. М.* История Англии от Чосера до королевы Виктории / Дж. М. Тре-вельян; пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой. – Смоленск: Русич, 2001. – 624 с.
11. *Report of the Twelfth Annual Trades Union Congress held in Edinburgh. September 15–20, 1879.* – Manchester, 1879. – 89 p.
12. *Поулсен, Ч.* Английские бунтари / Ч. Поулсен; пер. с англ. ред., предисл., коммент. С. Н. Бурина. – М.: Прогресс, 1987. – 280 с.
13. *Полањи, К.* Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги / К. Полањи // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем (альманах).* Весна 1993. – М.: Начала-пресс, 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 10–17.

(Дата подачи: 13.02.2020 г.)

А. И. Сенько

Белорусский государственный университет, Минск

A. Senko

Belarusian State University, Minsk

УДК 314.1(476)(091)«18/19».930.2

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY AS A RESEARCH PROBLEM

В статье рассмотрены достижения в изучении социально-демографических процессов на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. в отечественной и зарубежной историографии, методы и подходы к изучению, применяемые исследователями в тот или иной исторический период. Существенное внимание уделено применению модернизационной парадигмы, в частности теории демографического перехода. Анализируется опыт применения общенаучных, специально-исторических и количественных методов при работе с данными демографической статистики. Показаны перспективные направления в изучении социально-демографических процессов.

Ключевые слова: социально-демографические процессы; демографический переход; историческая демография; численность населения; историография; методы и методология.

The article examines advances in study of socio-demographic processes in Belarus in the second half of the XIX – the beginning of the XX cent., methods and approaches of studying applied by researchers in a particular historical period. The author pays particular attention to the application of the modernization paradigm, considering demographic transition theory. The author analyzes the experience in application of general scientific, special historical and quantitative methods, which are made use of working with demographic statistics. The author goes on to show the perspective research fields of socio-demographic processes.

Keywords: socio-demographic processes; demographic transition; historical demography; population; historiography; methods and methodology.

Во второй половине XIX – начале XX в. в белорусском обществе происходили трансформационные изменения, которые были связаны с постепенным переходом белорусского общества от традиционного уровня его развития к современному. Социально-демографические процессы, в свою очередь, выступили показателем модернизационных изменений, их масштабов и интенсивности, степени вовлеченности общества в трансформационные процессы.

Изучение социально-демографических процессов на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. предполагает системный характер, поскольку предусматривает исследование ряда самостоятельных в историографическом отношении социально-демографических вопросов: закономерные причины и факторы в изменении уровней рождаемости и смертности, особенности и протекание демографического перехода, динамика численного и возрастного состава населения, эволюция брачно-семейных отношений.

Исследуемая проблема эволюции социально-демографических процессов связана с пониманием природы демографических явлений и направленности демографических тенденций и находит отражение в работах не только историков, но и специалистов в области статистики, экономики, демографии. Ученые-демографы и статистики дореволюционного периода осуществили первые попытки изучения обозначенных выше вопросов, сделав основной упор в своих трудах на обработке преимущественно количественных данных. Специфика работ исследователей конца XIX – начала XX в. выражена в стремлении отобразить статистический учет населения, выработать соответствующую методику обработки и систематизации данных.

Одним из ключевых показателей, характеризующих социальные процессы, происходящие в обществе, являются количественные данные демографической статистики, отображающие изменение уровней смертности и рождаемости, которые оказывают влияние на динамику общей численности населения. Изменения уровней смертности и рождаемости в дореволюционный период рассматривались В. Буняковским [1], С. Новосельским [2], В. Никитенко [3], Л. Бессером и Баллодом [4], Э. Экком [5], Ю. Янсоном [6], А. Дембовецким [7] и др.

Существенный вклад в изучение статистики смертности внес В. Буняковский, разработав метод построения смертных списков по принципу учета умерших по возрастам в метрических книгах. Данный метод позволяет оценить уровень смертности населения только при условии неизменного на протяжении длительного периода времени порядка вымирания и определенного ежегодного количества родившихся. В дальнейшем методика В. Буняковского подвергалась критике исследователями, в особенности в отношении учета В. Буняковским только православного населения. Однако именно В. Буняковский обратил внимание его современников на погрешность подсчетов населения ввиду отсутствия выработанной системы учета демографических данных, в соответствии с чем в Российской империи отмечались крайне завышенные показатели смертности [1, с. 7–8].

Возможности применения методов обработки статистической информации о смертности населения изучал С. Новосельский. На основе материалов переписи 1897 г. исследователь составил таблицы умерших, отмечая

недостаточно высокий уровень учета естественного движения населения Российской империи и противоречивость данных. Вместе с тем С. Новосельский указал на постепенное общее снижение уровня смертности населения губерний Российской империи в конце XIX – начале XX в., отмечая в особенности ее крайне высокий уровень в детском возрасте и сниженный уровень в пожилом возрасте [2, с. 9–34].

При изучении смертности населения особое значение имеет уровень детской смертности, т.к. ее показатели в сравнении с остальным населением оказываются наиболее высокими, в частности уровень смертности детей в возрасте от 1 года до 5 лет. Проблема детской смертности в дореволюционной историографии рассматривалась медиком В. Никитенко, который в своей докторской диссертации обозначил прямо пропорциональную зависимость общего коэффициента смертности от уровня детской смертности, которая, в свою очередь, зачастую обусловлена высоким коэффициентом рождаемости [3, с. 3]. При этом В. Никитенко приходит к выводу, что на территории белорусских губерний показатели детской смертности были существенно ниже в сравнении с показателями других губерний Российской империи [3, с. 222].

Высокий уровень смертности Л. Бессер и К. Баллод связывали с низким социально-экономическим уровнем населения, недостаточными для благосостояния народа санитарно-гигиеническими условиями и питанием [4, с. 67]. Систематизируя сведения о смертности, рождаемости и естественном приросте населения, Н. Эрк указал на достаточно высокий уровень смертности в губерниях Российской империи в сопоставлении с показателями западноевропейских стран [5, с. 21–22]. На зависимость уровня смертности от пола и возраста, приводя численные примеры, обратил внимание Ю. Янсон, который также выделил характерные особенности и для белорусских губерний [6, с. 225]. Обусловленность высокой смертности уровнем санитарно-гигиенических условий, эпидемиями, возможностями оказания медицинской помощи на примере Могилевской губернии оценивал также А. Дембовецкий [7, с. 34].

Одним из важнейших аспектов социально-демографических процессов является рассмотрение проблемы матримониального поведения населения, т. е. отношения населения к браку, эволюции брачно-семейных отношений, брачного возраста, воззрений населения к рождению и воспитанию детей.

Среди дореволюционных исследователей по проблеме брачно-семейных отношений в белорусской семье следует отметить М. Довнар-Запольского, который в своем этнографическом обзоре представил эволюцию форм и типов семьи [8]. Правовая основа брачно-семейных отношений анализируется в работах А. Загоровского [9] и С. Григоровского [10], в которых описываются условия и возможные ограничения для заключения брака, основания признания его недействительным и причины, по которым брак

может быть расторгнут; содержатся положения о законном рождении детей и внебрачных детях, об имущественных отношениях между супругами и праве наследования.

В дореволюционный период проблема матримониального поведения населения не являлась объектом повышенного внимания исследователей, существенная роль отводилась лишь вопросам законности брака и правовой основе брачных отношений.

По мере накопления исследователями статистических материалов, углубления понимания процессов воспроизводства населения изменялись научные подходы к изучению социально-демографических процессов. Рост населения в результате повышения рождаемости и снижения смертности сформировали интерес исследователей в сторону определения закономерных причин и факторов социально-демографических изменений. В середине XX в. зарождается концепция демографического перехода, которая объясняет взаимосвязь определенного типа воспроизводства населения и присущими ему характерными чертами с изменениями в уровне социально-экономического развития населения. Появляются работы советских исследователей А. Вишневого [11], А. Рашина [12], А. Боярского и П. Шушерина [13], С. Пирожкова [14], В. Бондарчика [15], польского исследователя З. Эберхардта [16] и др.

Исследуя проблемы исторической демографии, А. Вишневский дал анализ теоретических основ демографического перехода, начало которому на территории Беларуси было положено в середине XIX в. Особое внимание А. Вишневым было уделено механизму осуществления демографического перехода, выражающееся в изменении ключевых параметров любого типа воспроизводства населения – смертности и рождаемости [11, с. 161].

Несмотря на цикличность и волнообразность изменений в уровнях смертности и рождаемости, А. Рашин на основе анализа широкого спектра данных выделяет отличительную особенность, позволяющую сделать вывод о разворачивании демографического перехода на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., постепенное сокращение смертности и одновременно с тем некоторое снижение показателей рождаемости. Характеризуя динамику численности населения, процессы воспроизводства населения, А. Рашин приводит сведения о белорусских губерниях, что позволяет сделать сравнения демографических показателей с другими губерниями Российской империи [12, с. 187–188].

Советская историография позволила расширить понимание общетеоретических аспектов социально-демографических процессов. Появились разъяснения понятий естественного прироста, стационарного населения, возрастной структуры населения в трудах А. Боярского и П. Шушерина [13]. Исследователями предпринимались попытки выстроить новые интерпретации моделей воспроизводства населения, показать взаимосвязь смертности и возрастного состава населения [14, с. 40].

Внутрисемейные отношения белорусов второй половины XIX – начала XX в., эволюцию формы и структуры семьи, изменение брачного возраста рассмотрел В. Бондарчик, показав особенности протекания данных процессов в городе и сельской местности [15].

Демографическая статистика анализировалась польским исследователем П. Эберхардтом, который в своей работе делал акцент на изучении этнической структуры населения белорусских губерний на рубеже XIX – начала XX в. Однако его работа носит тенденциозный характер в отношении оценок этно-конфессионального состава населения Беларуси [16, с. 38].

В современной отечественной историографии существует проблема недостаточной освещенности протекания социально-демографических процессов на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Отдельные аспекты рассмотрены А. Кохановским, который связывает увеличение численности населения, его естественный прирост со вступлением белорусского общества в стадию демографического перехода, характеризующегося, в свою очередь, переходом от традиционного типа воспроизводства населения с высокими показателями рождаемости и смертности к современному типу с низкой смертностью и рождаемостью [17, с. 94].

Развитие социальных процессов в крестьянской семье, изменения в повседневном быту рассматривал С. Токть [18], правовую оценку брачному законодательству и бракоразводному процессу второй половины XIX – начала XX в. дал А. Грахоцкий [19].

Обширность вопросов в современной зарубежной историографии, так или иначе связанных с социальными процессами и демографической модернизацией, представлена в работах российских исследователей Б. Миронова [20], А. Авдеева [21] и др. Современная англоязычная историография также характеризуется широким спектром рассматриваемых общетеоретических вопросов, таких как исследование демографических систем, динамики демографических показателей, прогнозирование демографического поведения населения [22, с. 2; 23, с. 118]. Однако применительно к Беларуси с учетом региональной специфики проблема социально-демографических процессов на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. не получила предметного и системного отражения в историографии.

При рассмотрении социально-демографических процессов существенное значение имеют материалы демографической статистики, представленные в изданиях Центрального статистического комитета второй половины XIX в. «Статистический временник Российской империи» [24], «Движение населения в Европейской части России» [25], «Ежегодник России» [26]. Структурированные количественные данные Первой всеобщей переписи 1897 г. дают возможность проанализировать распределение населения белорусских губерний по возрастам в соответствии с данными о родном языке. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы находят свое отражение

в законодательных источниках («Законы гражданские» [27] и «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» [28] Свода законов Российской империи), архивных данных, материалах делопроизводства, этнографических материалах.

Комплексный характер социально-демографических процессов обуславливает их изучение в рамках различных теоретико-методологических подходов и концепций. Одной из наиболее актуальных для изучения трансформационных изменений на территории Беларуси второй половины XIX – начала XX в. является модернизационная парадигма.

Модернизационная парадигма, или теория модернизации, зародившись в середине XX в., прошла длительный путь своего совершенствования. Вне зависимости от направления развития теории модернизации ее определяет междисциплинарный характер, комплексный подход, который позволяет при анализе трансформационных процессов на территории Беларуси второй половины XIX – начала XX в. связывать структурные изменения в экономике, политике, социально-культурной трансформации с проблемами изменения демографического поведения населения [17, с. 38–39].

Изменения социально-экономических и социокультурных процессов сопровождаются изменением установок и норм демографического поведения. В современной науке одной из наиболее аргументированных социолого-демографических концепций является теория демографического перехода. В узком понимании традиционный (доиндустриальный) тип воспроизводства населения с высокими уровнями рождаемости и смертности заменяется рациональным (современным) с низкими их уровнями [11, с. 162].

Помимо вышеуказанных концепций исследование социально-демографических процессов, происходивших на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., не представляется возможным без применения специальных исторических методов. К их числу относятся историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный методы.

В исследуемых социально-демографических процессах историко-генетический метод, к примеру, позволяет проследить процессы изменения количественного состава населения, уровней его смертности и рождаемости [29, с. 184].

Использование историко-сравнительного метода предоставляет возможность рассмотреть демографическое поведение населения на территории белорусских губерний в составе Российской империи, сравнить уровни рождаемости и смертности, в т.ч. младенческой, отметив существенные отличия полученных данных от общей тенденции Российской империи [29, с. 187].

Реализация историко-системного метода дает возможность комплексно рассмотреть разные по своему содержанию статистические, законодатель-

ные и другие материалы, сопоставить полученные данные воедино для описания общей тенденции развития белорусского общества второй половины XIX – начала XX в. и механизмов его внутреннего функционирования.

В силу специфики исследуемого проблемного поля, необходимости изучения широкого круга статистических данных имеет место применение методов математической статистики. К числу таких методов относится выборочный метод. Применение данного метода необходимо при обработке статистических данных, таких как перепись населения, статистические сведения о количестве рожденных, умерших, бракосочетавшихся и т.п. для выделения из общей совокупности так называемой «выборки» [30, с. 9].

Для изучения взаимной зависимости двух и более величин используется метод корреляции [30, с. 16–17]. Метод корреляции применим в отношении установления зависимости уровня рождаемости от брачного возраста. Исследование данной зависимости показало систематическое снижение количества рожденных детей в браке от возраста вступления в брак.

Таким образом, историографическое изучение разных периодов характеризуется применением отличных друг от друга методологических подходов, расстановкой различных акцентов и приоритетов исследования. Несмотря на накопленный исследователями опыт в изучении социально-демографических процессов на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., ряд вопросов не получил должного отражения в современной историографии. Наряду с этим присутствуют различные взгляды на объективность учета количества населения, в общих чертах охарактеризован демографический переход без учета региональной специфики, существует необходимость более детального изучения матримониального поведения населения Беларуси. Использование общенаучных, специально-исторических и математических методов изучения социально-демографических процессов в контексте модернизационной парадигмы позволяет рассмотреть социальные явления комплексно и системно, оценить степень вовлеченности белорусского общества в трансформационные процессы.

Список использованных источников

1. Буняковский, В. Я. Опыт о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам / [соч.] В. Я. Буняковского, д. чл. Император. Акад. наук. – СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1865. – VIII, 196 с.
2. Новосельский, С. А. Смертность и продолжительность жизни в России / С. А. Новосельский. – Петроград: Тип. М-ва внутр. дел, 1916. – 207 с.
3. Никитенко, В. П. Детская смертность в европейской России за 1893–1896 год / В. П. Никитенко. – СПб.: Т-во Худ. печати, 1901. – 270 с.
4. Бессер, Л. Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851–1890 годы / Л. Бессер, К. Баллод. – СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1897. – 124 с.

5. *Экк, Н.* Опыт обработки статистических данных о смертности в России / Н. Экк. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1888. – 85, 72 с.
6. *Янсон, Ю. Э.* Сравнительная статистика России и западно-европейских государств: в 2 т. / Ю. Э. Янсон. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1878. – Т. 1: Территория и население. – XV, 372 с.
7. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. / А. С. Дембовецкий; сост. по прогр. под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев, 1882–1884. – Кн. 3. – 1884. – 382 с.
8. *Довнар-Запольский, М.* Очерки обычного семейного права крестьян Минской губернии / М. Довнар-Запольский. – М.: Тип. К. О. Александрова, 1897 – 80 с.
9. *Загоровский, А. И.* Курс семейного права / А. И. Загоровский. – 2-е изд., с изм. и доп. – Одесса: Экон. тип., 1909. – 574 с.
10. *Григоровский, С. Г.* О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное производство / С. Г. Григоровский. – СПб.: Синод. тип., 1911. – 299 с.
11. *Вишневский, А. Г.* Избранные демографические труды: в 2 т. / А. Г. Вишневский. – М.: Наука, 2005. – Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. – 368 с.
12. *Рашин, А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) / А. Г. Рашин; под ред. акад. С. Г. Струмилина. – М.: Госстатиздат, 1956. – 352 с.
13. *Боярский, А. Я.* Демографическая статистика / А. Я. Боярский, П. П. Шушерин. – 2-е изд. – М.: Госстатиздат, 1955. – 332 с.
14. *Пирожков, С. И.* Демографические процессы и возрастная структура населения / С. И. Пирожков. – М.: Статистика, 1976. – 135 с.
15. *Бандарчык, В. К.* Сям'я і сямейны быт беларусаў / В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 256 с.
16. *Эберхардт, П.* Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989 / П. Эберхардт. – Менск: Беларускі Фонд Сораса, 1997. – 282 с.
17. *Каханоўскі, А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханоўскі. – Мінск: БДУ, 2013. – 335 с.
18. *Токць, С. М.* Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2016. – 328 с.
19. *Грахоцкі, А.* Прымяненне норм царкоўнага права ў рэгуляванні парадку заключэння шлюбу ў Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А. Грахоцкі // Изв. Гом. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2010. – №5. – С. 139–146
20. *Миронов, Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. – Т. 1. – 896 с.
21. *Авдеев, А.* Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР / А. Авдеев // Историческая демография: сб. ст. / под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 13–73.
22. *Lee, R. D.* Introduction: the landscape of demographic transition and its aftermath / R. D. Lee, D. S. Reher // Demographic transition and its consequences. – N. Y., 2011. – P. 1–7.

23. *Preston, S.* Demography: Measuring and Modeling Population Processes / S. Preston, P. Neuveline, M. Guillot. – Malden, MA: Blackwell Publishers, 2001. – 291 p.
24. Статистический временник Российской Империи. – СПб.: Изд. центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1866. – Сер. 1. – Вып.1. – XXXVI, XV, 158, 243, 1 19 с.
25. Статистика Российской империи / Центр. стат. Ком. М-ва внутр. дел. – СПб., 1890–1916. – СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1890. – Вып. 11: Движение населения в Европейской России за 1885 г. – VIII, 211 с.
26. Статистический ежегодник России. 1912 г. – Петроград: Изд. центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1913. – XVI, 450.
27. Свод законов Российской империи: в 34 т. – СПб.: Тип. II Отд. собственной его император. величества канцелярии, 1857. – Т. 10: Законы гражданские. – С. 7–79.
28. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / под ред. проф. Имп. Училища правоведения Н. С. Таганцевым. – 5-е изд., доп. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. – [4], 714 с.
29. *Ковальченко, И. Д.* Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
30. *Негин, А. Е.* Математические методы в исторических исследованиях. Электронное учебно-методическое пособие / А. Е. Негин, А. А. Миронос. – Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2012. – 41 с.

(Дата подачи: 23.02.0221 г.)

Б. В. Сердюк

Республиканский институт высшей школы, Минск

B. Serduk

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(476)

**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ XIII ВЕКА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

**CONFESSIONAL HISTORY OF BELARUSIAN LANDS
OF THE XIII CENTURY IN DOMESTIC AND FOREIGN
HISTORIOGRAPHY**

Статья посвящена историографическому анализу отечественных и зарубежных исследований по конфессиональной истории белорусских земель в XIII в. Рассмотрены различные школы и подходы к изучению данной проблематики, а также степень ее изученности.

Ключевые слова: история Беларуси; конфессиональная история; христианство; историография.

The article is devoted to the historiographic analysis of domestic and foreign research on the confessional history of the Belarusian lands in the XIII century. Various schools and approaches to the study of this problem are considered, as well as the degree of study.

Keywords: history of Belarus; confessional history; christianity; historiography.

XIII век – важный веха в истории Восточной Европы. Английский историк Дж. Феннел именует эту эпоху «кризис средневековой Руси» [21]. Феннел отмечает в этот период значительные изменения в древнерусской политической системе. Современный белорусский исследователь А. В. Мартынюк предлагает рассматривать «кризис» XIII века как более широкое системное явление. Исследователь отмечает следующие стороны данного кризиса: политическая, династическая, военная, экономическая, культурная, ментальная и религиозная [15]. Последняя в общеславянском контексте рассмотрена в трудах Бориса Николаевича Флори, который обозначает этот переломный XIII век как исток религиозного раскола славянского мира [22].

Для белорусских земель вторая половина XIII в. также стал важным этапом формирования государственности, социокультурных и этноконфессиональных особенностей. Эта эпоха была связана с образованием Великого Княжества Литовского – полиэтнического государства.

На современном этапе проблема образования Великого Княжества Литовского довольно широко рассмотрена в трудах как отечественных, так и зарубежных историков. Изучение конфессионального контекста этих процессов необходимо для формирования комплексного представления о динамике событий XIII века, ведь спецификой белорусских земель является своеобразное цивилизационное пограничье. Подобное положение определяет важность этноконфессионального фактора при изучении истории Беларуси.

Первые шаги в деле академического изучения конфессиональной истории Беларуси были предприняты в конце XVIII – начале XIX в. Эти шаги были связаны с деятельностью архиепископа Георгия Конисского и протоиерея Иоанна Григоровича [20]. Продолжатель их дела М. О. Коялович [12] оставил после себя «западнорусскую» историческую школу, в которую входили такие исследователи как С. Г. Рункевич, П. Н. Жукович, К. Н. Харлампович, В. З. Завитневич и др. [20].

Во второй половине XIX в. работу по изучению истории православия на землях Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой проводил И. А. Чистович. В 1884 г. из-под пера историка выходит монументальный труд «Очерки истории Западнорусской церкви» [23].

В конце XIX в. Г. Я. Киприанович обобщил имевшиеся на то время исследования и составил «Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве» [11], который долгое время использовался православными семинариями в качестве одного из основных учебников по истории церкви.

Отметим, что представители «западнорусской» исторической школы в своих исследованиях уделяли особое внимание изучению церковной жизни православного и униатского населения современных Беларуси и Украины после заключения Брестской церковной унии. Остальные конфессии и исторические периоды (в том числе интересующий нас XIII в.) не подвергались глубокому изучению, и представлялись общим контекстом. Так, например, в двухтомнике Чистовича (около 1 тыс. страниц) истории христианства на землях Галицко-Волынского княжества и Великого Княжества Литовского в XIII в. уделено не более четырех страниц [23], в «Очерке» Киприановича – три страницы [11]. Кроме того, в работах Российских историков XIX в. присутствует довольно явный идеологический лейтмотив – апология православия и политики правительства Российской империи в отношении иных конфессий. Несмотря на это, исследования данного периода сформировали источниковый базис, на который смогли опираться в своих трудах последующие поколения историков.

Стоит также упомянуть труды М. С. Грушевского, который в своей монументальной «Истории Украины-Руси» не обошел стороной конфессиональную историю XIII в. Исследователь осветил ряд аспектов, связанных с взаимоотношениями христиан латинского и восточного обрядов на землях, входивших в сферу влияния Даниила Романовича (в том числе юго-западная часть современной Беларуси) [3].

Говоря о историографии XIX в., необходимо отметить, что важный вклад в изучение конфессиональной истории белорусских земель XIII в. внес немецкий историк, глава Ватиканского апостольского архива Августин Тейнер. Под руководством Тейнера были систематизированы и опубликованы сотни документов римской курии, касающиеся восточноевропейского региона. С 1856 по 1872 г. командой Тейнера были подготовлены и изданы обширные сборники «*Slavorum meridionalium*», «*Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*» и др. [27].

В советской историографии интерес к истории христианства значительно ослаб. Встречаются единичные работы по конфессиональной истории. В качестве такого исключения можно назвать труды известного советского историка и религиоведа Б. Я. Рамма, специалиста по истории папства. Исследователь занимался изучением христианства латинского обряда на Руси в XI–XV вв. Монография Рамма «Папство и Русь» посвящена проблеме «латинской экспансии» в Прибалтике, противостоянию древнерусских князей и католических монашеских орденов, политике папской курии в отношении древнерусских земель. Значительная часть исследования так или иначе затрагивает конфессиональную историю белорусских земель в XIII в. Автора интересуют взаимоотношения полоцких князей и рыцарей тевтонского ордена, унияльная политика Даниила Романовича, латинское крещение и коронация Миндовга. На страницах своей монографии

Б. Я. Рамм детально описал «вероломство феодально-католических агрессоров в отношении народных масс» [19, с. 108], «хитросплетения папской эксплуататорской политики» [19, с. 210], и кровопролитные сражения древнерусских князей с крестоносцами – этим он внес вклад в развитие исторической науки. Однако, работая в рамках марксистского подхода, исследователь оставил без внимания другие важные аспекты конфессиональной истории: влияние религии и церкви на культурогенез, становление государства, формирование средневековой ментальности, социальную жизнь и др.

Конфессиональный аспект истории белорусских земель в XIII в. затронут также в фундаментальных работах советского историка В. Т. Пашуто. Несмотря на то, что В. Т. Пашуто не занимался целенаправленным изучением истории христианства на белорусских землях, его труды весьма полезны исследователям конфессиональной истории Беларуси так как содержат значительную источниковую базу и обширный историографический анализ. Во многом актуальными для исследователя взаимоотношений восточных славян с римской курией в III в. остается монография В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» (1968 г.) [17]. Монография «Образование Литовского государства», опубликованная в 1959 г., раскрывает общественно-политический контекст генезиса Великого Княжества Литовского, важный при изучении конфессиональной истории. В данной работе В. Т. Пашуто представляет Великое Княжество Литовское продуктом внутренней эволюции Литвы [18].

Сформированные В. Т. Пашуто концептуальные основы изучения средневековой истории Великого Княжества Литовского господствовали в отечественной исторической науке до конца 80-х гг. XX в. Исследователи этого периода в основном разрабатывали социально-экономическую проблематику, связанную с изучением средневекового города, аграрных отношений, феодализма и т. д. [1, с. 274]. Конфессиональная проблематика была на периферии. Если она затрагивалась, то изучалась в контексте истории классово-вой борьбы, положения крестьян в церковных владениях, развития атеизма. В данной парадигме работал, в частности, белорусский историк Я. Н. Мараш. Он занимался изучением роли Католической церкви в общественной и политической жизни белорусских земель. Исследования Мараша в основном охватывают период с XV по XVIII в. и практически не затронули более ранние события [13].

Историография конца XX в. обозначается методологами истории как период кризиса [1, с. 315]. Этот кризис понимается не как период упадка исторической науки, а как период переосмысления теоретических и методологических основ. В это время интерес к истории христианства начинает возвращаться в академическую среду. Появляется ряд фундаментальных исследований по истории Православной церкви на древнерусских землях в XI–XIV вв., начинается составление многотомной «Православной Энциклопедии» [1, с. 319].

Советский и российский историк Я. Н. Шапов стоял у истоков возвращающегося в конце XX в. интереса к церковной истории. Он занимался изучением взаимодействия православных церковных иерархов и древнерусских князей. В число объектов исследования Я. Н. Шапова входили княжества и епархии белорусских земель [24].

Значительный вклад в изучение христианства на территории Восточной Европы в Средние века внес российский историк-славист Б. Н. Флоря. На страницах своих монографий «У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.)» (2004 г.) и «Исследования по истории церкви: Древнерусское и славянское Средневековье» (2007 г.) он затрагивает в том числе конфессиональную историю белорусских земель в XIII веке в общем восточноевропейском контексте [22].

Историю взаимодействия древнерусских княжеств (в том числе на белорусских землях) с латинской церковью изучает российский исследователь А. В. Назаренко. Важной составляющей его методологии является стремление рассматривать историю древнерусских княжеств неразрывно от истории средневековой Европы и византологии. Исследования А. В. Назаренко отличаются углубленным анализом малоизвестных и введением в историческую науку новых источников [16].

Конфессиональную специфику балто-славянского пограничья в XIII в. затрагивает в своих исследованиях современный российский историк А. С. Кибинь [10].

Важным подспорьем для исследователей конфессиональной истории Беларуси стала публикация обширной хрестоматии «Древняя Русь в свете зарубежных источников» (2009–2010 гг.), подготовленной под редакцией Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. В хрестоматию вошло множество текстов, ранее не опубликованных на русском языке и находящихся в редких и труднодоступных академических изданиях [5].

Не менее важным подспорьем для изучения конфессиональных процессов в Великом княжестве Литовском является хрестоматия «Міндаў, кароль Літвы, у дакумэнтах і сьведчаньнях» (2005 г.), составленная белорусским филологом А. Жлутко. Хрестоматия представляет собой обширное собрание и белорусский перевод латиноязычных текстов, связанных с историей Великого Княжества Литовского в XIII – начале XIV в. [6].

В числе современных белорусских исследователей, изучающих конфессиональную историю XIII в. можно также назвать А. В. Гурко [4], в сферу научных интересов которой входит довольно широкий круг этноконфессиональной проблематики.

Т. Б. Блинова изучает деятельность католических монашеских орденов. В своих исследованиях она в основном обращается к конфессиональной истории Беларуси XVI–XIX вв. [1, с. 319].

И. А. Марзалюк изучает проблематику межконфессиональных отношений на белорусских землях. В сфере его научных интересов лежит также

феномен этноконфессиональных стереотипов, характерных для Беларуси [14]. И. А. Марзалюк является автором учебного пособия по истории религии Беларуси X–XVIII вв.

Изучением историографии истории православия занимаются современные белорусские исследователи В. А. Теплова [20] и Д. В. Карев [9].

В 2006 г. на базе Гродненского госуниверситета имени Янки Купалы научный коллектив под руководством Д. В. Карева анонсировал начало реализации фундаментального историографического проекта «Православная церковь и белорусское общество в X–XXI вв.: государственность, экономика, культура (Историографические и источниковедческие аспекты проблемы)» [8, с. 250].

Современные зарубежные авторы также не обходят стороной конфессиональную историю Великого Княжества Литовского. Польский историк А. Миранович изучает историю Восточного христианства в Польше и на белорусских землях. Часть его исследований посвящена изучению положения и роли Православной церкви на территории Беларуси в XIII в. [25]. Стоит отметить, что А. Миранович не только внес огромный личный вклад в изучение данной проблематики, но и является основателем международной междисциплинарной исследовательской группы, объединяющей историков, культурологов и теологов, изучающих православие в Восточной Европе [26].

Современные польские историки П. Хомчик и М. Лидке также занимаются изучением конфессиональной истории Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Однако в сфере их интересов лежат в основном более поздние периоды истории белорусских земель: XV–XVIII вв. [7, с. 112].

Подводя итоги, отметим, что для белорусских земель «кризисный» XIII век стал важным этапом формирования государственности и социокультурных особенностей. Комплексное осмысление данных процессов невозможно требует обращения к конфессиональной истории.

Конфессиональная история белорусских земель на академическом уровне начинает изучаться с конца XVIII – начала XIX в. Сформированная И. А. Чистовичем «западнорусская» историческая школа занималась в основном изучением православия и униатства на территории Беларуси с XVI в. В XIX в. появляется ряд обобщающих работ по истории христианства, однако широта их повестки не позволяла углубиться в тематические и хронологические частности. Несмотря на апологетический характер этих работ, они оказались ценны для последующих поколений историков так как содержали обширный источниковый базис.

Советская историография в значительно меньшей степени интересовалась конфессиональной проблематикой. История христианства на белорусских землях в III в. лишь частично затронута в трудах советских историков.

Переосмысление в конце XX в. научным сообществом собственных методологических оснований вдохнуло новую жизнь в конфессиональную историографию. Появляется значительное количество исследований по истории христианства на белорусских землях. На сегодняшний день история православной церкви и униатства исследована на довольно высоком уровне. Существует ряд работ, изучающих историю католической церкви, просветительскую деятельность католических монашеских орденов. Менее изученной на сегодняшний день остается конфессиональная проблематика раннего периода генезиса белорусской государственности, в частности, немаловажного для истории Беларуси XIII века.

Список использованных источников

1. *Белазаровіч, В. А.* Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: дапаможнік / В. А. Белазаровіч. – Гродна: ГрДУ, 2006. – 346 с.
2. *Блинова, Т. Б.* Иезуиты в Беларуси (их роль в организации образования и просвещения) / Т. Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 425 с.
3. *Грушевский, М. С.* Історія України-Руси/ М. С. Грушевский. – Нью-Йорк: Книгоспілка, 1954. – Т. 2 (XI–XIII вік). – 633 с.
4. *Гурко, А. У.* Хрысціянскія святы на Беларусі: генезіс, эвалюцыя, асаблівасці: аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук / А. У. Гурко. – Мінск, 2003. – 30 с.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия: в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. – Т. 4: Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко, – 512 с.
6. *Жлутка, А.* Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях / А. Жлутка. – Мінск: Тэхналогія, 2005. – 135 с.
7. *Закржевский, А. Б.* Состояние и перспективы современных польских исследований по истории Великого княжества Литовского / А. Б. Закржевский // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2008. – № 1. – С. 101–113.
8. *Карев, Д. В.* Изучение истории христианской культуры народов ВКЛ в восточнославянских историографиях новейшего времени / Д. В. Карев // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2008. – Вып. 3. – С. 246–254.
9. *Карев, Д. В.* Православная церковь и белорусское общество в Белорусской историографической традиции новейшего времени (1918 г. – начало XX века) / Д. В. Карев, А. А. Змитрукевич, А. Д. Карева // *Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы*. – 2008. – № 3. – С. 61–70. (Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія).
10. *Кибинь, А. С.* От Ятвягии до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках / А. С. Кибинь. – М.: Квадрига, 2014. – 272 с.
11. *Киприанович, Г. Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего времени до настоящего времени / Г. Я. Киприанович. – Вильна: Тип. И. Блюмовича, 1895. – 413 с.

12. *Коялович, М. О.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М. О. Коялович. – СПб.: Тип. 2-го отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1873. – 411 с.
13. *Мараш, Я. Н.* Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795) / Я. Н. Мараш. – Минск: Выш. шк., 1971. – 272 с.
14. *Марзалюк, І. А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стрэзатыпы (X–XVII стст.) / І. А. Марзалюк. – Магілёў: МДУ, 2003. – 322 с.
15. *Мартынюк, А. В.* Кризис Средневековой Руси: книга и стоящая за ней проблема / А. В. Мартынюк // Российские и славянские исследования. – Минск: БГУ, 2016. – Вып. 11. – С. 263–268.
16. *Назаренко, А. В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических отношений IX–XII веков. / А. В. Назаренко. – М.: Языки рус. культуры, 2001. – 784 с.
17. *Пашуто, В. Т.* Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. – М.: Наука, 1968. – 473 с.
18. *Пашуто, В. Т.* Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 533 с.
19. *Рамм, Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. / Б. Я. Рамм. – М. Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 283 с.
20. *Теплова, В. А.* Православная историко-церковная школа Беларуси XIX – начала XX в.: истоки и традиции [Электронный ресурс] / В. А. Теплова // доклады конференции памяти И. В. Оржеховского «Западнорусизм: прошлое и настоящее». – Режим доступа: <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2012-04-11-15-07-21/2012-05-02-16-44-55/626-1-xix-xx.html>. – Дата доступа: 19.10.2020.
21. *Феннел, Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Дж. Феннел. – М.: Прогресс, 1989. – 296 с.
22. *Флоря, Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье / Б. Н. Флоря. – М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007. – 436 с.
23. *Чистович, И. А.* Очерк истории западно-русской церкви / И. А. Чистович. – СПб.: Тип. Деп. Уделов, 1884. – 648 с.
24. *Щапов, Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М.: Наука, 1989. – 232 с.
25. *Mironowicz, A.* The Orthodox Church and Byelorussian people A. Mironowicz. – Białystok, 2001. – 318 p.
26. *Pawluczuk, U. A.* The Professor's Jubilee / U. A. Pawluczuk // Orthodoxy Evrópi. Studia do dziejów Kościoła Prawosławnego w Europie Wschodniej. – Rocznik: Katedry Historii Europy Środkowo-Wschodniej Uniwersytet w Białymstoku, 2019. – S. 121–126.
27. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Tomus Primus* / red. A. Theiner. – Romae: Typ. Vaticanis, 1861. – 832 p.

(Дата подачи: 23.02.2021 г.)

М. Г. Скорб

Белорусский государственный университет, Минск

M. Skorb

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.8:321(436.7+47.07:497.1)

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИЗАЦИИ СЕРБСКОГО КНЯЖЕСТВА В ПОЛИТИКЕ РОССИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ (1868–1873 ГГ.)

THE PROBLEM OF THE SOVEREIGNIZATION OF THE SERBIAN PRINCIPALITY IN THE POLITICS OF RUSSIA AND AUSTRIA-HUNGARY (1868–1873)

В статье на основе дипломатической переписки и мемуарной литературы проанализировано отношение России и Австро-Венгрии к процессу суверенизации Сербского княжества после убийства князя Михаила и до заключения Союза трех императоров. Определены события и явления, составлявшие стержень процесса суверенизации, показано отношение держав к ним. В заключении сделан вывод о влиянии политики России и Австро-Венгрии на ход процесса суверенизации.

Ключевые слова: Сербское княжество; Россия; Австро-Венгрия; Конституция 1869 г.

The article analyzes the attitude of Russia and Austria-Hungary to the process of sovereignization of the Serbian principality after the assassination of Prince Michael and before the conclusion of the Union of the Three Emperors on the basis of diplomatic correspondence and memoirs. The events and phenomena that formed the core of the process of sovereignization are identified, and the attitude of the powers to them is shown. In conclusion, the author draws a conclusion about the influence of the policy of Russia and Austria-Hungary on the course of the process of sovereignization.

Keywords: Serbian Principality; Russia; Austria-Hungary; Constitution of 1869.

29 мая 1868 г. в белградском парке Топчидер произошло событие, которое в очередной раз перевернуло с ног на голову всю политическую действительность не только в Сербии, но и на Балканах в целом. Этим событием стало убийство братьями Павлом и Костой Радовановичами правящего сербского князя Михаила Обреновича III. Убийство князя поставило перед сербским правительством целый ряд задач как во внутренней, так и во внешней политике, большинство из которых требовали немедленного решения. Особо обострились вопросы государственного строительства, поскольку они были тесно связаны с курсом на суверенизацию Сербского княжества, взятым в конце 50-х гг. XIX в. предшественником князя Михаила – Милошем Обреновичем. К тому же сколько-нибудь существенные изменения государственного устройства Сербского княжества не могли остаться не замеченными ве-

ликими державами, как гарантами автономного статуса Сербии в Османской империи. Среди ведущих европейских государств наибольшее влияние на процессы реформирования государственного устройства и суверенизации княжества оказывали Россия и Австрия, как государства наиболее близкие и имевшие в Сербии свои собственные интересы.

Убийство князя в первую очередь поставило вопрос о престолонаследии, поскольку законных наследников у Михаила Обреновича не было. Согласно действующему законодательству, нового князя должна была назначить Порты. Однако для сербских элит такое вмешательство османских властей, означало бы значительное усиление Порты в Сербии, огромным шагом назад в деле суверенизации княжества. К тому же сам Михаил Обренович оставил завещание, в котором назначал приемником своего внучатого племянника Милана Обреновича. В исполнение завещания военный министр Мливое Блазнавац всего через два дня объявил сербским князем 14-летнего Милана Обреновича и привел к присяге размещенные в столице войска. С этого момента началась долгая дипломатическая игра, в которой у каждой державы были свои цели [1, с. 440].

Австро-Венгрия поддержала кандидатуру Милана Обреновича и рекомендовала ее всем государствам-гарантам. Более того, венский двор «настойчиво рекомендовал» Порте не вмешиваться во внутренние дела Сербии [2, с. 57]. Причин для такой позиции Австро-Венгрии был несколько. Во-первых, венское правительство опасалось обострения на Балканах, которое могло привести к восстанию в Османской империи и как следствие войне, что в свою очередь могло значительно ухудшить международное положение габсбургской монархии. В то же время тот факт, что до совершеннолетия Милана Обреновича должен был править регентский совет до известной степени гарантировал, миролюбивую сербскую внешнюю политику. Во-вторых, сам факт наличия регентского совета позволял Австро-Венгрии упрочить свое влияние в регионе и провести в правительство своих сторонников. В-третьих, М. Блазнавац, ставший после смерти князя де-факто главой правительства, был сторонником союза с Австро-Венгрией. Все это в глазах Австро-Венгрии делало Милана Обреновича оптимальной кандидатурой на пост князя.

Россия, в отличие от Австро-Венгрии, не имела единой кандидатуры на сербский престол. В разное время она предлагала то Александра Карагеоргиевича, то черногорского князя Николу, то сербского купца и благотворителя М. Анастасиевича [3, с. 57; 4, с. 109–110]. Путем смены правящей династии российское правительство надеялось упрочить свое влияние в Сербии, которое после Крымской войны было минимальным. Более всего реализации этой цели соответствовала кандидатура черногорского князя Николы, настроенного традиционно пророссийски. К тому же избрание такого амбициозного правителя и объединение Сербии и Черногории под вла-

стью одного князя давала российской дипломатии надежду на восстановление балканского союза, и как следствие, войну на Балканах, через участие в которой Россия еще более могла укрепить свое влияние. Однако недостаток политического влияния и отсутствие поддержки внутри Сербии не позволил российской дипломатии реализовать свои планы.

В начале июля в Белграде состоялась скупщина, на которой были подтверждены полномочия Милана Обреновича. Османской империи, которая долгое время затягивала принятие решения вопроса о должности князя, ничего не оставалось делать, как признать Милана Обреновича и подтвердить решение скупщины. На практике это значило закрепление принципов наследственной монархии и отказ Порты от своего права вмешиваться во внутренние дела Сербии.

Одновременно с подтверждением скупщиной права Милана Обреновича на сербский престол встал вопрос о выборе регентского совета при несовершеннолетнем князе. В условиях, когда крупнейшие европейские государства не только гарантировали автономный статус княжества, но и во многом контролировали изменения его государственного устройства, выбор регентов был не столько внутривнутриполитическим, сколько внешнеполитическим шагом. После событий, последовавших за убийством князя, должность регента еще до скупщины де-факто занял М. Блазнавац. Таким образом, на скупщине реально рассматривался вопрос лишь об избрании двух других консулов. Австро-венгерский консул Б. Калаи в частных беседах с М. Блазнавцем убеждал его в том, что для Сербии является важным создание сильных государственных институтов, что позволило бы уменьшить влияние европейских держав на внутренние дела княжества. Поэтому Б. Калаи предлагал вторым регентом избрать сербского представителя в Константинополе Й. Ристича. Учитывая его либеральные политические взгляды и проевропейскую ориентацию, избрание Й. Ристича также значительно укрепляло позиции Австрии в Сербии. Третьим регентом, в качестве компромиссной фигуры и некоторой уступки России, предлагалось избрать Й. Гавриловича – человека пророссийской ориентации, но малопопулярного и неактивного, чтобы оказывать значительное влияние на политику [3, с. 82].

Российский консул Н. П. Шишкин, не имея прямого влияния на сербские власти, вел пропаганду сербских элит и депутатов скупщины. Он выступал за избрание регентами И. Гарашанина и Й. Мариновича. Оба выступали за проведение Сербией активной внешней политики на Балканах и в перспективе войну с Османской империей [4, с. 113]. Эти действия неизбежно должны были усилить позиции России в регионе. Стремясь не допустить этого, с подачи М. Блазнавца и Б. Калаи стали распространяться слухи о том, что Й. Маринович не только знал о готовящемся заговоре против князя Михаила, но и принял в нем некоторое участие, что бросало тень не

только на него, но и на Россию. Распространения таких слухов оказалось вполне достаточно для того, чтобы кандидатура Й. Мариновича даже не рассматривалась скупщиной, а кандидатура И. Гарашанина не получила поддержки [3, с. 42].

Таким образом, Австро-Венгрия выступала за усиление позиций князя во взаимоотношениях с Портой и, как следствие, усиление позиций сербского государства. Россия, в отличие от империи Габсбургов, выступала за максимально возможное ослабление князя, но не путем передачи его полномочий представительным органам власти, а путем хаотизации политической жизни княжества. Разница в подходах объясняется тем, что Австро-Венгрия, и без того имевшая преимущественное влияние в Сербии и на Балканах не нуждалась в том, чтобы его каким-то образом значительно увеличить. Россия же, наоборот, после убийства князя Михаила утратила остатки своего политического влияния, несколько возросшего после Крымской войны. Именно поэтому Россия стремилась привести к власти пророссийски настроенных политиков.

Практически сразу после скупщины и избрания на ней регентского совета встал вопрос о проведении реформ. Главным идеологом этих реформ был один из членов регентского совета Й. Ристич, являвшийся сторонником идей либерализма и не единожды заявлявший о том, что реформы в Сербии следует проводить в духе «европейских идей». Центральное место в реформах Й. Ристича занимал вопрос разработки и принятия новой конституции.

Европейские государства по-разному относились к принятию новой конституции. Франция и Великобритания не имели определенного мнения по этому вопросу и потому не вмешивались в процесс ее разработки и принятия. В империи Габсбургов, после заключения австро-венгерского соглашения, были разделены не только полномочия министерств и ведомств, но и сферы влияния. Сербия оказалась в сфере влияния венгерской части империи, которая имела в княжестве весьма обширные экономические интересы. В свою очередь венгерские элиты были тесно связаны с Пруссией. Именно поэтому австро-венгерский и прусский консулы в Белграде действовали консолидированными усилиями, несмотря на то, что взаимоотношения между их правительствами зачастую были весьма прохладными [5, с. 120]. Еще один блок союзников в Сербии составляли Россия и Италия. Россия выступала против усиления государственных институтов в княжестве, поскольку это значительно сужало возможности политического маневра. К тому же Россия выступала против превращения Сербии в «славянский Пьемонт» – ядро национально-освободительного движения на Балканах, поскольку это минимизировало ее влияние не только в Сербии, но и во всей Османской империи [6, с. 49]. Молодое Итальянское королевство также выступало против объединения южных славян вокруг Сербии, поскольку само претендовало на целый ряд югославянских земель, а Балканы в целом

рассматривало как рынок сбыта для собственных товаров. Таким образом, общность целей делали Италию и Россию последовательными союзниками по достижению своих целей в Белграде.

Разработка новой конституции началась в декабре 1868 г. в так называемом Свято-Никольском комитете. Уже сам факт начала обсуждения новой конституции вызвал различную реакцию великих держав. Если австро-венгерский представитель в целом приветствовал разработку новой конституции, то российский консул через своих сторонников наоборот, называл начало разработки конституции преждевременным и указывал на факт того, что принятие конституции во время регентства противоречит сербским законам.

Содержание конституции также вызвало ряд противоречий. Большинство споров и противоречий вызвал вопрос о месте в системе органов государственной власти Государственного совета (Сенат). Традиционно этот орган занимал центральное место в системе законодательной и исполнительной власти, что делало его точкой приложения политики великих держав. Однако ко времени разработки и принятия конституции большинство сторонников Австро-Венгрии находились в правительстве и регентском совете, что де-факто делало Государственный совет органом, в котором российская внешняя политика имела наибольшее влияние. Именно это и определяло отношение держав к этому органу власти: если Россия настаивала на расширение или как минимум сохранение его полномочий, то Австро-Венгрия, наоборот, выступала за его ликвидацию. Сербским властям, вынужденным лавировать между интересами России и Австрии, приходилось искать компромисс: Государственный совет был сохранен, но его полномочия были значительно сокращены [7, с. 101].

Еще одним важным аспектом конституции, вызвавшим многочисленные споры, был вопрос о формировании скупщины. Группа профессоров Белградской высшей школы выступила с инициативой всенародного избрания скупщины. Австро-венгерский консул Б. Калаи выступил резко против этого, справедливо полагая, что большинство населения настроено пророссийски и избранная всенародно скупщина вполне может диаметрально изменить внешнеполитическую ориентацию Сербского княжества [8, с. 159]. Н. П. Шишкин прямо не выступал за всенародно избранную скупщину, но после принятия решения о том, что выборы будут проходить на основе имущественного ценза, он направил сербскому правительству ноту, в которой требовал «не бороться с естественными симпатиями сербского народа» [3, с. 129].

Закономерным следствием разности позиций великих держав стали противоречия по вопросу утверждения конституции. Предыдущая сербская конституция была октроирована султаном в 1838 г., поэтому часть сербской элиты, ориентированная на Россию и поддерживаемая российским консулом, полагала, что и новая конституция должна утверждаться султаном [6,

с. 102]. Вместе с тем другая часть сербской элиты полагала, что конституция 1838 г. была принципиально изменена законами 1859–1861 гг., которые не были подтверждены ни Портой, ни государствами-гарантами, и потому новая конституция не нуждается в дополнительном утверждении со стороны Порты. Эту же позицию поддерживала и Австро-Венгрия. Под давлением венского правительства Порты приняла решение не вмешиваться в процесс принятия конституции [9, с. 302].

В целом новая конституция закрепила сложившуюся расстановку сил в княжестве. Фактически Австро-Венгрия в вопросе новой сербской конституции не шла дальше закрепления своего положения, тогда как Россия стремилась всеми способами сохранить и нарастить свое влияние в регионе. Для реализации этой цели российская дипломатия готова была пойти на усиление Османской империи и ее вмешательство во внутренние дела Сербии, верно полагая что такое вмешательство породит конфликты между Белградом и Константинополем. При разрешении которых Россия сможет выступать посредником и тем самым усилить свое влияние на Балканах.

Важным вопросом сербско-российских и сербско-австрийских взаимоотношений был боснийский вопрос. Еще с середины 60-х гг. XIX в. князь Михаил выдвинул идею передачи Боснии и Герцеговины под контроль Сербии, взамен Сербия должна была выплачивать Порте дополнительный налог [10, с. 265].

Австро-венгерская позиция по данному вопросу не была однородной. Так называемая «австрийская» партия, представленная в основном австрийским генералитетом, выступавшим за расширение территории империи, настаивала на присоединении Боснии и Герцеговины к империи Габсбургов. Венгерские либералы и буржуазия выступали за передачу Боснии и Герцеговины Сербии по причине того, что присоединение еще одной славянской провинции к империи Габсбургов создавало угрозу владычеству Венгрии в Хорватии. При этом «венгерская» партия, возглавляемая Д. Андраши, настаивала на исключительно мирной передаче Боснии и Герцеговины [5, с. 180]. Австро-венгерская позиция стала более консолидированной после того, как в 1871 г. лидер «венгерской» партии премьер-министр Венгрии Д. Андраши занял пост министра иностранных дел. Возглавив австро-венгерскую дипломатию, он пошел на уступки и согласился на оккупацию Боснии и Герцеговины, но вплоть до 1878 г. боснийская политика Австро-Венгрии отличалась двойственностью целей [11, р. 99].

Политика России в боснийском вопросе была более однозначной. Россия, руководствуясь принципом невмешательства во внутренние дела Османской империи, отрицательно относилась как к планам Австрии, так и к планам Сербии по присоединению Боснии. Когда осенью 1869 г. сербское правительство пожелало узнать отношение России к их переговорам с Д. Андраши о передаче Боснии, в здании на Певческом мосту ответили,

что для Сербии это будет крайне нежелательно, поскольку свяжет Сербию и Порту дополнительными обязательствами. [12, с. 136–138; 13, с. 137]. Более того, сами регенты считали маловероятным, что в Стамбуле добровольно согласятся передать Сербии Боснию и связывали возможную передачу лишь с всеобщим антитурецким восстанием на Балканах. В частных беседах с регентами российский консул не только не подтверждал этот тезис, но и указывал на то, что полная независимость Сербии возможна только в ходе большой войны, в которой Порте потерпит поражение и нанести ей это поражение может только Россия [3, с. 260].

Активное соперничество за влияние между Россией и Австро-Венгрией в Сербии в целом завершилось после встречи Франца Иосифа и Александра II в Вене летом 1873 г. и заключением первой части из комплекса договоров составлявших «Союз трех императоров». Во второй половине 70-х гг. XIX в. Россия и Австро-Венгрия не только прекратили соперничество, но и согласовывали свою политику в отношении Сербии и в целом в Восточном вопросе.

Процесс постепенной суверенизации Сербского княжества в конце 60 – начале 70-х гг. XIX в. инициировался и осуществлялся сербскими властями, но испытывал на себе значительное влияние политики европейских государств, в первую очередь, России и Австро-Венгрии. Несмотря на то, что обе державы в своей политике исходили из одинаковых целей: усиление своего влияния в Сербии, их методы были принципиально различны. Австро-Венгрия, имевшая больший экономический потенциал, могла рассчитывать на усиление своего политического влияния через экономическое, поэтому Габсбургская монархия выступала за укрепление политических институтов, способствовавших устойчивому развитию княжества. В свою очередь Россия, не имевшая в Сербии и на Балканах значительного экономического влияния, не могла рассчитывать на его конвертацию в политическое влияние. Тем самым она вынуждена была приобретать его за счет разного рода политических акций и мероприятий дестабилизировавших политическую обстановку в регионе. Таким образом, австро-венгерская политика явилась стабилизирующим фактором в развитии сербской государственности, но при этом она не предусматривала создание полностью независимого сербского княжества. Однако укрепление государственных институтов и недопущение вмешательства Порты во внутренние дела Сербии, такие как избрание князя и принятие конституции де-факто, приводили к созданию независимого Сербского княжества, связанного с Османской империей лишь выплатой дани. В то же время Россия дестабилизировала политическую обстановку внутри княжества, что неизбежно приводило к усилению позиций Порты в княжестве. При этом лишь Россия рассматривала возможность создания полностью независимого сербского государства.

Список использованных источников

1. *Јовановић, С.* Друга влада Милоша и Михаила / С. Јовановић. – Београд: Издавачка књижица Геца Кона, 1933. – 502 с.
2. *Bridge, F. R.* From Sadowa to Sarajevo: the foreign policy of Austria-Hungary, 1866–1914 / F. R. Bridge. – London: Routledge and K. Paul.– 1972. – 480 p.
3. Дневник Бењамина Калаја, 1868-1875 / приред. А. Раденић. – Београд: Службени гласник, 2002. – 887 с.
4. *Груић, Ј.* Записи Јеврема Грујића. Књига 3: Друга влада Обреновића и турски ратови / Ј. Груић. – Београд: Скерлић, 1923. – 377 с.
5. *Медяков, А. С.* Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871) / А. С. Медяков. – М.: Русское слово, 2010. – 638 с.
6. *Рајић, С.* «Спољна политика Србије» између очекивања и реалности 1868–1878 / С. Рајић. – Београд: Српска књижевна задруга, 2015. – 562 с.
7. Устав за Књажество Србију од 29 јуна 1869 године // Устави Кнежевине и Краљевине Србије 1835–903 / приредио Д. Јевтић. – Београд: Научна књига, 1988. – С. 91–124.
8. *Медяков, А. С.* Югославянская политика Андраши (1867–1871 гг.) / А. С. Медяков // Центральная Европа в новое и новейшее время: отв. ред. А.С. Стыкалин. – М.: И-нт славяноведения, 1998. – С. 152–174.
9. Дипломатско представништво Србије у Цариграду. Том II: 1859–1878: зб. докумената приредио М. Перишић. – Београд: Архив Србије, 2015. – 593 с.
10. *Медяков, А. С.* Проблема Боснии и Герцеговины во внешней политике монархии Габсбургов в первые годы дуализма 1867–1871 гг. / А. С. Медяков // Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В. И. Фрейдзона / отв. ред. С. А. Романенко. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 264–279.
11. *Decsy, J.* Prime Minister Gyula Andrassy's influence on Habsburg foreign policy: during the Franco-German War of 1870–1871 / J. Decsy. – N. Y.: East Europ. quart., 1979. – 177 p.
12. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия: сб. документов / сост. Д. Ф. Поплыко [и др.]. – М.: Наука, 1985. – 495 с.
13. *Хевролина, В. М.* Босния и Герцеговина в Балканской политике России (1865–1874 гг.) / В. М. Хевролина // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия: сб. научн. ст. редкол.: Ю. А. Писарев [и др.]. – М.: И-нт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – С. 129–141.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

К. В. Стволыгин

Белорусский государственный университет, Минск

K. Stvolyygin

Belarusian State University, Minsk

УДК 355212.3(470)

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПАЦИФИСТЫ

V. D. BONCH-BRUEVICH AND RELIGIOUS PACIFISTS

В статье освещаются основные результаты исследования отношения В. Д. Бонч-Бруевича к религиозному пацифизму и его адептам. Поддержка религиозных пацифистов в первые годы существования Советского государства В. Д. Бонч-Бруевичем, лоббирование их интересов в советском правительстве привели к закату его политической карьеры.

Ключевые слова: религиозный пацифизм; сектанты; В. Д. Бонч-Бруевич; В. И. Ленин; освобождение от воинской повинности.

The article highlights the main results of the study of V.D. Bonch-Bruevich's attitude to religious pacifism and its adherents. Support for religious pacifists in the first years of the Soviet state by V. D. Bonch-Bruevich, lobbying their interests in the Soviet government led to the decline of his political career.

Keywords: religious pacifism, sectarians, V. D. Bonch-Bruevich, V. I. Lenin, exemption from military service.

Характерной чертой развития современной отечественной исторической науки является обращение к персоналиям, которые внесли значительный вклад в развитие нашего государства, но при этом по идеологическим мотивам в советское время оказались, если не вычеркнутыми из истории, то задвинутыми на ее задворки, например, В. Г. Чертков (подробнее см. [1]). В лучшем случае сведения о таких персоналиях носят однобокий характер, отражая только то, что не противоречило официальной версии советской исторической науки. К таким персоналиям следует отнести и Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича (1873–1955).

В. Д. Бонч-Бруевич был не только видным советским партийным и государственным деятелем, этнографом, публицистом, но и ближайшим помощником, фактическим секретарем В. И. Ленина, безусловно преданным ему человеком. В современной литературе В. Д. Бонч-Бруевича нередко, и вполне заслуженно, называют «серым кардиналом». Однако политическая карьера В. Д. Бонч-Бруевича, берущая начало с 1892 г., внезапно заканчивается в 1920 г. В источниках советского периода отечественной истории этот крутой поворот в судьбе В. Д. Бонч-Бруевича и его следствие в большинстве случаев сформулирован кратко – с 1921 г. на научной работе [2, с. 71]. На самом деле исключительно научной работой В. Д. Бонч-Бруевич стал зани-

маться только с 1929 г., а до этого он возглавлял совхоз «Лесные поляны». То обстоятельство, что данный совхоз снабжал продовольствием тогдашнее высшее партийное и советское руководство, мало что меняет. Если экстраполировать такой поворот в судьбе В. Д. Бонч-Бруевича на современные реалии, то это равноценно перемещению с должности управляющего делами президента страны на должность руководителя совхоза.

К основным причинам свержения В. Д. Бонч-Бруевич с советского политического Олимпа следует отнести его положительное отношение к религиозному пацифизму и его адептам, лоббирование их интересов в Советском правительстве. Попытка обосновать это утверждение и является целью данной статьи.

Революционную деятельность В. Д. Бонч-Бруевич начал в 19 лет, когда вошел в «Московский рабочий союз» и активно включился в решение вопросов по изданию и распространению нелегальной литературы.

Первая встреча В. Д. Бонч-Бруевича с В. И. Лениным произошла в январе 1894 г. Тогда В. И. Ленин поручил В. Д. Бонч-Бруевичу создать нелегальную мастерскую по изготовлению mimeографов для снабжения ими социал-демократических организаций разных городов России. В. Д. Бонч-Бруевич блестяще справился с этой задачей. В 1896 г. он эмигрировал в Швейцарию, где организовывал успешную пересылку в Россию революционной литературы и полиграфического оборудования.

Сближение В. Д. Бонч-Бруевича с В. И. Лениным продолжилось в апреле 1917 г. Тогда В. Д. Бонч-Бруевич оказал В. И. Ленину значимую поддержку, опубликовав в «Известиях» передовую статью «Чего они хотят?». Статья была направлена против сторонников Временного правительства, обвинявших В. И. Ленина и его соратников в предательстве. Значимость этой статьи для В. И. Ленина подтверждается написанной им благодарственной запиской В. Д. Бонч-Бруевичу. В последующем В. Д. Бонч-Бруевич организует издание одного из фундаментальных теоретических трудов Ленина – книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». Это действие также не могло остаться незамеченным В. И. Лениным.

В своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич описывает обстоятельство, которое свидетельствует об уровне близости его и В. И. Ленина. После Октябрьской революции В. И. Ленин жил на квартире у В. Д. Бонч-Бруевича несколько недель. Именно в это время В. И. Ленин предложил В. Д. Бонч-Бруевичу возглавить аппарат управления внутри Совета Народных Комиссаров (СНК). Уровень полномочий В. Д. Бонч-Бруевича и его близость к В. И. Ленину становятся очевидной из следующей ленинской фразы, приводимой В. Д. Бонч-Бруевичем: «Необходимо создать мощный аппарат управления делами Совета Народных Комиссаров. Берите это все в свои руки и имейте со мной постоянное непосредственное общение, так как многое предстоит решать немедленно даже без доклада Совнаркому».

и сношения с отдельными народными комиссарами» [3, с. 131]. Вся последующая работа Советского правительства до конца 1920 г. говорит о том, что этот ленинский замысел неукоснительно реализовывался на практике. Подтверждением тому служит тот факт, что с 1917 по 1920 г. все издаваемые Советом Народных Комиссаров документы неизменно выходили за двумя подписями – В. И. Ленина и В. Д. Бонч-Бруевича.

Период с осени 1917 и до конца 1920 г. был периодом, когда В. Д. Бонч-Бруевич максимально сблизился с В. И. Лениным в рамках государственной деятельности. Если и именовать В. Д. Бонч-Бруевича «серым кардиналом», то такой статус имеет место именно в этот период его деятельности. Рассматривая вопрос о значимости В. Д. Бонч-Бруевича лично для В. И. Ленина нельзя оставить за пределами внимания и следующие факты. В. Д. Бонч-Бруевич создал для Ленина службу личной безопасности и службу личной правительственной связи, его медицинским обслуживанием изначально занялась жена В. Д. Бонч-Бруевича – Вера Михайловна Величкина.

Как отмечалось выше, начиная с 1921 г., несмотря все свои очевидные заслуги перед коммунистической партией, молодым Советским государством и лично В. И. Лениным, В. Д. Бонч-Бруевич лишился своего поста и оказался полностью изолированным от участия в государственном управлении. В значительной мере это стало следствием положительного отношение В. Д. Бонч-Бруевича к религиозному пацифизму и его адептам, лоббирование их интересов в Советском правительстве. Рассматривая эту сторону деятельности В. Д. Бонч-Бруевича, следует отметить то обстоятельство, что он был общепризнанным знатоком религиозного сектантства и занимался его изучением, начиная с конца XIX в. В. Д. Бонч-Бруевич являлся автором многочисленных научно-исследовательских работ о сектантстве. Так, только с 1908 г. и до Февральской революции В. Д. Бонч-Бруевич опубликовал шесть томов «Материалов по истории религиозно-общественных движений в России».

В. И. Ленин неоднократно обсуждал тему сектантства с В. Д. Бонч-Бруевичем. Еще до октября 1917 г. религиозное сектантство и все, что с ним было связано, привлекло к себе внимание со стороны российской социал-демократической партии. Интерес к сектантству возник в ходе поисков союзников пролетариата. Сектанты привлекли большевиков не только своим социальным составом и численностью, но и ярко выраженными оппозиционными настроениями по отношению к царскому правительству, существующему общественному строю, духовенству. В своей статье «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.) В. И. Ленин характеризует религиозных сектантов как стоящие рядом с пролетариатом в демократической и политической борьбе оппозиционные элементы, враждебные абсолютизму и ведущие против него борьбу в тех или иных формах [4, с. 452]. Вплоть до 1917 г. партия большевиков во главе с В. И. Лениным выступала как после-

довательный и принципиальный обвинитель царизма за его преследования сектантов и добивалась свободы их вероисповеданий. Представители различных религиозных сект в царской России, в свою очередь, видели в лице социал-демократической партии союзника в борьбе за свою веру.

Сразу после Октябрьской революции взаимоотношения партии большевиков и религиозного сектантства особых изменений не претерпели. Сектанты рассчитывали, что Советская власть должна дать им землю, подлинную свободу исповедовать свою религию, избавить от гонений. Первые послереволюционные мероприятия партии большевиков и Советского правительства оправдывали надежды сектантов. Например, декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. запретил стеснять и ограничивать свободу совести, предоставил право каждому гражданину исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отменил всякие праволишения, связанные с исповедованием какой бы то ни было веры. Примечательно, что в этот декрет В. И. Ленин лично внес поправку, которая заложила идею замены службы в войсках другой государственной повинностью для тех граждан, чьи религиозные убеждения не позволяли брать в руки оружие. Основываясь на свидетельствах В. Д. Бонч-Бруевича, можно сделать следующий вывод – ленинская поправка к декрету была вызвана именно отрицательным отношением части религиозного сектантства к такой гражданской обязанности, как военная служба.

4 января 1919 г. на заседании СНК был принят декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Этот декрет закреплял за сектантами право проходить вместо военной службы службу альтернативную. Особо отметим, что В. И. Ленин в ответ на пожелания представителей религиозного сектантства, лично внес в текст декрета дополнение, предусматривающее, пускай и в виде исключения, освобождение по религиозным убеждениям от воинской повинности без какой-либо замены ее другой гражданской обязанностью.

Судя по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, окончательное принятие декрета СНК не было простой формальностью. Проект декрета на заседании СНК представлял сам В. И. Ленин. Ему пришлось отстаивать необходимость принятия декрета, а также свое дополнение, как бы противоречащее принятым ранее документам об отбывании воинской повинности. Доводы, приводимые В. И. Лениным в защиту декрета говорят о том, что В. И. Ленин был уверен: во-первых, в малочисленности отказов от военной службы вследствие религиозных убеждений; во-вторых, в том, что люди, отказывающиеся от воинской повинности по религиозным убеждениям, в случае их призыва в армию станут в ней чуждым и явно мешающим элементом; в-третьих, декрет недолговечен, он нужен, главным образом, для тех религиозных сектантов, которые пострадали за свои антивоенные убеждения при царизме. Предполагаемую недолговечность декрета В. И. Ленин связывал с

тем, что отказы брать в руки оружие порождены реакционным характером армии царской России, выполнением ею внутренних функций. По мнению В. И. Ленина, Красная Армия предназначалась лишь для защиты от интервентов и белогвардейцев. Поэтому служба в ней должна была стать популярным делом. Следовательно, приводящие к отказам от военной службы убеждения начнут тускнеть, число их носителей сократится [5, с. 194–195].

В. Булгаков в своей работе «Как умирают за веру» рассматривает В. Д. Бонч-Бруевича как посредника между центральной Советской властью, в частности В. И. Лениным, с одной стороны, и представителями религиозного сектантства – с другой. При этом В. Булгаков высказывает мнение о том, что появление декрета СНК, узаконившего освобождение сектантов от военной службы, прежде всего, заслуга В. Д. Бонч-Бруевича [6, с. 11].

Таким образом, личное отношение В. И. Ленина к религиозному сектантству, его позиция в отношении предоставления им существенной льготы в виде освобождения от военной службы в разгар Гражданской войны во многом складывались под влиянием В. Д. Бонч-Бруевича. На начало 1919 г. В. И. Ленин разделял его позитивное отношение к религиозному сектантству. Подтверждением этому служит тот факт, что по указанию В. И. Ленина комиссию по разработке декрета «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» возглавил именно В. Д. Бонч-Бруевич не только как управляющий делами СНК, но и как специалист по религиозному сектантству, а самое главное, как единомышленник В.И. Ленина в этом вопросе.

События последующих двух лет после принятия декрета СНК от 4 января 1919 г. привели к существенной коррекции позиции В. И. Ленина в отношении религиозного сектантства и фактически лоббировавшего их интересы В. Д. Бонч-Бруевича. Прогноз В. И. Ленина, сформировавшийся во многом под влиянием В. Д. Бонч-Бруевича о малочисленности отказов от военной службы вследствие религиозных убеждений и, соответственно, о недолговечности декрета СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», не оправдался. По оценке советского исследователя А. И. Клибанова максимальное число отказывающихся служить в Красной Армии граждан, чьи религиозные убеждения подвергались экспертизе Объединенного Совета религиозных общин и групп в годы Гражданской войны, составляло, примерно, 40 тысяч человек [5, с. 203].

На изменение отношения В. И. Ленина к религиозному сектантству и декрету СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» существенное влияние оказали действия Наркомата Юстиции. Представители этого ведомства утверждали, что дезертиры, представлявшие собой значимую угрозу для Советского государства, используют декрет СНК от 4 января 1919 г. в своих корыстных целях и избегают суровой кары за воинские преступления.

14 декабря 1920 г. СНК было принято постановление (декрет) об изменениях и дополнениях декрета СНК от 4 января 1919 г. «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Поводом для принятия этого постановления стало обращение 10 ноября 1920 г. председателя Объединенного Совета религиозных общин и групп В. Г. Чертова к В. И. Ленину с жалобой на нарушение советскими органами декрета от 4 января 1919 г. [5, с. 202]. Однако, несмотря на это обстоятельство, а также на то, что комиссия, назначенная для подготовки постановления СНК с изменениями и дополнениями декрета от 4 января 1919 г., должна была разрешить конфликт между Наркоматом Юстиции и Объединенным Советом религиозных общин и групп, в состав комиссии не вошел ни один представитель религиозного сектантства. При этом в комиссию не был включен и В. Д. Бонч-Бруевич, признаваемый как В. И. Лениным, так и членами Объединенного Совета знатоком религиозного сектантства в России. В комиссию также не попал ни один из других разработчиков декрета СНК от 4 января 1919 г., назначенных в свое время лично В. И. Лениным.

В состав комиссии, призванной изменить и дополнить порядок освобождения от воинской повинности по религиозным убеждениям, вошли: М. Н. Покровский – заместитель наркома просвещения РСФСР (председатель комиссии), В. А. Аванесов (Мартirosов) – заместитель начальника особого отдела ВЧК (отдел по борьбе с контрреволюционными элементами в Красной Армии), М. Ф. Владимирский – заместитель Наркома внутренних дел РСФСР. По образованию М. Н. Покровский был историком (по воззрениям – историком-марксистом), а В. А. Аванесов и М. Ф. Владимирский – медиками. В изученных автором источниках нет сведений о том, что кто-либо из них может быть отнесен к разряду специалистов в области религиозного сектантства. Зато все члены комиссии были убежденными коммунистами, а В. А. Аванесов и М. Ф. Владимирский, с учетом занимаемых ими должностей, скорее были ориентированы на бескомпромиссную борьбу с сектантами, в которых видели контрреволюционеров. Другими словами, при создании новой комиссии о какой-либо преемственности речь не шла. Отметим при этом, что явных препятствий для включения в состав комиссии В. Д. Бонч-Бруевич как наиболее компетентного представителя советских властных структур в вопросах религиозного сектантства не было.

Представляется вполне логичным предположить, что при назначении новой комиссии по подготовке постановления СНК с изменениями и дополнениями декрета от 4 января 1919 г. В. И. Ленин отступил от принципа преемственности, радикально обновил состав данной комиссии в связи с тем, что он не был удовлетворен результатами практического применения декрета СНК от 4 января 1919 г., разочарован в подходах членов комиссии, подготовивших этот декрет, и в первую очередь в позиции В. Д. Бонч-Бруевича. Содержание изменений и дополнений декрета СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», принятые 14 декабря

1920 г., не оставляют сомнений в том, что В. И. Ленин встал на позицию Наркомата Юстиции, стремящегося максимально ограничить практику освобождения от военной службы по религиозным убеждениям.

Начиная с октября 1920 г. В. Д. Бонч-Бруевич перестает занимать пост управляющего делами СНК и становится (вплоть до 1929 г.) организатором и руководителем опытного совхоза «Лесные поляны» под Москвой, совмещающая эту должность с ведением научной работы. В современных источниках отставку В. Д. Бонч-Бруевича некоторые исследователи связывают с действиями представителей оппозиционных В. И. Ленину сил, в частности с Л. Д. Троцким. Действительно, в рассматриваемый период (1920 г.) можно предположить, что кому-то из государственных или партийных деятелей удалось убедить В. И. Ленина изменить свое отношение к сложившейся практике освобождения от военной службы по религиозным убеждениям, к религиозному сектантству в целом. При этом вряд ли кому-либо удалось бы принудить В. И. Ленина вопреки его воле к отставке В. Д. Бонч-Бруевича, полностью преданного лично ему соратника. В. И. Ленин в 1920 г. был вполне адекватен и обладал если не абсолютной властью в молодом Советском государстве, то огромным авторитетом среди соратников и существенными полномочиями.

Таким образом, В. Д. Бонч-Бруевич был не только видным советским партийным и государственным деятелем, ученым, но и ближайшим преданным соратником В. И. Ленина. Однако положительное отношение В. Д. Бонч-Бруевича к религиозному пацифизму и его адептам, лоббирование их интересов в Советском правительстве привели к его отставке со всех государственных постов. Эта отставка В. Д. Бонч-Бруевича если и не была инициирована В. И. Лениным, то никак не противоречила его воле.

Список использованных источников

1. *Стволыгин, К. В.* Пацифизм В. Г. Чертоква / К. В. Стволыгин // Международные научно-практические Петербургские чтения. Русский мир: пути цивилизационных взаимодействий: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (15–17 нояб. 2018 г.): в 3 ч.: сб. ст. – ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», Высшая школа технологии и энергетики. – СПб.: 2019. – Ч. III. – С. 55–63.
2. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 720 с.
3. *Бонч-Бруевич, В. Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. (Воспоминания о Ленине) / В. Д. Бонч-Бруевич. – М.: Федерация, 1930. – 412 с.
4. *Ленин, В. И.* Задачи русских социал-демократов / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 433; *Клибанов, А. И.* Религиозное сектантство и современность (Социологические и исторические очерки) / А. И. Клибанов. – М.: Наука, 1969. – 272 с.
5. *Булгаков, В. Ф.* Как умирают за веру / В.Ф. Булгаков. – Париж: [б. и.], 1929]. – С. 188-223.

(Дата подачи: 01.02.2021 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Малишевский Н. Н., Кузьмич М. К.</i> КТО БЫЛ КОМАНДИРОМ ПИНСКО-ВОЛЫНСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО БАТАЛЬОНА	3
<i>Мамайко И. А.</i> БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА СОВЕТСКОЙ ОСНОВЕ	8
<i>Масейчук Л. I.</i> ВЫКАРЫСТААННЕ ЛЕКЦЫЙНАГА МЕТАДУ ВЫКЛАДААННЯ Ё БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ (1920–1930-Я ГГ.)	16
<i>Мастыка А. I.</i> БЕЛАРУСАЗНАЎСТВА ВА ЁНІВЕРСІТЭЦЕ СТЭФАНА БАТОРЫЯ Ё ВІЛЬНІ (1919–1939)	22
<i>Маханько Ю. В.</i> РЕВИЗИОНИСТСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ БРИТАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ	30
<i>Мелеховец В. Ф.</i> ПРОБЛЕМА ГЛУХИХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.	38
<i>Мигун Д. А.</i> СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ЭКСПОРТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 20–30-Х ГГ. И БЕЛАРУСЬ	56
<i>Мікалаева Л. В.</i> РАЗГЛЯД СТАСУНКАЎ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА З КАРАЛЕЎСТВАМ ПОЛЬСКІМ У КАНЦЫ XIV – СЯРЭДЗІНЕ XVI СТ. У ПОЛЬСКОЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX – ПАЧАТКУ XXI СТ.	68
<i>Морозов Д. В., Мох Е. Н.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО ЛАГЕРЯ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ШТАЛАГ-352 В ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	77
<i>Мох Е. Н.</i> ЛАГЕРЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944 ГГ.): ЦЕНТРЫ ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ.....	85
<i>Настусевич В. И.</i> КАТОЛИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ В ИСПАНИИ: ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ	93
<i>Настусевич С. В.</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИКИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПОНЯТИЯ, ФОРМЫ, СОДЕРЖАНИЕ.....	100

<i>Некрашевич Ф. А.</i> РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ КАК НАКАЗАНИЕ В БОРЬБЕ С БРОДЯЖНИЧЕСТВОМ НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1856 ГГ.).....	107
<i>Нечипуренко И. С.</i> БЕЗРАБОТИЦА В БССР В ГОДЫ НЭПА	114
<i>Огородников А. А.</i> ПОЛОЦК В 1944–1954 ГОДАХ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА.....	122
<i>Олейник В. В.</i> ОСМЫСЛЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ГЕНЕРАЛА П. О. БОБРОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ.....	133
<i>Острога В. М.</i> ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ УЧИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ.....	140
<i>Перзашкевич О. В.</i> К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕИНДИЙСКОМ ВЛИЯНИИ НА ИРАНСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДАСТАН (НА ПРИМЕРЕ ДАСТАНОВ «ХОСРОВ И ШИРИН» И «ЛЕЙЛИ И МАДЖНУН»)	150
<i>Платонов К. А.</i> СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА О ВОЕННОМ ПОХОДЕ В ЗАПАДНУЮ БЕЛАРУСЬ В 1939 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ»).....	155
<i>Полетаева Н. И.</i> АРЕНДА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ БССР И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В 1920-Е ГГ.	162
<i>Приборович А. А.</i> ПЕРЕПИСЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР 1923 Г.: ОРГАНИЗАЦИЯ И ИТОГИ	170
<i>Пруднікаў А. А.</i> ФАРМІРАВАННЕ СЕТКІ МЯСТЭЧАК КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ў XIV–XVIII СТСТ.....	177
<i>Пятрэнка Н. А.</i> ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ АСНОЎНЫХ ПАКАЗЧЫКАЎ РАЗВІЦЦА САЦЫЯЛЬНАЙ ІНФРАСТРУКТУРЫ Г. ВІЦЕБСКА ў 1941 І 1944 ГГ.	187
<i>Раемский Ю. А.</i> ВЕТКА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ ЛИТЕРНЫХ ПОЕЗДОВ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II В МОГИЛЕВЕ	193
<i>Раяк А. Р.</i> УЗНІКНЕННЕ І ЗАНЯПАД КРАЁВАЙ ПАРТЫІ ЛІТВЫ І БЕЛАРУСІ (1907–1908)	201

<i>Рудаковский Н. К., Макаренко Е. А.</i> ФОНДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	209
<i>Рыжко Т. И.</i> ЖИЗНЬ ПРИХОДСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ОТРАЖЕНИИ «МИНСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»	221
<i>Саватеева Д. В.</i> КОНЦЕПЦИЯ ХАРЦА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ФРГ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОАЛИЦИИ Г. ШРЁДЕРА	228
<i>Самосюк Т. В.</i> ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XXI В. И МЕХАНИЗМ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ	235
<i>Самусік А. Ф.</i> СТАНОВІШЧА АДУКАЦЫЙНАЙ СПРАВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ 1640-Х – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1650-Х ГАДОЎ	244
<i>Саракавік І. А.</i> СТАНАЎЛЕННЕ І АРГАНІЗАЦЫЯ ІНСТЫТУТА КРЫМІНАЛІСТЫКІ І СУДОВАЙ ЭКСПЕРТЫЗЫ Ў БЕЛАРУСІ Ў 1920–1930-Я ГГ.	252
<i>Свилас С. Ф., Слепцова В. М.</i> О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРУКТУРЫ «ООН-ЖЕНЩИНЫ» (2010–2020 ГГ.)	260
<i>Семенова Л. Н.</i> ОТ РЕМЕСЛЕННЫХ ЦЕХОВ К ЦЕХОВЫМ ПРОФСОЮЗАМ	268
<i>Сенько А. И.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	276
<i>Сердюк Б. В.</i> КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ XIII ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	284
<i>Скорб М. Г.</i> ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИЗАЦИИ СЕРБСКОГО КНЯЖЕСТВА В ПОЛИТИКЕ РОССИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ (1868–1873 ГГ.)	292
<i>Стволыгин К. В. В. Д.</i> БОНЧ-БРУЕВИЧ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПАЦИФИСТЫ	300

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 21

В четырех частях

Часть 2

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Редактор *Н. В. Боярова*

Компьютерная верстка *Н. М. Лазар*

Подписано в печать 20.08.2021. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 18,1. Уч.-изд. л. 23,7. Тираж 100 экз. Заказ 58.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.